

Содержание**ТЕОРИИ, КОНЦЕПЦИИ, ДИСКУССИИ**

- Кириченко О. В.
Русская земля, Отечество, Святая Русь, Родина как обозначения этнического пространства русских. 3

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Чугреева Н. Н.
Святыня Приуральского края. О Табынском образе Богоматери и его списках. 53
- Блохина Н. Н.
Игуменья Митрофания — созидательница образцовых российских епархиальных общин сестер милосердия (1860–1870-е годы). 62
- Новосельский П. И.
Судьба сельского священника Николая Владимировича Новосельского (1892–1938) в канве повседневной жизни духовного сословия Владимирской земли 96
- Каширина В. В.
Кельи святителя Феофана, затворника Вышенского, по воспоминаниям современников 128
- Винников Б. М.
Церковь Спаса Преображения в селе Остров — храм-памятник избавления Москвы от нашествия Мухаммед-Гирея в 1521 году 140

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

- Новосельский П. И.
Письма в с. Скоморохово Александровского у. Владимирской губ. 153

РЕЦЕНЦИИ, АННОТАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

- Кириченко О. В.
Рецензия на книгу Н.К. Чернышевой «Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805–1919 гг.). Новосибирск, 2009. — 536 с. 172
- Шляхтина Н. В.
Рецензия на монографию Т. А. Ворониной «Русский православный пост: от первых установлений к современной практике. М.: Современные тетради, 2011. — 336 с. 176
- Памятное слово архиепископа Истринского Арсения, сказанное им на отпевании чл.-корр. РАН Ярослава Николаевича Щапова 179

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российская академия наук

На 1 стр. обложки:

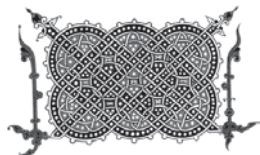
На могиле священников Флоринских и Новосельских в ограде Скомороховской церкви. Мария Ивановна Соколова (Новосельская), Елизавета Ивановна Новосельская. Дочери Марии Ивановны Варвара и Вера. Фото 1914 г. Из архива Н. В. Лисицына.

На 4 стр. обложки:

Святой источник «прощенный колодец» — один из многих на Куликовом поле. Тульская обл. Фото Г. Н. Мелеховой.

Учредитель	
Коллектив редакции	Макетирование и верстка ООО «Бригг Лайн» Тел.: 8 (495) 617-60-32 www.pepe.su
Редколлегия	
О. В. Кириченко, <i>доктор исторических наук</i> главный редактор Г. А. Романов, <i>кандидат исторических наук</i> заместитель главного редактора М. М. Громыко, <i>доктор исторических наук</i> А. И. Юренко, <i>кандидат исторических наук</i>	Адрес редакции 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а, комн. 1913 Тел.: 8 (495) 938-52-93 E-mail: schljachtina@mail.ru
Редакция	
Г.И. Эрли редактор-корректор Н. В. Шляхтина секретарь	
Эксперты	
И. И. Калиганов, <i>доктор филологических наук</i> Ю. А. Лабынцев, <i>доктор филологических наук</i> В. М. Меньшиков, <i>доктор педагогических наук</i> Г. Н. Чагин, <i>доктор исторических наук</i>	М. А. Некрасова, <i>академик РАН,</i> <i>доктор искусствоведческих наук</i> Игумен Филипп (Симонов), <i>доктор экономических наук</i> Н. Т. Энеева, <i>кандидат искусствоведческих наук</i>
Свидетельство о регистрации Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации ПИ № 77-17325 от 6 февраля 2004 г.	
Тираж 900 экз.	
При перепечатке ссылка на журнал «Традиции и современность» обязательна	

ТЕОРИИ, КОНЦЕПЦИИ, ДИСКУССИИ

О. В. Кириченко

Русская земля, Отечество, Святая Русь, Родина как обозначения этнического пространства русских¹

Общая постановка вопроса

Этничность — это сила, которая формирует этническое бытие, сам этнос как особого рода социум, этнический конгломерат людей². В этом смысле этнос есть сопряженный определенным силовым векторам социальный организм. Выход на этнический уровень бытия начинается тогда, когда у социальной общности появляется понимание своего *места* на земле и существует особое коллективное «*этническое отношение*» к иным самобытным сообществам. «Место» характеризуется двумя территориальными этническими характеристиками: макроуровень дает понятие «земля—отечество» (в русской традиции), а микроуровень — понятие «родина». «Отношение к иным» рождается и живет в ином измерении. Его питают 1) язык, 2) антропологический тип 3) комплекс духовности (религия, нравственность, право), 4) а также весь устоявшийся визуальный ряд внешних — культурных — признаков: одежда, жилище, пища, орудия труда и т.д. То, что мы охарактеризовали как «понимание своего места на земле», по сути указывает на то,

как та или иная этничность осваивает *пространство* (понимает и живет в нем), и потому эту ипостась следует относить к *статичным* характеристикам этничности; в то время как этническое отношение характеризует специфику овладения *временем*, в силу чего относится к *динамической* составляющей этничности. В данной статье речь идет о первых образованиях — статических характеристиках этничности, объясняющих особенности овладения ею земным пространством.

В средневековой Руси этническая территориальная протяженность своей земли обозначалась несколькими понятиями: «Русская земля», «Отечество», «Русь», «государство», «Россия», «Святая Русь», среди которых самым устойчивым и часто употребляемым было словосочетание «Русская Земля»³. Частота употребления зависела от контекста ситуации. Русская земля, как этническая территория русских, упоминалась тогда, когда речь шла о пространственно-этническом взгляде «изнутри», безотносительно к чему-либо другому. «Отечество» появлялось в тексте, чтобы показать разницу чужой

¹ Поддержка гранта ПРИ РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Тема «Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX—XX вв.».

² По теории этноса существует богатейшая историография. Не игнорируя ее, особенно всё то, что относится к описательной стороне этноса (по нашей терминологии «статичные характеристики» этничности), в данном случае мы предлагаем совершенно новую модель понимания этноса и этничности.

³ По подсчетам А.А.Горского, «общерусский» термин «Русская земля» первенствовал в текстах в XI—XV в., но со второй половины XIV в. немного уступил первенство патриотической формуле «за веру христианскую» — см.: Горский А.А. Представления о защите Отечества в Средневековой Руси (XI—XV в.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI—XX вв.): Сб. статей. М., 1994. С. 6. Такой образцовый для XVI в. текст, как «Казанская история» (время написания 1564–1565 гг.), также показывает преобладание термина «Русская земля»: Русская земля — 46 случаев; Русь — 42; Русское царство и русская держава — 9; Россия — 3; Московская держава — 1; Российское царство — 1 (подсчеты автора. — О. К.).

Причем близкие позиции терминов «Русская земля» и «Русь» указывают на то, что этнический и конфессиональный компоненты максимально сблизились. Литература Смутного времени уже полна перемен. Например, в «Повести о победах Московского государства» (написана во второй четверти XVII в.) вообще отсутствует понятие «Русская земля», вместо него — «Российская земля» (2 случая), но абсолютно доминирует термин «Московское государство», т. е. чисто политический термин (подсчеты автора. — О. К.). XVII в. в этом смысле является переходным периодом к петровскому времени, когда произошли принципиальные изменения в терминологии, касающиеся этничности.

«Благословенно воинство Небесного Царя...» (Церковь воинствующая).
1550-е годы. Москва. Икона

земли и своей. Например, в Степенной книге (Житие св. равноапостольной княгини Ольги) говорится: «не из иной страны, не из чужой земли, а из дома и отечества Русского произвел он эту богомудрую и равноапостольную великую княгиню Ольгу»⁴. В еще более раннем памятнике конца XV — начала XVI в. читаем: «и часто посылал его царь с татарами своими воевать его отечество, христиан Русской земли»⁵.

В каждом понятии из вышеперечисленного ряда звучал свой оттенок. В словах «государство», «Московское государство», «Россия» преобладало гражданское начало, выделялся политический аспект. Вот почему в таком ярком идеологическом трактате, как «Повесть о Московском государстве»⁶, написанном в начале XVII в., на первый план вышли этнополитические аспекты: «России полки», «всей российской земли», «российские люди». Хотя и здесь сохраняются прежние употребления: «русские земли», «русские люди», «страны русские». Войско, которое борется со Смутой, называется то русское, то российское.

Понятие «Русь» привязывалось к контексту, имеющему отношение к церковным вопросам. Или это слово было частью титулатуры («представился князь великий Василий Иванович всея Руси»), или обозначало «православный», «истинный», «святой мир», т. е. было близко к понятию

«Святая Русь». В «Казанской истории» о Руси говорится как о территории, на которую покушаются «поганные варвары»⁷. Судя по иллюстративным материалам (иконам, книжным иллюстрациям) Святая Русь, хотя и являлась многосложным понятием, включающим в себя святыни (храмы, иконы, мощи), частично православный народ, определенные локальные территории, но не покрывала собой всю территорию страны, в допетровский период. Например, обратим внимание на известную икону XVI в. «Церковь воинствующая», где изображено возвращение войска царя Иоанна IV из покоренной Казани. Только территория городов Москвы и Казани изображены в замкнутом кольце. Внутри московского кольца находится образ Богородицы. Все пространство между городами свято не территориально, а лишь сонмом людей и ангелов. Архангел ведет войско царя Иоанна, ангелы кадят на людей, святые (св. князь Владимир) сопровождают войско в пути. Войско идет «по узкому пути» и территория вокруг, хотя и не населена видимыми врагами, но она явно недружелюбна, духовно не освоена, этот мир еще не включен в святое пространство «Москвы». Мы не знаем ни одного образа (иконы или книжной иллюстрации) допетровского времени, где бы была изображена вся Русская Земля как одно целое, как Святая Русь. Мы видим изображения отдельных городов,

⁴ Романов Г.А. Указ. соч. С. 83–86.

⁵ Повесть о Тимофее Владимирском // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV— первая половина XVI века. М., 1984. С. 61.

⁶ Повесть о победах Московского государства. Л., 1982.

⁷ Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. М., 1985. С. 309, 311.

монастырей, с их небесными покровителями, мы видим икону Покров Божьей Матери в ее византийской, исторической конкретике, но нигде нет изображения Руси, как Святой Руси, как Русской Земли, как земного Отечества. Всё это не случайно, а скорее всего, указывает на то, что в допетровский период Святая Русь так и существовала, в территориальном ее аспекте, как дискретное образование отдельных локальных очагов, которые не сливались в одно сплошное море Святой Руси. А значит, у образованных «Отечества» и «Русской Земли» существовали те же проблемы. Всё это приводит к мысли, что в русском обществе того времени, не смотря на гармонию этнического и конфессионального, имелась глубокая потребность в преодолении локальной ограниченности Святой Руси, в поглощении неосвященных подвижнической жизнью территориальных лакун и сделать это было нельзя только механическим способом, строя новые храмы и монастыри. Эта проблема могла решаться лишь в длительной исторической перспективе.

Может быть, поэтому для периода средневековой Руси мы и не находим одного общего термина, обозначающего этническую территорию русских, поскольку существовало несколько оттенков территориально-этнического взгляда. Самым емким и часто употребляемым было понятие «Русская земля», иногда с добавлением «великая Русская Земля». В целом можно лишь реконструировать сложносмысловый единый концепт «Русская Земля — Отечество — Святая Русь» как односмысловое емкое, этнически ориентированное территориальное обозначение русского пространства. В основе «Русской земли» лежало церковное обозначение *священной земли* (Руси православной, Святой Руси), которая свята присутствием на ней Православной Церкви, святых, истории, связанной с защитой духовных истин и истинной свободы («правды Божьей»⁸). В церковную составляющую входили церкви, монастыри, священство, святые и подвижники — словом, совокупность христианских православных святых, данных православным во спасение души. Она также обозначалась как земля, хранимая Божьей Матерью, Ее святым покровом, и в этом

Отечество.
Новгородская школа. Икона. XIV в.

высоком покровительстве заключалась важная мысль о материнстве в целом. Материнское покровительство общего, этнического характера в данном случае имело высокий, небесный статус.

Исходя из отношения Русской Земли к иноземному миру — это земля отцов, с их могилами, памятными делами и заветами, что озвучивалось словом «Отечество». Вот как емко эту мысль передает великий князь Василий Иванович, в свой предсмертный час: «Вверяю сына моего Ивана Богу и Пречистой Богородице, святым чудотворцам и тебе, отцу моему Даниилу, митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которым благословил меня отец мой, князь всея Руси Иван Васильевич»⁹. Теми же словами напутствовали тогда перед кончиной своих чад и крестьянин, и купец, и священник. Это было общее понимание отеческой власти, присущее всем социальным группам, как по вертикали, так и

⁸ Повесть о болезни и смерти Василия III // Памятники литературы Древней Руси. М., 1985. С. 33.

⁹ Там же.

по горизонтали (т. е. с ориентацией на предков). В понятие «Отечество» входило и понимание его как Земли Русской, в ее чисто жизнеобеспечивающих функциях: хозяйственных, культурных, политических. Термин «Русская Земля» как бы скреплял все смыслы в один, хотя и не заменял и не поглощал полностью ни понятия «Отечество», ни понятия «Святая Русь». Во многих случаях, там, где средневековый автор говорил о Русской земле, присутствует указание на то, что она связана с православной верой, святостью, крещением: «Земля бо Руска благословися ваю кровью и мощами лежащих в церкви духом божествене просвещаета...»¹⁰. Более частое употребление словосочетания «Русская Земля» объясняется, скорее всего, тем, что здесь на первый план выдвинуто чисто этнический ракурс — это земля живущего на данной территории русского этноса.

Было еще одно территориальное понятие с этническим содержанием — «родина». Это было микропонятие, означающее место рождение человека, т. е. конкретное село, город, посад. У понятия «родины» не было такого ярко выраженного этнического заряда, как у понятия «Русская земля», ведь это был не только этнический концепт, но еще социальный и правовой. Поэтому с родиной был связан такой этнически размытый термин, как «народ». В народе присутствует три содержательных начала этническое, социальное и правовое: «Народ как социум включает в себя все сословные и иерархические группы общества; народ как этнос — моноэтничен (русский народ, татарский народ и т. д.), народ как гражданское сообщество — субъект определенного правового поля»¹¹. При этом единство всех трех компонентов в народе обеспечивалось религиозным началом. Православие настолько тесно связало народ в одно целое, что конфессиональный признак сделался почти что синонимом этнического. Русский человек понимался как православный, и наоборот. В целом же этническая статичная картина выглядела так: в *точке* отсчета, рождения, там, где «родина», находится «народ». А в *территории* освоения земли, там, где появилось понятие «Русская земля», живет конкретный этнос — русские. В этом асимметричном территориальном пространстве и существует «народ-этнос». Уточним, что таковой схема «Русская Земля — родина»

была в допетровской России. Русская земля в этой асимметричной паре первенствовала, поскольку это понятие несло основную идейную нагрузку. Это заставляет предположить, что насыщение этнического начала конфессиональным происходило в поле действия «Русской земли» (и русских как этноса), а не там, где была «родина» и народ. А поскольку «Русской землей» являлась священная русская земля, с ее святыми и святынями, находящая под покровом Божьей Матери, — вот отсюда конфессионим «православные» самым тесным образом и сблизился с этнонимом «русские».

Статья посвящена проблеме трансформации понятий «родина» и «Русская земля» за счет постепенного смыслового расширения понятия «родина», начиная с XVIII столетия, и постепенного поглощения этим понятием всех прежних смыслов, присущих традиционному для православной Руси понятию «Русская земля».

Покров Божьей Матери. Роспись на потолке сельского храма.
Тамбовская обл. Село Питим.
Храм Архистратига Михаила

¹⁰ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 61.

¹¹ Кириченко О. В. От редактора // Святыни и святость в жизни русского народа. Этнографическое исследование. М., 2010. С. 7.

История эволюции понятий «Русская земля — Отечество — Святая Русь»

Понятие «Отечество», как оттенок понятия «Русская земля», появляется в русских летописях со второй половины XV в. как результат того, что «Куликовская битва дала мощный импульс развитию самосознания общества»¹². В более ранних произведениях понятие «отечество» имело локальный характер, означая «свой город», «свое село», «свой удел». Но уже в житии князя Димитрия Донского отчиной его названа вся русская земля¹³, т. е. движению к этническому конструкту началось. «В самых ранних текстах “Повести временных лет” находим мы слова *отчьствие, отьчина*»¹⁴. По происхождению оно болгаризм, возникший на Руси в X в., пишет В. В. Колесов со ссылкой на исследование Д. Ангелова (1977 г.)¹⁵. «Сначала отьчество заменило слово родъ, т. е. отец, как глава сменил “деда”: уже не “род”, а “семья” в центре внимания славянина». «Отечество всегда пребывает в “отчине”»¹⁶. «Отчина» и «вотчина», как считает В. В. Колесов, понятия, тесно связанные между собой¹⁷. «В высоком слоге книжной речи отечество все чаще стало замещать слово отчина»¹⁸. В. В. Колесов считает, что обогащение «отечества» этническим смыслом («родная земля») произошло в России с начала XV в. и пришло к нам опять из Болгарии, через ученика митрополита Киприана. Выше мы отмечали, приводя тексты конца XV и середины XVI в., что у «отечества» уже существовал высокий смысл, делающий его синонимом такого емкого понятия, как «Русская земля». Но, как отметил В. В. Колесов, в «отечестве» существовали и другие смыслы, связанные с государственно-чиновным и владетельным положением¹⁹.

В период петровских реформ именно термин «отечество» изымается государственными идеологами из общей составляющей «Русская Земля — Отечество — Святая Русь» и атрибу-

Дерево государства Московского.
Симон Ушаков. 1668 г. Икона

тируется как понятие с узко гражданским смыслом (отечество — государство — империя). То есть прежний смысл «отечества» — «наша, русская, православная, а не иноземная страна» был сужен до рамок смысла «наша российская, а не чужая, иная держава». «Отечество» становится основным понятием в официальных государственных документах манифестного характера. Императору Петру Великому было

¹² Кром М. М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сб. статей. М., 1994. С. 22.

¹³ Кром М. М. Указ соч. С. 18.

¹⁴ Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 243.

¹⁵ Там же. С. 244.

¹⁶ Там же. С. 244.

¹⁷ Там же. С. 243.

¹⁸ Там же. С. 246.

¹⁹ Там же. С. 246.

предложено принять титул «Отец Отечества». И хотя Петр не принял предложения, но со временем Екатерина Великая от такого предложения не отказалась. Подобные инициативы указывали на новое понимание отношений «отца и сына» в государстве и Русской земле. Прежние отношения связывали отца и сына непосредственно: великого князя (или позже царя) с его сыном наследником, а подданные также были связаны со своими детьми. В послепетровское время император стал рассматриваться как отец всему народу, что зачеркивало первенство прежних смыслов, конкретность отношений отца и сына. Где подданные императора могли взять такие же абстрактные смыслы? Только в переориентации с прошлого на будущее. Отец в прежние годы, передавая перед смертью власть над домом, над землей сыну, уходил в прошлое, и за этим отцовским прошлым стояло бесчисленное множество конкретных отцов, которые оставили своим сыновьям землю и власть. Что происходило в новой модели? Император предлагал в предсмертный час отдавать власть и землю «отечеству». Это было более существенно, чем юридическая практика передачи наследнику, по завещанию. И хотя завещание продолжало «работать», но умы будоражило и «право отечества» решать судьбу следующего императора. Этим, на наш взгляд, можно объяснить существование феномена пышно расцветших в XVIII в. дворцовых переворотов, да и постепенно растущую аристократическую отдаленность от правящего императора. Внутри своей личной семьи каждый российский подданный теоретически также был дезориентирован, имея перед глазами императорскую модель. Передача власти не сыну, а некоему принципу, абстрактному началу — «отечеству» (когда все стало сводиться к «юридическому документу») — должно было со временем породить ситуацию отторжения отцовской власти нелегитимными способами, что в конце концов разрушительно подействовало в отношении семьи и русского этноса в целом.

Новое обозначение этнических пространственных границ в России, привитых Петром I, означало лишь то, что у этих границ, однозначно обозначенных при Петре I термином «отечество», исчезло этническое смысловое содержание. То есть все русские были поставлены перед необходимостью постепенно отказаться от привычной пространственно-этнической категории, связываемой ранее с терминами Русская Земля, Русь,

Святая Русь, Отечество, как русская православная страна. Ниже, в выводах после статьи, мы коснемся мотивов царя-реформатора и в целом того, насколько промыслительно необходимым был этот шаг, здесь же отметим: в обществе существовали довольно серьезные споры и опасения за судьбу национальных ценностей и национальной традиции. Хотя в первое пореформенное столетие самые значительные силы (включая церковные) были на стороне реформатора и реформ. Словно один патетичный гимн Отечеству, в его новом звучании, звучат слова М. В. Ломоносова — одного из тех, кто активно поддерживал линию Петра I. В похвальном слове Елизавете Петровне (26 ноября 1749 г.) великий русский ученый, поэт и ритор употребляет следующие эпитеты и понятия: «отеческий престол», «Россия», «верные сыны отечества», «отеческий дух и вера», «Россияне», «отеческий скипетр и меч», «российская сила», «отечество», «российский народ», «российское государство», «множество народов России», «Мати Российская»²⁰. Тем же тоном отмечено похвальное слово императору

Двуголовый орел на заглавном листе книги Лазаря Барановича «Трубы на дни нарочитые праздников Господних, Богородичных». 1674 г.

²⁰ Цит. по книге: *Ломоносов М.В. Для пользы общества...* / Сост., вступ. ст. прим. А.А. Елеонской. М.: Сов. Россия, 1990. С. 27–42.

Петру Великому (26 апреля 1755 г.). Здесь же указывается, что «за великие заслуги к отечеству назван Он Отцом Отечества»²¹. То есть те, кто видел себя «человеком государства», вполне искренне могли полагать, что «Отечество» продолжает иметь то же значение, что и раньше.

Между тем к концу столетия среди помещичьей православной России стало распространяться и разочарование тем, что империя не щадит русских начал, русского духа и образа жизни. Это не чувствовалось так остро ранее, пока брились бороды и менялось платье, шло приобщение к иностранным языкам и литературе — словом, пока затрагивались те этнические основы, которые выше были охарактеризованы как динамические (овладение этничностью временем). Но стало невыносимым, когда дворяне в значительном количестве опять вернулись в свои родовые гнезда и здесь нашли то, что называется понятием «родина» и что также имеет этническую природу, пространственного характера. Именно родина, как место личного этнического рождения, «мое этническое я», и породила весь последующий процесс, связанный с попытками вернуть «большую этничность», т. е. этничность макропространства, обозначаемую понятиями «русская земля», «Святая Русь» и «православное русское отечество». Самые разные силы стали участвовать в этом движении — от революционных до консервативно православных, и на какой-то исторический момент все они находились рядом, говорили почти об одном, разделившись лишь тогда, когда пришла пора действовать. Исторической точкой отсчета для всего движения в целом стали события Отечественной войны 1812 г., осознаваемой дворянством как гнев Божий на Россию за ее отступление от собственной традиции и увлечения французской. Последующие после войны события должны были показать, кто подхватит эстафету поддержки русской этничности, какие силы и с помощью какого понятия смогут вернуть пространственной этничности ее привычное место.

Понимание родины

в простонародной среде (XVIII–XIX вв.)

Скорее всего, русское дворянство, в массе своей вернувшееся в свои имения после екатеринского манифеста, не смогло бы вернуться к этничности через понятие «родина», если бы этот ценностный императив не был в чистоте своей сохранен русскими православными крестьянами. Крестьянские воспоминания позволяют увидеть взгляд людей из простонародной среды на родные границы этнической территории. В абсолютном большинстве случаев в просмотренных нами текстах, речь идет о родине как месте рождения человека. Обратимся к нескольким характерным примерам.

Мемуары Леонтия Автономовича Травина представляют особый интерес, поскольку автор жил в переходную эпоху (1732 — первая четверть XIX), когда происходило рождение понятия «родина», идентичное понятию «отечество»²². Для него еще привычно отечеством величать свою малую родину. То есть малая родина как старинное «отчина». Место вдали от отечества — это «чужая сторона». Автор происходил из дворовых писарей пригорода Пскова сельца или слободы Вельи — «Отечество», — это его малая родина, место, где он родился, где похоронены родители, где живет его семья. Много раз он упоминает это слово, когда речь идет о его возвращении в родное село²³; «печаль по своем отечестве, паче же о оставшемся семействе»²⁴; «желаемый ко отечеству путь», «пожив во отечестве моем в Велье» (Псковщина), «имев разлуку с родительницею, женою, дочерью, лишась дому, иждивения и отечества»²⁵.

В воспоминаниях дворовой девушки, а потом няни дворянских детей А. Г. Хрущевой, всю жизнь прожившей в помещичьей семье, родина — это место, где она родилась, откуда ее увезли из родительского дома (сельцо Дворянкино Любимского уезда Ярославской губ.)²⁶.

Автор следующих воспоминаний С. Пурлевский (1880–1868) вышел из крепостных крестьян, занимался торговыми делами и в конце жизни сделался купцом 2-й гильдии в Москве²⁷. Везде он

²¹ Мемуары Леонтия Автономовича Травина // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение. 2006.

²² Там же. С. 81.

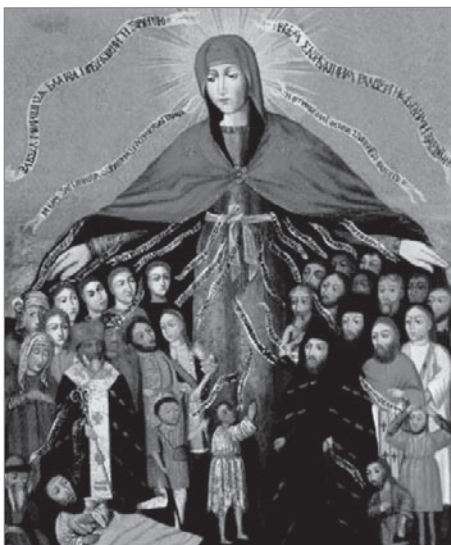
²³ Там же. С. 37.

²⁴ Там же. С. 40.

²⁵ Там же. С. 59.

²⁶ Там же. С. 96.

²⁷ Пурлевский С. Д. Воспоминания крепостного // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Образ Успения Божьей Матери. XVII в.
Малороссия

пишет о своей малой родине: «Великое село (Ярославская губ.), место нашей родины»; «крестьяне нашей родины (1250 душ)». Отца и мать называет: «родитель» и «родительница». «Никому не хотелось лишиться родины: лучше отказаться от праздничного куска, лишь бы избавиться от опалы»; «так как знали его родину в шести верстах от себя»; «для свободного следования на родину»; «на моей родине в Великом селе с незапамятных времен усвоено женским полом искусство работать тонкие полотна»²⁸.

Автор других воспоминаний Н. Н. Шипов был крепостным, всю жизнь он занимался торговыми делами в самых разных концах России, хорошо знал жизнь других народов, знал многие языки малых народов России²⁹. Н. Н. Шипов называет Москву «матушка-белокаменная». «Я уже собирался ехать обратно на родину», — речь идет о слободе Выездной, близ г. Арзамаса Нижегородской губ., — «Меня с женой и сыном отправили по этапу из Ставрополя на родину», «в Арзамас на родину», «я возвратился на родину», «покинул свою родину»; «для препровождения на родину»; «не придется видеть ни родины,

ни милого семейства»; «добрался до родины — Выездной слободы. Поклонился праху родительскому, повидался с родными и знакомыми»; «всю широкую раздольную Русь-матушку»; «прибыл на родину в Выездную слободу»; «я оставил родную слободу»; «в городе Мерсине я встретился с татарами, которые по расспросам были кавказские, Пятигорского уезда, с реки Кумы; приняли турецкое подданство и их поселили сюда. Они были очень недовольны здешним местопребыванием и желали бы снова возвратиться на родину».

Крестьянин Ярославской губ. А. Артынов начинает воспоминания со слов³⁰: «Родина моя — село Угодичи Ростовского уезда, Ярославской губернии». Описывает «родного дядю», «родных сестер».

И. В. Васильев (1822–1893) был сельским писарем в Пошехонском у. Ярославской губ. Он также пишет о конкретной родине: «В других местах тогдашней Макаровской волости, на моей родине»³¹.

Во всех этих приведенных случаях родина понимается как место рождения, малая родина. Для широкого понимания крестьяне употребляют такие конкретные слова, как Россия, Русь-матушка. Крестьянская среда однозначно связывала со словом «родина» одно понимание — место своего рождения. Л. А. Травин, употребивший в этом же смысле слово «отечество», принадлежал к мелкочиничинской среде и, возможно, он нарочито пользуется не простонародным, а книжным понятием. Во всяком случае, важно отметить, что подобный «люфт» в употреблении разных слов, сводимых к одному смыслу, в это время еще допускался. Именно отсюда, из народной среды, сохранившей искомое этническое зерно понятие «родина» как этническое понятие, хотя и означающее конкретную «точку» в пространстве, и будет взят термин «родина» для формирования нового этнического макроконцепта, наподобие средневековой «Русской Земли». Борьба за понятие «родина» станет предметом не только ученых и художественных споров, но эти споры выйдут на уровень политического противостояния, которое завершится революцией 1917 г.

²⁸ Пурлевский С. Д. Воспоминания крепостного // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 108–154.

²⁹ Шипов Н. Н. «История моей жизни и моих странствий» // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 204–258.

³⁰ Артынов А. Я. «Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда» // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

³¹ Васильев И. В. «Мои воспоминания» // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Славянофилы и западники в борьбе за «родину» в период до 1840-х годов

Война России с Наполеоном принесла много нового и сильно повлияла на умонастроения русского общества, на перемены в мыслях и чувствах в отношении этнических границ России. Именно тогда стали складываться две идейные, оппозиционные официальной власти (с их точки зрения — виновника пространственной диэтнизации русских) силы (западники и славянофилы). Они вышли из одной стихии — войны с Наполеоном, но далее дороги их разошлись. Говоря с некоторой долей условности о двух территориальных центрах первоначального формирования этих сил, все же отметим: революционная оппозиция правительству, формирующая этническое понятие «родины» с гражданским содержанием, тяготела более к Санкт-Петербургу, другая же оппозиционная сила была более связана с Москвой.

В те же годы в официальной правительственной позиции, а также в церковной, продолжало звучать слово «отечество». И хотя та и другая сторона вкладывала в него разное содержание, но как такового противоречия или диссонанса словно и не наблюдалось. Митрополит Московский Августин так отзывался на события Тильзитского мира: «Мир паки озарил любезное отечество наше». И далее «Любовь к Отечеству — вот жертва, которою достойно возблагодарить мы можем и Бога... и государя, назидającego и хранящего спокойствие и блаженство наше»³². Александр I также употреблял понятие «отечество», когда благодарил московское дворянство, «всегда готовое действовать ко благу отечества». В манифесте по поводу итогов войны говорилось о «духе отечественной ревности»³³, «благодарное отечество» будет помнить о героях. «Слияние мужества и любви к отечеству».

От нападения Наполеона страшно пострадала древняя российская столица, Москва. Рядом находились старинные родовые гнезда дворян, безжалостно разоренные врагом. Война с агрессором официально была обозначена как Отечественная. Поэт Д. Давыдов так отзывался об этом времени: «Тогда еще между нами не было ни одного космополита, все мы были люди старинного вос-

питания и духа, православными россиянами, для коих оскорбление чести отечества было то же, что оскорбление собственной чести»³⁴. Именно Москва, прошедшая через горнило горестных и трагических испытаний, смогла очнуться от галломании и постараться вернуться на старые стези.

Н. Ф. Дубровин в своем замечательном труде «Русская жизнь в начале XIX в.» отмечает, что возвращение к русским началам стало для москвичей после освобождения сожженной Москвы насущной потребностью. До войны в великолепную залу Благородного собрания по вторникам съезжалось от 3 до 5 тысяч чел., собирався «настоящий съезд России»³⁵ — от вельмож до мелкопоместного дворянства. «Здесь было много родни, родственного, родовитого, старинного. Но в то же время русский язык и русские обычаи были забыты»³⁶. Война в значительной мере вернула им память о прошлом. Вслед за старой столицей «Россия училась говорить, читать и писать по-русски, по книгам и журналам, издаваемым в Москве. Русская литература долго имела Москву своей столицей и своей колыбелью»³⁷. В Москве появилось Общество истории и древностей российских (при МГУ), университет стал уделять особое внимание русскому языку, в древней столице выходило большинство русских периодических изданий. Здесь жили Карамзин и Дмитриев. Здесь обосновался «Русский вестник» С. Н. Глинки, много говоривший о русской традиции. У москвича В. А. Жуковского первенство перед любовью к отечеству отдается «жизни у семейного очага»³⁸. Стихотворение Жуковского «Певец во стане русских воинов» пользовалось большой популярностью у публики.

Отчизне кубок сей, друзья!

Страны, где мы впервые вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные.

Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,

Златые игры первых лет
И первых лет уроки—

Что вашу прелесть заменит?

О Родина святая,

Какое сердце не дрожит,

Тебя благословляя.

³² Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX в. СПб., 2007. С. 52.

³³ Там же. С. 53.

³⁴ Там же. С. 61.

³⁵ Там же. С. 121.

³⁶ Там же. С. 126.

³⁷ Там же. С. 129.

³⁸ Там же. С. 136.

В этом случае всё «официозное», озвучивающее точку зрения правительства на Отечество, начинает подвергаться критике. «Сын отечества» начинает рассматриваться в обществе как пустой мечтатель. Историк отмечает, выражая позицию русских патриотов: «Служба государству была унижена, и самые почетные места занимались в уездах людьми, часто не соответствовавшими исполнению возложенных на них обязанностей». Служба отечеству занижалась и уже не выглядела так весомо и свяшенно. Люди честные малопомалу начинают уклоняться от служения, по слову современника. Так постепенно коллективное «отечество» начинает заменяться индивидуальным «родина». Защита семьи, очага, т. е. родины становится более важным и действенным³⁹.

В поэзии этого времени уже заметен женский оттенок в характеристике территории: «край родной», «герои стран родных»⁴⁰. К. Н. Батюшков пишет в 1813 г. «К Дашкову»: «Я видел милых матерей из милой родины изгнанных, Москва, Отчизны край, златой, и жизнь, и к родине любовь». Слово «отчизна» имеет некий переходный оттенок, это нечто среднее между отечеством и родиной, но уже женского рода. Тот же автор в 1816 г. написал: «Царю, отчизне благодарной, знамен отчизны грозный лес». В стихах Ф. Н. Глинки 1812 г. звучат слова «Россия (ее верные сыны), друзья, отечество, народ, поля родные, святая земля». Поэт-гусар Д. В. Давыдов произносит: «наша матушка Россия»; «мой долг священный — вновь за родину восстать» (1815 г.); «Как на чужбине песнь отчизны изгнаннику земли родной» (1834 г.). У А. И. Одоевского слова «За святую Русь» звучат рефреном в стихотворении 1830 г. Он же пишет в стихах 1836 г. «на родине моей, опять в кругу союзников-друзей».

Первая половина XIX в. была сложным временем возвращения всех общественных сил в России к русской идее. Мы говорим «к русской идее» не в современном историософском смысле, как поиске идеологической концепции, а о возвращении к общей тогда мысли — к русским началам. Еще не выкристаллизовалось ни одно направление, не было емких идей, сами концепции еще не были проработаны, было много эмоций и споров. На фоне этой «смутной мысли» и «общественных эмоций» родилось движение декабристов.

В стихах К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, А. А. Дельвига, в программных документах этих первых революционеров зазвучали эпитеты, которые потом мы встретим в текстах славянофилов, хотя и в другом смысловом контексте: «Русская земля, Русь, Святая Русь, родная Русь». Звучит и слово «отечество», которое порой проскальзывает, словно мера высоты нового понимания родины. К. Ф. Рылеев пишет: «Неистовый тиран *родной страны* своей, *отечество мое*» (1820 г.). В стихотворении «Смерть Ермака» (1821 г.): «За Русь святую погибая, благословения отчизны»; стихотворение «Иван Сусанин» (1824 г.): «Любовью к отчизне и вере горя», «на Русской земле», «В ней каждый *отчизну* с младенчества любит» (1824 г.); в стихотворении «К NN»: «Увы! Моя *отчизна* страдает». Как видим, поэт оперирует очень близким к понятию «родина» словом «отчизна», постоянно соотнося его с синонимами «Русь, Святая Русь, родная страна». В. К. Кюхельбекер, также бывший декабристом, видит Россию в особом ореоле. В стихотворении «На смерть Чернова» (1825 г.) он пишет: «Нет, не отечества сыны Святую ненавидят Русь», или позже: «На Руси святой» (1827 г.). У А. А. Дельвига звучит: «И как русский любит родину» (1829 г.). Н. М. Языков восклицает в стихах 1824 г.: «О! долго цепи вековые с рамен отчизны не спадут. А уже в 1827 г.: «И за родину мы пьем», (пьют с немцами за то, чтобы Русь не умерла. — О. К.) «первым царством в поднебесной и счастлива и славна!»

Программные документы декабристов также красноречиво свидетельствуют о том, что тема «русского народа» становится доминирующей для дворянских революционеров. В проекте конституции Н. М. Муравьева первая глава называется «О народе Русском и правлении». Здесь отмечено: «Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства»⁴¹. Существовал также документ «Манифест, или манифест к русскому народу». Эпиграфом манифеста были строки из церковной «молитвы за Отечество»⁴². Конституция П. И. Пестеля, называвшаяся «Русская правда», была также обращена к русскому народу как искомому субъекту, ради которого и совершались революцион-

³⁹ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX в. СПб., 2007. С. 154–155.

⁴⁰ Там же. С. 54.

⁴¹ Дружинин Н. В. Конституция Никиты Муравьева (происхождение и различные варианты) // Декабристы и их время. Т. 1. М., 1928. С. 62–108.

⁴² Он же. Программа северных декабристов. — Изв. АН СССР. Сер. Истории философии. М., 1951. Т. 8. № 1. С. 42–45.

ные события. Любопытны мотивационные объяснения князя С. П. Трубецкого причин создания тайных обществ в России. С покаянным осознанием своей вины, на следствии он утверждает: «Предлог составления тайных политических обществ есть любовь к Отечеству. Сие чувство, которым всякий человек обязан своей Родине, хорошо понятое, заставляет действовать к пользе государства, худо понятое может сделать величайший вред, и бедственные последствия оно не могут быть довольно исчислены. Сие худо понятое чувство любви к Отечеству составляет тайные политические общества»⁴³. Говоря о положительно понятом чувстве, князь выделяет события войны 1812 г. «Нападение Наполеона на Россию в 1812 г. возбудило в русских любовь к Отечеству в самой высокой степени; счастливое окончание сей войны, беспримерная слава, приобретенная блаженной памяти покойным государем императором Александром Павловичем, блеск, коим покрывалось оружие российское, заставило всех русских гордиться своим именем, а во всех имевших счастье участвовать в военных подвигах поселило удостоверение, что каждый из них был полезен своему Отечеству»⁴⁴. В мирное время бывшие воины много говорили о желании и в мирные годы послужить на пользу Отечества, говорили между собой «о чести имени русского».

С. П. Трубецкой употребляет понятие «родина» в широком смысле, для него это страна, земля, но при этом князь разделяет отечество и родину: любовью к отечеству человек обязан своей родине. Перед нами, безусловно, один из ранних текстов, где понятие «родина» проявляется как новый, самостоятельный образец общего понятия. Родина для Трубецкого — это нечто вроде общего места рождения для всего народа. Родина есть нечто органичное, почти природное, в то время как отечество — завоеванное, заслуженное, приобретенное. Но при этом мы любим это «приобретенное», потому что оно появилось на земле наших родителей, нашего народа. Тема «родины» уже начала обозначаться в умах и сердцах патриотов, в том числе и революционного направления. В стихах другого декабриста В. Ф. Раевского говорится:

Для кроткого царя, для родины священной
Приятно жертвовать собой.
В наш век чудесный, просвещенный
Примеры славных дел сияют пред тобой.
Отечество твое под скипетром священным...
Колосс надменный пал!... Европа в удивленьи,
Зрит победителя, свободу и закон;
Благословенен мир повсюду, в восхищеньи
Благословляет русский трон!
Так, юноша, гордись отчизною своею,
Спеши ей долг отдать, ее достойным быть...
пера⁴⁵.

Здесь налицо два новых термина: «родина» как священная держава и «отчизна» как синоним родины.

Понятие «отечество» продолжает широко употребляться в патриотических кругах. Русское дворянство, не выработав нового термина, продолжало использовать старый — «отечество», придавая, однако, ему более глубокий смысл, чем оно имело в официальных документах. Может быть, в силу столь высокой интеллектуальной напряженности, ощущения терминологического дефицита, в ряде случаев мы можем наблюдать попытку трактовать гражданское начало почти как этническое. В. Ф. Раевский пишет: «Под искрою гражданства разумел я чистую любовь ко всему своему или отеческому»⁴⁶. Другой оппозиционер российского самодержавия, хотя и не состоявшийся декабрист, П. Я. Чаадаев зримо чувствовал эти новые веяния: «В настоящую минуту у нас происходит странный процесс в умах. Вырабатывается какая-то национальность, которая не имеет возможности обосноваться ни на чем, так как для сего решительно отсутствует какой-либо материал, будет понятно, если только удастся соорудить что-нибудь подобное, совершенно искусственным созданием»⁴⁷. В письме к А. Х. Бенкендорфу он красноречиво заявляет, что пишет русскому царю не по-русски (по-французски) и стыдится этого. «Я желал выразить Государю чувство, полное убеждения, и не сумел бы его выразить на языке, на котором прежде не писал»⁴⁸. Для Чаадаева привычно употребление понятие «родина» в широком смысле слова, причем он привязывает его

⁴³ Записка-показание об истории тайных обществ // *Трубецкой С. П. Материалы и жизни и революционной деятельности. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки.* Т. 1. Иркутск, 1983. С. 84.

⁴⁴ Там же. С. 85.

⁴⁵ *Раевский В. Ф. Оправдания* // *Раевский В. Ф. Материалы и жизни и революционной деятельности. Материалы судебного процесса и документы и жизни и деятельности в Сибири.* Т. 2. Иркутск, 1983. С. 141.

⁴⁶ Показания В. Ф. Раевского по содержанию его «Протеста» и дополнения к «Протесту» // Там же. С. 212.

⁴⁷ *Чаадаев П. Я. Сочинения.* М.: Правда, 1989. С. 373.

⁴⁸ Там же. С. 367.

к также часто употребляемому «отечество». Это наиболее ясно представлено в статье «Апология сумасшедшего». Он пишет: «Прекрасная вещь — любовь к отечеству (написано не с заглавной буквы. — *О. К.*), но есть еще более прекрасное — любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не через родину, а через истину ведет путь на небо»⁴⁹.

В чем смысл такого нарочитого противостояния любви к истине и патриотических чувств, чего в жизни, конечно, не происходит. Любящий Божью истину, монах, прп. Сергей Радонежский, как патриот Руси, благословляет двух своих иноков, а также князя Димитрия на битву за свободу родины-отечества. И это обычный для Руси порядок вещей. Но для П. Я. Чаадаева же эти два пути взаимоисключающие. Всё это указывает на узко (политически) понимаемое им патриотическое чувство, только как служение интересам государства, самодержавия, отдельных политических сил. В этом случае и «родина», как синоним «отечества», не имеет духовного содержания, потому что служение этому пути «не ведет на небо». Похоже на то, что Чаадаев, как самозабвенный апологет западной культуры, англоман, знаток английского языка, член Английского клуба в Москве, конструирует понятие «родина», как кальку с английского home.

Философ постоянно обращает внимание, что мы, русские, не так, не зрело любим свою родину. «Мы имеем только патриотические инстинкты. Мы еще очень далеки от сознательного патриотизма старых наций, созревших в умственном труде, просвещенных научным знанием и мышлением; мы любим наше отечество еще на манер тех юных народов, которых еще не тревожила мысль...»⁵⁰. Ради этой красивой западной патриотичности Чаадаев готов отказаться от любви к своему отечеству: «Когда же вы поселились однажды в недрах древней Англии, когда кроткая приязнь, наслаждение симпатии окружают вас отовсюду и заменят всю скуку первого приема; когда вам удастся, наконец, там, посреди

английского семейства, на зеленой лужайке красивого загородного дома, под тенью прекрасных дубов и кленов (вязов), — удастся произнести слово home, как говорит его природный житель, тогда, не знаю, но мне кажется, что без сожаления изгладится из памяти воспоминание об отечестве, хотя бы это отечество была дорогая наша Россия (Русь)!⁵¹». Невольно вспоминается иной взгляд на ту же тему, в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Родина».

Люблю отчизну я, но странною любовью!
 Не победит ее рассудок мой.
 Ни слава, купленная кровью,
 Ни полный гордого доверия покой,
 Ни темной старины заветные преданья
 Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
 Но я люблю — за что, не знаю сам —
 Ее степей холодное молчанье,
 Ее лесов безбрежных колыханье,
 Разливы рек ее, подобные морям;
 Проселочным путем люблю скакать в телеге
 И, взором медленным пронзая ночи тень,
 Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
 Дрожащие огни печальных деревень;
 Люблю дымок спаленной жнивы,
 В степи ночующий обоз
 И на холме средь желтой нивы
 Четую белеющих берез.
 С отрадой, многим незнакомой,
 Я вижу полное гумно,
 Избу, покрытую соломой,
 С резными ставнями окно;
 И в праздник, вечером росистым,
 Смотреть до полночи готов
 На пляску с топаньем и свистом
 Под говор пьяных мужичков.

В 1830–1840-е годы зарождается и активизируется консервативное направление, в истории общественной мысли обозначаемое как славянофильство. Славянофилы, хотя и являлись оппозиционерами правительству (по вопросу о пассивности правительства в отношении поддержки самобытности русской народной жизни, русских начал), но их отличал умеренный, не революционный тон, поскольку они по-другому смотрели на проблему просвещения «русского народа». По сути, славянофилы появились на волне горького опыта тех страшных событий декабря 1825 г.,

⁴⁹ Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 140.

⁵⁰ Там же. С. 153.

⁵¹ Там же. С. 156.

которые чуть было не ввергли страну и народ в новую Смуту, подобную началу XVII столетия. Консервативное дворянство сделало тогда для себя важные выводы о недопустимости прямого давления на правительство по «народному вопросу». Да и само правительство вскоре поставило вопрос о необходимости повсеместного просвещения русского народа за счет создания массовых школ. Министр народного просвещения граф С. С. Уваров в 1832 г. формулирует, что задача народного воспитания «должна совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия, Народности»⁵². Ключевым термином для понимания характера стратегии правительства является слово «народность». Обращаясь к народу как к социальному субъекту, а не к русским как к этносу⁵³, правительство, по сути, начинает действовать не на своем поле (отечество — гражданство), а на общественном. «Родина» как широкое понятие к этому времени стала прерогативой общества, и народ как субъект действия в рамках понятия «родина» был сопряжен с этим смыслом.

Правительство со времени Петра I, взявшего «отечество», в его узко гражданском понимании, теперь словно отказывается от своего выбора. Но и понятие «родина» правительство готово развивать лишь в рамках духовных и социальных, но не этнических, на что указывает смысловой ряд «Православие. Самодержавие. Народность». О какой именно народности идет речь, здесь не сказано. Этнический вопрос опять оставался открытым. Это понимали и консервативные и либеральные образованные силы России.

Желая русскому народу добра, славянофилы за основу деятельности взяли теоретическую мысль и практическое полезное действие — исследование народной жизни русских, сделав упор на этнической составляющей. Необычайно сложно было соотнести и отделить этническое и социальное в народном организме и отдать предпочтение первому. Сначала был сделан практический шаг — началась активная собирательная деятельность. Собирательная деятельность в целом на долгие десятилетия становится живым и действенным направлением для огромного числа русских ученых. Иван Васильевич Киреевский — представитель теоретического направления — пишет ряд небольших статей, где формулирует отличие западной духовности от восточной, пра-

вославной. Главный вывод его состоит в том, что самобытность восточной духовности, в том числе русской православной, имеет творческий, а не догматический характер. Основой для творческого подхода является опора на святоотеческое наследие и непрерывный духовный опыт, который складывается в процессе подвижнической христианской жизни. Догматический же западный подход основан на искаженных человеческими субъективными умствованиями, узаконенных Западной Церковью установках.

В подготовительных материалах к статье «О необходимости и возможности новых начал для философии», датированных 1852–1856 гг., мыслитель постоянно обращается к теме русскости: «склад русского ума», «характер коренных русских нравов», «на поверхности русской жизни», «в Русской земле», «духовной жизни русского человека», «первоначальное направление русской образованности», «дело русской общественной жизни», «русский человек», «в обычаях и нравах своих отцов русский человек видит что-то святое» — вот определения, которые его волнуют. Заметно желание И. В. Киреевского подчеркнуть через этничность качественную определенность явления. Что касается общего понятия, то оно у Киреевского одно — «отечество»⁵⁴. По мысли философа, главное зло, мешающее отечеству в текущий момент — распространившееся в народе неуважение к святости правды, легкость лжи, лежесвидетельствования, ложных клятв. Ставя так вопрос, Киреевский рассматривает отечество как эталон, которому русские люди, народ должны соответствовать. В этом подходе заметна позиция традиционалиста, привыкшего видеть в Отечестве глубинный термин, а не усеченный, с только гражданским или только церковным содержанием. В другой статье Киреевский пишет на этот счет так: «У народов остались родины, но отечество исчезло и не могло возникнуть иначе, как из внутреннего единомыслия. Одна церковь христианская оставалась живою, внутреннюю связь между людьми... Потому стремление к единомыслию и единому сердцу в церкви было полным выражением и любви к Богу, и любви к человечеству, и любви к отечеству, и любви к истине»⁵⁵. Обратимся еще для характеристики воззрений И. В. Киреевского к его оценке

⁵² Славянофилы. Историческая энциклопедия / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М., 2009. С. 547.

⁵³ Что не исключало личного народолюбия графа Уварова и его личного отношения к народу, как к русскому народу.

⁵⁴ Киреевский И. В. Отрывки // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч. : в 4-х т. Т. 1. Калуга, 2006. С. 181–200.

⁵⁵ Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Там же. С. 238.

творчества А. С. Пушкина. Исследователь говорит, что Пушкин постепенно становится поэтом русских начал («период поэзии русско-пушкинской»). Эту поэзию характеризует «живописность, какая-то беспечность, какая-то особенная задумчивость, и, наконец, что-то невыразимое, понятное лишь русскому сердцу; ибо как назвать то чувство, которым дышит мелодия русских песен, к которому чаще всего возвращается русский народ и которое можно назвать центром его сердечной жизни». А далее он говорит о предметном характере средоточия: «Надобно еще быть воспитанным в средоточии жизни своего народа, разделять надежды своего отечества, его стремления, его утраты — словом, жить его жизнью и выражать его невольно, выражая себя»⁵⁶. Речь опять же идет об отечестве в старинной, допетровской, широкой трактовке: отечество, как то все великое, сильное, славное, прекрасное и священное, что объединяет народ (духовно и телесно) в одно целое.

Отечество у славянофилов раннего периода не было вытеснено понятием «родина». Их творческая деятельность направлена на то, чтобы вернуть этому исконному русскому понятию жизнь. Они считали, что основание для этого есть, что нельзя считать их точку зрения умозрительной. В народе, несмотря ни на какие новые веяния, всегда сохраняется консервативное начало, и в определенный момент истории оно проявится и вернет всему народу глубину этнического чувства. Это особенно ясно высказывал А. С. Хомяков. И. В. Киреевский же глубже и самобытнее описал творческую лабораторию существования исконного понятия отечества. Для И. В. Киреевского равноважны и «внутреннее убеждение» — опыт веры и церковной жизни русских, — и «русский быт», иначе говоря, русский этнический опыт («русский быт и эта прежняя, в нем отзывающаяся жизнь России драгоценны для нас»). Он постоянно употребляет понятие «русская земля», чтобы подчеркнуть этнический характер территории русских. Адекватно исконному смыслу у него и понятие «Святая Русь»: «Ибо если Русскую землю иногда называли “Святая Русь”, то единственно с мыслию о тех свя-

тынях мощей и монастырей и храмов Божиих, которые в ней находились...»⁵⁷ Киреевский рисует русский мир того времени Средневековья, когда понятие Отечество еще имело этнический смысл: «Воображая себе русское общество древних времен, не видишь ни замков, ни окружающей их подлой черни, ни благородных рыцарей, ни борющегося с ними короля. Видишь бесчисленное множество маленьких общин, по всему лицу земли Русской расселенных. И имеющих, каждая на известных правах, своего распорядителя, и составляющая, каждая, свое особое согласие, или свой маленький мир, — эти маленькие миры, или согласия, сливаются в другие, большие согласия, которые в свою очередь, составляют согласия областные и, наконец, племенные, из которых уже слагается общее огромное согласие всей Русской земли, имеющее над собою князя всея Руси, на котором утверждается вся кровля общественного здания...»⁵⁸.

А. С. Хомяков еще более оживляет эту картину этнической территории русских: «Обычай и исконная привычка к жизни гражданской в городах и селах... Она (Русь. — О. К.) вся состояла на взаимном поручительстве: таков был ее гражданский смысл, основанный на ее общем характере... Вся земля почти во всех своих подробностях была основана на взаимной поруке и ответственности, подразумеваемой или высказываемой»⁵⁹. Говоря напрямую об этничности, Хомяков употребляет понятие «русский дух», иными словами, духовная сила. «Русский дух создал самую русскую землю, в бесконечном ее объеме, ибо это дело не плоти, а духа; русский дух утвердил навсегда мирскую общину, лучшую форму общительности в тесных пределах; русский дух понял святость семьи и поставил ее как чистейшую и незыблемую основу всего общественного здания; он выработал в народе все его нравственные силы, веру в святую истину, терпение несокрушимое и полное смирение»⁶⁰. Говоря о России, мыслитель прибегает в разных работах 1840–1850-х годов к таким синонимам, как «отечество», «русская земля», в одном случае — «родина». А. С. Хомяков, как и И. В. Киреевский, считал реформы Петра I, исторически естественными и

⁵⁶ Киреевский И. В. Нечто о характере поэзии Пушкина // Там же. Т. 2. С. 20.

⁵⁷ Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собр. соч.: в 4-х т. Т. 1. Калуга, 2006. С. 108.

⁵⁸ Там же. С. 109–110.

⁵⁹ Хомяков А. С. Замечания на статью г. Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление» // Хомяков А. С. Работы по философии: в 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 525.

⁶⁰ Хомяков А. С. Предисловие к «Русской беседе» // Там же. С. 587.

необходимыми для России, вызванными действительно серьезными проблемами в стране. Решив их, народ и страна могут, опираясь на богатейший потенциал прошлого, двигаться вперед: «Тогда, в просвещенных и стройных размерах, в оригинальной красоте общества, соединяющего патриархальность быта областного с глубоким смыслом государства, представляющего нравственное и христианское лицо, воскреснет древняя Русь, но уже сознающая себя, и не случайная, полная сил живых и органических, а не колеблющаяся вечно между бытием и смертью»⁶¹. Стоит лишь отметить, что и в теоретических послылках славянофилов заключались не только упования на далекое будущее, они немало потрудились, создавая Святую Русь настоящего им времени. Об этом будет сказано ниже.

Итак, к 1840 годам сложилась вполне определенная ситуация с новым этноориентированным понятием, идущим на смену средневековому понятию «Русская земля». Совершенно очевидно, что темы русского народа, русского языка и культуры в послевоенный период становятся для высшего сословия и для всех образованных людей России чрезвычайно актуальными. Актуальность этой тематики, можно сказать даже взрыв общественного народолюбия по отношению к русскому народу, привели к общей потребности в новом термине, работающем на этническую составляющую, поскольку слово «отечество», превратившееся в сугубо официальное понятие, перестало нести этническую нагрузку. И новый термин был получен из гущи народной, где «родина» означала место рождения. Обобщение же его, «растесывание» до величины прежнего макропонятия «Русская Земля» происходило разными путями: через калькирование с других языков (например, с англ. home); через уточнение ставшего узкосмысловым понятия «отечество»; через поэтическое творчество. Кроме того, нельзя не учитывать, что вся эта созидательная работа велась разными по идеологической направленности группами, условно обозначаемыми как западники и славянофилы. И те и другие писали о русских, русском народе, Святой Руси, отечестве, хотя и по-разному понимая эти слова.

В результате творческой деятельности всех общественных сил, заинтересованных в возвращении русской этничности на историческую арену, к 1840 годам выросла основа для полноценного формирования нового понятия «Родина».

Этой основой были как этнический субстрат в понятии «Родина», означавший «место рождения всего русского народа», «земля русского народа», так и социальный и правовой. Речь шла именно о русском народе, хотя и не обо всем, а о простонародье, т. е. крестьянстве, бедных горожанах и прочих небогатых слоях общества. На слуху было и понятие «гражданин», — как достойный сын своего отечества, своей родины. Все эти три слова, из которых состоит понятие «народ» — русский, из простонародья и гражданин, разрабатывались параллельно, как взаимодополняющие друг друга характеристики народа. Соответственно «родина» в конце концов, стала пониматься как место на земле, где родился, живет и трудится простой русский народ, жаждущий обрести подлинные гражданские права.

Следует сказать еще об одном процессе. Расширение содержания понятия «родина» шло не за счет абстрактной идеологической работы западников и славянофилов, но за счет живого обращения к народным началам — современным и прошлым (в текстах и культурно-художественных образцах), в том числе — к «перетягиванию» из прошлого всех необходимых содержательных смыслов, содержащихся в понятиях Отечество, Русская Земля, Святая Русь. Поскольку современные западникам и славянофилам монополисты, владеющие понятием «Отечество» — государство и Церковь — отказались (в силу объективных причин) от этнической составляющей этого термина, то приходилось активно обращаться к прошлому, к истории, к текстам и артефактам. Несомненно, что эта деятельность была неодинаковой у той и другой стороны, хотя и западники, и славянофилы большое внимание уделяли составлению собиранию исходного материала и составлению текстов. Но уже на раннем этапе стало заметно, что западники склонны к более радикальным формам антиправительственного протеста при обращении к обществу за поддержкой. В конце концов, именно они избрали революционный путь борьбы ценою привлечения на свою сторону всех сил, недовольных самодержавным государством и Православной Церковью. Революция 1917 г. во многом явилась итогом радикально-преобразовательной работы западников. Пути западников и славянофилов разошлись, когда началась их практическая деятельность, те и другие близко узнали народ, даже в выборе главного термина обозначилась эта

⁶¹ Хомяков А. С. О старом и новом // Там же. С. 470.

разница. Славянофилы выбрали традиционные «Русская Земля — Отечество — Святая Русь», хотя это выглядело утопично в глазах современников, а западники взяли за основу термин «Родина», как будто более жизненный и народный.

1850–1900 годы

Славянофилы, несмотря на большую общественную активность западников, на практике смогли быстрее реализовать свои чаяния. Речь идет не о создании текстов, а именно о создании нового бытия, территориально протяженного, осязаемого, которое можно было связать с понятием «Святая Русь». За пределами этой возвращенной в мир России этнотерритории, однако, остались и «Отечество» и «Русская Земля», так и не вышедшие за пределы только текстов, поэтому «Святая Русь» не обрела территориальной полноты всей территории России, а была зафиксирована как локальное пространство. У отдельной общественной группы, к которой относились славянофилы, просто не было необходимых сил, чтобы максимально широко решить эту проблему. О какой Святой Руси идет речь?

Если средневековое понятие «Русская земля — Отечество — Святая Русь» было тесно привязано к небесному покровительству Божьей Матери, то для возвращения к прежнему смыслу, необходимо было развернуть практическую созидательную мощную церковную деятельность, которая имела бы, с одной стороны, строго централизованный характер, с другой стороны, охватывала бы всю территорию России. Такая деятельность началась, когда в России с конца XVIII в. стали появляться многочисленные женские общины, а с 1840-х годов превращаться в общежительные монастыри. За 70 лет их возникло более 300. Это явление в точности соответствовало вышеобозначенным условиям: оно было всенародным, захватившим все слои общества; оно являлось массовым, общероссийским и имело свой духовный центр в Сарове и

Порт-Артурская Божья Матерь.
1904 г. Икона

Дивеевской женской обители⁶². У этого явления была общая идея — созидание Четвертого удела Богородицы в Дивеево, в рамках которой, по сути, создавались по всей России новые общины и монастыри. Таким образом, идея Покрова Божьей Матери над Русской землей возвращалась в этническое поле русского народа не как единичный факт, а как и во времена прп. Сергия Радонежского — общерусское церковное под-

⁶² Сошлемся на детальную проработку этого вопроса в нашей монографии. — Кириченко О.В. Женское православное подвижничество в России. XIX–XX вв. М., 2011.

вижническое движение, направленное на созидание и хранение русской православной святости и подлинной церковности. Женские обители, созданные в самых разных уголках, большей частью, сельской России, и стали тем *территориальным* очагом Святой Руси, какой она и была в XIV–XVI вв.

В монографии «Женское православное подвижничество в России. XIX — середина XX вв.» нам приходилось отмечать, что многие образованные современники не видели, или не хотели видеть территориального поля Святой Руси, связанного с новыми женскими монастырями. Единственной силой из числа образованных лиц, которые деятельно и горячо стали помогать этому женскому подвижническому движению, были славянофилы. Именно они легализовали — через реальную помощь, книги, статьи, дискуссии, посещение старцев и монастырей, передачу денежных средств и имений в дар новым общинам и монастырям — в образованном обществе само их существование, как духовных и культурных очагов. Славянофилы, по своей сословной принадлежности, были дворяне. Новые женские монастыри, легализованные в общественном светском мнении хотя бы частью дворянства, стали легитимны и для всех других дворян. «Святая Русь» вошла в сознание всех современников, хотя и с разным отношением к ней.

Важно отметить, что церковная деятельность славянофилов сама по себе во многом их перевоспитывала: у них исчезали некоторые западнические иллюзии и заблуждения, уходило в прошлое утопическое воззрение на исконную Русь, они обретали глубинное понимание основ понятий «Святая Русь», «Русская Земля», отчего менялся и взгляд на Отечество. Исчезали радикализм (идуший от тесной связи с западниками) в суждениях и путях достижения истины, рождались духовная мудрость и молитвенная рассудительность.

Указанные перемены нашли отражение и в иконографии этого времени. В XIX в. появляются образы Богородицы, где Она предстает молящейся за род человеческий, за Россию. Образ «Умиления», принадлежавший прп. Серафиму Саровскому, «Спорительница хлебов», «Порт-Артуровская» и целый ряд других чудотворных икон становятся известны всей России. 1917 год памятен не только революцией, но и явлением иконы Божьей Матери «Державная», обретенной в день отречения святого царя Николая от престола. Церковный смысл предстательства Божьей Матери за Россию, благодаря всем вышеуказанным явлениям, стал присутствовать и в понятии

«родина». Покров Божьей Матери в пространстве «родины» отличался от Покрова времени Средневековой Русской земли — Святой Руси. Последнее понятие изначально было макропонятием, в то время как «родина» означала, условно говоря, лишь «точку» в пространстве. Точечный характер этничности в понятии «родина» указывал на то, что не было уже более *единого поля* «православного мира», «русских». Единство достигалось лишь в определенные моменты: торжеств прославления святых, крестных ходах, паломничествах. В целом же новый мир сделался этнически и духовно неоднородным, нередко в нем звучала враждебность по отношению к русским, к православию и Российской имперской державе.

Образ Божьей Матери «Спорительница хлебов». Современная икона

Реакцией со стороны западников на успешность проекта возвращения в российскую реальность Святой Руси как Земли Русской, к которому были причастны славянофилы, стала радикализация их воззрений. Перед западниками стояла задача представить русскому народу свой глобальный проект, со своими святынями, со своим «Покровом Богородицы». Но он мог быть только утопичным, иллюзорным, поскольку опирался не на реальность, а на мир, созданный художественными образами. Для успешной

реализации была необходима мифологизация бытия, в том ее значении, как об этом писал А. Ф. Лосев⁶³. Успешно реализовать эту сверхсложную задачу смогли не философы и политики-западники, а литераторы, и в первую очередь — Николай Алексеевич Некрасов.

До сих пор поэта представляют как непревзойденного *реалиста* в области художественного стихотворного описания русского народа, хотя именно он, как никто другой из русских поэтов, постарался создать чисто литературный миф⁶⁴ о русском народе, практически не совпадающий с реальностью. Некрасовский народ — это угнетенный, униженный, плачущий и страдающий народ, стон и нужда которого дошли до крайних степеней выразительности. Словно у этого народа не было ни ярких праздников, ни духовных и мирских радостей от труда на земле и в ремеслах, словно он не знал самых высоких взлетов духа в религиозной жизни, словно не было ни народной любви к царю, ни добрых отношений с благочестивым помещиком, ни семейного счастья многодетности. Но не это основное, что определяло народную жизнь, интересовало Некрасова, а нередкие случаи самого тяжкого народного горя, которые он сумел обобщить до уровня повсеместного и общенародного, — вот что являлось главной задачей поэта. Из нарочито ложного описания всероссийского «горя народного» на потребу революционным настроениям публики выросло и сугубо ложное описание русской женщины — как пребывающей в постоянном горе, безмерно страдающей жены и матери, наиболее обездоленной части русского народа.

Н. А. Некрасов (1821–1877) первый из русских литераторов соединяет в одно целое понятия «русская женщина», «Русь», «славянка», «родина», «жена». От этого «Родина» приобретает глубокий и понятный смысл, свободный от абстрактно идеологического. Писатель искусственно кон-

струирует художественными средствами образ идеальной матери, народной, крестьянской матери, Матери с большой буквы, но отличной от христианской матери — Богородицы. Череда перечисленных понятий связывается посредством описания горькой доли русской семейной крестьянки. В поэме «Мороз, красный нос», хотя и не идейной по замыслу писателя, ясно проступает четкий внутренний, допускаем, что неосознанный идейный контур поэмы. Крестьянка Дарья — это «женщина русской земли». У нее «три доли», три креста на плечах: 1. с рабом повенчаться; 2. быть матерью сына раба; 3. до гроба рабу покоряться. Из этого следует, что сама она не рассматривается автором в качестве рабыни, он видит ее свободной, и в этом мы видим указание на то, что это обобщенный образ не просто женщины, а именно Руси. На эту свободу указывают и слова автора «тип величавой славянки возможно и ныне сыскать». Укорененность в «вековечное» славянство должна указывать, что здесь тип свободы обобщенной, но свободной от оков «российской государственности». Соответственно, «раб»-крестьянин, муж крестьянки — это Отечество, это имперское государство, с которым свободная Русь связана брачными узами.

Итак, какова эта свободная Русь, родина, которая еще жива кое-где? В ней зримо видны все *идеальные* качества человека: «спокойная важность лица», «красивая сила в движениях», «походка», «взгляд царицы», «цветет: румяна, стройна, высока. Во всякой одежде красива, во всякой работе ловка». Ее внутренние качества: «И голод и холод выносит, всегда терпелива, ровна». По будням она неустанно трудится, а в праздник «в игре ее конный не словит». В поступках она готова на подвиг и самопожертвование: «в беде не сробеет, — спасет, коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!» Ослепительно красива: «Красивые ровные зубы, что крупные перлы у ней», но строго хранит

⁶³ О теснейшей связи поэзии с мифом пишет А. Ф. Лосев в своем известном труде, написанном в 1920-е годы, «Диалектика мифа»: «Поэзия живет отрешенным от вещей бытием и “незаинтересованным удовольствием”... Миф есть не что иное, как тот же самый отрешенный от вещей поэтический образ, но вещественно и телесно утвержденный и положенный. Миф есть поэтическая отрешенность, данная как вещь». — Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 570. Задачей Н. А. Некрасова было создание такого поэтического образа, который в последующем мог бы реализоваться в определенном мифе, т. е. в реальной «вещи», реальной жизни.

⁶⁴ А. Ф. Лосев не ставит специального вопроса о качестве мифа — мифе ложном и мифе истинном. В целом же он впервые предлагает взглянуть на миф как объективную реальность, необходимую часть нашего бытия. Более того, миф занимает вместе с религией вершину земного человеческого мироустройства и в этом его и величайшая самоценность и насущная потребность для человека жить в мифологическом мире. То, что западники вполне интуитивно избрали путь мифологизации в ответ на успешность реализации славянофильского проекта «Святой Руси», говорит о многом. Но миф требует прохождения определенного качественного пути, где есть не только «поэзия», но и «религия» и «чудо». Этот путь для западников был непреодолим в силу их критического отношения к христианству, Православной Церкви, вере. Значит, им возможно было создавать только псевдомиф, и соответственно, — «псевдопоэзию», «псевдорелигию», «псевдочудо».

целомудрие: «Но строго румяные губы хранят их красу от людей». И еще важные внутренние качества: редко улыбается, т. е. не балагурит по-пустому и одним своим внешним видом показывает, что ко мне по пустякам не суйся: «У ней не решится соседка ухвата, горшка попросить». Также она строго относится и к нищим: «Не жалок ей нищий убогий — вольно ж без работы гулять», что, очевидно, по мысли автора, должно указывать на дохристианскую мораль, потому что нищелюбие в современной поэту России было одной из укоренившихся норм в народе⁶⁵.

Некрасов подводит итог этого портрета Родины-Руси, женщины-крестьянки: «В ней ясно и крепко сознание, что все их спасенье в труде, и труд ей несет воздаянье: семейство не бьется в нужде». Таков идеал: это трудовая (а не верующая, молящаяся) Россия, Русь, единая в своем трудовом порыве и трудовой сплоченности, по-протестантски верящая в святость труда. Но этот идеал является плодом художественного творчества поэта, скорее умозрительным образом, чем реальным. Некрасов соединил все лучшее из «народного» — русского и славянского — и привязал это к придуманному им идеалу — «единству народа в труде» и представил свой образ Руси. Славянская красота женщины, должна, по мысли Некрасова, очевидно, указывать на то, что это древняя красота, а не приобретенная в последние века в христианскую эпоху. Писатель стремится не только наделить героиню идеальными физическими чертами, но и придать ей черты святости. Для освящения этого идеального образа писатель добавляет иконописные черты: «Идет эта баба к обедне пред всею семьей впереди: сидит, как на стуле, двухлетний ребенок у ней на груди». Но при том, что здесь явное указание на богородичный образ, автор нарочито подчеркивает: «эта баба», а не девица. Также и в словах «рядком шестилетнего сына нарядная матка ведет» проступает связь с евангельским сюжетом (Евангелие от Луки), где Богородица с 12-летним Спасителем ходила в Иерусалим. Некрасов словно говорит: «Перед нами образ священный, но это не Дева, а Женщина, земно потрудившаяся над рождением своих детей».

Смотрим далее, что происходит с «некрасовской Русью», когда ее касается испытание — смертельная болезнь мужа Прокла. Умирает муж, тот самый «раб», «несвободный», от которого «несво-

бодные дети», умирает имперская самодержавная Россия, государство, созданное Петром I, а может быть, еще и раннее (Иоанном IV). Автор отдает должное покойнику: «Уснул, потрудившийся в поте, лежит неподвижный, суровый (явные указания на образы Иоанна Грозного и Петра Великого), большие с мозолями руки, подъявшие много труда, красивое, чуждое муки лицо — и до рук борода...» В сцене плача по Проклу постоянно звучат слова с корнем «род»: «родные по Прокле завыли», «родителям был ты советник», «за что нас покинул, родной», «покушай, желанный, родной». После сцены плача по Проклу впервые автор произносит имя своего идеала, жены умершего Прокла — Дарья («сильная, побеждающая» — перс.). Далее мы узнаем, что, ее муж простыл в зимнюю пору, когда возил на санях товар, куда-то в отдаленное место. Больного долго лечили от простуды «домашними средствами», полужызыческими суеверными действиями: тут и ворожей заклинали болезнь, и продевали три раза сквозь потный хомут, и окунали в прорубь и т. д. И лишь все это испытав, решили «испробовать средства иного»: пойти в отдаленный монастырь за чудотворной иконой, в которой «целебная сила была». 30 верст прошла Дарья до монастыря и 30 обратно до дома, но муж умер *сразу*, как только она пришла: «Пошла, воротилась с иконой — больной уж безгласен лежал, одетый как в гроб, причащенный, увидел жену, простонал и умер». Другая смерть ожидает по воле автора Дарью. Она замерзает в лесу, превратившись в ледяную статую: «Дарья стояла и стыла в своем заколдованном сне». Автор объясняет, чем хороша такая кончина: «Нет глубже, нет слаще покоя, какой посылает нам лес, нам слаще нигде не уснуть». Тут же в лесу, незадолго до такой кончины Дарья вспоминает свое посещение монастыря, когда она ходила за чудотворной иконой. Некрасов дает сцену этого посещения не по ходу действия, в своем месте, а в конце, там, где грядет скорая кончина Дарьи. Ему важно соотнести две эти кончины: монахини и Дарьи. Вот описание умершей схимницы: «Долго меня продержали — схимницу сестры в тот день погребли. Утренняя шла, тихо по церкви ходили монашины, в черны рясы наряжены, только покойница в белом была: спит молодая, спокойная, знает, что будет в раю. Поцаловала и я, недостойная, Белую ручку твою! В личико долго глядела я: всех ты моложе,

⁶⁵ Яркие свидетельства в пользу этого приводит в своих знаменитых письмах современник Некрасова А. Н. Энгельгард. — См. *Энгельгард А. Н.* Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб., 1999. С. 24.

нарядней, милей, ты меж сестер, словно горлинка белая Промежду сизых, простых голубей. В ручках чернеются четки, писанный венчик на лобу, Черный покров на гробу — Эдак-то ангелы кротки! Молви, касатка моя, Богу святыми устами, чтоб не осталась я Горькой вдовой с сиротами! Гроб на руках до могилы снесли, с пеньем и плачем ее погребли». Обращаясь к монастырской сцене, Н. А. Некрасов предлагает читателю посмотреть на смерть крестьянки другими глазами, нежели она может показаться. Он словно говорит: «Она не просто замерзла в лесу, она умерла святой “схимнической” кончиной, она застыла в своей правде, в своем величии, она стала памятником, превратилась в нечто вечное, более великое, чем ее муж, чем схимница в монастыре».

Смерть Дарьи была естественной, *природной, а не человеческой, христианской*: ее не сопровождали в жизнь вечную ни святые Дары, как они сопровождали мужа, ни чудотворная икона, ее не отпевали так высоко и дружно, как монастырскую схимницу. Таким образом, автор рассматривает Русь, Родину, как явление не только сформировавшееся, но и завершившее свой жизненный путь. Ныне она является памятником Родине-Матери, памятником Руси, Святой Руси, славянству, женщине-крестьянке, русской женщине, русскому народу. Такова идеологема поэмы «Мороз, красный нос», написанной в 1864 г.

В отдельных стихах Н. А. Некрасова тема «Родины-России», «Родины-Матери» также встречается достаточно часто. С самых ранних стихов Некрасов начинает обыгрывать материнскую тему как нечто особое, коренное, сущностное, самое святое. В 1846 г. было написано стихотворение «Родина». Здесь звучат упреки «отцам», которые превратили Родину в место бесплодное и пустое своими пирами, чванством, развратом грязным, мелким тиранством, где мужчина-помещик учится «терпеть и ненавидеть», живет с растленной душой, где злоба и хандра. На фоне всех этих негативных явлений вырисовывается светлый образ «матери». Мать, отданная во власть «угрюмому невежде», жила в рабстве. Но душа ее продолжала быть «гордой, упорной, прекрасной». Автор называет мать «сестрой души моей» и говорит, что мать повторила судьбу своей матери. И далее описывает кончину матери: «лежала ты в гробу с такой холодной и строгою улыбкой, что дрогнул сам палач». Некрасов считает, что «отцовство», его духовное наследие «проклятьем на меня легло неотразимым, — всему начало здесь, в краю моем родимом». Край родимый сводится только к образу матери, к ее могиле, потому что даже природа здесь отравлена «отцов-

ством»: «И с отвращеньем кругом кидая взор, с отрадой вижу я, что срублен темный бор — и нива выжжена, и праздно дремлет стадо, и набок валится пустой и мрачный дом».

В написанном годом позже стихотворении «Поэт и гражданин» Некрасов от лица гражданина (а надо полагать, сам в одном лице и поэт и гражданин) декларирует: «Не может сын смотреть спокойно на горе матери родной, не будет гражданин достойный к отчизне холоден душой» и далее: «иди в огонь за честь отчизны, за убежденья, за любовь». Гражданин призывает поэта «до крови» биться за честь отчизны. Но отчизна — это уже не «Россия», это — родина, которую угнетают отцы. Гражданин-Некрасов отвечает: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан. А что такое гражданин? Отечества достойный сын». Кто же такой гражданин отечества? «Он, как свои, на теле носит все язвы родины своей», — вот он гражданский пафос и контекст понимания гражданского долга Некрасовым. За ним стоит почувствованная поэтом (и каждым настоящим гражданином, по мысли Некрасова) боль матери, русской женщины. В «Размышлениях у парадного подъезда» есть патетическое обращение к Родине: «Родная земля! Назови мне такую обитель, я такого угла не видал, где бы сеятель твой и хранитель, где бы русский мужик не стонал?».

В 1859 г. было написано небольшое стихотворение «Песня Ерёмушке». Колыбельная песня проезжего городского человека была полна самыми громкими программными заявлениями: «В нас под кровлею отеческой не запало ни одно жизни чистой человеческой плодотворное зерно». Поэтом исполнителю предлагает дитяти обратиться к силе новой: «ты рожден природою — Братством, Равенством, Свободою». «Возлюби их! На служение... Будешь редкое явление, чудо родины своей». Тогда и родится вместо терпения другая сила: «Необузданную дикую к угнетателям вражду и доверенность великую к бескорыстному труду». Тогда можно будет грянуть на угнетателей родины «божьей грозой».

В 1860 г. в стихотворении «Первый шаг в Европу» автор обращается к иронии, и даже сатире, чтобы контрастнее обрисовать разницу «родины» и «отечества». На деньги внезапно умершего дяди («души, заложенные в опекунский совет») семья (муж и жена) едут развлекаться в Европу. Жена повторяет: «Жизнь для нас на родине скучна!». Но муж при прощании с «отчизной» плачет. Также здесь упоминаются «берега священной родины», когда миновали границу. И вот, находясь в Берлине, муж семейства вспоминает уже не родину, а отечество,

когда характеризует страстное поведение «дражайшей супруги»: «В отечестве она не знала им (страстям) узды». Жена ударила горничную в гостинице и в ответ также получила оплеуху. И сразу тот и другой оценили этот поступок горничной как «грубость, мрак и дичь», и захотелось уехать домой, «и тяжело я вздохнул о родине моей». Отечество выступает у писателя идеалом для его героев, но читателю ясно, что идеал этот понимается неправильно.

Понятие «родины-матери» как авторского определения мы встречаем у поэта в середине 1850-х годов. Например, в поэме «Саша» это определение рождается из нескольких образов: «словно как мать над сыновней могилой», «лес ли начнется — сосна да осина... Невесела ты, родная картина!», «Любо мне видеть знакомую ниву — Дам же я волю благому порыву и на родимую землю мою / Все накопившие слезы пролью!» Автор вспомнит тут недобрым словом отца: «Спящих в могилах виновных теней не разбужу я враждою моей». И вот из этого всплеска эмоций светлых и темных рождается обращение: «Родина-мать! Я душою смирился, любящим сыном к тебе воротился». Автор сравнивает свое возвращение к родине-матери с евангельским возвращением блудного сына. Только вместо отца здесь встречает сына мать: «Мать не враждебна к блудному сыну». Отсюда, из своего родного гнезда поэт начинает оглядывать окрест себя, размышляя, о том, что вокруг происходит, откуда в стране появились праздные люди (Лев Алексеевич Агарин), «современные герои», изнемогающие под бременем собственной силы, говорящие, но ничего не делающие. Этот взгляд поэта со стороны родного угла во вне заставляет обратиться к высокому стилю: «Странное племя в нашем отечестве создало время! Это не бес, искуситель людской, это, увы, современный герой!».

В 1861 г. у поэта впервые появляется цельный образ «мать-отчизна»: «мать-отчизна! Дойду до могилы, не дождавись свободы твоей!» В тот же год в стихотворении «Свобода» Некрасов пишет: «Мать-родина! По равнинам твоим, я не ежился с чувством таким!» В другом стихотворении этих лет есть образ русской природы: «мать-природа! Иду к тебе я снова со всегдашним желаньем моим». Родина становится близка природному окоему. В стихотворении «Возвращение» (1864 г.) на слова «не ласков был мне родины привет» есть разъяснение: земля моя родная, вся под дождем рыдала без конца. В меня бросала холодные листья. И ветер мне гудел неумолимо: Зачем ты здесь, изнеженный поэт?» В программном стихотворении «Памяти Добролюбова»

(1864 г.) также звучит понятие «природа-мать». Здесь же такая емкая и характерная для мировоззрения самого Некрасова строчка: «Как женщину ты родину любил». Природа в стихотворении «Утро» (1872 г.) живет теми же проявлениями, что и страдающие матери: «Ты грустна, ты страдаешь душою: Верю — здесь не страдать мудро. С окружающей нас нищетою здесь природа сама заодно». В последние годы поэт обращается к родине нередко с упреком, как к человеку, женщине, с которой у него сердечные отношения: «Родина милая, Русь святая, просторная... сына лежачего, благослови, а не бей!» (1876 г.). «Камень в сердце русское бросая, Так о нас весь Запад говорит. Заступись, страна моя родная! Дай отпор!.. Но родина молчит...» (1877 г.) Одно из последних стихотворений «Подражание Шиллеру»: «О Русь! Ты несчастна... я знаю».

Святая Русь, как и просто Русь, с различными эпитетами: «родная», «безмятежная», «просторная» и т. д. у поэта имеет свое значение. Это не Русь святых и святости в церковном понимании, это Русь русского народа, Русь народная, Русь долготерпения, страдания. Ее святость в страданиях людей, в подневольном труде, горестях бытовой жизни. В «Веселой» песни, спетой сыном Трифона Григорием в поэме «Кому на Руси жить хорошо» есть рефрен «славно жить народу на Руси святой!» С сарказмом звучат эти строки после каждого куплета: «Разломило спину, А квашня не ждет! Баба Катерину вспомнила — ревет: В дворне больше году Дочка... нет родной! Славно жить народу на Руси святой». Поэт упрекает Церковь за такую святость, не случайно в поэме говорится, что «она (песня) по пьяным праздникам, как плясовая, пелася попами и дворовыми».

В поздних стихах кроме самого употребительного у Некрасова понятия «родина» появляется слово «страна»: «Вихорь злобы и бешенства носится над тобою, страна безответная» (1872 г.) В стихотворении «Уныние» звучит рефреном: «Прости меня, страна родная». В череду эпитетов входит и понятие «русский край» («Праздному юноше». 1876 г.)

Щемяще остро поэт передает образ молодой крестьянской матери, ярко рисуя трагизм ее женской доли («В полном разгаре страда деревенская». 1862 г.), которая только начала растить ребенка, а уже плачет горькими слезами от непосильных трудов полевых. Так же ярко написан образ жены и матери — старухи, «когда ей не спится». Ярко написан образ солдатской матери Орины («Орина, мать солдатская») в ее строгом, но страшном горе — потере сына, вернувшегося домой после

службы. Мать для Некрасова и страдалница и лицо, умудренное прозорливостью судеб своих детей: «она была исполнена печали... Ее уста задумчиво шептали: “Несчастные! Зачем родились вы?”» Автор называет свою героиню «мученица-мать» («Мать». 1868 г.). Сюда же можно отнести сюжет из стихотворения «Соловьи».

В философии Н. А. Некрасова родина — это народная Русь, исполненная невиданных страданий. Ради нее, как считает поэт, русский народ терпит все муки, какие ему выпадают. Не ради Бога, как было бы правильно думать, как естественно думал и сам народ, а ради своей родины, он терпелив и кроток. Отсюда и терпение и кротость у него не Божьи, не Христовы, а естественные, моральные и физические, что совершенно искажает реальную картину жизни. А если речь о Боге и заходит в этой связи, то скорее как об источнике выпадающих на народ испытаний: в стихотворении «Железная дорога» Некрасов пишет: «Да не робей за отчизну любезную, вынес достаточно русский народ, вынес и эту дорогу железную, вынесет все, что Господь ни пошлет!».

Наиболее масштабным по своей философской широте у Н. А. Некрасова является незаконченная, но объемная поэма «Кому на Руси жить хорошо». Крестьянская родина — Русь, Святая Русь рассматривается автором на фоне передвижения странников, своего рода каликов перехожих. В этом произведении Некрасов впервые говорит о перспективах Руси: «В минуты унынья, о родина-мать! Я мыслью вперед улетаю. Еще суждено тебе много страдать, Но ты не погибнешь, я знаю». «Была ты глубоко несчастной страной, подавленной, рабски бессудной». Поэт вновь, как и в поэме «Мороз, красный нос», для подчеркивания глубинных корней свободы и духовности русской женщины обращается к теме славянства: «Давно ли народ твой игрушкой служил позорным страстям господина? Потомок татар, как коня, выводил на рынок раба-славянина». «И русскую деву влекли на позор». Поэт говорит с оптимизмом: «Сбирается с силами русский народ и учится быть гражданином». К славянской теме примыкает и упование автора поэмы на судьбу как духовную разумную силу (в противовес православно-христианскому Промыслу Божию): «И ношу твою (родина. — О. К.) облегчила судьба, спутница дней славянина! Еще ты в семействе — раба, но мать уже вольного сына!» Под вольным сыном Некрасов, очевидно, подразумевает плеяду революционеров,

появившихся в России. Поэма завершается торжественной, «удалой песенкой», которая называется «Русь»: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и забитая, ты и всесильная, Матушка Русь!»

По слову Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасов был из той редкой череды писателей, которые приходят в мир со своим «новым словом». И дело здесь не только в крестьянской тематике, но и в той внутренней философии, которая четко объемлет все творчество этого поэта XIX столетия. Именно эта внутренняя логика определяла то, что создавало у читателей ощущение целого образа. В числе самых значительных образов находится образ родины. Известный исследователь творчества поэта К. И. Чуковский, считал, что Некрасову присущи три главные темы: «народ, мать и Белинский»⁶⁶. Именно эти три темы Некрасов и свел воедино в теме «родина»: народ как социальное начало («простой народ»), мать как этнический признак и Белинский как идеальный гражданин.

Это была колоссальная работа по возведению словесного памятника Матери-Родине, выполненной не скульптором еще и не художником, а мастером слова. Обращаясь к текстам поэта, написанным в разное время, мы показали, что эта конструкция создавалась постепенно в течение долгого времени. Многочисленные конкретные образы русской женщины (молодой или пожилой), (рисуемых ее в конкретике горестной судьбы, когда они не могут ничего сделать для своих детей), которые соотносятся с состоянием природы, животного мира (образ заезженной лошади), после чего образ судьбы и природы суммируются емкими и святыми для простого русского человека понятиями, такими как «Русь», «Святая Русь», «русская сторона», «русский край» и, соответственно, родина, родина-мать, отчизна. Параллельно идет формирование образа простого народа, простой, бедной, убитой горем женщины. И здесь также рядом с плачем человека рыдает и томится природа, воеет зверь, бушует стихия и, таким образом, горе конкретной матери расширяется до космических пределов. Томится и мучится родина. Гражданское начало прописывается в постоянном подчеркивании бесправия: мужа над женой, помещика над крестьянином, чиновника над бедняком, царя над подданным, Бога над человеком. Так Некрасов заканчивает свою тему бесправия: *Гляди стоят три дольщика: Бог, царь и господин...* («Кому на Руси жить хорошо»).

⁶⁶ Чуковский К. Некрасов как художник. Пб., 1922. С. 32.

При этом в социальном, этническом и гражданском центре всего у Некрасова стоит женщина. Она главный человек, истинно русское лицо, которое более всего страдает и более всего достойно сочувствия. Известно, что возвеличение русской женщины у Некрасова доходило до обоготворения, в том числе и символического обобщения до понятия «родины-матери».

Начнем с того, что поэт буквально боготворил свою мать, считал ее мученицей, святой. В. Е. Евгеньев-Максимов пишет, что Некрасов думал так всю жизнь. В 24 года он изливал свои чувства о матери Ф. М. Достоевскому и тот отметил, что Некрасов раскрылся перед ним «самой существенной и самой затаенной стороной своего духа» (Дневник писателя. 1877. № 12). И уже умирающий поэт обращает свое проникновенное слово, в разговоре с близким другом П. Гайдебуровым, к памяти матери⁶⁷. К. Чуковский отмечал, что во многом образ реальной матери не совпадал с литературным⁶⁸, но Некрасов словно и не замечал этого. В моменты нередкой хандры, поэт приходил в страшное уныние, но одновременно и волнение. «Его хандра доходила порой до восторга», и он рыдал о замученной матери, хотя жизненных оснований для этого не было⁶⁹. В последние годы Некрасов пишет поэму «Мать», где история конкретной его «родины-матери» раскрывается с необычайным трагизмом и обобщением образа матери.

Несчастлива я, терзаемая другом,
Но пред тобой, о женщина, раба?
Перед рабом, согнувшимся над плугом,
моя судьба — завидная судьба!
Несчастлива ты, о родина! Я знаю
(имеется в виду Польша. — О. К.)
Весь край в крови, весь заревом объят...
Но край, где я люблю и умираю
Несчастнее, несчастнее стократ!
(это о России. — О. К.)

Поэт благодарит мать за то, что «во мне спасла живую душу ты». «Но будешь жить ты в памяти людской, пока в ней жить моя способна лира».

В стихах 1877 г. все время звучит тема «матери»: «Мы любим сестру и жену и отца, но в муках мы мать вспоминаем»; «Так запой, о поэт, чтобы всем матерям на Руси, на святой, по глухим

деревням Было слышно, что враг сокрушен, положен (о турках на войне. — О. К.). А твой сын невредим, и победа за ним, не велит унывать, посылает поклон».

Биографы поэта отмечают особую эмоциональную чувственность поэта. К. Чуковский так обозначил это свойство Некрасова: «Этот страстный к страданию человек видел слезы страдания там, где их не видел никто». Например, когда он ехал по железной дороге, ему казалось, что она построена на костях людей, и он передавал это чувство в стихах. Однажды ему померещилось, что будто пыль на всех тысячеверстных деревенских дорогах так прибита женскими слезами, что ее не поднять, и это у него не аллегория. И он написал строчку⁷⁰.

Прибитая к земле слезами рекрутских
жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами над бедной
родиной моей.

Хотя в лексике Некрасова много православных понятий и обращений, его деревня как будто бы дышит православием, но как только начинаешь приглядываться, то видишь, что православия здесь нет, что здесь правит не Промысел Божий, а языческая судьба, а эталоном духовности и чувства свободы являются не христианские нормы и критерии, а абстрактное литературное славянство. Поэт не борется открыто с образом Богородицы, которая для народа является олицетворением Небесной Матери (это было бы слишком явно идти против православного народа), но это отрицание начинается уже с того, что Некрасов фактически отвергает позитив «официального» понятия «отечество». Строя обобщенный образ Матери, поэт рисует многие образы русских женщин «славянского духа и типа», которые читательскому воображению легко соединить в один образ страдающей женщины — матери. Нигде в тексте не проводится аналогии этих страдалец с Божьей Матерью, напротив, они как бы призваны дать читателю новый портрет идеальной матери. Каждая страдающая русская женщина-мать — это в своем роде образ некрасовской «Святой Руси» и в территориальном, и в социальном смысле. Родина-мать, таким образом, соединяла в себе несоединимое — конкретного человека (а не просто сообщество женщин-

⁶⁷ Евгеньев В. Николай Алексеевич Некрасов: Сб. статей и материалов. М., 1914. С. 18.

⁶⁸ Так Некрасов, по каким-то внутренним причинам, не навещал смертельно больную мать, не принимал участие в ее похоронах и навещал ее могилу только через год после ее кончины.

⁶⁹ Чуковский К. Некрасов как художник. Пб., 1922. С. 31.

⁷⁰ Там же. С. 26.

матерей) с землей, которая чутко реагировала на его настроение. Механизм создания обобщенного образа матери таков, что читателю делается ясно, что речь идет о литературном памятнике матери-родине. Литературная статуя особенно ярко выписана в знаменитой поэме «Мороз Красный нос».

К идеальным образам Некрасов также относит свою *музу*. Она почти синоним понятия «родина» из-за своей чрезвычайной близости его страдающим героям. Вот что пишет поэт о своей вдохновительнице в предсмертные дни: «Недуг меня одолел, но Муза явилась ко мне беззубой дряхлой старухой, не было и следа прежней красоты и молодости, того образа породистой русской крестьянки, в каком она чаще всего являлась мне и в каком обрисована в поэме моей «Мороз, Красный нос»⁷¹. Образ музы вырисовывается как образ, который посылает родина, чтобы вдохновлять поэта. В стихах того же времени (1877 г.) звучит:

О Муза! Я у двери гроба!
 Пускай я много виноват,
 Меж мной и честными сердцами
 Порваться долго ты не дашь
 Живому кровному союзу!
 Не русский — взглянет без любви
 На эту бледную в крови,
 Кнутом иссеченную музу.

Н. А. Некрасов часто обращается в своем творчестве к этничности, нередко говорит о русскости народа и совершенно очевидно, что для него это важный литературный прием, позволяющий с большей силой укоренить народный элемент, который он описывает. О русскости поэт начинает говорить с 1861 г., очевидно, что на это повлияли события, связанные с манифестом об освобождении зависимых крестьян от крепостного права. «Русская земля», «русские люди», — звучит в стихотворении «На смерть Шевченко». В стихотворении «Крестьянские дети»: «мальчик живой, настоящий, и дровни, и хворост, и пегонький конь, и снег, до окошек деревни лежащий, и зимнего солнца холодный огонь — всё, всё настоящее русское было, с клеймом нелюдимою, мертвящей зимы, что русской душе так мучительно мило, что русские мысли вселяет в умы, те честные мыли, которым нет воли, нет смерти, в которых так много и злобы и боли, в которых так много любви!» В 1862 г. написаны классические стих и о женской доле — рус-

ской доле: Доля ты! — русская долюшка женская! Вряд ли труднее сыскать. Всевыносящего русско-го племени, многострадальная мать!» «Русская песня не врет» о дороге, проторенной цепями каторжников; «за отчизну любезную вынес достаточно русский народ» (1864 г.). «Плачь русская земля», — обращается поэт к России в стихотворении «Памяти Добролюбова». «В глухие темные селенья, где изнывает русский ум» (1865 г.), «русский гений издавна венчает тех, которые мало живут». В 1867 г. были написаны цикл стихов «Стихотворения, посвященные русским детям».

При том, что даже в конкретике быта поэт рисует некую идеальную и как будто объективную (но только с точки зрения поэта-революционера) картину: крестьянство показано в бедности, тяготах, горе, рабском состоянии, унынии и угнетенном духе. Однако столь односторонний и нарочито ошибочный взгляд на народ легко опровергнуть, обращаясь к самым разным источникам, в том числе и научной литературе. Но писатель не видит ни полутонов, ни ярких красок в крестьянской жизни. Если где-то в стихах и проглядывает народная удаль и красота, то сквозь гримасы горя и страданий или в отдельной социальной группе «удалых купцов».

Подведем итог сделанному Н. А. Некрасовым в области этнического мифотворчества. Хотя понятие «родины» появляется до него в значении «православного Отечества» (первая половина XIX в.), но Некрасов активно мифологизирует этот образ и через десакрализацию образа Богородицы создает новое понятие «Родины Матери», имеющее этническую окраску. Поэзия одного образа, одной мысли, одного мифа словно призвана была бить в одну точку, и в силу ее глубоко эмоционального характера она производила на слушателей, жаждущих «настоящей правды о народе», ошеломляющее воздействие, за что ее и ценили революционеры. «В эти годы (т. е. первого знакомства с Некрасовым) я был мало развитым, — писал один из таковых слушателей, — много не понимал, слово, например, “гражданин“ было мне совершенно незнакомо. По прочтении же Некрасова (т. е. при основном знакомстве с его творчеством. — О. К.) сразу как-то прозрел, я стал вдумчивее относиться к окружающей меня жизни, я загорелся злобой к сытым, довольным собой»⁷². Пока крестьяне слушали одно-два стихотворения

⁷¹ Литературное наследство. Т. 49–50. С. 167.

⁷² *Евгеньев-Максимов В.Е.* Николай Алексеевич Некрасов: Сб. ст. и материалов. М., 1914. С. 280.

поэта, где описывались горести крестьянской жизни, они действительно загорались сочувствием к стихам, но как только была возможность почитать всего Некрасова, то происходило другое: начинали «загораться злобой».

Как поэт-революционер, Н. А. Некрасов подчинил свой большой поэтический талант делу «прозрения» народа, чтобы народ «проснулся», «загорелся злобой» и сбросил государственные, церковные и социальные оковы. «Святая Русь» поэта является литературным, выдуманным образом, не имеющим отношения к действительному этническому первообразу у русских, и потому путь к этой некрасовской Руси лежит не через религиозный подвиг, а через народный бунт, через пугачевщину. Некрасов отвергал позитивность церковной жизни для народа, отчего его православие «без попов да без чинов», т. е. без духовенства и без Церкви, оно «народное». Закваска у некрасовской веры — страдания, но без Бога, Христа⁷³. Отсюда и выросла искаженная картина: бесконечное горе не уравновешено радостью; в святых ходят лишь страдальцы-бедняки, о святых церковных подвижниках и речи нет; будущее светло лишь в лозунгах, что придет день, когда богатые исчезнут, а бедные возрадуются. В эти же годы существовала и другая «крестьянская поэзия»; например, И. С. Никитин, хотя и не был чужд горьких размышлений о народе, но делал это без революционного запала. Для него также родина является и Русью, и матерью, и державой: *«Это ты, моя Русь державная, моя родина православная, Уж и есть за что, Русь могучая, полюбить тебя, назвать матерью»* (1851 г.).

Н. А. Некрасов в своем творчестве впервые в русской литературе создает *фундаментальный миф* о русском народе и русской женщине. В некрасовский поэтический образ вместились своего рода словесная икона, которой должны были поклоняться все те, кому дорога была идея правды, в революционном и интеллигентском (сублимированном, очищенном от жизненного реализма) ее понимании. Таким образом, в этническое пространственное бытие вводятся иллюзорные и совершенно не христианские границы, которые сводятся к понятию «Родины-Матери».

«Родина-Мать» свята своим страданием, но страданием не ради Христа, а ради нее самой. За эту ее особенность Некрасов называет ее «Святой Русью». Страдание ради себя самой и обозначение этого страдания как образа Святой Руси и позволяет Некрасову вывести образ матери на мифологический уровень. Квазирелигиозный характер этой конструкции сделали ее привлекательной не только для интеллектуалов, но и для широкого круга людей, болеющих за судьбу России. Некрасов так искренне зовет «верить» его Руси и в его Русь, что ему начинали верить очень многие из числа духовно дезориентированного общества. Так литературное слово сыграло свою роковую роль: борьба за возвращение русской этничности ее достойного места была переведена западниками в революционную плоскость и подчинена делу освобождения народа от политического (самодержавного), социального, экономического и культурного. Ни один политический трактат и манифест не смог бы так мифологизировать действительность, как это сделал поэт. Он словно сотворил новый мир России, новую Россию, которую отныне следовало «отмаливать», глядя на некрасовский «иконописный» образ. Но эта «молитва» рождала в сердцах поклонников поэта не умиление, а злобу и протест!

Некрасовская «Русь» оказалась необыкновенно востребованной в революционной среде и в революционной России после 1917 г. Вскоре после кончины Н. А. Некрасова его сестрой готовится собрание сочинений. Затем, после ее смерти, начинают выходить год за годом собрания сочинений. Таких изданий большими тиражами было до революции 13⁷⁴. И хотя это были купированные цензурой произведения, но все основные вещи поэта присутствовали там без изменений. В предреволюционные годы о Некрасове издается масса критической литературоведческой литературы. В дни 20-летнего юбилея со дня кончины, в 1902 г. широко отмеченного по всей России, его возводят в классики, равные Пушкину. Против этого выступали Л. Н. Толстой и еще раньше И. А. Тургенев, не считавшие Некрасова крупной литературной величиной⁷⁵. Сразу после революции, в годы Гражданской войны, в 1918 г.

⁷³ Справедливости ради отметим, что в одном из предсмертных стихотворений-набросков у Некрасова нарисован и образ женщины-христианки, избирающей монашество как жизненный путь: «Я сбросила мертвящие оковы, / Друзей, семьи, родного очага / Ушла туда, где чтут пути Христовы / Где стерегут оплошного врага». («Отрывок». 1877 г.)

⁷⁴ Чуковский К. От редактора // Полное собрание стихотворений Н. А. Некрасова. Ред. и прим. Корнея Чуковского; Критический очерк И. Кубикова. М.: Л., 1927. С. VI.

⁷⁵ Евгений В. Николай Алексеевич Некрасов: Сб. ст. и материалов. М., 1914. С. 262.

Народный комиссариат просвещения, возглавляемый А. В. Луначарским⁷⁶, при поддержке В. И. Ленина как большого почитателя Некрасова, постановил напечатать полное собрание стихов Н. А. Некрасова без пропусков и купюр. Эту работу Луначарский поручил К. Чуковскому. Первое послереволюционное собрание стихов поэта вышло в 1920 г., но, как считал сам ответственный редактор, оно было неудачным. Более подготовленное и полное издание, с подробным справочным аппаратом, вышло под редакцией К. Чуковского в 1927 г. К. Чуковский в предисловии писал: «изучение Некрасова вышло из узкого круга специалистов и стало делом тех широких масс, к которым обращены произведения этого автора»⁷⁷. Однотомное собрание было издано тиражом 10 тыс. экземпляров. К этому времени К. Чуковским выпущено несколько исследований о поэте, имевших цель нарисовать читателю «неприукрашенный облик» Некрасова. В них поэт предстает в крайне нравственно непривлекательном виде. Чуковский же пишет: зачем нам что-то замалчивать, делать из Некрасова святого, — напротив, «обыкновенным», грешащим человеком он будет нам еще дороже, ведь главное не то, как он жил, а как боролся за народ. Этим идеал «святого» народолюбца Некрасова не развенчивался, а, с точки зрения Чуковского (да и в целом лениных-луначарских), доводился до совершенства, поскольку был противоположен христианскому идеалу. Невероятный спрос на поэзию Некрасова заставил издатель повторить еще десять раз издание 1927 г. Однотомник выходил в 1928 г. два раза, в 1929, 1930, 1931, 1934 (два раза), 1935, 1937 годах. Второе и третье издание были по 10 тыс., пятое — 51–71 тыс., затем пошли тиражи по 15 300. Кроме того, в эти же годы выходили и обычные издания. Например, в 1938 г. вышло два разных издания по 20 и 25 тыс. экземпляров.

В предвоенные годы советский житель, вместе с грамотой, в советских школах получал и «прививку» некрасовского творчества. Понятие «родины», как макротерритории, как территории страдания и скорби, нуждающейся в защите, как «родине-матери», все дающей и все требующей взамен, стало повсеместно распространяться

как часть советской идеологии. Характерно, что такой известный некрасовед, как В. Е. Евгеньев-Максимов, в своей книге о Некрасове 1945 г., связывает победу в Великой отечественной войне и с заслугами Некрасова. Стихи Некрасова были на одном из известных военных плакатов «Мать, провожающая сына на фронт». В начале книги Евгеньев-Максимов приводит обязательную по канонам времени цитату из книги И. В. Сталина: «Только народ бессмертен, остальное преходяще»⁷⁸.

Образ некрасовской родины-матери очень полюбился русским революционерам, в том числе и большевикам. Для В. И. Ленина Некрасов был одним из любимейших поэтов именно из-за столь страстно воспетого образа матери, а также из-за непревзойденного описания народного горя. Несомненно, что такой яркий глашатай революции, как М. Горький, когда писал свое программное для русского пролетариата произведение «Мать», то опирался на художественные идеи Некрасова.

Образ Родины в церковной и государственной мысли предреволюционного времени

Две войны, которые Россия вела на своей территории, а также общая ситуация в общественной жизни России, понуждала как государство, так и Православную Церковь постоянно корректировать свою позицию по вопросу о возвращении русской этничности должного места в государственных и церковных программах. Но речь шла не о том, чтобы «отечеству» надо вернуть искомый этнический компонент, а скорее признать право широкого толкования понятия «Родины». Мы приведем несколько примеров, взятых из разных сфер церковной и государственной жизни, но во всех уже, как можно заметить, присутствует искомое «родина», как макропонятие.

Переписка мичмана князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой (1904–1905 гг.)⁷⁹ содержит весь набор тех понятий, которые уже проникли в консервативную дворянскую военную среду «служителей царю и отечеству». В самых первых письмах юного князя Александра Щербатова,

⁷⁶ Луначарский восхищался Некрасовым, известна его фраза: «Достаточно только вспомнить взлет народной фантастики в явлении воеводы Мороза в великой изумительной поэме Некрасова этого имени. Какая удаль, какая ширь, какой демонизм». — Луначарский А. В. Собр. Соч. Т. 1. М., 1963. С. 218.

⁷⁷ Чуковский К. От редактора // Полн. собрание стихотворений Н. А. Некрасова / Ред. и прим. Корнея Чуковского; Критический очерк И. Кубикова. М.: Л., 1927. С. X.

⁷⁸ Евгеньев-Максимов В. Е. Великий русский народ в поэзии Н. А. Некрасова. Л., 1945. Изд. Ленинградского ун-та. С. 3.

⁷⁹ О войне, любви и вере. Переписка мичмана князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой. 1904–1905 гг. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. — 544 с.

когда он еще не воевал, а находился в тылу, звучат слова: «честь и счастье русского народа и всего славянского племени» (30 января 1904 г.); «вера и Родина» (много раз), «Великая Русь» (от 30 января 1904 г.); «Русь» (от 31 янв. 1904 г.); «Россия», «Отечество» (2 раза) (от 2 февраля 1904 г.); «долг перед Отечеством» (2 раза), «польза Родине», «Святая Русь (3 раза) вострепнулась» (2 февраля вечер); «испытание России», «жертва для Отечества» (3 февр. 1904 г.); «за веру Христову и Отечество» (3 раза) (9 февр.); «не посрамили земли Русской» (11 февр.); «вера в Русь» (15 марта). Начало участия в боевых действиях было на крейсере «Россия». Здесь патриотических формул в письмах князя становится меньше, но не исчезает сам патриотизм в рассказах о боевых действиях: «на пользу Отечества» (12 апреля); «что может быть святее защиты Отечества» (13 июня); «мой долг, наш вообще долг — воевать, отстаивать нашу Родину» (20 августа); «перед Богом и Отечеством» (1 января 1905 г.); «сила наша в народе, спасение Руси» (21 марта 1905 г.); князь возмущается, когда невеста пишет, что ей современная Россия отвратительна, поэтому она называет ее «обителью подлости» (19 июля).

В переписке князя Щербатова, юного мичмана, представлен весь славянофильский набор русских патриотических понятий: «отчество», «Родина» (в значении места, где находится Русская земля, где Россия, где живет русский народ), Русь (или Святая Русь), в значении православного народа. Поначалу князь сосредоточен на народной стороне понятия (Русь, Родина, народ), но по мере смыслового втягивания в реальности военного времени самым употребительным понятием становится слово «отчество». Оно как бы заменяет все остальные, и потому оно емкое по содержанию.

В дневнике полкового священника о. Митрофана Сребрянского в самом начале (еще до описания военных событий) звучит тема родины: «Больно в сердце отозвался призыв бросить все и всех и идти в путь далекий на войну!.. Да если бы не крепкая вера в святые принципы: “Вера, царь и дорогая Родина”, то трудно было бы справиться с собою»; «прижал к груди своей жену и родных», с русскими едет на войну черногорец «постоять за

искренне любимую им Русь-матушку». В другом месте говорится о русских солдатах: «постоять за Русь-матушку и за царя-батюшку»⁸⁰. Как видим, о. Митрофан вполне традиционалист, но в то же время он уже усвоил и легальность и благозвучность понятия «родина».

У свт. Николая Японского в Дневниках в период войны Японии с Россией, когда сам он пребывал в Японии и даже благословлял своих прихожан-японцев воевать за свое отечество земное, два понятия «родина» и «отчество»⁸¹. Митр. Московский Макарий (Невский) писал в 1905 г. после войны с японцами в ст. «За что мы наказываемся»: «Нам нужно объединиться около матери нашей — святой Церкви, около матери нашей — Земли Русской...»⁸².

Приведем еще один характерный для этого времени патриотический взгляд на происходящее. Речь идет о письме, направленном в суворинское «Новое время» корреспондентом, волнуемым о судьбе Отечества в период войны России с Японией. Он пишет: «Молчаливая Русь сказала всему свету, что она живет единою жизнью и готова постоять за свое имя, жертвуя на святое дело и деньгами, и трудами, и кровью»⁸³. Для автора письма Русь есть именно Святая Русь («святое дело»), и ее полнота в ее единстве («единою жизнью»). И третья характеристика современной автору Руси: кроме того, что она не едина, не полна — она молчалива. Далее автор письма так характеризует свое время: «Благороднейшие умы почти с отчаянием смотрят в невеселое будущее, ожидая и физического и нравственного вырождения Руси». В понимании слова «Отечества» автор тоже традиционен: «“Отечество” осталось, как и встарь, “крылатым” словом, окрыляющим людей на подвиги и жертвы; Отечество по-прежнему — “алтарь”, служение которому выводит человека из засасывающей его тины повседневного эгоизма». В обращении вспоминается и третье искомое для Древней Руси понятие — «Русская земля»: «Жив Бог Земли Русской и жива душа народная». П. Никольский — автор статьи о столетнем юбилее А. С. Хомякова не случайно обращается в начале статьи к письму в «Новое время», ведь там звучат славянофильские идеи. В связи с этим П. Никольский отмечает, что «до сих пор

⁸⁰ О войне, любви и вере. Переписка мичмана князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой. 1904—1905 гг. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. — 544 с.

⁸¹ Николай Японский (Касаткин). Дневники. М., 2007. С. 437.

⁸² Заступничество Богородицы за русских воинов в Великую войну 1914 года. Августовская икона Божией Матери. М.: Ковчег, 2010. С. 191.

⁸³ Цит. по Никольский П. К столетию со дня рождения А.С. Хомякова // Воронежский епархиальный вестник. 1904. № 9. С. 376.

славянофильские писатели были какими-то пасынками русского общества, ими мало интересовались, как бы не доверяя глубине их любви к родине, часто даже смешивая ее с дешевым, т. н. квасным патриотизмом»⁸⁴. Особенно автор статьи сетует, что русское духовенство забыло о славянофилах. Но события войны с Японией, а также столетний юбилей А. С. Хомякова вызвали в обществе интерес к ним. В свет вышло восьмитомное собрание сочинений А. С. Хомякова, составляется его жизнеописание, на очереди издание трудов других славянофилов.

В Послании Св. Синода по случаю войны 1914 г. говорится: «Всемогушему Богу, в неисповедимых судьбах Его, угодно было ниспослать Отечеству нашему новую годину тяжкого испытания; народ русский; за славу нашего Царя, за честь и величие Родины; в великий час, наставший для нашей Родины, какие потребует от нас защита веры и Родины»⁸⁵. В царском манифесте к народу в дни объявления войны выделены понятия «Россия», «Русская Земля», «Святая Русь»⁸⁶. В проповеди епископа Дмитровского Трифона (Туркестанова) 5 августа 1914 г. в Успенском Кремлевском соборе в присутствии Николая II звучит: «За честь и славу нашей Родины, обгащенной и искупленной кровью отцов наших»⁸⁷. В 1917 г. епископ Пермский Андронник (Никольский) в первые дни после февральского переворота сказал проповедь в соборе Перми: «Отечество в опасности»⁸⁸.

На открытке 1914 г., (автор С. Родионов), где мать одевает на сына крест и благословляет на фронт, есть наверху надпись «Иди за Родину», внизу стихи Н. Некрасова «Один я в мире подсмотрел святые искренние слезы — то слезы бедных матерей, им не забыть своих детей»⁸⁹. Эти же стихи были и на другой открытке 1915 г. На другом известном плакате 1914 г., где изображена мать, благословляющая сына на фронт (надпись на плакате «сын мой, иди и спасай Родину!»), ярко

«Сын мой иди и спасай Родину!»
1914 г. Плакат

зафиксирована реальная ситуация времени: вместо традиционного отеческого благословения сына фронт, что было характерно еще для периода войны 1812 г.⁹¹, благословляющим лицом, выступает мать.

Плакаты 1914–1915 годов в целом отражают непростую мировоззренческую картину, существовавшую тогда в русском обществе. На многих патриотических плакатах воюющая Россия изображена аллегорически, в виде воинственной Афины Паллады. Сюда же можно отнести аллегорический образ России в виде светской красавицы в кругу союзников, также молодых женщин — Англии и Франции. Но есть и плакат с фигурой «Москвы», нарисованной по образу сердобольной боярыни XVII в. (очевидно, близкой к образу Иулиании Осоргиной).

Также в этот период появляются иконографически новые образы Божьей Матери Августовской, что указывает еще на один взгляд на современные события. В тропаре Божьей Матери Августовской, написанном в 1915 г., звучит понятие «земля Русская», то же и в кондаке. В молитве благодарственной после битвы в солдатских молитвословах звучит: «защитника Отечества нашего»⁹², а в другой молитве — перед битвой

⁸⁴ Цит. по Никольский П. К столетию со дня рождения А.С. Хомякова // Воронежский епархиальный вестник. 1904. № 9. С. 378.

⁸⁵ Там же. С. 25.

⁸⁶ Там же. С. 15.

⁸⁷ Там же. С. 23.

⁸⁸ Там же. С. 192.

⁸⁹ Там же. С. 45.

⁹⁰ Там же. С. 77.

⁹¹ Существует известное изображение на эту тему.

⁹² Там же. С. 278.

Военные плакаты и открытки начала XX в.

есть слова: «Радостно иду я исполнить святую волю Твою и положить жизнь свою за Царя и отечество»⁹³. Один источник передает слова русского солдата-военнопленного, которого расстреливали немцы: «Я умираю за святую православную веру и за родную Русь»⁹⁴.

Итак, в начале XX столетия и непосредственно в предреволюционный период как в церковных и государственных документах манифестного характера, так в церковной и православно-патриотической публицистике стали появляться такие привычные для допетровской Руси территориально-этнические понятия, как «Отечество», «Святая Русь», «Русская Земля», что явно указывает на появившуюся оценку со стороны всех сил — и монархического государства в лице императора, и Церкви, и православно-общественности — грядущей на страну опасности.

Последний император из династии Романовых св. мученик царь Николай II более других русских императоров тяготился разницей между имперскими — миссионерскими задачами и задачами чисто внутренними, касающимися укрепления русского народа. Он особенно нарочито и искренне старался проявлять свою русскость в традиционных формах: через многочисленные прославления святых, в том числе и личное участие в этих церковных торжествах; через особое внимание к простому человеку (солдату, казаку, матросу, священнику, купцу); через создание своей крепкой большой семьи; через сугубую церковность в личной жизни; тайную благотворительность и помощь; через активную поддержку традиционных и церковных начал в обществе. Вот почему именно в царском манифесте 1914 г. звучат слова «Земля Русская», «Святая Русь».

В то же время имел место и широкое распространение, судя по плакатам, и другой официальный взгляд на события, чисто западнический, в его «некрасовском» выражении.

Выскажем предположение, что вместе с появлением в русской, консервативной, православной среде славянофильских идей (а это было уже гораздо шире идейного поля славянофилов)

в начале XX в., появился и стал возрастать мощный идейный порыв к возвращению в этническое поле главных территориально-этнических понятий допетровской Руси — «Русской Земли», «Отечества» и «Святой Руси». Скорее всего, это было реакцией на то, что некрасовская идея «родины-матери» то же время стала активно «овладевать массами», окончательно вытесняя русское и православное начала на периферию общественной и политической жизни. Назревало уже не противостояние отдельных партий, отдельных лиц и идей, а размежевание всего общества, по самому существенному признаку.

Церковный Собор, проходивший в 1917–1918 гг., подвел свой итог в вопросе о русскости. В обращении членов Св. Синода от 29 апреля 1917 г. Церковь называется то Российской, то Русской. В отдельных обращениях появляется еще одно именование — «Всероссийская Православная Церковь»⁹⁵. В первые дни Собора понятие «родина» вообще не употреблялось, но говорилось об «отечестве». Церковные иерархи говорят, что мысль о необходимости Собора возникла в сердцах «русских людей», что «заветная мечта русских православных людей осуществляется»⁹⁶. В последующих документах все чаще начинает звучать понятие «родина». «Приступив к сему делу... в обновляющейся Родине, жаждущей благодатного мира и покоя... за землю Русскую»⁹⁷. В представлении Св. Синода Поместному Собору звучат слова «православно-русский мир», «русская церковная жизнь», «обстояния, переживаемые нашим Отечеством», «отовсюду раздаются голоса, что Родина гибнет», «народ разделился на партии, утратил единство», «дело оздоровления русской земли», «от Собора ожидается мощный призыв народа обратиться к Богу с упованием в ближайший воскресный день или три ближайших воскресенья для нарочитых молебствий ко Господу о спасении Отечества»⁹⁸. Министр исповеданий А.В. Карташев от лица Временного правительства приветствовал Собор, обращаясь во всех случаях «Русская Православная Церковь», а не Российская⁹⁹. Приветствуя Собор, митрополит Московский и Коломенский Тихон отмечал:

⁹³ Цит. по Никольский П. К столетию со дня рождения А.С. Хомякова // Воронежский епархиальный вестник. 1904. № 9. С. 275.

⁹⁴ Там же. С. 64.

⁹⁵ Там же. С. 28.

⁹⁶ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1. М., 1994. С. 1–5.

⁹⁷ Там же. С. 20.

⁹⁸ Там же. С. 35–37.

⁹⁹ Там же. С. 36.

«Москва и ее святыни в прошлые годы деятельно участвовали в созидании Русской Державы», «ныне Родина наша находится в разрухе и опасности», «многомиллионное население Русской земли», «Собор не останется безучастным к положению, которое переживает Родина», «обновится лице свято-русской земли»¹⁰⁰. Протопресвитер о. Григорий Щавельский также в приветственном слове прибегает к понятию «родина», он говорит «Родина Святая»¹⁰¹. Московский Городской Голова В. В. Руднев упоминает Москву как «мать городов русских», говорит о русском народе и родине в широком смысле. Во всех других приветствиях так же основным понятием является слово «родина», много говорится о русском народе, есть обращения к Святой Руси, русской земле, русскому духу. Термин «отечество» почти не употребляется. Собор обратился с воззванием к Армии и Флоту: «христоробивые воины, защитники и Церкви, и Родины нашей». «Что принесло и грозит еще принести Отечеству и Церкви неисчислимые беды», «в сердце русского человека стал затуманиваться светлый образ Христов», «непроглядная тьма окутала русскую землю», «стала гибнуть могучая Святая Русь», «За ваше безумие Родина уже заплатила врагу» (о тех, кто поддался революционной агитации и стал разрушать армию. — О. К.), «лучшими сынами Родины», «Ведь и вы сыны Родины», «совесть русского человека», «неисчислимые раны нанесли вы Родине — матери своей», «на развалинах и пожарище Святой Руси», «гибелью Родины», «истерзанную, опозоренную, попираемую врагом Родину свою», «русским свободным гражданам», «Святой великой Руси», «трудиться для Родины святой», «любовь к Родине», «В вашем мужестве и подвигах Родина черпает веру», «Великая Россия у края гибели, Родина зовет вас, спасите ее!», «именем наших предков, строителей отечества», «спасет и помилует вас и всю Русь Святую»¹⁰². Было решено это воззвание напечатать в количестве 500 тыс. экземпляров и отослать в армию. Князь Е. Н. Трубецкой озвучил воззвание к народу. Здесь звучат следующие понятия: «православному народу русско-

му», «Родина остается беззащитною», «Родина гибнет», «не допустите Родину до поругания и до позорного конца», «рабочие, подчиняйте ваши требования благу Родины», «Земля русская», «Русь», «Святая Русь»¹⁰³. Это воззвание так же решено было напечатать числом 500 экз. и отправить для чтения в храмах. В тексте обращения Собора к Временному Правительству также вместо Отечества везде употребляется слово «Родина»: «Об угрожающей Родине братоубийственной войне», «о великой ответственности всех русских людей перед Богом и перед Родиной», «величие Русской Державы», «сила русского воина», «ради спасения Родины», «власть русского военачальника подорвана», «русское войско», «от руки своих же братьев-солдат погибло множество офицеров преданных долгу Родины», «Церковь не может оставаться равнодушною зрительницею распада и гибели Родины», «между любовью к Родине и обязанностью повиновения власти», «власть должна быть не партийной, а всенародной. А народно-русскою может быть только власть, просветленная верою Христовою», «для спасения Родины», «русской государственной власти»¹⁰⁴.

На Соборе поднимался вопрос о месте Церкви в России. Был принят вариант, предложенный Пермским епископом Андронником: «Церковь... как величайшая святыня огромного большинства населения»¹⁰⁵. Вопрос о русском народе как численном большинстве периодически поднимался в той или иной форме. Предлагалось, чтобы Собор рекомендовал правительству, чтобы в России все первые лица государства были русского происхождения («православного исповедания русской национальности») ¹⁰⁶. Когда Временное правительство попыталось заключить сепаратный мир с Германией, то князь Е. Н. Трубецкой предложил Собору отреагировать. Князь подчеркнул, что «Священный Собор представляет из себя единственное законное представительство 100 миллионного православного Русского народа»¹⁰⁷. Участники Собора в своих речах чаще говорят «Русская Церковь», хотя официально она продолжала называться Российской. Даже

¹⁰⁰ Цит. по Никольский П. К столетию со дня рождения А.С. Хомякова // Воронежский епархиальный вестник. 1904. № 9. С. 33.

¹⁰¹ Там же. С. 36.

¹⁰² Там же. С. 98–101.

¹⁰³ Там же. С. 102–103.

¹⁰⁴ Там же. С. 160–161.

¹⁰⁵ Там же. Т. 4. С. 128.

¹⁰⁶ Там же. Т. 4. С. 133.

¹⁰⁷ Там же. С. 137.

в официальных обращениях это прослеживается. Соборяне обращаются 24 августа (6 сентября) 1918 г. к Совету народных комиссаров от лица Православной Русской Церкви и Патриарха. В документе также Церковь обозначена как Русская¹⁰⁸. Но, очевидно, по каким-то неозвученным соображениям, вопрос не был даже вынесен на обсуждение. Если учесть, что Собору пришлось работать в сложных политических условиях и не менее сложных церковных нестроениях (движения за автокефалию, набирающее силу обновленчество), то предпочтительнее было не делать неосторожных шагов. Вопрос о новом именовании Церкви разрешился в 1943 г.¹⁰⁹, когда русская тема стала для советского руководства опять актуальной.

Итак, за несколько десятилетий до революции 1917 г. в России, усилиями революционеров, в том числе художественно одаренных, таких как Н. А. Некрасов, создается миф об этническом пространстве — земле русского народа. Что нес с собой этот миф, и чем он принципиально отличался от средневековой русской пространственной концепции «русской земли»? Во-первых, само понятие «родины», после того как оно стало макропонятием, заменяющим концепт «русская земля — отечество — святая русь», принесло русским людям в целом новое этническое самочувствие. Исчезло этнически пространственное «мы», и вместо него появилась совокупность множеств «я». Этническое пространство стало восприниматься дискретно, уже не как сплошное единое пространство — «земля». После же того, как Некрасов «освятил» новое понимание Родины образом русской страдающей женщины, заменив образ Богородицы, и создал новый концепт в виде «родины-матери» (т. е. появился телесный образ), этнотерриториальному самочувствию русских была явлена еще более отстраненная от этничности пространственная модель. Дискретность каждого отдельного этнического «я» получала свое освящение уже не через Покров Божьей Матери, а через присутствие рядом «статуи» — каждой конкретной страдающей женщины и в целом — России — Родины-матери. В этом «мемориальном этническом пространстве» и предполагалось отныне жить русскому народу, что и было реализовано на практике в советской России. До какой-то поры только славянофилы теоретически отстаивали прежнее допетровское

понимание этнических пространственных границ русских в таких совокупных понятиях как «Русская Земля—Отечество—Святая Русь». Практическая реализация этого направления стала возможной в области созидания новых женских общежительных монастырей, как одного большого проекта Четвертого удела Богородицы. И все же это была далеко не вся Россия. Вполне возможно, что западники, как самостоятельное направление, защищающее русский народ, смогло столь радикально реализовать свои планы в творчестве Н. А. Некрасова именно потому, что славянофильство себя практически реализовало в женском православном подвижничестве и оформлении в образ Святой Руси — Четвертый Удел Богородицы. Западники же остро нуждались в практической реализации своих идей. Но западники, в отличие от славянофилов смогли предложить обществу только миф о русском народе и русской женщине, реализовать который могла только революция, потому что миф — это иллюзия, требующая участия разрушительных стихий. Важно отметить, что к началу XX в. и в официальных кругах государства и Церкви появились открытые симпатии к славянофильской деятельности, что было вызвано, скорее всего, все нарастающей радикализацией «некрасовского» направления. Поместный Собор констатировал, что Церковь уже готова была вернуться к допетровской этнической пространственной парадигме. К этому же тяготел и император Николай II, который был готов передать бразды правления сыну Алексею, а самому стать патриархом, как свидетельствует ряд источников. Но противоречие было уже неразрешимо по той причине, что западники уже сами подошли и подвели общество к крайней точке возможности практической реализации своих идей. В земном противостоянии Четвертого удела Божьей Матери и воинственных дружин революционеров, поднятых западниками на защиту «родины-матери», победа была обеспечена последним. В этом контексте объяснима и победа Красной Армии над Белой Армией, поскольку у первых за спиной была «родина-мать», а у вторых — нечто разное, не всегда сводимое к духовному идеалу.

Образ Родины-матери в годы Великой Отечественной войны 1941–1945

Предвоенный период советской России был временем активной идеологической обработ-

¹⁰⁸ Деяния Священного Собора... Т. 11. С. 115–118.

¹⁰⁹ Цыпин Владислав, прот. История Русской Церкви. 1917–1997. С. 294.

ки «советских людей», в том числе через такой важнейший для большевиков пространственно-этнический образ, как «советская родина». Миф о советской родине был близок и понятен миллионам простых людей именно из-за своей квазирелигиозной природы. Это была родина революции, от нее получившая свою меру святости и этнической силы, что сводилось к понятию «советская». Огромную роль в пропаганде мифа о советской родине играло словесное творчество: публицистика, художественная литература (в том числе многочисленные переиздания произведений Н. А. Некрасова) и кино. Далее обратимся к периоду Великой Отечественной войны, которая воочию выявила то, насколько крепок был этот идеологический большевистский миф и как он реализовывался в эти критические для советской власти годы.

В речи В. М. Молотова от 22 июня 1941 г. имеются два основных понятия, которыми чаще всего оперирует заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара иностранных дел. Там, где речь идет о Германии, раскрывается характер ее нападения, там употребляются понятия «наша страна» и «СССР» (или Советский Союз). Во второй части речи гражданам СССР объясняется, что значит для них эта война. В этом случае употребляется только одно понятие — «родина». Говорится, что борьба будет не с «немецким народом» («рабочими, крестьянами, интеллигенцией»), а с фашистским правительством Германии. Армия и Флот имеют долг перед родиной ее защищать. Также впервые говорится об отечественной войне, по аналогии с отечественной войной 1812 г. «Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу». Здесь впервые выстраивается искомый смысловой ряд: Отечественная война — родина — честь — свобода, как сумма все более раскрывающихся понятий. Самое общее понятие «отечество» (в данном случае «отечественная война за что-то») — это в более конкретном смысле «родина», еще более точно — «честь», и, наконец, самый точный и глубинный смысл — «свобода». Так государство раскрывало перед народом концепт того общего, что являлось на тот момент самым главным в понимании того целого, что необходимо было видеть, чувствовать и защищать. Ни одно другое понятие: ни

«Советский Союз» (СССР), ни советская страна не потребовали подобных символических операций. Они не могли быть раскрыты через какие-то высокие нравственные смыслы, поскольку имели только один политико-идеологический смысл. СССР, советская страна — все это территория большевистской власти, идеологии, и никакого отношения к этническому и нравственному аспекту бытия народа эти концепты не имеют отношения. Война это показала. Большевики побоялись в период войны выходить к народу с этими сугубо идеологическими концептами, резонно посчитав, что народа они не объединят. При этом надо отметить, что существительное «отечество» они изменили на прилагательное «отечественная» и фактически вытеснили его из указанного смыслового ряда¹¹⁰. Война отечественная, но точка отсчета смыслов начинается с понятия «родина».

Также следует заметить, что весь искомый внутренний смысл концепта «родина» раскрывается через нравственные критерии, о духовных, религиозных нет и намека. Честь — достаточно узкий и специфический термин, который в дореволюционном сословном обществе употреблялся в очень конкретных областях: честь дворянская, купеческая, крестьянская, честь девичья. Здесь же явно идет речь об абстрактной чести человеческой, как и свободе. Последний термин вообще имел в России узко социальный смысл: свобода от каких-то социальных пут (крепостного права, от необходимости военной службы и т. д.). Тот смысл, который был известен революционной интеллигенции, был привнесен с Запада, из революционной Франции, из далекой Америки. В речи Молотова речь идет о свободе от рабства фашистского порабощения, от нового и более тягостного крепостного права, и этот аспект был народом понятен.

В речи И. В. Сталина от 3 июля 1941 г. (первом его публичном выступлении) в самом начале появляется понятие «родина»: «Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу родину». Первый абзац, где перечисляются потери, опять итожится словами: «Над нашей родиной нависла серьезная опасность». Затем идет текст, где описывается характер развязанной Германией войны. Во всех этих случаях Сталин употребляет термин «СССР». Эти официальные выступления, конечно, не могли подробно раскрыть для народа

¹¹⁰ В отдельных случаях понятие «отечество» хотя и употреблялось, но в значении «родина», как его синоним, или же в узком смысле как «гражданское общество», государство.

существо нового ценностного мира, но эта работа была предоставлена художникам, писателям, поэтам, публицистам, советскому кинематографу.

Публицисты военного времени много сделали для того, чтобы полнее раскрыть содержание нового отношения партии и правительства к территории, которую необходимо было защищать советскому народу. Публицисты военного времени много сделали для того, чтобы полнее раскрыть содержание нового отношения партии и правительства к территории, которую необходимо было защищать советскому народу. Специально для пропагандистской работы стали издаваться тематические сборники статей из передовиц «Правды», «Известий». Эти брошюры выходили большими тиражами не только в Москве и Ленинграде, но и по всему Советскому Союзу: в Алма-Ате, Ташкенте, Омске, Красноярске, Тбилиси и т. д. Первые сборники были даже не подписаны именами авторов. Например, из передовицы «Правды» от 24 июня 1941 г. читатель выносил следующий круг понятий: «напали на нас; на нашу землю; целостность и независимость нашего отечества; великой стране; из пределов нашей священной родины; отечественную войну; на защиту нашей родины; нашей свободы, нашей отчизны; нашей родине уже приходилось сталкиваться с воинственным германизмом; за русские рубежи; за свою священную землю; за свободу, за честь и славу своего отечества; отечество требует своих граждан, чтобы они почувствовали ответственность за судьбу государства; повышенная бдительность всех граждан нашей родины; каждую пядь родной земли; честь и достоинство многонационального отечества»¹¹¹. В передовице «Правды» от 25 июня 1941 г. наряду с эмоциональным нарастанием темы «родины» уже просматривается цельная концепция того, что именно является родиной. Сначала автор говорит о родине следующими словами: «на государственных границах нашей родины; слава мужественным защитникам родины; священной земли; наша родина — великая страна; воин Красной армии — защити Родину, свободу и честь родного народа, жизнь и труд своей семьи; о защитниках родной земли». Далее он приводит слова матери героя Советского Союза Курочкина: «Сынок, бей врага еще сильнее». В комментарии автора статьи к словам матери читаем: «Так гово-

рит своим сынам красноармейцам, командирам, политработникам — вся советская мать родина». Вполне очевидно проводится ассоциация Родины-страны с конкретной родиной-матерью. Понятие «родина» получает не просто антропологический характер, но аккумулирует в себе сложную гамму абстрактного и конкретного смыслов. В этой же статье активнее звучит русская тема (из-за чего сразу нарастает этнический смысл понятия «родины»): «наша родина; земля русского народа; в отечественных войнах за независимость своей страны создавались боевые традиции русского народа; советский народ заботится о своей армии, как мать о любимом детище; всё для Родины; преданность Родине и родной Красной Армии; родные наши бесстрашные герои»¹¹². В передовице «Известий» от 26 июня слово «родина» относится к числу самых емких, горячих и употребляемых понятий: «советской земле; за честь, за свободу, за родину; жертвовать для родины всем; военное и экономическое могущество нашей родины; выполнять свой долг перед отечеством; “дать для армии столько нефти” — эти слова сейчас становятся боевым девизом каждого гражданина, каждой гражданки нашего отечества; злейшим врагам родины». Также в этой статье приводятся слова «простой женщины», ее обращение к воинам Красной Армии. Она просит «родных и любимых воинов» как родина-мать: «Вы идете защищать родину; наша родина сильна и могуча; преданность своей родине; родная партия, родное правительство; нашу отчизну; святая любовь к отечеству, великое имя Сталина владеют умами и сердцами миллионов людей; любовь к родине»¹¹³.

Стоит обратить внимание на употребление в двух случаях слова «отечество». Автор статьи обращается к этому понятию, как к синониму «родины», нарочито выделяя, однако, государственно-политический аспект слова «отечество». Субъект отечества — это гражданин, и он перед отечеством имеет долг защиты. И лишь в словах женщины «родины-матери» мы слышим старинное «святая любовь к отечеству». Но фраза эта присовокуплена к другой фразе «и великое имя Сталина», что подразумевает «отца отечества, отца народа», смысловой концепт, который пришел в эту эпоху из имперского времени России. Но там эпитеты «отец Оте-

¹¹¹ Дадим сокрушительный отпор фашистским варварам // Великая Отечественная война советского народа. Вып. 1. Ташкент, 1941.

¹¹² Красная армия — родное детище советского народа // Там же.

¹¹³ Самоотверженный труд советского народа // Там же.

чества» или же «мать Отечества» присваивались самым выдающимся российским императорам и императрицам. Таких было двое: Петр Великий и Екатерина Великая. Вполне возможно, что само название войны «отечественная» с самого начального этапа было не просто обращением к истории и желанием показать преемственность событий (хотя этот смысл, безусловно, присутствовал, и это подчеркивалось официально), но выделить мужскую ипостась «отечество» именно как особого, священного начала, связанного с именем Сталина.

Если абстрагироваться от конкретных смыслов, то можно заметить один простой факт: журналисты-пропагандисты видят Советский Союз в виде семьи. Не семьи народов, а именно обычной семьи, у которой случилась беда: на родину (женщину-мать) и отечество (отца) напали некие звери — собаки, гадюки или же люди-изверги — разбойники. Фашисты сравниваются с этими персонажами. И дело всех граждан — защитить родину и отечество. Но на первый план выходит не отечество, а именно родина. Она является, судя по публицистической активности, главным страдательным лицом. В передовице «Правды» от 28 июня 1941 г. звучит: «отечественная страна, война за родину, за ее честь и за ее свободу; родной земли, свою родину; родной Красной Армии; родному Флоту; дрались за родину, за ее честь и славу; мы ведем святую отечественную войну; требует теперь наша родина от каждого сына и дочери»¹¹⁴. Сыновья и дочери, братья и сестры, отцы и матери — эти слова постоянно употребляют публицисты, чтобы объяснить народу характер происходящего и высветить истинно народный смысл событий. Вот, например, в передовице «Правды» от 29 июня советский транспорт называется родным братом Красной Армии¹¹⁵.

Защита чести, достоинства и свободы родины (а значит женщины, родины-матери) становится неременным призывом во всех этих статьях первого периода войны. После выступления Сталина эта тема также продолжает тиражироваться. В передовице «Правды» от 6 июля

1941 г. написано: на защиту своей любимой, прекрасной родины; защитить честь и свободу своей родины; война за свободу нашего отечества»¹¹⁶. В «Известиях» от того же 6 июля: «советский народ не отдаст отчизну на поругание; четверть века под советским солнцем (намек на рукотворность даже природных процессов); кто дышит советским воздухом; на защиту своей родины, своего достоинства и счастья; каждую пядь родной земли; отечественную освободительную войну». Тут же приводятся слова Дениса Давыдова «Огромна наша мать-Россия»¹¹⁷.

Официальная публицистика главных партийных газет довольно осторожно обращалась к теме русскости. Эти обращения были в июне 1941 г., потом исчезли и вновь появились на страницах «Правды» и «Известий» только к осени 1941 г. В этот период в партийной прессе мы встречаем такие фразы, как «могучий русский поток; русский советский боец получил от своего свободного отечества танки и самолеты; боевые традиции русского народа защищают нашу родину, нашу честь, нашу славу, нашу свободу»¹¹⁸.

Несколько иной свободой выражения патриотических чувств и иным вектором идеологического их выражения обладали в этот период писатели и поэты. Фронтовик поэт Николай Тихонов говорил в одном своем послевоенном докладе «Отечественная война и современная литература»: «В первые дни войны писатели не знали с чего начать, они только инстинктивно чувствовали, как ответственность писателя заставляет их искать главное: оружием слова своей патриотической публицистики отстаивать свободу, честь, независимость родины»¹¹⁹. Стихи Николая Тихонова, особенно строчки «Бесконечное русское поле, ходит ветер, поземкой пыля, это русское наше раздолье, это русская наша земля», пользовались популярностью у бойцов, их знали наизусть, переписывали¹²⁰. В очерке «В путь из Москвы» (опубликован 1 июля 1941 г.) драматург Вс. Вишневский писал: «Каждый должен сказать сам себе, наедине со своей совестью: “Я оберегу родину...” Имя русского, имя советского человека должно стать

¹¹⁴ Победу надо завоевать, победа будет за нами // Там же.

¹¹⁵ Святой долг советской патриотки // Там же.

¹¹⁶ Освободительная война народов против фашизма // Там же. Вып. 4.

¹¹⁷ Советский народ отстаивает каждую пядь родной земли // Там же. Вып. 4.

¹¹⁸ Там же. Вып. 5.

¹¹⁹ Отечественная война советского народа (1941–1945) и отображение борьбы против фашизма в художественной литературе: Сб. обзоров. М., 1985. С. 159.

¹²⁰ Кривицкий А. Разъезд Дубосеково // Военная публицистика и фронтовые очерки. М., 1966. С. 67.

всемирным именем победитель, спаситель, культуры, права и свободы»¹²¹.

Наиболее ярким и талантливым был на этом посту писатель А. Н. Толстой, который, как никто другой, глубоко и образно развил тему родины-матери в годы войны. Не отрицая того, что Толстой как военный публицист действовал и писал искренне, как патриот, отметим, что именно ему — публикатору в 1920-е годы лживого пасквиля (псевдодневника Вырубовой) на царскую семью (вместе с историком М. Покровским) — Сталин доверил писать «наиболее искренне и проникновенно». Как не вспомнить здесь Н. А. Некрасова, нравственный образ которого тщательно «обтачивался» в 1920-е годы в мастерской К. Чуковского именно с теми же самыми целями.

Именно у А. Н. Толстого звучит тема почвенности (родина — это земля, край, природа, весь ее совокупный, человеческий и природный мир), тема Руси как исторического истока русской силы. В 1942 г. он публикует любопытный очерк, который потом уже не перепечатывался отдельной книгой, — «Откуда пошла русская земля». Сначала очерк публиковался в 4-х номерах «Известий» за 1942 г. и лишь потом вышел отдельной книгой. Толстой разбирает германские мифы о славянах, пишет о действительной — самобытной и высокой — культуре славян, традициях, исторических победах, этнических характеристиках. Родина здесь описывается именно как историческая русская земля, корни которой в славянстве, а характер народа выкован как природными, так и политическими условиями. Ряд публицистических очерков писателя вполне традиционен для писателей военных лет, в них описываются конкретные военные случаи, а после им дается оценка. Но среди наследия писателя есть несколько, условно говоря, теоретических публицистических работ, где темы народа, этноса, земли, патриотизма раскрываются как общие размышления писателя. Например, в статье «Что мы защищаем» (27 июня 1941 г.) отзывается о войне еще в духе выступления Молотова: «Дать нашей родине мир, покой, вечную свободу, изобилие, всю возможность дальнейшего развития по пути высшей челове-

ской свободы...» Эту задачу он ставит перед русскими: «Такая благородная задача должна быть выполнена нами, русскими, и всеми братскими народами нашего Союза». В статье Толстой пользуется термином «земля русская». Также здесь упоминается «отечество», равноценное «родине» понятие. Любопытно отметить, что Толстой называет Гражданскую войну 1918–1920 гг. отечественной войной, очевидно, приравнивая Белое движение целиком к союзникам интервентов, а Красную Армию связывая с защитником отечества. В конце статьи речитативом звучит: «Эта моя родина, земля, мое отечество — и в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе»¹²². В данном обращении Толстой напрямую «лицом к лицу» говорит родине, земле и отечеству о своей любви как живому существу. О великой исторической миссии русских, русского народа в этой войне Толстой пишет в очерке «Армия героев» (9 июля 1941 г.): «Русский станет именем, которое дети с колыбели привыкнут благословлять, как избавителя от удушающего смертельного кошмара фашизма»¹²³.

Призыв к этничности, благодарность этничности, и именно русским, русскому народу, отличает самые крупные публицистические статьи А. Н. Толстого военного периода. Очерк «Русская сила» (25 августа 1943 г.) пронизывают следующие этнические образы, относящиеся к русским: «мощь и упорство русской армии; искусство русской армии; грохот русской артиллерии; маневр стал русским военным искусством; в основе всего этого лежат русский талант, русская отвага и разбуженная русская ярость. Горд и храбр русский человек. Слава ему»¹²⁴. В ряде статей писатель возвращается и к советским характеристикам, но и здесь понятие «советский» более близко к этнической характеристике, чем к общественно-политической. «Вооруженные народы Советского Союза, во главе с народом русским...», — пишет Толстой в очерке «За советскую родину» (23 февраля 1942 г.). И здесь же: «Психология советского человека (см. человека многонационального. — О. К.) изменила весь ход мировой войны. Мы все клянемся не осквернить святости нашей родины»¹²⁵.

¹²¹ Вишневский В. В. В путь из Москвы // От советского Информбюро. 1941–1945. Публицистические очерки военных лет: В 2-х т. М., 1984. С. 25.

¹²² Толстой А. Н. Что мы защищаем? // Военная публицистика и военные очерки. М., 1966. С. 11–15.

¹²³ Толстой А. Н. Армия героев // Толстой А. Н. Родина: Сб. статей. М., 1942. С. 24.

¹²⁴ Толстой А. Н. Русская сила // От советского Информбюро. 1941–1945. Публицистические очерки военных лет: В 2 т. М., 1984. С. 98.

¹²⁵ Толстой А. Н. За советскую родину // Там же. С. 67.

Публицистику Алексея Николаевича Толстого отличали яркая образность, большой эмоциональный накал (именно большей частью за счет привлечения этнического компонента), художественная красота текста. «Пусть трус и малодушный, кого своя жизнь дороже Родины, дороже сердца Родины — нашей Москвы — гибнет без славы...», — пишет он в очерке 18 октября 1941 г. в труднейшее для Москвы время. В этом очерке («Только победа и жизнь») русская тематика звучит страстно, как набат: «Чтобы русское солнце ясно светило над русской землей; созданные творчеством русского народа; русский гений одержит победу». Поначалу писатель говорит о родине в третьем лице: «Жизнь, на что она мне, когда нет моей родины; потерять навсегда надежду на славу и честь Родины, забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости — все-все прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем». Но потом он обращается к Родине, как к живому человеку — «ты». «Родина моя, тебе выпало трудное испытание, но ты выйдешь из него с победой, потому что ты молода, ты добра; добро и красоту ты несешь в своем сердце; ты вся в надеждах на светлое будущее, его ты строишь своими большими руками, за него умирают лучшие сыны. Бессмертна слава погибшим за Родину!»¹²⁶. Такой же значительной, крупной вехой в военной публицистике была другая статья писателя, опубликованная той же страшной осенью 1941 г. (7 ноября 1941 г.). Она называлась «Родина». Толстой обращается к Родине как к человеку с признанием в любви, и говорит, что эта любовь не единична, а всенародна. Дальше рисуется лермонтовская картина, словно списанная с его знаменитого стихотворения «Родина» (1841 г.). В момент разорения земли русской все собираются у своих гнезд. «Гнездо наше, родина, возоблададо надо всеми нашими чувствами... Дымок, пахнувший ржаным хлебом, лица, ставшие серьезными, говор русского языка, — все это наше родное, и мы, живущие в это лихолетье, — хранители и сторожа родины нашей». Писатель отмечает тему поруганной родины: «Все наши мысли о ней, весь наш гнев, ярость — за ее поругание, и наша готовность — умереть за нее».

И итожит эту тему: «как юноша говорит своей возлюбленной: “Дай мне умереть за тебя!”». По мере развития темы родины — «исторического места русского народа» Толстой обращается к сложному, многосоставному образу исторической России: «Родина — это движение народа по своей земле из глубины веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений. Это вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущий свой язык, свою духовную и материальную культуру и непоколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле». В этом отрывке присутствует почти научная четкость дефиниции, сочетающаяся при этом с высокой поэтической образностью. Совершенно очевидно, что родина для писателя — это этническое понятие, включающее в себя сложное содержание, в основе которого лежит искомый народ как этническая общность. Народ как коллективный Логос («поток людей, несущий свой язык»), зафиксированный в вечном движении от прошлого к будущему. Кроме того, что особенно важно, народ исторически движется не по горизонтали земли, а по вертикали «места на земле». То есть движение народа, проходящее в сторону из прошлого в будущее идет, по мысли Толстого, от земли к небу, ведь народ отстаивает «законность и нерушимость своего места на земле». Перед нами, несомненно, уже контуры скульптурного облика родины-матери, но появляется он по-былинному «из земли». Этот метафизический облик родины-матери Толстой рассматривает в контексте борьбы русского народа с фашизмом, поскольку тот «всякую национальную культуру стремится разгромить, уничтожить и стереть». И дальше очень интересная и как будто совсем ненужная здесь мысль: «И в этом стремлении он (фашизм. — О. К.) напоминает мировых финансистов»¹²⁷. Толстой так объясняет свое сравнение: «Его (фашизма) пангерманистская идея: “весь мир для немцев” — лишь ловкий прием большой финансовой игры, где стороны, города и люди — лишь особый вид безличных биржевых ценностей, брошенных в тотальную войну». Солдаты сравниваются «с грязными бумажными деньгами

¹²⁶ Толстой А. Н. Только Победа и жизнь // От советского Информбюро. 1941–1945. Публицистические очерки военных лет: В 2 т. М., 1984. С. 65–66.

¹²⁷ Интересно отметить, что стремление фашистов к территориальным захватам многими рассматривалось как антицивилизационная деятельность, а не только антинациональная. По сути, фашизм был вариантом глобалистского проекта объединения человечества. Вот как рассуждает на эту тему один из советских публицистов военного периода: «Фашистские идеологи создали теорию “великого пространства”. Смысл ее таков: время национальных государств прошло, наступил период “великих пространств”, где хозяевами желают быть германские фашисты». — Ревай И. Фашисты — злейшие враги цивилизации // От советского Информбюро. 1941–1945. Публицистические очерки военных лет: В 2 т. М., 1984. С. 50.

в руках аферистов и прочей международной сволочи». В отличие от этого грязного, безлично-го пространства «финансовой игры» этническое пространство русского народа укоренено в рукотворном и созидательном труде. Русский народ не побоялся трудностей борьбы с природными тяготами, «дремучей природы вокруг него» и выдержал тяжелейшие испытания, выпавшие на его долю («нет такого лиха, которое не уселось бы прочно на плечи русского человека») и остался здесь жить навечно. «Земля отчич и дедич», — говорит писатель на старинный древнерусский манер. И это тоже научное определение в устах писателя. «И дремучий мир, на котором он (наш предок) накинул волшебную сеть слова, покорился ему, как обузданный конь, и стал его достойным и для потомков его стал родиной, землей отчич и дедич»¹²⁸.

«Земля отчич и дедич» — это старинное древнерусское обозначение понятия «отечество». И в данном случае Толстой суммирует два емких и равнозначных понятия «родина» и «отечество» и одновременно разводит их, показывает смысловую разницу. У родины есть историческое пространство, поскольку в исторической перспективе она — «земля отчич и дедич», она — отечество наших предков. Итожит очерк призыв писателя к ответственности сыновей Родины перед ее историей: «На нас всей тяжестью легла ответственность перед историей нашей Родины. Позади нас — великая русская культура, впереди — наши необъятные богатства и возможности»¹²⁹. То, что А. Н. Толстой не забывает понятия «отечество», но рассматривает его исторически, мы видим на примере его очерка «Кровь народа», опубликованного 19 октября 1941 г. В XIX в. в официальных государственных документах первенствовало понятие «отечество», и писатель точно употребляет этот термин по отношению к этому времени: в период борьбы с Наполеоном, сжигая Москву, «русские спасли свою святыню — отечество». В новой ситуации, обращает Толстой внимание читателя, «русское сердце участило свои удары». Он призывает русский народ: «Вперед — за нашу Родину, за нашу святыню — Москву»¹³⁰. В прежние времена святынею

было все отечество, в настоящее время святынею является Москва, как бы синоним всего отечества. Эту же ассоциацию «Москва — святыня», «Москва — отечество» воспроизвел вскоре в бою политрук Клочков, при защите Москвы в декабре 1941 г.: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!»¹³¹. Сохранилось и завещание героев-панфиловцев потомкам, переданное одним из солдат (Натаровым), оставшихся в живых: «Мы принесли свои жизни на алтарь Отечества. Не проливайте слез у наших бездыханных тел. Мы погибли, но мы победили!»¹³².

Публицистический талант А. Н. Толстого, несомненно, сыграл свою значительную «некрасовскую» роль певца «Родины-Матери». С философскими размышлениями писатель нарисовал образ Родины, России, как совокупного явления народа, движущегося в историческом пространстве. Следует отметить, что А. Н. Толстого уже в ранние писательские годы отличали острота взгляда на свою землю и свой народ, метафизический характер обобщений. В 1914 г., как только началась Первая Мировая война, писатель публикует статью «Отечество», где пишет, что война России с Германией — это война духовная, война культуры (России) и антикультуры (Германии), «война бесов и духа человеческого». «Все (мобилизованные. — О. К.) пошли на предназначенное и неизбежное дело — сломить на полях Германии бесов железной культуры, гасителей духа человеческого». «Немцы выпустили на нас легионы демонов разрушения, взлелеянных ими за 40 лет». «Мы, русские, несем в своих сердцах великие залежи духа человеческого»¹³³. Именно на фоне остроты этого противостояния рождается понимание того, что есть отечество: «Он (неприятель) тот, под чьим ударом пробудилось величайшее понятие, таинственное по страшному могуществу своему: слово “отечество”». Основная мысль очерка сводится к обозначению сверхважности этнического чувства, о необходимости его хранить, лелеять и отстаивать с оружием в минуты опасности. «Железная культура» — культура германцев тщится перемолоть, раздавить это национальное чувство другого народа, потому что в себе они уже подавили это чувство, когда

¹²⁸ Толстой А.Н. Родина // Толстой А.Н. Родина. Сборник статей. М., 1942. С. 5.

¹²⁹ Там же. С. 8.

¹³⁰ Толстой А.Н. Кровь народа // Толстой А.Н. Родина: Сборник статей. М., 1942. С. 40.

¹³¹ Кривицкий А. Завещание двадцати восьми героев // От советского Информбюро. 1941–1945. Публицистические очерки военных лет: В 2 т. М., 1984. С. 140.

¹³² Там же.

¹³³ Толстой А.Н. Отечество // Толстой А.Н. Отечество. М., 1976. С. 10.

погасили в себе человеческое чувство совести. Поэтому отечество может наполняться не только положительным, созидательным содержанием, но и разрушительным: «Мы, знающие много значений слова “отечество” — от выкрикнутого басом “Германия прежде всего” — до стога почти, до залитого кровью скорбного имени Бельгия, мы внезапно узнали истинное его значение и власть, мы стали вдруг обогащенными новой любовью». Писатель потрясен тем, что в нем с началом войны пробудилось чувство любви к отечеству: «Я не знаю откуда это, но сейчас у меня есть отечество, Россия, родина». Потрясенный тем, что с ним происходит, он пишет: «Ушло наносное и впервые обнажилось ядро новой культуры — сердце наше, воля наша, способность наша, спокойствие наше, то, что ведет нас, а может быть, и остальные народы на верный, ясный путь мира и радости». Этот переворот в сердце «произошел в один день, к вечеру мы стали крепким, решительным, чистым народом»¹³⁴.

С именем А. Н. Толстого во многом связано закрепление некрасовского мифа о Родине-Матери, которое выкристаллизовалось в годы Великой Отечественной войны. Тема «женщины — родины-матери» прорабатывалась многими писателями и художниками, но ни у кого не было этой метафизической связи «родина — отечество» или, другими словами, «родина — историческая Россия». А. Н. Толстой раскрыл эту сторону понятия «родины», придав тем самым ему необходимую смысловую глубину. Вместе с тем писатель обращается к отечеству, в его однозначной специфике, хотя в традиционном контексте (когда это слово было исторически доминирующим) у него было более сложное содержание. Но и в упрощенном, усеченном виде понятие приобретало полновесный замкнутый символический смысл, представляющий не только узко профессиональный интерес для образованной части русского народа (как предмет исторического изучения), но как смысловой образ, близкий и понятный всему народу. Из этого источника этот образ мог тиражироваться и дальше через самые разные каналы передачи информации.

О русском характере рассуждал в своих публицистических очерках в этот период писатель Константин Федин. Он говорит, что характер народа формирует то культурное пространство,

которое народ создает своими силами. Русский характер отличается «широтой, воображением, горячностью, которая соединяется с мечтательностью и с пренебрежением внешними формами». Но при этом, как показала история, этот исконный характер мог дополняться и изменяться. Так Федин выделяет ленинградский (т. е. петербургский) период, который принес русским немалые изменения. Появилась «устойчивость вкуса, предпочтение строгих форм, дисциплина, исполнительность, почти педантизм». Петербуржец тоже был русской натурой, «однако он доказал, что рядом с широтой этой натуре свойственны целеустремленность, рядом с мечтательностью — самодисциплина, рядом с горячностью — постоянство привязанностей. Ленинградец расширил своей сущностью понятие о русском». На этом фоне писатель говорит, что существует особый «ленинградский патриотизм», и он оказался глубоко русским. «Пройдя огонь испытаний, патриотизм Ленинграда (выше писатель говорит, что это петербургско-ленинградский культурно-исторический феномен. — О. К.) не утратил особой ленинградской окраски, но раскрыл свою природу, как одну из самых страстных черт русского характера — готовность на любые жертвы ради отчизны»¹³⁵. Родина для К. Фебина — это территория, которую народ созидал и отстаивал от врагов. В войне с фашистами защитники Родины ощущали себя, по мысли писателя, одновременно — русскими людьми, защищающими землю отцов, и советскими, отстаивавшими «родину своих революционных идей, свою новейшую историю».

Ярко обозначил русскую тему в публицистике осенью 1941 г. Илья Эренбург, также, как и Толстой, ключевая для Сталина фигура в публицистике. В очерке «Мы выстоим» (28 октября 1941 г.) много рассуждений об особенностях России как страны и культуры, размышления о русском характере. «Русские не отличаются методичностью немцев, но сейчас они методично трудятся. Дело идет о судьбе России, быть России или не быть». «Россия — особая страна. Россия может от всего отказаться». Аббревиатуры СССР словно и не существует, понятия «советские», «советский народ» также почти не употребляются. Как и А. Н. Толстой, Эренбург прибегает к фольклорным образам, конкретизирует

¹³⁴ Толстой А.Н. Отечество // Толстой А.Н. Отечество. М., 1976. С.10.

¹³⁵ Федин К. Ленинградка. 1944 год. // От советского Информбюро. 1941–1945. Публицистические очерки военных лет: В 2 т. М., 1984.

и обобщает этническое пространство народа: «Мы выстоим — это шум русских лесов, это вой русских метелей, это голос русской земли»¹³⁶. Образ России, родины также лепится Эренбургом из числа отдельных людей: «Умереть за Россию — это не только умереть за государство, за историю, за свободу. Любой мальчик, тот что сейчас играет в сквере, это тоже Россия, осязаемая, точная»¹³⁷.

Активной символизацией женских образов занималась в своих военных очерках Лидия Сейфуллина, описывая сначала конкретные судьбы, а потом обобщая их. Она писала, что война показала, что сильнее материнской любви является любовь к родине. Здесь наблюдается игра смыслами: любовь материнская и любовь к родине. «На огромном пространстве СССР одним стремлением полна сейчас душа советских матерей», — так обозначает Л. Сейфуллина суть проблемы. В очерке приведены отрывки из трех писем, трех матерей. Женщины обращаются к своим сыновьям, и голос их также конкретен, как и общ, растворен в голосе вообще матерей России. Матери призывают сыновей защищать родину («интересы родины выше всего»), быть похожими на отцов («будьте такими, как был ваш отец, стойкими и верными своей родине»), мужаться («лицо матери-патриотки — волевое лицо»)¹³⁸.

Но Толстой, Тихонов, Федин, Эренбург, Сейфуллина — это скорее «западники», развивающие некрасовское направление, имеющее отношение к мифологизации действительности, в то время как были в советской России и свои «славянофилы», которые описывали реальные подвиги реальных людей, защитников Отечества. Подвиги Зои Космодемьянской, Николая Гастелло, Александра Матросова рассматривались в таких очерках как конкретные дела, вклад в победу страны, хотя позже и эти герои становились предметом символических обобщений. В известном очерке о подвиге З. Космодемьянской заметна такая попытка символизации образа. Первое официальное сообщение о подвиге Зои Космодемьянской датируется

27 января 1942 г., когда в газете «Правда» был напечатан очерк «Таня» Петра Лидова¹³⁹ и вся страна узнала о подвиге безвестной еще девушки, назвавшейся оккупантам Таней. В конце очерка автор статьи делает обобщение: «Бойцы найдут еще время прийти сюда (в деревню Петрищево под Москвой, где была замучена Зоя Космодемьянская. — О. К.), чтобы до земли поклониться праху Татьяны и сказать ей душевное русское спасибо. И отцу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню, и учителям, воспитавшим ее, и товарищам, закалившим ее дух. И скажет тогда любимый командир: “Друг, целясь в фашиста, вспомни Таню. Идя в атаку, вспомни Таню и не оглядывайся назад”. И бойцы поклянутся над могилой страшной клятвой. Они пойдут в бой, и с каждым из них в бой пойдет Таня. Немеркнущая слава разнесется о ней по всей советской земле и миллионы людей будут с любовью думать о далекой заснеженной могиле»¹⁴⁰. Таня выступает в этих строчках как образ, символ поруганной, но не сломленной родины. Воины призываются отомстить врагу за поруганную честь страны, олицетворением которой была эта народная героиня.

Для солдат, как можно судить по отдельным устным воспоминаниям, главным словом в бою, в атаках было слово «родина». В первые дни войны, как следствие идеологического воспитания, в солдатских атаках звучало: «за Сталина!», но уже к осени 1941 г., как голос сердца, как общее единение всех, повсеместно они стали кричать «за Родину!»¹⁴¹. Исключительной популярностью пользовалась песня на стихи В. И. Лебедева-Кумача, «Священная война». Слова ее были известны и взрослым и детям. М. М. Громыко вспоминает такой эпизод периода военной эвакуации, когда их — эвакуированных московских детишек — поселили в одном удмурдском селе и дали возможность продолжить учебу. На уроках военного дела учитель-офицер (прибывший с фронта, списанный из армии по ранению) командовал: «Громыка, запевай». И не у кого не было сомнений в том, какая будет звучать

¹³⁶ Эренбург И. Мы выстоим // Там же. С. 73.

¹³⁷ Эренбург И. Мужество // Там же. С. 141.

¹³⁸ Сейфуллина Л. Три письма // От советского Информбюро. 1941–1945. Публицистические очерки военных лет: В 2 т. М., 1984. С. 82.

¹³⁹ Автор очерка Петр Лидов погиб на фронте 22 июля 1944 г. Но кроме П. Лидова о подвиге З. Космодемьянской писали еще несколько публицистов.

¹⁴⁰ Лидов П. Таня // Военная публицистика и фронтовые очерки. М., 1966. С. 77.

¹⁴¹ «Отцы и дети здесь все вместе...» Беседа с Татьяной Николаевной Кудряшовой // Очаковская церковно-приходская газета. 2011. № 41. С. 12–14.

песня, и «Война...» пелась с волнением и воодушевлением, как будто в первый раз:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная вскипает как волна,
Идет война народная,
Священная война!

Здесь не было слова «Родина», произносилось другое слово — «страна огромная», но это была «огромная страна» «народа», и потому война называлась и ощущалась как «народная священная война». Смыслом «родины» было пронизано все стихотворение. Тем более слова этой песни прямо ассоциировались с изображением призывающей Родины-матери с плакатов, развешанных в людных и общественно значимых точках перио-

да войны: у военкоматов, у школ, вузов, государственных учреждений.

В плакате, как ни в одном другом источнике этого времени, отражалась главная мысль, идущая от лица государства к народу: «кого и что мы защищаем от фашизма». Плакат может рассматриваться как важнейший источник не только характеризующий направление идеологии власти, но и характер народного настроения, народного чувства. Потому что в эти годы партийным идеологам волей или неволей пришлось напрямую обратиться к народу, к его сокровенному и святому чувству — любви к родине. Военный плакат, как ничто другое, зримо доносил до народа идею «Родины-матери» в ее символическом значении¹⁴². Художник, в отличие от писателя-публициста, строил свой образ, опираясь на зримые, образные формы воздействия на народ. Он не мог показать также и зримо и емко в художественном видео-ряде красоту родной земли, ее величие, ее святости. У него оставался один путь возвращения к традиции — через привлечение иконописного языка. Главным плакатом войны стало произведение «Родина-Мать зовет» художника Ираклия Тоидзе, четырежды лауреата Сталинской премии. У И. Тоидзе было два известных военных плаката: «Родина-мать зовет» (1941 г.) и «За Родину-мать» (1943 г.).

За основу этого образа советский художник взял один из центральных для православной иконографии образов — образ Богородицы Девы Марии. У женщины на плакате славянские, русские черты, она средних лет, с волевым, открытым лицом. Скупость выразительных средств в фигуре Родины-матери тяготеет именно к иконописности. Особенно на это указывает лицо, сомкнутые губы, суровые, спокойные глаза. Вся экспрессия заключена в энергичном жесте руки, зовущем, как благословляющем. Платок на голове Родины-Матери указывает на религиозность, святость этого образа, по сути, он заменял нимб, имеющийся всегда на иконописном образе. Платок чуть сбился, видны волосы и это обозначает крайнюю степень волнения, опасность, нависшую над честью и достоинством Родины-матери. Особую силу образу придает также отсутствие других фигур на плакате. Сыновья ушли вперед, присяга в правой руке, как отрывок из Евангелия на иконах.

«Родина-мать зовет».
Автор И. Тоидзе. Плакат. 1941 г.

¹⁴² Плакаты Великой Отечественной войны 1941–1945 г. / Сост. В. Долинская. М., 1975; Великая Отечественная война 1941–1945. Плакаты. Сост. и автор вступит. ст. М. Ю. Герман. Л., 1980; Плакат на фронте и в тылу / Сост. И. Великодная, П. Снопков, А. Шклярчук. М., 2010.

За Родину-мать! Плакат И. Тоидзе

На втором плакате И. Тоидзе «За Родину-мать» присутствует в большой степени советская идейность. Родина-мать изображена в движении в профиль, что нехарактерно для православной иконографии, а вот для барельефа и в целом советского художественного искусства весьма характерно. Фигура Родины-матери обернута как в хитон красным флагом. Платок совсем сбился на плечи. Это уже не лицо славянки, а скорее грузинки лет 30. Ниже нее находятся красноармейцы разных родов войск, идущие в бой. На руках у Родины-матери находится мальчик лет 4–5 с грустными спокойными глазами. Профильное положение лица Родины-матери противоречит канонам православной иконографии, отчего вся композиция кажется застывшей и искусственной. Картина скорее похожа на барельеф, поэтому более близка по композиции памятной стене, чем иконе.

Очень популярным в годы войны был плакат, также попавший на открытки, который назывался «Воин Красной Армии, спаси!», появившийся в 1942 г. Женщина прижимает к груди ребенка, а на них направлен окровавленный фашистский штык со свастикой. Автор плаката — художник В. Б. Корецкий посвятил свой

«Воин Красной армии, спаси!»
Автор В. Б. Корецкий. Плакат. 1942 г.

«Добровольцы отправляются на фронт».
Самара 1941 г. Фотография

сюжет тем, кто остался в тылу врага. Открытки издавались три раза большими тиражами: 300 тысяч, один миллион, и миллион триста тысяч¹⁴³. Исследователи отмечают, что плакат этот имел огромную популярность. У картины также высокий уровень приближения к иконописному образу, привычному для каждого православного. Автор словно говорит, что вот так же Божия Матерь держала на руках Своего Божественного Сына. У женщины на плакате так же, как у Родины-матери, наброшен платок, но он упал на плечи, что символически указывает уже не на покушение, а на осквернение святыни (мать и сын на территории, занятой врагом). Воины Советской Армии призывались не только освободить людей, попавших в неволю, но вернуть и оскверненные святыни. Мотив осквернения святыни и был главным смыслом в данном плакате, оказывающим огромное влияние на бойцов.

Символизм не всегда приводил художника к иконописности образа. Так, например, художник Д. Шмаринов, создавший плакат «Воин, ответь Родине победой» (1942 г.) также стремился в своем произведении передать обобщенный образ молодой русской женщины, который бы ассоциировался с Россией. В ярко-красном платье с глухим высоким воротником, золотистыми волосами, сплетенными в массивные косы, накрученные вокруг головы, она теряла из-за своих этнографических и исторических подробностей иконописный облик родины-матери. Не было платка на голове, в правой руке был зажат автомат, который женщина протягивала вперед. В другой руке лежал сноп сжатой и связанной пшеницы. Тем не менее, отметим, что автор этого плаката явно стремился к «высокой» цели, показать священный образ Родины-матери. Плакат выходил в годы войны двумя изданиями и был востребован.

«Воин, ответь Родине победой!»
Автор Д. Шмаринов. Плакат. 1942 г.

Мотив покушения на честь, достоинство и свободу был характерен для многих сюжетов, попавших на плакаты военного времени.

«Будь героем!».
Почтовая марка. Автор рисунка В. Б. Корецкий

¹⁴³ Открытки, изданные в Москве в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. / Составители В. И. Артемьев, М. С. Забочень. М., 1995. С. 7.

На плакате В. Серова «Юноши и девушки, защищайте свободу, Родину и честь, завоеванные ваши отцами» была изображена девушка-санитарка с медицинской сумкой, отмеченной красным крестом. На голове у нее был повязан платочек «на фабричный манер» за голову. Над нею возвышаются тени «отцов» революции 1917 г.

Во время войны сложился еще один важный символический сюжет: «воин и девочка», который также имеет свой второй план. Христианский прототип этой смысловой группе плакатов можно найти в Евангелии и в православной иконографии. «Христос, благословляющий детей» — тема очень важная для Евангелия. Воин, заменяющий образ Христа, и девочка, в данном случае символизирующая не просто детей, а народ, как на это указывает Евангелие. В годы Великой Отечественной войны было выпущено много разных плакатов и открыток на этот сюжет, например, «Воин в каске держит в руках девочку», «Воин с девочкой в руках на фоне разорванного проволочного заграждения» (плакат и открытка 1944 г.)¹⁴⁴.

И совсем не случайно, что именно этот сюжет — солдат и девочка на руках в скульптурном виде попал за границу. Памятники русскому солдату с девочкой на руках были поставлены в Болгарии, в Германии.

Церковь и понятие «родины» в годы Великой Отечественной войны

Конечно, мы должны понимать, что Церковь, несмотря на дарованные большие свободы в период войны, все же не могла прямо и ясно говорить «языком Святой Руси», к тому же она обращалась ко всему народу, поэтому язык ее должен был быть понятным современникам. В обращениях церковных иерархов звучат понятия «родина» и «отечество», причем «родина» как гражданское понятие, а «отечество» как церковный его эквивалент. В церковной проповеди ясно присутствуют этнически выраженные определения «русская земля», «русский народ», «святая Русь», но при этом вводится новый для широкой народной аудитории термин «мать-церковь». Может быть, это понятие осторожно употребляется в качестве церковного эквивалента образа «родина-мать».

Из обращения митр. Московского и Коломенского Сергия, патриаршего Местоблюстителя к «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» от 22 июня 1941 г.: «Фашистские разбойники напали на нашу родину»; «нашей страны»; «России», «родную землю»; «благом и целостностью родины»; «кровными заветами любви к своему отечеству»; «о священном долге перед родиной и верой»; «отечество защищается оружием», «готовностью послужить отечеству», «свои души за народ и родину»; «жертвует ради родины»; «нам пастырям Церкви, в такое время, когда отечество призывает всех на подвиг»; «прямая измена родине» (поиск выгод на той стороне границы); «за родину и веру»; «за нашу родину»; «родине нужна жертва»; «священных границ нашей родины»¹⁴⁵. В послании четыре раза звучит старинное и, по сути, государственно-церковное понятие «отечество» и в десяти случаях употребляется слово «родина». Родина здесь основное, краеугольное понятие, обозначающее суть того, что необходимо защищать. Следует обратить внимание на то, что «родина», сопрягается в двух случаях в паре с «народом» и «верой»: «за родину и веру»; «за народ и родину», и такая лозунговая (самая кратчайшая) форма должна еще больше заострить глубину и емкость данного понятия.

В последующих посланиях периода Великой Отечественной войны митрополит Сергей также часто прибегает к понятию «родина», оно является самым распространенным в числе родовых понятий, обозначающих страну, государство. Реже в других документах появляется термин «отечество». Рассмотрим несколько типов его обращений: 1. в проповедях к конкретной пастве в тех или иных соборах звучат слова: «страна, родина в опасности»; «Родная земля»; «предателей родины»; «защитников родины»¹⁴⁶; «на нашу родину»; «они (все убиенные. — О. К.) жизнь свою положили на поле брани за отечество»¹⁴⁷. 2. В патриарших посланиях ко всей российской пастве или к верующим отдельного региона звучат такие понятия: «нашу землю»; «для спасения родной земли»; «Над нами Покров Пресвятой Девы Богородицы, всегдашней Заступницы Русской земли»; «в сердце Святой Руси»; «ко врагам родины и Церкви»;

¹⁴⁴ Открытки, изданные в Москве в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. / Составители В. И. Артемьев, М. С. Забочень. М., 1995. С. 45.

¹⁴⁵ Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей Страгородский. М.: Правило веры, 2003. С. 550–551.

¹⁴⁶ Речь митрополита Сергия на молебне о победе русского воинства вечером 26 июня 1941 г. в Богоявленском соборе в Москве // Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей Страгородский. М.: Правило веры, 2003. С. 552–553.

¹⁴⁷ Поучение, сказанное митрополитом Сергием за Литургией в церкви Иоанна Воина на Б. Якиманке в Москве 12 августа (30 июля ст.ст.) 1941 г. // Там же. С. 553–555.

Мемориальная доска на стене Белорусского вокзала в Москве, посвященная впервые исполненной здесь в 1941 г. песне «Священная война»

«на защиту Церкви и родины»¹⁴⁸; «злое нашествие врага временно оторвало вас от сердца родины»; «купить себе благополучие путем измены Церкви и родине»; «к унижению родины и себя самих»; «во имя верности Церкви и родине»; «есть заслуга пред родиной»; «помните, что родина не забывает нас»¹⁴⁹; «изгнать врага из своей страны»; «свою православную веру и родную национальность»; «заслуги перед Церковью и родиной»; «не посрамим Земли Русской»¹⁵⁰; «от имени всем нам родной Матери — Русской Церкви»; «нашу землю»; «от родной страны»; «готовый на всякие жертвы ради родины»¹⁵¹; «наши предки строили Святую

Русь... умирали за Русь»; «нашей земли»; «народа-богатыря»; «верность общей родине»; «защитить родину»¹⁵²; «святое дело спасения родины»; «дело спасения родины»; «на пользу нашей великой Родины»¹⁵³; «мрачная немецкая ночь миновала, у нас снова мирный русский день»; «над нами родное русское солнце»; «на защиту веры и родины»¹⁵⁴; «доблестная русская армия изгонит фашистскую нечисть из пределов нашей родины»¹⁵⁵; «нашу страну»; «общий подвиг за спасение родины»; «преданный тыл»; «ваша любовь к родине и ее свободе»¹⁵⁶; «Родина никогда не забывает вас»¹⁵⁷; «Мы пройдем через все испытания, и мы под знаменем

¹⁴⁸ Послание к московской пастве // Там же. С. 555–556.

¹⁴⁹ Верным чадам Святой Православной Русской Церкви и нашей Великой Родины, оставшимся в областях СССР, теперь временно захваченных врагом // Там же. С. 565–566.

¹⁵⁰ Послание чадам Святой Православной Русской Церкви в годовщину начала войны // Там же. С. 585–586.

¹⁵¹ Преосвященным архипастырям, пастырям и всем верным чадам Святой нашей Церкви в областях СССР, еще не освобожденных от немецкой оккупации // Там же. С. 594–595.

¹⁵² Рождественское послание // Там же. С. 595–596.

¹⁵³ К архипастырям, пастырям и приходским общинам нашей Православной Русской Церкви // Там же. С. 596–597.

¹⁵⁴ Православной пастве Ростова-на-Дону и Ростовской епархии // Там же. С. 599–600.

¹⁵⁵ Пасхальное послание // Там же. С. 601–602.

¹⁵⁶ Пасхальное послание всем христианам в Югославии, Чехословакии, Элладе и прочих странах, к православным народам, пребывающим в плену фашистских застенков // Там же. С. 602–605.

¹⁵⁷ Слово ко дню двухлетия войны // Там же. С. 608.

Богородицы победим врага. С нами Бог, с нами Богородица. Мы молимся о единстве нашего народа. Мы верим, победа придет!»¹⁵⁸ Митрополит Сергей обращается к понятию «родина» даже в таких официальных документах, как поздравительные телеграммы вождю партии: «верных чад нашей родины»; «подвиг за родину»¹⁵⁹; «вверенной Вам родной страны»; «истерзанной родины»¹⁶⁰.

В послании патриаршего экзарха митрополита Алеутского и Североамериканского Вениамина ко всем русским людям в Америке понятие «родины» является центральным, но вместе с тем владыка Вениамин, как человек дореволюционной культуры, часто употребляет и слово «отчество»: «на нашей родине ведется страшная, небывало жестокая борьба с беспощадным врагом за отчество»; «опасность нависла над целостностью нашей земли русской»; «как молится теперь

Церковь на родине нашей»; «чтобы русские люди молились и здесь о победе русскому воинству... чтобы жертвовали на армию и защитников отечества»; «архиереи (в США. — О. К.) не просят Президента о помощи родине нашей»; «в грехах тамошнего русского народа, на родине»; «в деле защиты нашей родины»; «Пусть за меня скажет Церковь на родине»; «на борьбу за священные границы отечества»; «прямою изменою родине»; «ожидает от врага родины»; «народ там на родине»; «в жертву за родину»; «не родине нашей, а ее врагу»; «помощь родине»; «на помощь родине»; «о помощи нашей родине»; «в послании на родине»¹⁶¹.

Важное значение для воспитания патриотического народного чувства имело празднование Покрова 14 октября 1941 г. в Москве: «после праздника Покрова Пресвятой Богородицы выр-

Памятник Покрову Пресвятой Богородицы.
Черновская обл. Поселок Городня

¹⁵⁸ Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей Страгородский. М.: Правило веры, 2003. С. 532.

¹⁵⁹ Телеграмма митрополита Сергея И. В. Сталину // Там же. С. 590.

¹⁶⁰ Телеграммы митрополита Сергея И. В. Сталину // Там же. С. 598.

¹⁶¹ Послание патриаршего экзарха митрополита Алеутского и Североамериканского Вениамина ко всем русским людям в Америке // Там же. С. 556–561.

валось из глубины народной души, и сопротивление Красной Армии резко окрепло». Важной вехой стала Божественная Литургия в переполненном Богоявленском соборе 22 октября 1941 г. Митрополит Николай Ярушевич сказал: «Мы пройдем через все испытания, и мы под знаменем Богородицы победим врага. С нами Бог, с нами Богородица. Мы молимся о единстве нашего народа. Мы верим, победа придет!»¹⁶²

В годы войны происходили многие случаи небесной помощи воюющим советским солдатам. Здесь также на первый план выходит образ Божьей Матери. В ноябре 1942 г. в самый тяжелый период защиты Сталинграда было явление Божьей Матери в небе над городом. Свидетелем чуда стали воины целой воинской части армии Чуйкова¹⁶³. Тема чудес и покровительства Божьей Матери в военные годы на сегодня мало исследована, хотя уже накоплен обширный круг свидетельств, но в силу «ненаучного формата» самого понятия «чуда» это явление, к сожалению, не вводится в научный оборот и военная тема не получает дополнительной яркой иллюстрации.

В послевоенный период в советской идеологии сложившийся канонический образ «Родины-матери» следовало перенести в более привычные для советского человека формы. Из области «иконописной», плоского образа, который поддерживала в годы войны и публицистика, это понятие стало перетекать в объемные формы «памятника». После войны религиозная составляющая быстро начинает уходить из художественных символических сюжетов, через которые государство обращалось к «сердцу» народа. Появление памятников Родине-матери показывает, что началось решение другой идеологической задачи.

Наиболее ярким проектом в этой области стало появление памятного мемо-

риала на Мамаевом Кургане в Волгограде, на месте ожесточенных боев в 1943 г. Комплекс возводили в 1958–1967 годах, хотя идея его сооружения появилась раньше. Новым в советском памятнике «Родина-мать» на Мамаевом кургане было то, что сама Родина-мать взяла в руки меч, что не характерно ни для военного плаката, ни для православной иконографии. Божия Мать действует словом, помощью Сына Божия, у Нее всегда есть помощники — небесное воинство, ангелы и архангелы. Об этом говорят многочисленные исторические материалы видений в грозные годы вражеских нашествий. Также нередко Она держит в руках покров — Свой плат, защищающий верных Ее Божественному Сыну. Памятник на Мамаевом кургане — это искусственно сконструированный образ, далеко ушедший от военного первообраза из плаката «Родина-мать зовет». Сам по себе камень, как выразительный материал, уже выходит за рамки православной традиции, далее мы видим фигуру Родины-матери без платка (античный подтекст), с мечом. Все это в совокупности отражает не священное достоинство Матери, а указывает на иной смысл. Новый смысл здесь привязан к карающему мечу, он указывает на суд,

Памятник защитникам Ельца. 1996 г.
Скульптор Н. А. Кравченко

¹⁶² Послание к московской пастве // Вестник военного и морского духовенства. 2005. С. 40.

¹⁶³ Красник Л., Андреев Ф. Сталинградское знамение // Вестник военного и морского духовенства. 2005. С. 61–65.

возмездие и, в конечном счете, обращен к закону (государству). Перед нами не православный сублимированный образ Матери, а скорее античный мифологический персонаж, главная цель которого — эстетическое воздействие на зрителя. На это рассчитаны и гигантские размеры скульптуры. Именно эстетическое, а не духовное, как это было в случае с плакатом. Перед нами культурное пространство, оформленное для того, чтобы напомнить о бывшей здесь войне. Образ Родины-матери не перешел (и не мог перейти) из плакатов в иное православное, хотя и светское, но высокое художественное пространство, а, потеряв после войны свою остаточную сакральную символику и значимость, «застыл» в сугубо эстетическом символе. Все это указывает на то, что у плакатного образа изначально не было собственного живого религиозного потенциала, и этот *модернистский* по своей мировоззренческой сути проект был обречен на скорую духовную деградацию (в духовном, а не эстетическом смысле), как только был исчерпан потенциал его временного использования.

Интересен в этой связи вопрос о православных памятниках, которые стали появляться в большом количестве с начала 1990-х годов. Насколько они «святые», при том, что среди них мы видим лики святых и подвижников? Чем памятно всем время начала 1990-х? Резким ослаблением силы государственной власти, падением авторитета закона, своего рода анархией в структурах власти, безудержным шельмованием всего своего самобытного русского, российского, традиционного, с перекосом внимания на все западное, американское, демократическое, рыночное. В эти годы, разрушительно действующие на умы граждан России, на их гражданское самосознание, православная скульптура стала своего рода средством, препятствующим этому тотальному разрушению государственного сознания у людей. Скульптура, как мы уже выше отмечали, по своему материалу и в силу своей телесности, всегда была чужда православному художественному видению образа человека, так как в самом материале уже — камне, бронзе, мраморе — и телесности выражена эстетическая, а не духовная мысль. Скульптуру весьма ценили античные греки именно за то, что она воспитывала эстетическое сознание, а значит, по их мысли, и давала основу гражданским чувствам. Они считали, что настоящую красоту могут ценить только эллины, но не варвары. Такова была их исходная посылка. Гражданский потенциал скульптурных творений вполне оценили большевики, которые сами занимались созданием особой гражданской нации — советского народа.

Почему же тогда православный скульптор В. М. Клыков, самый известный из череды скульпторов постсоветского времени, стал активно создавать скульптуры с православными сюжетами? Причина этого в страшном дефиците средств воспитания гражданских чувств: долга, патриотизма. К телевидению воспитателей патриотизма не допускали, поскольку там реализовывалась прямо противоположная программа, православная скульптура тогда стала подлинным воспитателем гражданской чести и достоинства. Православные святые — благоверный князь Александр Невский в Курске, святые Кирилл и Мефодий в Москве, страстотерпец царь Николай II в Тайницком, прп. Сергей Радонежский в Троице-Сергиевой лавре (перед ней), прп. Нил Столобенский в Осташково, перед монастырем — десятки памятников святым должны были аккумулировать в душах людей чувство патриотизма, взывать к памяти, к истории, связывать историю гражданскую с историей церковной. Появление этих памятников было следствием слабости государственной власти России, не воспитывающей привычными средствами у людей гражданское чувство, а также следствием оттеснения православия, как духовности, на которой выросла великая Россия, на задворки информационного вещания. Памятники православным святым продолжают появляться и сейчас (в Воронеже памятник свт. Митрофанию), что указывает лишь на то, что проблема, из-за которой они вынуждены появляться, до конца не решена, особенно в области информационного поля. Создатели памятников православным святым и государственным деятелям пользуются, конечно, языком модерна, но этот язык был освоен еще в имперскую эпоху России и стал привычным. Этот «имперский язык» сегодня не по сердцу и части православных, видящих в этом феномене католическое влияние, что, конечно же, нельзя признать справедливым. Имперский язык без империи сегодня — это нонсенс, но это вынужденное противоречие, которое должно решиться со временем, когда о святых русской истории не стыдно будет говорить политикам, журналистам и телеведущим.

Выводы по статье

Из двух обозначенных в постановочной части характеристик этничности динамичной и статичной, именно статичная, связанная с пространственными характеристиками этнического осознания территории, имеет функцию *защитного механизма* этноса. В то время как динамичные характеристики этничности (язык, антропологи-

ческий тип, духовность, материальная культура) отвечают за *адаптивные возможности* (адаптация к духовному, социальному, культурно-материальному и природному миру).

Сужение комплексного этнорелигиозного понятия «Русская земля — Отечество — Святая Русь», до уровня текстов и, в конечном счете, замена его понятием «родина» было не случайным историческим эпизодом в истории России, учитывая, что в XVI–XVII в. в стране существовала острая потребность в созидании Святой Руси, как единого территориального, для России, целого. Но продолжение созидания стало тормозиться, в рамках прежнего политического и социального устройства страны, по причине угасания того мощного импульса, который Церковь и страна имели от деятельности прп. Сергия Радонежского и его многочисленных учеников и последователей. Вместе с тем в предпетровский период быстро росла активность «извне» на внешних границах государства, в то время как Россия не была готова активно ответить на это, ни экономическими, ни политическими, ни церковными средствами. В основе истории России лежал духовный фактор. Им определялся и уклад жизни страны, и особенности ее политической жизни, и лицо ее хозяйства — экономики. Вот почему «свято-русская идея» продолжала быть главным внутренним мотивом всех назревающих перемен. Миссионерские запросы Русской Православной Церкви в этот период требовали уже не только ограничиваться денежной помощью греческим патриархам, но — более активно и конструктивно участвовать Русскому Православию в общемировом процессе. Вот почему, по большому счету, Российская империя, начавшая созидаться Петром I, была лишь политическим и экономическим средством для достижения духовных целей, которые сводились к продолжению церковной миссии Русской Православной Церкви, как внутри России, так и за ее пределами. Итогом огромных усилий *всего русского общества* было появление Русского Православия в XVIII–X вв. не только в Сибири, на Дальнем Востоке, Кавказе, Средней Азии, но и распространение его по всему миру. Православие пришло в Северную Америку, в Юго-Восточную Азию (Японию, Корею, Индию, Китай), Европу. Трагический для России XX век принес свои великие духовные плоды, а не только рассеяние по всему миру огромному числу русских, так как дал возможность появиться сотням и тысячам православных храмов и десяткам монастырей в самых разных уголках мира.

«Новомученики и исповедники Российские».
Икона. XX в.

Вот почему, на наш взгляд, Российская империя была скорее глобальным церковным, чем государственным проектом, направленным на решение Вселенских церковных задач, и русские люди в этом проекте стали той этнической силой, которая была целенаправленно употреблена на решение проекта.

В данной статье речь шла о постепенной диэтнизации русских, когда их этническая сила, энергия в последние три века расходовалась преимущественно не на созидание собственного этноса, а на решение глобальных проблем других народов. За восемь веков, начиная с X и кончая XVII в., были созданы основы Русской Земли, как Святой Руси, но полностью задача так и не была решена. Святая Русь в территориальном смысле представляла собой отдельные локальные «святорусские» очаги, распределенные неравномерно по всей территории страны. В имперский период постепенно стало меняться духовное пространство. Между монастырем и обществом внутри России стало появляться множество переходных форм подвижнического толка: многочисленные общины (в основном, женские), богадельни, сестринские объединения, человеколюбивые общества и т. д.

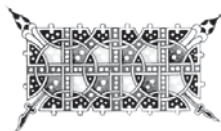
Русские были поставлены в имперский период в условия главных исполнителей имперских задач. «Принуждение» не означало «насилие»,

потому что оно большей частью стало рассматриваться русским православным народом, как несение креста, как воля Божья, т. е. «принуждение к миссии» было добровольно принято и осознано. Несомненно, что столь обширные задачи Российской империи и к тому же принудительный характер действий вызвали не только положительную реакцию, характерную для тех, кто добровольно, «во славу Божью» принял принуждение, но привели и к созданию широкого фронта оппозиционных сил. Последние, разыгрывая то «этническую», то «народную карту», активно выступали против самодержавной власти имперской России, называя страну «тюрьмой народов», а самодержавную власть — «угнетательницей русского народа», а потом и других народов. Все возрастающая активность воинствующей оппозиции привела к прерыванию этапа «добровольно-принудительного» выполнения задач, связанных со «святорусским» проектом и появлению, в рамках нового — советского государства — сугубо насильственных форм воздействия по отношению к русским. Тем не менее большая часть верующего народа и в этот тяжелейший период достойно приняла (о чем свидетельствуют сонмы новомучеников, прославленных в последние годы Русской Православной Церковью) тягчайшую не только для верующих, но и для всего русского этноса ношу. Именно в XX в., на наш взгляд, Святая Русь стала единым пространством в России — когда были разрушены сотни тысяч храмов, монастырей и в каждом был кто-то убит или замучен Христа ради из числа монашествующих, приходского клира или активных прихожан; когда за веру уничтожали целые сословия, рушили церковный и православно-нравственный уклад жизни. После жесточайших гонений в раннехристианскую эпоху на крови мучеников возникли христианские монархии. В России так же, на исходе советской эпохи, возникли уникальные условия

для законодательного, государственного подтверждения того объективного факта, что Россия сегодня живет в новой реальности — Святой Руси.

Сегодня главный упор в терминологии государственная власть делает на понятие «Россия». Это уже не то, что в XX в. называлось Родиной, но еще и не Святая Русь, Русская земля, Отечество. В большей степени «Россия» сегодня сблизились с допетровским понятием «отечество». Но для полноты термину не хватает возвращения в строй сопутствующих Отечеству синонимов — Святой Руси и Русской земли. Национальная задача на сегодня очень проста: проявить волю и на уровне государственной власти зафиксировать реальность Святой Руси и Русской земли на бумаге: в законах, в культурной деятельности, в образовании, в средствах массовой информации.

Эти проблемы не сводятся только к фиксации правового статуса русских, но в большей степени — к реабилитации всей русской православной культуры, основной массив которой приходится на допетровский период. Она должна определять сегодня жизнь народа, а не тот «пир во время чумы», который сегодня устроен в культурной и информационной сфере для русского народа. Святая Русь сохранилась не только в музейных и текстовых артефактах, она живет в церковной повседневности. А это значит, что современная постмодернистская культура, обслуживающая интересы во многом дезориентированного общества, должна совсем и повсеместно уйти с исторической арены России, как ушли когда-то по воле власти в одночасье (заметим, безреволюционно!) боярские бороды и кафтаны, характеризующие при Петре I старую традиционную культуру! Только тогда можно будет конструктивно решать самые главные проблемы страны, связанные с духовностью и нравственностью, а экономика тут же подтянется до нужного уровня.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Н. Чугреева

Святыня Приуральского края.

О Табынском образе Богородицы и его списках

Вскоре после завоевания в 1552 г. царем Иоанном Грозным Казани башкиры обратились с челобитьем к русскому царю, прося его покровительства. Башкирия была присоединена к Московскому государству. В 1572 г. царь поручает сыну Казанское царство уже «с Башкирдою»¹. Главные административные области Башкирии получили названия дорог — Казанской, Сибирской, Осинской и прилегающей к южным

степям Ногайской. На Ногайской дороге во второй половине XVI столетия у соленых ключей, из которых берет начало речка Усолка, впадающая в реку Белую, возник «Солеваренный» городок, рядом с которым в 1580–1590-х гг. существовала Вознесенская пустынь. В этих местах, недалеко от пустыни, у подножия горы Уральского хребта явилась икона Богородицы, впоследствии получившая названия Табынской.

Вид на место явления Табынской иконы Богородицы. Фото 2009 года

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1872. Т. 9. С. 174.

Смоленский собор. Уфа. XVII век. Гравюра М. Рашевского «Общий вид города Уфы» с рисунка Н. Каразина по фотографии. Последняя четверть XIX века. Фрагмент.
Смоленский собор взорван в 1956 году, ныне на его месте находится Монумент Дружбы

Время явления иконы точно неизвестно, в литературе XIX в. оно определяется очень широко: от второй половины XVI в. до 1676 г. (первого сеитовского бунта)². Сказание об иконе³ повествует, что однажды возвращавшийся с полевых работ в Вознесенскую пустынь дьякон услышал неземной глас. Осматривая место в ущелье, у подножья горы, на огромном камне, из-под которого бил большой соленый ключ, он увидел икону Богоматери, и преисполненный радости и страха, возвестил о ее явлении братии. Икону перенесли в Вознесенскую пустынь и уведомили о ней Уфимского воеводу и первоиерарха Казани — тогда эти уральские земли и большая часть Оренбургского края относились к Казанской епар-

хии. Образ принесли на время в Уфу — крепость, заложенную в 1574 г. и отстроенную в 1586 г. на реке Белой, притоке Камы, и поставили для поклонения в каменном Смоленском соборе. Он был выстроен в XVII в. (по другим сведениям в 1580-х гг.) на месте деревянной Казанской церкви 1579 г. (считается, что Казанская церковь появляется в Уфе уже в год явления чудотворной иконы Богородицы в Казани)⁴. Затем икону отправили для освидетельствования в Казань, где она была признана чудотворной. После этого святыню вернули в Вознесенскую пустынь.

После разорения Вознесенской пустыни башкирами следы иконы в начале XVIII в. теряются. Предание отмечает ее второе явление на том же месте, видимо, в середине XVIII в., в девятую пятницу по Пасхе. Святыня имела следы от колотых ран и разрубов. В 1736 г. была основана крепость Табынск (за двенадцать верст от пустыни) с Вознесенской церковью, в которой был устроен придел во имя Казанского образа. По бытованию иконы в Табынске она получила свое название. Сюда стекались тысячи людей, икону ежегодно носили на место явления и далеко по окрестностям. Особенно икона почиталась табынскими казаками, которые в 1744 г. были причислены к Оренбургскому казачьему войску.

Крестный ход с Табынской иконой, установленный в девятую пятницу по Пасхе, был самым продолжительным в России. Он начинался с конца июня или начала июля и продолжался до весны следующего года. В XIX в. чудотворный образ носили из Табынска не только в близлежащие города Верхнеуральск, Орск, Троицк, но и Оренбург и далее в Челябинск, Кустанай, Уральск и даже Самарскую епархию (возили икону в особой карете с главками). Чудесами своими Табынская икона столь была прославлена, что почиталась не только христианами, но и инославыми. Встречая икону, все молились перед образом Заступницы Богородицы.

В Оренбурге с принесением Табынской иконы в 1856 г. прекратилась эпидемия холеры. По Высочайшему повелению с этого года икону

² В 1997 г. праздновалось 400-летие явления Табынской иконы на основании первого летописного упоминания Вознесенской пустыни в 1597 г., что надо считать условным юбилеем: *Егоров П. В.* К вопросу о дате явления чудотворной Табынской иконы // Уфимские епархиальные ведомости. 2000. № 8. С. 8.

³ *Гуменский Иоанн, свящ.* Сказание об иконе Казанская Божия Матери, находящейся в Вознесенской церкви, Уфимской Епархии, Стерлитамакского уезда, села Табынска. Уфа, 1870. Переизд.: М., 1906; Уфа, 1909; См. также: Уфимская епархия Русской Православной Церкви: справ.-путеводитель / [авт.-сост. Егоров П. В., Рудин Л. Г.]. М., 2005. С. 33–63.

⁴ О Смоленском соборе см.: Дорога к храму. История религиозных учреждений г. Уфы / О. В. Васильева, В. В. Латыпова, О. И. Любимова и др. Уфа, 1993. С. 11–12, 14–15. Ил. на с. 13; *Нигматуллина И. В.* Старая Уфа. Историко-краеведческий очерк. Уфа, 2007. С. 51–53. Ил. на с. 51.

Казанский кафедральный собор. Оренбург. 1886–1895 годы.
Открытие. Начало XX века.
Казанский собор разрушен в 1932–1936 годах,
восстановлен в меньшем объеме, на новом месте

приносили в Оренбург ежегодно к 8 сентября, дню Рождества Богородицы (в 1910 г., например, из Табынска в Оренбург следовали более двух месяцев, с 20 июня по 7 сентября). В 1886–1895 гг. в центре Оренбурга был выстроен величественный каменный кафедральный Казанский собор⁵ (разрушен в 1932–1936 гг., ныне восстановлен в меньшем размере на другом месте). В праздник Рождества Богородицы из Казанского собора после окончания Литургии с Табынским образом шли на реку Урал для водоосвящения, а потом образ обносили вокруг города. Икона переносилась и в другие церкви города. Выносили и вывозили икону в окружении казаков. 22 октября, в день празднования Казанской иконе (установлен в 1613 г. первым царем династии Романовых Михаилом Феодоровичем в честь освобождения с Казанским образом Москвы от поляков), икону отправляли обратно в Табынск. Табынский Казанский образ стал святыней Оренбургского казачьего войска.

В 1891 г. праздновалось 300-летие Уральского казачьего войска. Августейшему Атаману всех казачьих войск Государю Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу во время его следования по Уралу 23 июля в Верхнеуральске (Цесаревич был в Верхнеуральске с 11-ти часов вечера 22 июля и 23 июля) были торжественно поднесены от православного населения Стерлитамака список с чудотворной Табынской иконы в серебряном окладе и Сказание о ней⁶, в память чудесного избавления Цесаревича от смерти (от удара саблей по голове) в Японии 29 апреля 1891 г. во время его путешествия на Восток. Во «Верноподданнейшем адресе» Городского Головы Стерлитамака купца К. Д. Ростовцева говорилось, что поднесенный «неприбывающий доселе в Царских Чертогах»⁷ Табынский образ — список с древней иконы, почитаемой Покровительницей Уфимского, Оренбургского, Самарского и Уральского края, освящен на месте явления иконы, на Святых Ключах. Далее в адресе говорилось: «Мы, горсть многомиллионной семьи православной, жители Уфимской Башкирии — нового удела Божьей Матери, не лишены также Ея милости, как и древнейшие города и столицы Святой Руси, и имеем свою Святыню, Чудотворную Икону Божией Матери “Табынская”, и наше православное сердце преисполнено одинаковой с ними радости о чудесном сохранении в языческой Японии драгоценной жизни Твоей, осененной пречистым покровом Царицы Небесной»⁸. При принятии дара Государь Цесаревич, сняв фуражку и осенив себя крестным знаменем, приложился к образу, принял адрес и выразил свою благодарность словами: «Сердечно и сердечно благодарю»⁹. В журнале Стерлитамакской Городской Думы

⁵ Мы — оренбуржцы. Историко-этнографические очерки / Под общ. ред. В. В. Амелина. Оренбург, 2007. Цв. ил. на с. 8; Горлов Г. Е., прот., Боброва О. Ю. Духовная нива Оренбуржья. Оренбург, 2009. С. 173–180; Владимиров С. Православная жемчужина Оренбурга // Российское казачество. 2011. № 4. С. 20–21 с ил.

⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2297. Адреса стерлитамакского городского головы Ростовцева в. к. Николаю Александровичу в связи с объявлением его наследником и в связи с преподнесением ему иконы. Июль 1891 г. — май 1892 г. [архивное название дела]. Л. 1–21.

⁷ ГАРФ Ф. 601. Оп. 1. Д. 2297. Л. 22 об.

⁸ Там же. Л. 29 об.

⁹ Там же. Л. 111 об.—113.

от 9 мая 1892 г. приводятся сведения о поднесенном списке — он был написан стерлитамакским мещанином Котельниковым, «72 летним старцем»¹⁰, и украшен серебряным окладом с эмалью, изготовленным знаменитой, славившейся на всю Россию эмалевыми изделиями, фирмой П. А. Овчинникова, Поставщика Двора Его Императорского Величества. Еще один список с древней Табынской иконы, также написанный Котельниковым, в следующем 1892 г. был поднесен по благословию отца Иоанна Кронштадтского К. Д. Ростовцевым от православного населения Стерлитамака Государю Императору Александру III в Царском Кабинете Гатчинского Дворца в память серебряной свадьбы Их Императорских Величеств¹¹. Не раз бывая у «досточтимого и глубокоуважаемого Пастыря Церкви Христовой Отца Иоанна Кронштадтского»¹², К. Д. Ростовцев подарил также ему список со святыни, как и Обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву¹³.

Во время гражданской войны древняя чудотворная Табынская икона находилась в армии атамана А. И. Дутова, что привлекало в войско множество верующих. Икона была доставлена в штаб Оренбургской армии в Акмолинске 16 ноября 1919 г.¹⁴ В 1920 г. при отступлении в Китай через горный перевал Кара-Сарык атаману Дутову и его спутникам пришлось бросить почти все имущество, но Табынская икона Богоматери была сохранена. С этого времени икона пребывала в Китае. Из дневника митрополита Мануила (Лемешевского) известно, что в 1945 г. святыня находилась в Харбине¹⁵.

По описаниям XIX в. Табынская икона, явившаяся при отрогах Уральского хребта, считалась очень древней, была темновидной («желтокоричневого тона»), большого размера: 106,7 (104,5 — с другой стороны) × 72,2 (или 76,7) × 4,5 см¹⁶. Доска имела ковчег, следы от оклада.

Крестный ход с явленной Табынской иконой в Кульдже (Китай). 1955 год

Время написания иконы, не видя ее, определить не представляется возможным. Известна фотография 1955 г. чудотворного Табынского образа в окладе, во время крестного хода в Китае¹⁷. На ней видно, что икона близка по иконографии Казанской, пропорции фигур Богоматери и Христа более удлиненные, чем на ранних списках с Казанской иконы. Существует мнение о принадлежности иконы к домонгольскому времени и о том, что Табынский образ имел иконографию, отличающуюся от иконографии Казанского

¹⁰ ГАРФ Ф. 601. Оп. 1. Д. 2297. Л. 46 об.

¹¹ Там же. Л. 46–47, 115–119 об.

¹² Там же. Л. 97–97 об.

¹³ Там же. Л. 104 об.

¹⁴ Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 438, 456; *Он же*. Оренбургское казачество и церковь в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. // Русская Православная Церковь и Белое движение. Белая гвардия. Альманах. 2008. № 10. С. 152–156.

¹⁵ Мануил (Лемешевский), митроп. Божий виноградник. Дневниковые записи. Покаянный плач. СПб., 1999. С. 235.

¹⁶ Сказание..., 1906. С. 5 (дается размер 106,7 (104,5) × 72,2 × 4,5 см); Модестов Н. Н., свящ. Село Табынское и Вознесенская пустынь. Табынская икона Божией Матери и крестный ход из села Табынского в г. Оренбург и другие места Оренбургской епархии // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Оренбург, 1914. Вып. XXXI. С. 23–49. Отд. изд.: Оренбург, 1914. Перенд.: Оренбург, 2000. С. 24 (дается размер 106,7 (104,5) × 76,7 × 4,5 см); Уфимская епархия Русской Православной Церкви: справ.-путеводитель. С. 64 (дается размер 106 × 74 см).

¹⁷ Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва). Фото предоставлено А.В. Ганиным.

образа¹⁸. К сожалению, данных для определения особенностей Табынской иконы явно недостаточно. Казанские иконы последней четверти XVI — начала XVII вв. больших размеров нам неизвестны. Обретенный в Казани образ был небольшим (26,7 × 22,3 см), как и ранние списки с него. Казанские образы большого размера получают распространение с середины XVII столетия. Вытянутые пропорции фигур Богоматери и Христа встречаются на Казанских иконах XVII в., особенно они характерны для списков XVIII–XIX вв. Исходя из этого, можно сделать несколько предположений: а) не исключено, что явленная Табынская икона была древнее, чем явленная в 1579 г. в Казани, и имела свои черты иконографии; б) Табынская икона имела иконографию Казанской иконы, и тогда более вероятным временем ее явления можно считать середину — третью четверть XVII в. (по «нижней» дате, указанной в литературе); в) Табынский образ имел незначительные отличия от Казанского, и позднее они могли утратиться.

Все дошедшие до нас списки с Табынской иконы имеют иконографию Казанского образа. Они получили широкое распространение на Южном Урале, в Табынске и прилегающих к нему областях,

в Уфе и Оренбурге. Внизу икон обычно делалась надпись: «Копия Чудотворнаго Образа Божией Матери что въ селе Табынске Стерлитамакского уезда Уфимской губернии».

После Великой Отечественной войны владыкой Мануилом (Лемешевским) был возрожден крестный ход с почитаемым в Оренбурге списком с Табынской иконы из кафедрального оренбургского Никольского собора. По пути памятного крестного хода 1947 г. люди стояли на коленях «сплошной цепью, и так — на протяжении четырех километров!»¹⁹, ожидая, когда над ними пронесут икону. В девятую пятницу по Пасхе перед этим Табынским образом совершались молебны и чтение Акафиста Богородице. Владыка Мануил мечтал иметь специальный Акафист Табынской иконе. Он был написан в 1948 г. келейником и почитателем Владыки иеромонахом Иоанном (Снычевым), будущим выдающимся пастырем, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским.

Почитаемая Табынская икона из кафедрального Никольского собора Оренбурга (по иконографии Казанская) имеет на окладе, на одеждах Богоматери внизу, в поле дробницы надпись: «Копіа и мѣра съ чѣдотв. // образа Прстыи Бцы Табн.».

Табынская Казанская икона Богоматери.
Никольский кафедральный собор. Оренбург

Крестный ход с Табынской Казанской иконой Богоматери
из Никольского собора. Оренбург. 2009 год

¹⁸ Сергеев В., прот. Иконографическое исследование Табынской иконы Божией Матери // Табынь. Православная газета о Табынской иконе Божией Матери, Вознесенского прихода села Табынск. 2001. № 1. С. 3; *Он же*. История Табынской иконы Божией Матери. Уфа, 2004. С. 10–12; *Он же*. Иконография Табынской иконы // Летопись Табынской иконы Божией Матери. Уфа, 2007. С. 65–84.

¹⁹ К источнику воды живой. Дневник участницы крестного хода на «Святые Ключи» близ с. Табынска летом 1947 года / Публ. М. Мальцева // Духовный собеседник. Журнал Самарской епархии Русской Православной Церкви. 1997. № 2 (10). С. 19.

Табынская Казанская икона Богоматери.
Димитриевская церковь.
Оренбург

Табынская Казанская икона Богоматери.
Конец XIX — начало XX века.
Оренбургский областной музей изобразительных искусств

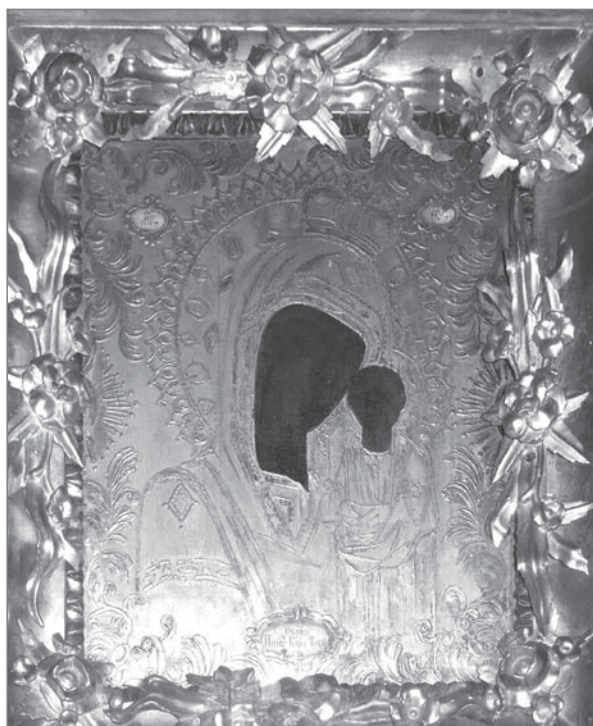
Размер иконы (107 × 75 см) почти точно совпадает с размерами явленной Табынской иконы, что соответствует надписи о том, что икона является «мерой» древней чудотворной. Образ из Никольского собора совсем темный, лик Богородицы и Младенца Христа не виден²⁰. Вместе с Табынскими иконами (приблизительно того же размера) из Димитриевского, Покровского и Иоанно-Богословского храмов он носится в крестных ходах в Оренбурге²¹. На почитаемом Табынском Казанском образе из Димитриевской церкви Оренбурга лики неразличимы.

На иконе из Иоанно-Богословской церкви, написанной в 2007 г., темновидные лики Богородицы и Младенца Христа стилизованы «под древность».

Тип лика Богородицы на многих Табынских иконах обладает особым своеобразием (характерны большие «набухшие» миндалевидные глаза с яркими белками, под глазами «круги», вытянутая форма носа с широкими крыльями, губы чуть припухшие). Иногда мастер имитирует на щеке Богородицы следы от колотых ран, когда-то нанесенных святыне, как на иконе конца XIX — начала XX в. (Оренбургский областной музей

²⁰ Икона имеет потемневшее, почти почерневшее, покрытие. Считать это особенностью данной Табынской иконы не следует, так как «черной» икона быть не может. Икона по своему смыслу — источник Божественного света, о чем говорят светоносные лики и одежды, фоны икон. Лики могут быть «темновидными», какими они, по всей видимости, были на древней Табынской иконе, но не черными. После раскрытия из-под олифы икона может приобрести свой первоначальный облик. Однако, надо иметь в виду, что реставрация икон — сложный процесс, требующий предельной осторожности. С иконой из Никольского собора связано предание о том, что назначенный на оренбургскую кафедру после ареста в 1948 г. Владыки Мануила (Лемешевского) епископ Борис (Вик) должен был, по обычаю, поклониться этой Табынской иконе, но, увидев ее темный лик, сначала не захотел этого сделать. Вдруг свет осыпал икону и Богородица отвернулась от него. Пораженный Владыка велел всем поклоняться иконе и установил петь перед ней после каждой Литургии «Высшую небес» (стихиру из Канона молебного Богородице). См.: Уфимская епархия Русской Православной Церкви: справ.-путеводитель. С. 71. Сейчас это предание можно понимать и так, что нужно поклоняться этой иконе, как почитаемому образу Божией Матери, но не обязательно как именно «черной» иконе. Предстоящим перед этим образом было бы радостно видеть лики Богородицы и Младенца Христа.

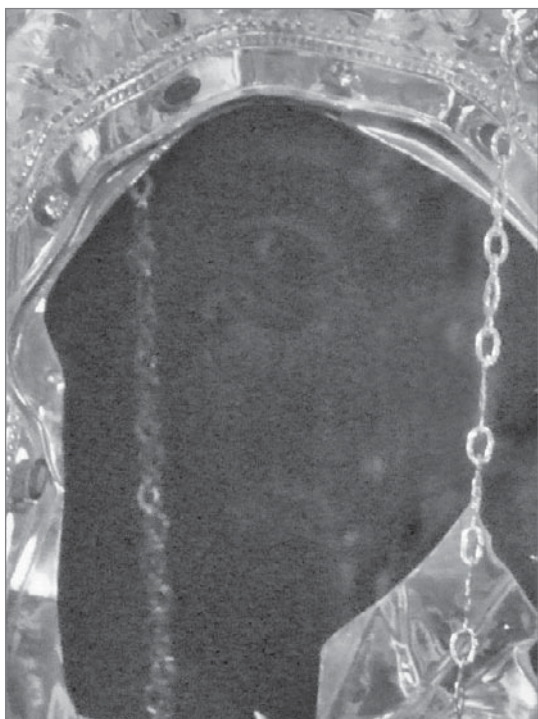
²¹ Табынская икона Божией Матери // Оренбургские епархиальные ведомости. 2008. № 6 (112). С. 11; Лаврентьева Е. Чествуя Матерь Божию // Оренбургские епархиальные ведомости. 2008. № 9 (115). С. 11–13.

Табынская Казанская икона Богоматери.
Покровская церковь. Село Красноустьское (Богоявленское),
близ села Табынского

Табынская Казанская икона Богоматери.
Часовня Табынской иконы Божией Матери.
Оренбург

Табынская Казанская икона Богоматери.
Сергиевская церковь. Уфа.
Фрагмент

Табынская Казанская икона Богоматери.
Никольская церковь при вокзале. Уфа.
Фрагмент

изобразительных искусств)²². Близкий к описанному тип лика Богородицы можно видеть на Табынской Казанской иконе из Сергиевской церкви Уфы. Подобная Табынская Казанская икона, но народного письма начала XX в., находится в привокзальной Никольской церкви Уфы. На этой иконе Богородица изображена с широко раскрытыми глазами и имеет мягкое, радостное выражение лика.

Большая Табынская икона XIX в. с трехстрочной надписью на нижнем поле написана в Шадринске иконописцем Иваном Петровым Карулиным (Челябинск, частное собрание)²³.

Место явления Табынской иконы Богородицы с храмом Богородице-Табынского женского монастыря. Фото 2009 года

На полях парные изображения избранных святых, под которыми надписи, поясняющие, от каких болезней святые исцеляют — своеобразный «Целебник» на полях иконы. Из Соликамского района Пермской области происходит Табынский образ второй половины XIX в. (надписи названия иконы в нижних углах) (Соликамский краеведческий музей)²⁴. Лики на иконе темновидные, над головой Богородицы небольшая корона. Золотые нимбы с имитацией голубых и красных камней, на полях иконы лепной левкас в виде вьющейся лозы. На Табынской Казанской иконе, находящейся в Покровской церкви с. Красноустьинского (Богоявленского), близ с. Табынского, лепной левкас с рельефными очертаниями фигур Богородицы и Богомладенца, нимбов, растительных орнаментов по краям, дробниц для надписей создает впечатление золотого оклада. На иконе из Часовни Табынской иконы Божией Матери в Оренбурге (на месте строящегося Свято-Введенского кафедрального собора) монохромная коричневая по тону живопись напоминает распространенные хромотографические изображения иконы.

О местонахождении древней явленной Табынской иконы существуют противоречивые сведения. По указанию Святейшего Патриарха Алексия II проводились поиски святыни. Возможно, она до сих пор пребывает в Китае около Кульджи или в Урумчи²⁵. По самым страшным предположениям образ мог быть уничтожен в 1960-х гг. во время китайской «культурной революции». Власти Китая не позволяли вывозить его за рубеж вплоть до 1965 г. Все же существует надежда на обретение и возвращение на Родину одной из самых почитаемых в России икон Богородицы.

Возобновившиеся празднования Табынскому образу привлекают множество паломников к месту ее явления на Святых Ключах²⁶. В 1998 г. здесь открыт основанный в XVII в. и сожженный башкирами Богородице-Табынский женский

²² ОМИЗО кп 6734, инв. ж-1573. 103 × 72,5 см. Икона опубликована: *Чугреева Н. Н.* «Радуйся, душ наших освящение». Табынская икона Божией Матери — небесная Покровительница оренбургского казачества // Российское казачество. 2011. № 4. С. 18–19, цв. ил. на задней обложке.

²³ Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII – начала XX в. / Авт.-сост. Ю. А. Гончаров, Н. А. Гончарова, О. П. Губкин, Н. В. Казаринова, Т. А. Рунева. Екатеринбург, 1998. Кат. № 413 (ошибки в размере: вместо 146 × 86 × 3,3 см дан 14,0 × 86,0 × 33,0 см). С. 211 с ил.

²⁴ СКМ кп 3241/121. 53 × 43,3 см.

²⁵ *Сергеев В., прот.* История Табынской иконы Божией Матери. С. 87–88; *Ганин А.В.* Оренбургское казачество... С. 158; *Артемьев К.П.* Последний приют атамана Дутова. Оренбург, 2009. С. 177–184.

²⁶ После 1947 г. праздник Табынской иконе был запрещен, у источника устраивались облавы. По воспоминаниям очевидца в 1962 г. милиция не давала собираться там людям. См.: *Шибанов Н.* Табынская Святая. Из блокнота краеведа // Челябинский рабочий. 1992. 7 апреля. С. 4. В начале 1970-х гг. часовенка и пещера, из которой истек солёный источник, были взорваны.

Табынская Казанская икона Богоматери.
Храм Богородице-Табынского женского монастыря

монастырь. На горе, над местом явления иконы, в 1992–1997 гг. выстроен в стиле древнерусского зодчества XVII в. храм в имя иконы Божией Матери Табынской (освящен в 2003 г.). В нем находится почитаемый, мироточивший в 1993 г., список с чудотворной Табынской иконы, которая в надписи внизу названа Казанской: «Копія съ чудот[во]рнаго Образа // Казанскія П. Бцы что въ с. Табынскѣ».

В 2007 г. в крестном ходе из Табынска до Святых Ключей участвовало уже около тридцати тысяч человек. В современные небольшие ламинированные паломнические Табынские иконы (ее вид реконструирован по иконографии Казанского образа вытянутых пропорций) вкладываются частицы серы и соли из Святого соленого источника с места явления Табынского образа, на обороте — текст тропаря Табынской иконе (глас 4): «Наста днесь пресветлый праздник, Пречистая Дево, честныя Твоя Табынскія Иконы, Владычице, яже паче лучей солнечных возсия, от источника приснотекущаго, Христа Бога нашего, источаеши целебныя дары, с верой к Тебе притекающим, Тя бо Христос помощницу людям Своим дарова, покрывати и спасати от всякия беды рабы Своя, едину Благословенную»²⁷.

Пещера с источником на Святых Ключах.
Фото 2009 года

Надпись на иконе Табынской Казанской иконы Богоматери.
Храм Богородице-Табынского женского монастыря

²⁷ Тропарь с небольшой разницей в тексте см.: Табынская-Казанская икона. Акафист Пресвятей Богородице ради чудотворного Ея образа Табынскія. Оренбург, 1997. С. 23.

Н. Н. Блохина

Игуменья Митрофания – созидательница образцовых российских епархиальных общин сестер милосердия (1860–1870-е годы). Часть I

В 2010 г. исполнилось 185 лет со дня рождения игуменьи Митрофании, внесшей важный вклад в создание образцовых епархиальных общин сестер милосердия в рамках Русской Православной Церкви. К сожалению, ее деятельность до сих пор не получила своего объективного представления в печати.

Игуменья Митрофания (баронесса Прасковья Григорьевна Розен) (1825–1898), дочь генерала от инфантерии генерал-адъютанта барона Григория Владимировича Розен, героя войны 1812 г., главнокомандующего в Кавказской войне, родилась в Москве 15 ноября 1825 г., получила хорошее домашнее образование. Их хлебосольный дом посещали известные государственные деятели, духовные лица, военные, врачи: князь Сергей Михайлович Голицын, генерал Алексей Петрович Ермолов, врач-филантроп, учредитель Полицейской больницы в Москве доктор Ф. П. Гааз, наставник домочадцев — знаменитый проповедник и нищелюбец, священник церкви Вознесения у Серпуховских ворот Сергей Григорьевич Терновский. Посещал этот дом и Московский митрополит Филарет.

В ее родном доме царил атмосфера любви к обездоленным, бедным людям. О чем позднее игуменья Митрофания вспоминала: «Мать моя

была очень благотворительная женщина, любила помогать сиротам и бедным. Временами дом наш был пристанищем для многих бесприютных. Она не забывала и узников, в темницах заключенных, давала мне денег и посылала от имени неизвестной раздавать в тюрьме тем, которые нуждались»¹.

Матушка Митрофания в своих воспоминаниях довольно подробно писала о благодетельных повседневных поступках своей матери, в делах которой она участвовала: «По этому случаю я узнала, как содержатся несчастные, посещала их, по ее приказанию, находила пути, чтобы переговорить

Баронесса Е. Д. Розен

¹ Записки баронессы П. Г. Розен, в монашестве Митрофании // Русская старина. 1902. № 1–3. С. 48.

с невинными, и старалась об облегчении их участи, но не себе приписываю эту добродетель, — я это делала, — вспоминала позже матушка Митрофания, — из послушания к престарелой моей матери. Признаюсь, жутко и страшно было мне ехать в первый раз на извозчике, как бы украдкой, дабы не быть никем видимой и узнаваемой, с карманом, полным денег, в Московский тюремный замок. Пока все эти двери под запорами и замками открывались передо мной и сейчас же за мной запирались, пока я дошла до канцелярии и смотрителя, испросила дозволения быть допущенной к решетке, для раздачи милостыни по рукам, все сердце мое изболело, все нервы мои были в напряженном состоянии. Потом ездила я к обедне в тюремную церковь и с утешением слушала составленный из узников стройный хор. Мать посылала меня отыскивать и бедных, на чердаках или в подвалах помещающихся, когда получала от них письма с просьбою о помощи.

Генерал-лейтенант,
барон Г. В. Розен

Она никому не доверяла этих поручений, и они остались и доселе тайною для всех»². Атмосфера дома не могла не сказаться на формировании личности будущей игуменьи Митрофании. В 1842 г. она была пожалована императором Николаем I во фрейлины к императрице Александре Федоровне, а позднее она становится фрейлиной Двора Ея имп. Величества имп. Марии Александровны.

Встреча с Митрополитом Московским Филаретом, произошедшая в 1848 г., в корне изменила всю ее жизнь. Матушка Митрофания, явившаяся свидетельницей благодетельных дел митрополита Филарета, в своих воспоминаниях с большой любовью и уважением писала о нем: «Владыка всегда спешил на помощь скорбным и больным, с особенною радостью благословлял он и других на служение больным, благословлял принимать странников и странниц, покоить убогих, доставлять пищу и одежду неимущим, и радовался, когда это было сделано не от избытка, но от чистого сердца»³. Ее рассказ о своем духовнике — это свидетельство того самого сокровенного, что присутствовало в митрополите Филарете, зачастую скрытого от глаз обычных людей. Как писала игуменья Митрофания, «с подчиненными при третьем лице он держал себя начальником, но наедине он был отцом: признания в своей ошибке было достаточно, чтобы он простил вину»⁴.

Несомненно, его духовное руководство определило то, что в 1852 г. бывшая фрейлина императрицы становится послушницей в Московском Алексеевском женском монастыре. «Высокопреосвященный Филарет, — вспоминала игуменья Митрофания, — тотчас же предписал консистории определить меня в число сестер Алексеевского монастыря, 28 июля лично объявил мне о том, благословил своими четками и приказал настоятельнице облечь в монастырское одеяние, что и было исполнено 2 августа»⁵.

А 25 сентября 1854 г., по благословению митрополита Филарета, она была уже облачена в рясофор и получила новое имя Митрофания». В своих воспоминаниях об этом важнейшем в ее жизни событии, она писала: «В 1854 г. 25 сентября, я, по благословению митрополита Филарета, была облачена в рясофор и названа Митрофанией...»⁶.

² Записки баронессы П. Г. Розен, в монастыре Митрофании // Русская старина. 1902. № 1. С. 49.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Там же. С. 54.

⁶ Там же. С. 55.

Портрет митрополита Филарета. 1854 г.
Художник Владимир Гау

Будучи провидцем, митрополит Московский Филарет смог увидеть в будущем служении игуменьи Митрофании прежде всего служение страждущим, немощным, обездоленным и больным. 14 ноября 1857 г. монахиня Митрофания попала в Серпуховской Владычней монастырь, «куда давно уже стремилась». Впоследствии она вспоминала: «Я поместилась временно в келье рясофорной послушницы Зинаиды и занималась уходом за больными сестрами обители; от всех же прочих занятий я была освобождена. Таким образом, жизнь моя текла вполне согласно со стремлением души моей. Молитва в церкви сменялась занятиями по лечению больных и приготовлением для них лекарств или иконописанием. Забот по хозяйству не было, трапезою пользовалась общею, монастырскою. Так прошли четыре года...»⁷

«По желанию настоятельницы я пригласила, — повествует игуменья Митрофания, — для

оказания помощи больным проф. К. Я. Младзиевского, доктора моей матери. Корнилий Яковлевич очень уважал нашу семью и принял мое предложение, но потом, когда занятия его расширились, его место занял доктор Гинзбург. Два раза в неделю, в условленные часы приезжал доктор, — в мою келью приходили больные, как монастырские, так и близ монастыря живущие, и прием продолжался иногда три и четыре часа. Я помогала доктору при перевязках, записывала в рецептурную книгу все предписанные лекарства и по уходе врача приготавливала их для раздачи всем больным бесплатно. Верными моими помощницами были мои келейницы, с точностью исполнявшие то, что было нужно...»⁸. Эти воспоминания очень точно и убедительно свидетельствуют о том, что и в монастырских стенах оказывалась действенная бесплатная медицинская помощь всем нуждающимся в ней больным. Обращает на себя внимание тот факт, что для игуменьи Митрофании в выполняемом ею деле не было ничего второстепенного. Располагая медицинскими знаниями, усвоенными опытным путем, она реально могла помочь заболевшим. Все производимые ею в то время дела (перевязки, приготовление лекарств) выполнялись ею с профессиональным знанием дела и с одинаковой тщательностью.

В 1861 г. митрополит Московский Филарет совершил над Прасковьей Григорьевной Розен обряд пострижения в монашество. Как мы видим, это произошло в тот момент, когда ей исполнилось 26 лет⁹. Позднее игуменья Митрофания вспоминала «...и, наконец, в 1861 году митрополит Филарет разрешил мне постричься в мантию. Я подписала прошение, а сама стала готовиться к великому сему таинству. Перед постригом моим была я в Москве, — пишет игуменья Митрофания, — приезжала к митрополиту за словом назидания. Долго говорил он со мной об обетах монашества, *требовал смирения и любви во всем* (выделено нами. — Н. Б.)»¹⁰.

Несомненно, свт. Филарет уже отчетливо предвидел дальнейшее служение игуменьи Митрофании: «Прошло лишь шесть недель со времени пострижения, и 8-го августа того же года Филарет удостоил меня посвящения

⁷ Записки баронессы П. Г. Розен, в монашестве Митрофании // Русская старина. 1902. № 1. С. 55.

⁸ Там же. С. 54.

⁹ А. Постернак в своей книге «Очерки по истории сестринского дела». (М., 2000. С. 99.) ошибочно пишет о том, что «Игуменья Митрофания пострижена в «монашество в преклонные годы».

¹⁰ Там же. С. 55.

Вид Серпуховского Владычного девичьего монастыря с юго-восточной стороны из-за реки Нары.
Рис. сер. XIX в.

в игуменьи Серпуховского Владычного монастыря»¹¹. Как только она становится игуменьей, под ее началом оказывается 210 человек, при этом в монастырской кассе — «денег не оказалось». И тут сразу обнаружилась ее организационно хозяйственные способности. В Серпухове она смогла в короткие сроки построить каменную часовню, новые дома семинарии и духовного правления.

Все требуемое для упрочения положения своей обители, в том числе и «запасы» обители, игуменья Митрофания смогла сделать на свои средства. Ей удалось улучшить питание сестер. Удачный рыбный улов на монастырском озере распределялся так: половина улова поступала в пользу обители, половина — рыбакам, занимающимся ловлей. В монастыре собиралось тысячи странников, до 30 000 в год. Их кормили бесплатно и устраивали на ночлег.

На участках земли, принадлежавших монастырю, была найдена глина, которая сразу же, в созданном при монастыре заводе по формовке и обжигу кирпича, была использована для выработки кирпича и черепицы, нужных монастырю для строительных работ.

Игуменья Митрофания смогла в короткие сроки благоустроить бывший в то время бедным Серпуховской Владычний монастырь: восстановила собор и несколько храмов, произвела большие постройки для удобства жительства

сестер и для хозяйственных монастырских дел, устроила больницу с аптекой и открыла прием приходящих больных. При монастыре были созданы странноприимный дом; школа для 30 девочек, приходящих, но с получением от обители одежды, обуви и пищи; богадельня для

Серпуховской Введенский женский монастырь.
Современный вид

¹¹ А. Постернак в своей книге «Очерки по истории сестринского дела». (М., 2000. С. 99.) ошибочно пишет о том, что «Игуменья Митрофания пострижена в «монашество в преклонные годы». С. 55.

Императрица Мария Александровна

неизлечимо больных женского пола духовного звания. Современники свидетельствовали: «При монастыре есть больница, устроенная для окрестных жителей, и раздача даровых лекарств, устроенная игуменю Митрофаню, на свои деньги родовые, не на монастырские или жертвованные, а также и школа»¹².

При монастыре возникли мастерские, а именно: иконописная, переплетная, золотошвейная, прядельная, ткацкая, портняжная, башмачная и красильня. Трудолюбивые инокини пряли, ткали, создавали одежду и обувь, а в золотошвейной мастерской создавали шитье для церковных богослужений. В это время при Серпуховском Владычном женском монастыре состояли: 1 игуменья, монахинь — 30, послушниц — 32, священ-

ников — 3, диаконов — 2, сестер, живущих по паспортам — 352, вольнонаемной прислуги — 20.

В монастыре был устроен свечной завод, воск для которого поступал из монастырской пасеки, насчитывавшей 100 ульев. Игуменья Митрофания приобрела для монастыря несколько имений с усадьбами, лугами и хлебопашными землями и лесом, которые приносили монастырю значительный доход. Монахини и сено заготавливали, и на обширном огороде работали. На всех монастырских работах матушка Митрофания всегда была рядом со своими сестрами.

Забота матушки Митрофании о Серпуховском Владычном женском монастыре выражалась и в последовательно проводимых реставрационных работах и тщательном сбережении хранимых древностей. Во время нахождения ее в обители все храмы были благолепно возобновлены, вновь сооружен храм в честь праведного Филарета и московских святителей.

С Владычно-Покровским монастырем в Серпухове были хорошо знакомы члены семьи Царствующего Дома Романовых. Так, императрица Мария Александровна во время своего посещения этого монастыря еще в 1850-х годах достаточно внимательно ознакомилась со всеми сооружениями, осматривала и больничные здания,

вникая во все вопросы лечения монахинь в стенах монастыря. Императрица Мария Александровна и позднее старалась воочию познакомиться с благотворительными делами близкой ей по духу матушки Митрофании.

Неслучайно 22 февраля 1863 г. в знак благодарности за понесенные труды игуменья Митрофании был пожалован имп. Марией Александровной литографированный портрет государыни императрицы.

Необходимо отметить, что «за свои заслуги игуменья Митрофания от покойного Московского митрополита Филарета неоднократно получала благодарность и благословение, и именно по его представлению «за особенное попечение и благоустройстве Владычного монастыря»¹³.

¹² Идея учреждения епархиальной общины сестер милосердия при девичьих монастырях и прошедшее игуменья Митрофании в 4-х письмах. Киев, 1874. С. 4.

¹³ 16 апреля 1868 г. она была награждена золотым наперсным крестом от Св. Синода.

Митрополит Московский Иннокентий
(Вениаминов)

Епископ Дмитровский Леонид

19 ноября 1867 г. в Москве скончался митрополит Московский и Коломенский Филарет. Церковные иерархи и окормляемые митрополитом Филаретом его духовные чада тяжело пережили потерю близкого, дорогого своего учителя и покровителя. 5 января 1868 г. архиепископ Иннокентий был назначен митрополитом Московским и Коломенским. Замечательный подвижник Святитель Иннокентий (Вениаминов) становится достойным преемником митрополита Московского и Коломенского Филарета¹⁴.

Современники свидетельствовали: «Со смирением вступал преосвященный Иннокентий в новое служение. Ему было уже более 70 лет, он был удручен болезнями, почти слеп, но все-таки был исполнен сил и рвения к деятельности. Войдя в управление новой епархией, он своими стараниями принес много пользы, заботясь о нуждах... паствы». «Он строил богадельни для вдов и сирот,

основывал благотворительные общества, создал духовно-учебные заведения, озаботился об обеспечении бедных духовного звания, старался о народном образовании...»¹⁵.

Став Митрополитом Московским и Коломенским, Иннокентий (Вениаминов) принял самое близкое участие во всех делах, создаваемых матушкой Митрофанией. 26 сентября 1868 года митрополит Иннокентий первый раз посетил возглавляемый игуменией Митрофанией Серпуховской Владычней женский монастырь по ее приглашению и совершил освящение храма и Литургию¹⁶.

12 ноября 1868 г. произошло важное событие, о котором игуменья Митрофания писала викарию митрополита — епископу Дмитровскому Леониду — об учреждении по воле императрицы Марии Александровны новой Общины сестер милосердия в Пскове под ее «началом».

¹⁴ Святитель Иннокентий (Вениаминов) (1797–1879), миссионер, апостол Америки и Сибири, Митрополит Московский и Коломенский. Жизненный путь святителя Иннокентия (Вениаминова) был многолетним труднейшим подвигом. Известно, что он 45 лет провел в пути, проповедуя слово Божие народам Крайнего Севера, находящимся на самых дальних окраинах Российской Империи. Русский писатель И. А. Гончаров (1812–1892) в своей книге «Фрегат Паллада» отдавал должное его подвижнической деятельности. 6 октября 1977 г. Русская Православная Церковь причислила к лику святых Иннокентия (Вениаминова), как великого миссионера, апостола Америки и Сибири и митрополита Московского и Коломенского.

¹⁵ О жизни и подвигах Иннокентия, архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского впоследствии митрополита Московского. СПб., 1889. С. 34.

¹⁶ Барсуков И. П. Иннокентий, митр. Московский и Коломенский М., 1883. С. 702.

Сегодня, как никогда, становится очевидным, что историческая картина развития отечественного здравоохранения страдает неполнотой, а отчасти и искажением в вопросах присоединения Российской империи к Международной Женевской конвенции (1867) и последующем создании в Российской империи «Общества попечения о раненых и больных воинах». В этом контексте важно освещение деятельности игуменьи Митрофании, имевшей непосредственное отношение к «Обществу попечения о раненых и больных воинах».

В 1867 г., по почину фрейлин императрицы Марии Александровны М. С. Сабининой, М. П. Фредерикс и лейб-медиков П. А. Нарановича и Ф. Я. Карелля в России было организовано «Общество попечения о раненых и больных воинах», которое в 1879 г. было переименовано в «Российское Общество Красного Креста». Общество, состоящее из членов и почетных благотворителей и действительных 30 соревнователей¹⁷, поставило перед собой задачу во время войн оказывать помощь увечным воинам и пострадавшим от общественных бедствий, тратя на это особые капиталы. Почетной попечительницей «Общества попечения о раненых и больных воинах» становится императрица Мария Александровна. Интересно в связи с этим, как была воспринята новая организация известными духовными иерархами. В малоизвестном письме митрополита Московского Филарета от 18 марта 1867 г. к своему духовнику, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архиепископу Антонию (1831–1867) по поводу присоединения России к международной Женевской конвенции и создания «Общества попечения о раненых воинах» было сказано следующее: «...что “Общество попечения о раненых воинах” желает иметь Государыню Императрицу Покровительницу, это у нас в обычае. Сильнейшая же сему причина есть та, что начинание сего дела приписывается не только генералу Тотлебену, но и самой Государыне Императрице. От Ея имени прислан был ко мне по сему делу барон Кусов; но я, по болезни, не вошел с ним в сношение. А также и потому, что дело представлялось в темном виде. Потом пришел с сим делом и с проектом устава общества генерал Тотлебен: но устав отталкивал меня от него. Между тем деятельное участие

мое находили нужным для того, что старались дать обществу вид частного. Я сделал несколько замечаний на устав: они приняты во внимание. Но переделывать устав не мое дело, и сомнительно было требовать многих перемен, потому что он в Петербурге принят был значительным собранием. Так я волею вошел в существо дела и невольно — в формы дела. Прочитайте прилагаемые при сем начальные акты дела и возвратите мне; и скажите Ваши мысли. Вас приглашают в число так называемых учредителей»¹⁸

Присоединение России в 1867 г. к Международной Женевской конвенции, по сути, должно было заставить Россию включить в свою, уже существующую ведомственную структуру российского здравоохранения, — новое «медицинское ведомство» — «Общество попечения о раненых и больных воинах» (с 1879 года — «Российское Общество Красного Креста» — РОКК). Происходящие события требовали искать пути развития совершенно нового — института ухода за больными.

Деятельность — российского «Общества попечения о раненых и больных воинах» как государственно-общественной организации с первых лет своего существования была неразрывно связана с жизнью Русской Православной Церкви. РОКК, как известно, активно занималось оказанием медицинской помощи пострадавшим при чрезвычайных ситуациях, организовывало склады перевязочного материала и медикаментов. В общинах РОКК должен был проходить профессиональную подготовку медицинский персонал, прежде всего, сестры милосердия.

В изменяющихся условиях, от государства требовался поиск путей совершенствования здравоохранения, что относилось и ко вновь организованному «Обществу попечения о раненых и больных воинах». Дела в здравоохранении менялись в лучшую сторону. Гибкость политики в этой области отвечала не только специфике условий данного времени, но и была в русле самобытных отечественных традиций, культуры и отвечала потребностям российского населения.

Императрица Мария Александровна относилась к тем государственным деятелям, которые имели четкие представления о российском здравоохранении как органической системе, живущей по своим законам. Четко понимая задачи,

¹⁷ *Ладыженский М.* Красный Крест. М., 1906. С. 3.

¹⁸ Письма Митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архиепископу Антонию 1831–1867 гг. М., 1884. С. 299–300.

императрица смогла учесть и опыт, накопленный Русской Православной Церковью. Так был создан уникальный, не имеющий аналогов в Европе, новый епархиальный «Институт ухода за больными». Именно он должен был получить дальнейшее развитие во вновь созданном «Обществе попечения о раненых и больных воинах». В основу Общества была положена традиционная русская православная культура. Императрица Мария Александровна считала, что служение больному человеку должно было стать личным подвигом для каждой сестры милосердия. Несомненно, ею двигала мысль о том, что только Православие поможет подлинному воспитанию сестер милосердия. В 1860-е годы для решения этих задач в больницах Москвы стало возможным привлекать монастырских послушниц.

В 1863 г. в «Православном обозрении» появилась небольшая заметка под названием «Сердобольные монахини в Москве», в ней сообщалось: *«В московском обществе давно ходят слухи об учреждении общины сестер милосердия в Москве. Такую общину предполагалось основать при каком-нибудь женском монастыре. Но прежде чем осуществилось это предприятие, некоторые из заинтересованных в нем лиц решались сделать пожертвование, на счет которого можно было бы временно содержать в московских больницах несколько монахинь в качестве сердобольных. Опыт такого служения монахинь, конечно, всего лучше покажут, в какой мере возможно основание особой самостоятельной в этом роде общины. В лечебницу для черно-рабочего народа уже приняты две сердобольные из инокинь Вознесенского монастыря; монахини эти будут ходить за больными в течение целой недели; затем их сменят две другие; после недели отдыха, первые две снова принимаются за отправление своей обязанности, монахини получают содержание от монастыря, в который жертвуется на этот предмет 75 руб. за каждую инокиню. Пожертвование это сделали несколько московских благотворительниц. В скором времени предполагается ввести сердобольных из инокинь в Полицейской больнице и женском отделении лечебницы при остроге»*¹⁹.

Ожидаемая москвичами «община сестер милосердия» (где монахини трудились, отдавая дань отечественной традиции, в качестве «сердобольных») была открыта в 1863 г. В официальном сообщении говорилось «о дозволении княжне Голицинской устроить в Москве приют для инородных монахинь. При нем больницу и общество “сестер милосердия”»²⁰.

В докладной от 17 января 1864 г старшего врача «Полицейской больницы для бесприютных» Христофора Федоровича Паля, обращенной к Московскому военному генерал-губернатору Павлу Алексеевичу Тучкову мы находим следующие сведения об участии в делах милосердия монастырских послушниц: «Находя весьма полезным допущенное ныне в тюремной больнице пребывание монастырских послушниц с целью ухода за больными в утешение их, я, по глубокому моему сочувствию к такому полезному нововведению, считаю своею обязанностью ходатайствовать у Вашего Высокопревосходительства о допущении монастырских послушниц в Полицейскую больницу». Сохранилась и ответная записка Московского Военного генерал-губернатора генерал-адъютанта Павла Алексеевича Тучкова, обращенная к Московскому обер-полицмейстеру: «Старший врач Полицейской Больницы, найдя весьма полезным допущенное ныне в тюремной больнице пребывание монастырских послушниц для ухода за больными, обратился к Московскому Военному Генерал-губернатору с ходатайством о таковом же допущении монастырских послушниц в Полицейскую Больницу». Военный Генерал-губернатор «не нашел препятствия к приведению в исполнение ходатайства коллежского советника Паля...»²¹.

В русских монастырях всегда существовали своего рода больницы, где инокини и монастырские послушницы получали необходимый опыт по уходу за больными. Так, например, в 1863 г. в Нежинской Введенской обители заботливостью игуменьи Смарагды было открыто сразу же несколько заведений: училище для девиц, Странноприимный дом, мастерские для резьбы по дереву, живописи, монастырская больница. Больница была устроена на 12 кроватей для лечения заболевающих сестер обители. В ней жило шесть послушниц, под надзором особой

¹⁹ Сердобольные монахини в Москве // Православное обозрение. 1963. № 12. С. 178.

²⁰ ПСЗРИ. 2 т. XXXXVIII. 1863. № 39474.

²¹ ЦГИА (Москва). Ф. 16. Оп.23. С. 74. (начато 14 дек 1859 29 апреля 1864).

смотрительницы из рясофорных монахинь. Для лечения больных приглашался «годовой доктор, с платою по 120 руб.». Он обязывался лечить не одних монастырских, но и воспитанниц училища, живущих в нем (с 1862 по 1867)²².

Введение в стране нового «Института сестер милосердия» оказалось не простым делом, возникли вопросы: в качестве кого «сиделок» или «фельдшерниц» войдут в лечебные учреждения вновь подготовленные «сестры милосердия Красного Креста». И, главное, какими духовно-нравственными качествами вновь создаваемый медицинский персонал будет обладать? В связи с чем стали размышлять: кто поможет молодым сестрам милосердия в воспитании высоких душевных качеств?

В окружении императрицы находились духовно близкие ей женщины, из числа ее фрейлин²³, ставших не просто ее единомышленницами в созидательном процессе «Общества попечения о раненых и больных воинах»²⁴, но верными помощницами. Такое духовное сообщество единомышленников самым благоприятным образом повлияло на деятельность «Общества попечения о раненых и больных воинах» как самостоятельного государственного-общественного ведомства в системе российского здравоохранения, и дало жизнь епархиальному «Институту ухода за больными».

Предполагалось, что деятельность «Общества попечения о раненых и больных воинах» даст возможность значительно повысить доступность медицинской помощи для широких слоев населения, за счет усердно трудящихся сестер милосердия епархиальных общин.

К 1867 г. Россия присоединилась к международному Красному Кресту в результате чего страна должна была поменять стандарты отечественного здравоохранения, хотя созданная традиционная «больничная система» еще не исчерпала свои возможности и могла вполне эффективно функционировать в своем прежнем виде, как это было в царствование императора Александра I

и императора Николая I. Введение «Института ухода за больными» в рамках «Общества попечения о раненых и больных воинах» было результатом происходящих перемен.

В Москве, в 1860-х вслед за организацией в С.-Петербурге «Общества попечения о раненых и больных воинах» было создано два «Дамских комитета», которые посвятили себя подготовке сестер милосердия. «Один из них, — повествует отчет Главного управления Общества в попечении о раненых и больных воинах за 1868 год, — в котором состоит председательницей мать Паисия, игуменья Вознесенского монастыря, с помощницею Александрой Николаевной Стрекаловой, пришел к убеждению, что в деле приготовления сестер милосердия лучше всего воспользоваться содействием женского монастыря, где будущие подвижницы человеколюбия поучаются основам религии, приучаются с любовью относиться к своей обязанности, и где они находятся под постоянным наблюдением настоятельницы монастыря». В начале своей деятельности комитеты приняли следующие основания: 1) сестры милосердия поступают в эту должность по собственному желанию, представив документы о своей личности, они вполне подчиняются тем правилам, которые для них будут установлены, и находятся в полном повиновении у игуменьи того монастыря, куда они поступают; 2) на содержание каждой сестры милосердия, включая стол и одежду, комитет ассигнует ежегодно 100 рублей; 3) поступление в Общину, выход из нее и исключения зависят от игуменьи; 4) время пребывания в общине каждой сестры зависит от ее доброй воли и желания; 5) каждая вновь поступающая находится предварительно на испытании, для чего и поручается вниманию опытной сестры милосердия»²⁵.

На иждивении указанного «Дамского комитета» находилось в течение 1868 г. до 25 сестер, состоящих при монастырях: Вознесенском, Страстном, Алексеевском и Зачатьевском. Эти сестры в Москве посещали с целью ухода за

²² Описание Нежинского женского монастыря. Чернигов, 1873. С. 15.

²³ Фрейлинами и единомышленницами имп. Марии Александровны, кроме игуменьи Митрофании были Марфа Сабина и Мария Фредерикс, ставшие авторами книги «Путевые заметки двух сестер милосердия на театр военных действий в Лотарингии» М., 1870. Подробнее об этом труде см.: III съезд конфедерации историков медицины (международный) Т. 1. М., 2009. С. 142–144.

²⁴ В Приложении № 1 к «Отчету Главного Управления Общества попечения о раненых и больных воинов. Сост. под Высочайшим покровительством Государыни Императрицы за 1871 год», вышедшие в 1872 г. указаны в качестве почетных членов фрейлина Ея Имп. Величества баронесса Мария Петровна Фредерикс, Марфа Степановна Сабина и председательница Общества для поощрения трудолюбия в Москве Александра Николаевна Стрекалова.

²⁵ Отчет Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах за 1868 г. СПб., 1869. С. 29.

больными: городскую, полицейскую, «чернорабочую» и тюремную больницы. Трудность ухода за больными, особенно страдающими тяжелыми и заразительными болезнями, превозмогала силы некоторых из них: одни, не выдержав испытания, оставляли свою обязанность, а иные поплатились болезнями «за свой подвиг». Почти все с большим самоотвержением, засвидетельствованным больничным начальством, заботились о страждущих и преподавали им религиозное утешение на болезненном одре. Неизбежные потери среди тех, кто ухаживал за заразными больными, приводили к резкому уменьшению числа православных сестер милосердия, пришедших из монастырских стен. «В настоящее время числится в общине 11 сестер, состоящих при двух монастырях», — свидетельствовал Отчет Главного управления Общества в попечения раненых и больных воинах за 1868 год.

После ухода из жизни матушки Паисии (бывшей игуменьи Московского Вознесенского монастыря), игуменья Митрофания 7 марта 1871 г. встала во главе Московского дамского комитета (ее помощницей становится известная благотворительница А. Стрекалова). В комитет входили мать Илария, игуменья Алексеевского монастыря, и настоятельница Страстного монастыря игуменья Антония, которые в дальнейшем стали ближайшими ее помощницами. Первоначально комитет назывался «Комитет общины сестер милосердия».

Каким же образом проводились в это время первые шаги в указанном направлении на местах? На страницах «Вестника Общества попечения о раненых и больных воинах» мы встречаем ответ на этот вопрос: «Новгородское управление предполагает учредить самостоятельную общину сестер милосердия с помощью монастырей, находящихся в Новгороде»²⁶; «Каменец-Подольское местное управление сообщило именно список 10 рясофорных послушниц двух женских монастырей, изъявивших готовность поступить в случае войны в распоряжение Общества»²⁷; «Курское местное управление по соглашению с земством поместило в хирургическую палату курских богоугодных заведений двух послушниц Курского женского монастыря»²⁸.

На страницах медицинской печати можно было встретить в эти годы и такое сообщение: «Вяземский дамский комитет, изыскивая способы приготовления сестер милосердия, сообщил Главному Управлению отзвистроительницы существующей в Бельском уезде Смоленской губернии женской общины Рождества Богородицы, госпожи Гаузен, которая уведомила, что 30 сестер этой общины, постоянно занимавшихся уходом за больными, заявили готовность в случае войны поступить в число сестер милосердия «Общества попечения о раненых и больных воинах»²⁹.

Второй Московский дамский комитет также был занят созидательной работой. В рамках деятельности 2-го Московского дамского комитета, состоящего под председательством кн. Н. Б. Трубецкой, была образована стараниями ее сестры — кн. Н. Б. Шаховской «Община сестер милосердия Утоли моя печали». Община возникла в конце 1868 г. при Московской Полицейской больнице и к 1869 г. состояла уже из 9 сестер, которые, посещая хирургическое отделение этой больницы, приучались к обязанностям больничной прислуги в военное время.

Начальницею общины «Утоли моя печали» назначена княгиня Наталия Борисовна Шаховская, о чем далее в печати было указано: «Начальница заботится не только о материальном обеспечении сестер, но и личным своим примером и всегдашней своею готовностью на самопожертвование поощряет сестер в точном исполнении сердобольных их обязанностей в том кругу страждущих, с которыми они должны проводить дни и ночи. Община, как и в 1868 г., посвящала главную свою деятельность Полицейской больнице, где в течение года находятся на излечении до 12 000 самых несчастных, бесприютных больных. Увеличение числа сестер дало возможность расширить круг деятельности Общины, а именно, они посвящают свои труды уходу за больными в отделении Полицейской больницы, открытом в Рабочем доме; во вновь открытой княжной Л. Т. Голицыной “лечебнице для неизлечимых больных”, две сестры милосердия, постоянно там живущие, под руководством начальницы Общины “Утоления печали”, заведуют всею экономической частью и уходом за больными; “наконец,

²⁶ Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах за 1871 г. № 4. С. 8.

²⁷ Там же. С. 5.

²⁸ Отчет Главного управления «Общества попечения о раненых и больных воинах» за 1872 год. СПб., 1873. С. 12.

²⁹ Отчет Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах за 1868 год СПб., 1869. С. 28–29.

Княжна М. М. Дондукова-Корсакова

по предложению попечителя Московской черно-рабочей больницы Б. А. Нейгарда, 8 сестер этой Общины поступили в означенную больницу для ухода за больными, под непосредственное наблюдение кн. Шаховской³⁰.

Постоянно шел поиск открывающихся новых возможностей в этом направлении — в созидании епархиальных общин сестер милосердия под покровом Русской Православной Церкви. Так, Указ Святейшего Синода от 26 июля 1868 (Протокол Синода 17 июля за № 1394) на имя митрополита Иннокентия был вызван донесением игуменьи Митрофании императрице Марии Александровне от 3 июня о необходимости учреждения общины сестер милосердия в здании упраздненного Макарьевского Желтоводского монастыря в Нижнем Новгороде. При этой общине предполагалось открыть школу и больницу.

Наступило время, когда игуменья Митрофания могла заняться реальными делами милосердия в рамках деятельности Русской Православной Церкви. Долгие годы она была духовным чадом Митрополита Московского Филарета, пользовалась поддержкой императрицы Марии Александровны, приобрела определенный духовный опыт и опыт в области управления женской общи-

ной, а также располагала опытом медицинской практики, в связи с чем могла эффективно и целенаправленно развивать свою деятельность по созиданию в России образцовых епархиальных общин сестер милосердия.

Игуменью Митрофанию с молодых ее лет характеризовало чувство долга, ответственности, способность ко многим начинаниям, постоянная потребность довести начатое до логического конца. Именно указанные черты ее сильного женского характера позволили ей, пройдя через всевозможные перипетии и трудности, не только сохранить духовно-нравственные ценности Русской Православной Церкви, но и, преумножив их, передать в руки вновь создаваемых сестринских общин.

В конце 1860-х — начале 1870-х годов игуменья Митрофания курировала сельскую общину сестер милосердия Св. Марии Магдалины в Буричах (Псковская губ.), созданную трудами кн. Н. Дондуковой-Корсаковой, совершенствовала разные стороны деятельности порученной ей С.-Петербургской Покровской общины сестер милосердия, создала образцовую епархиальную Иоанно-Ильинскую общину сестер милосердия в Пскове (1869–1870) и такую же замечательную епархиальную Владычно-Покровскую общину сестер милосердия в Москве.

Было достаточно широко известно, что дело, ей порученное, она выполняла так хорошо. Вот почему великая княгиня Александра Петровна в свое время написала письмо Митрополиту Московскому Филарету с просьбой основанную ею С.-Петербургскую Покровскую общину сестер милосердия вверить главному руководству и попечению игуменьи Митрофании.

4 декабря 1865 года свт. Филарет по этому поводу писал к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архиепископу Антонию: «Великая княгиня Александра Петровна пригласила к себе иг. М., приняла ее внимательно, показала ей свою Покровскую общину сестер милосердия, призрения младенцев и больных, пожелала дать сей общине направление более духовное; с сею целью предложила ей сделать замечания на проект устава сей общины, и о сем же написала ко мне. Это проект, но уже *Высочайше утвержден*. Я предложил немногие изменения. В общине переменяется начальница и Великая княгиня *вызывает игуменью*, чтобы дать направление

³⁰ Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах. 1870. № 5. С. 5.

новой начальнице: и мне чрез игуменю изъясляет свое желание, чтобы из Лавры на Троицком подворье был помещен иеромонах, который был бы духовником и настоятелем общины...»³¹.

В письме, помеченном 25 июня 1866 г. (Гефсиманский скит), святитель выражает удовлетворение благотворной деятельностью игуменьи Митрофании: «Благодарение Богу, что участие игуменьи Митрофании в благоустроении создаваемой и покровительствуемой Вашим императорским Высочеством Покровской общины сестер милосердия принесло пользу общине и удовольствие Вашему Императорскому Величеству в такой степени, что сестры общины просят Митрофанию себе в начальницу, и сия просьба удостоена не только одобрения Вашего, но и ходатайства». Далее, митрополит оговаривает, что по церковным правилам он не может поставить действовать вне пределов вверенной ему епархии. «Впрочем, — добавляет митрополит Филарет, — что найдено возможным сделать без нарушения правил, то мною сделано».³² Современники

писали: «А когда великой княгине Александре Петровне благоугодно было С.-Петербургскую Покровскую общину вверить главному руководству и попечению игуменьи Митрофании, Митрополит Московский Филарет благословил, и игуменье больше ничего не нужно было»³³.

С.-Петербургскую Покровскую общину управляла игуменья Митрофания с 1866 по 1870 год. Из Серпуховского Владычного монастыря в эту общину поступило для «безвозмездного служения» больным 20 монахинь. Успехи управления С.-Петербургской Покровской общиной игуменье Митрофанией получили свое отражение во «Всеподданнейшем отчете за 1870 год».

Позднее императрица Мария Александровна смогла воспользоваться опытом, приобретенным игуменье Митрофанией в С.-Петербургской общине, и стремилась в дальнейшем расширить поприще ее деятельности распространением полученного опыта на все российские епархии. Именно императрица Мария Александровна повелела игуменье Митрофании принять под

Иоанно-Ильинская община в Пскове

³¹ Письма Митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архиепископу Антонию 1831–1867 гг. М., 1884 С. 479

³² Собрание мнений и отзывов Филарета митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1888. V. Ч. 2. С. 893–894.

³³ Идея учреждения епархиальной общины сестер милосердия при девичьих монастырях и прошедшее игуменьи Митрофании в 4-х письмах». Киев., 1874. С.12.

свое начальство Псковскую общину сестер милосердия в с. Буричах, а затем решила учредить и «первую образцовую епархиальную общину сестер милосердия в г. Пскове».³⁴ Современники свидетельствовали: «Псковские общины в с. Буричах и в самом Пскове достигли процветания. По образцу их уже во многих городах России учреждаются подражания»³⁵.

Вот как характеризуется Псковская Иоанно-Ильинская епархиальная община сестер милосердия во «Всепопданнейшем отчете обер-прокурора Св. Синода Гр. Д. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1870 год»: «В минувшем же году получило Выс. Утверждение, учрежденное в конце 1868 г. со изволения государыни императрицы, трудами настоятельницы Серпуховского Владычного монастыря новое учреждение в духе христианского человеколюбия, обращающее на себя внимание по важности цели, с которою оно открыто. *Учреждение это — образцовая община сестер милосердия в г. Пскове*» (выделено нами. — Н. Б.).

«Открытая в конце минувшего года, с соизволения Государыни Императрицы, трудами настоятельницы Серпуховского Владычного монастыря игуменьи Митрофании, община эта имеет цели служить страждущим и бедствующим, посылая своих сестер в мирное время для ухода за больными в градских и тюремных больницах, а в военное время — для ухода за ранеными, принимая бесприютных грудных детей — для вскармливания, а прочих разного возраста — для воспитания и обучения, и доставляя неимущим даровую врачебную помощь». Для этого учреждались при общине: 1) отделение сестер милосердия; 2) отделение для грудных младенцев; 3) отделение для детей обоего пола до девятилетнего возраста; 4) больница и при ней приемный покой для проходящих больных всех возрастов и сословий, а также аптека; 5) операционное отделение для приучения сестер к перевязкам³⁶.

Со времени открытия это учреждение успело получить и внешнее и внутреннее благоустройство, а вместе с тем и проявить в достаточной степени свое служение делу христианского милосердия. В Общине воспитывались «бесприютные» дети, начиная с самого младшего возраста, в ней безвозмездно подавали врачебную помощь

Граф Д. А. Толстой

людям бедного состояния и занимались приготовлением своих сестер для ухода в мирное время за больными в городских и тюремных больницах, а в военное — за ранеными воинами. 12 января 1870 года императрица Мария Александровна дала свое благоволение: 1) «на утверждение Псковской Иоанно-Ильинской общины сестер милосердия, с дарованием ей права иметь счастье состоять под Всемилоостивейшим покровительством Ея Имп. Величества»; 2) «на укрепление за этою общиною пожертвованных в пользу ее земель и домов»; 3) «дозволение начальнице и сестрам общины иметь для ношения на груди кресты по особому Высочайше утвержденному рисунку».

Именно в этот момент относительно Псковской Иоанно-Ильинской епархиальной общины сестер милосердия в Всепопданнейшем отчете обер-прокурора Св. Синода Гр. Д. Толстого по ведомству православного исповедания за

³⁴ Идея учреждения епархиальной общины сестер милосердия при девичьих монастырях и прошедшее игуменьи Митрофании в 4-х письмах». Киев., 1874. С.13.

³⁵ Указанное соч. С. 14

³⁶ Извлечение из Всепопданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода гр. Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1870 год. СПб., 1871. С.139–140.

1870 год прозвучало важное положение, должностное во многом определить стратегию государства относительно развития сестринского дела в Российской империи: епархиальная община сестер милосердия, «образцовая в том отношении, что по примеру ея предполагается со временем вводить подобные учреждения во всех губернских городах Империи»³⁷ (выделено нами. — Н. Б.). Предполагалось, что и Псковская Иоанно-Ильинская епархиальная община сестер милосердия, и те, которые после нее должны были открываться в губернских городах, должны были устраиваться «по образцу монастырскому» и подчиняться «ведению игумении общежительных монастырей, сообщая этим общинам дух, сколько можно близкий к духу первобытных христиан». Таким образом, в общине должны были находиться *сестры — испытываемые*, «вроде монастырских послушниц», и *сестры-крестовицы*, «вроде монахинь».

Государственные деятели, руководители Российского Красного Креста стремились к тому, чтобы лица, вступившие на эту дорогу, отдавали себе отчет в том, что дело «ухода за больными» — это дело, к которому привело их призвание, исключительное и полезное. Сестры не только проходили свои профессиональные ступени: сначала «испытываемые», а затем «крестовицы» (причем вплоть до 1917 г. в российских общинах старались следовать этим ступеням), но они давали торжественную присягу (обещание) на верность своему будущему служению (присяга уже практиковалась для всех представителей медицинских специальностей, подготавливаемых в Российской Империи). Община сестер милосердия становилась для сестер их родным домом. Неповторимая духовно-нравственная атмосфера сестринских общин формировала молодых сестер. Здесь им всегда помогали в их духовных и профессиональных затруднениях. Здесь всегда они могли встретить поддержку и понимание и со стороны духовника, и со стороны начальницы общины, и общинных врачей и сестер. И, что также важно, только их ждала в общине приготовленная специальная «профессиональная форма» — или, как тогда писали, «установленное платье», в котором они осуществляли свое служение больному человеку и которое обязывало быть на высоте своего призвания.

Сестринской общине в Пскове архиереем передал церковь, требовавшую капитальных вложений. «Доброе дело начиналось с одною надеждою на сочувствие к нему русского народа, способного, как тогда считали, принять живое участие в каждом благом предприятии, особенно когда оно совершается во имя Божие и движется священной для него царственною волею». Прошло около полугода, и церковь была возобновлена на счет 30 000 руб. серебром, пожертвованных лицами в столице и других местах. Она была самым замечательным образом отделана снаружи и внутри, имела «полный круг книг церковных», «новое богатое Евангелие» и новые такие же сосуды, облачения, люстры, паникадила, подсвечники. Окружающая храм площадь, покупкою прилежащих к ней обывательских земель, была значительно расширена, выровнена и обнесена палисадом. Близ выстроенных вновь Святых ворот, с внешней стороны ограды, был приобретен и отделан дом священника. Внутри ограды в одном двухэтажном доме (10 саж. длины и 9 саж. ширины) были размещены «дортюары», школа, «рекреационная зала», помещение для трапезы, аптека, лаборатория, квартира для помощницы начальницы общины и кухни. В другом, также двухэтажном доме были отведены помещения для сестер и для больницы на 10 кроватей. К 1871 же году предполагалось выстроить корпус для «грудного» и «операционного» отделений и дом для более удобного помещения сестер. Все помещения имели мебель и все необходимые, по назначению «принадлежности»: «железные кровати, постели, белье, обувь, одежду летнюю и зимнюю как для больницы, так и на 80 человек сестер и детей, посуду кухонную, столовую, чайную, лампы и все хозяйственные предметы, заготовлены также все нужные принадлежности, как для операционного покоя, так и для 10 кормилиц и для 10 грудных детей»³⁸.

В отчете обер-прокурора Св. Синода Гр. Д. Толстого за 1870 год обстоятельно говорится о том, как представлялось государственным лицам в Российской империи назначение подобных образцовых епархиальных сестринских общин: «Надо надеяться, что это только что начавшееся учреждение, ожидающее в скором времени подробного для себя устава, будет иметь

³⁷ Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода гр. Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1870 год. СПб., 1871. С. 13.

³⁸ Там же. С. 142.

благотворное влияние на бедный класс людей, часто по бедности вдающийся в жизнь безнравственную. Там желающие вести жизнь безукоризненную найдут себе возможность не только питаться честным трудом, но и служить Богу и ближнему во всю свою жизнь; там, под надзором этих подвижниц, кормятся и их трудами воспитываются сироты и бесприютные дети; там найдется врачевание бедным и недужным, отсюда же разольется теплое утешение и помощь страждущим, особенно на поле брани. Как в благодатное напутствие этой высокой деятельности Общины, в день открытия ея, пред Литургией, с крестным ходом, перенесена была в церковь общины Афонская святыня — икона Св. Пантелеймона, благоговейно принятая Псковом 19 июня и находившаяся в тамошнем Иоанно-Предтеченском женском монастыре, настоятельнице которого предоставлено заведование общиною»³⁹.

В «Полном собрании законов Российской Империи» сохранился именной закон, объявленный Сенату Святейшим Синодом 30-го того же января 1870 г. «Об открытой в городе Пскове Иоанно-Ильинской Общине Сестер Милосердия»: «Святейший Правительствующий Синод, в ведении своем, сообщил Правительствующему Сенату, что государь Император, по Всеподданейшему докладу Синодального обер-прокурора, в 12-й день января сего года, Высочайше соизволили: 1) на утверждение открытой в г. Пскове Иоанно-Ильинской общины Сестре Милосердия, с дарованием оной права иметь счастье состоять под Всемилостивейшим покровительством Ея Величества; 2) на укрепление за эту Общиною жертвуемых дочерью коллежского регистратора Ираидою Харламовою земель и домов; 3) на дозволение общине изготовлять для ношения на груди Начальницею и сестрами Общины кресты по Высочайше утвержденному рисунку; и 4) на предоставление Святейшему Синоду права утверждать для означенной общины Устав, сделав в оном необходимые изменения»⁴⁰.

В «Уставе Псковской Иоанно-Ильинской общины сестер милосердия», утвержденном Св. Синодом 21 января 1870 г., были найдены нужные слова, дающие краткую и четкую характеристику: 1. «Псковская Иоанно-Ильинская

община сестер милосердия имеет счастье состоять под Высочайшим покровительством Ея имп. Величества императрицы Марии Александровны» (выделено нами. — Н. Б.). 2. Иоанно-Ильинская община сестер милосердия, состоя под главным ведением Св. Правительственного Синода, подчиняется и местному начальству Псковского епархиального архиерея; управляет ею настоятельница Псковского Иоанно-Предтеченского монастыря, к которому община приписана. 3. Наименовывается она Иоанно-Ильинской и по монастырю, к которому приписана, и по храмовому празднику церкви общины.

Согласно Уставу Псковская Иоанно-Ильинская община сестер милосердия имела целью: 1) представление безвозмездного приюта бесприютным девицам и вдовам бедного состояния, желающим с пользою служить Отечеству; 2) попечение о бедных больных; 3) утешение скорбящих; 4) вскармливание и воспитание детей бедных, священнослужителей, а также и всех бесприютных младенцев всех христианских вероисповеданий, всех возрастов и сословий; 5) специальное приготовление сестер милосердия к хождению за ранеными воинами, в военное время на поле брани, а в мирное время для дежурства в военных госпиталях, градских и тюремных больницах.

При общине были учреждены следующие отделения: отделение сестер милосердия, отделение для грудных младенцев, отделение для детей обоого пола, до 9-тилетнего возраста, школа для девиц от 9-ти до семнадцати лет, больница, аптека, приемный покой для приходящих больных всех возрастов и сословий, «операционное отделение» — специально организованное для обучения сестер к перевязкам, прививанию оспы и всем фельдшерским обязанностям (выделено нами. — Н. Б.)⁴¹.

В «Уставе» был специально выделен раздел «Отделение сестер милосердия», где давалась подробная регламентация, каким образом должно проходить служение сестер. В шестом параграфе говорилось о том, что «в сестры милосердия принимались вдовы и девицы всех свободных состояний православного вероисповедания, по удостоверению в хорошей их нравственности. И по представлении ими начальнице Общины

³⁹ Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода гр. Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1870 год. СПб., 1871. С.142.

⁴⁰ ПСЗ. Т. 45. 12 января 1870. № 47899.

⁴¹ Устав Псковской Иоанно-Ильинской общины сестер милосердия (утвержден Св. Синодом 21 января 1870г) // Уставы и правила общин сестер милосердия. СПб., 1879. § 10.

документов о их происхождении и свидетельства об образовании, если таковое имеется»⁴².

§ 7 комментировал возрастной состав сестер милосердия: «Лица, вступающие в Общину сестер милосердия, имеющие 20 и более лет, должны провести предварительно в Общине на испытании один год; поступающие же от 15 до 20 лет испытываются в звании испытываемых до 21 года»⁴³.

§ 8 свидетельствовал о том, что если общинным сестрам не хватало необходимых для их будущей работы качеств, то они увольнялись: «Если в продолжение времени... окажется, что она не имеет тех качеств, какие требуются от сестер милосердия, или сама она не пожелает принять на себя обязанности сего звания, то начальницу Общины увольняется из Общины, причем получает обратно представленные ею при поступлении документы».

Испытуемая, оказавшаяся совершенно способною к исполнению обязанностей сестер милосердия, могла быть принята в сестры по специальному церковному чину «Устав» свидетельствовал: «Когда же сестра милосердия с достоинством и пользою проведет в сем служении пять лет и будет иметь от рождения не менее 30-ти лет, тогда она торжественно может быть утверждена в звании сестры». И далее: «Очистив душу свою таинством покаяния и приобщившись Святых Христовых Тайн, она произносила в церкви установленное для сего звания обещание, в присутствии начальницы общины и всех сестер»⁴⁴.

После этого на нее возлагался («будет возможно, самим Преосвященным») бронзовый темно-коричневого цвета крест на фиолетовой муаровой ленте, с изображением на нем распятого Христа Спасителя с надписью на оборотной стороне: «Иго Мое благо и бремя Мое легко есть», а под этим «1868» — год устройства общины. Крест этот давался сестре «как наглядное постоянное напоминание любви Христа Спасителя к роду человеческому, а также в утешение и назидание как ей самой, так и вверенным ее попечению больным и умирающим, в уверенности, что при частом благоговейном взирании на распятого Господа она сама будет еще более возбуждаться к терпению, самоотвержению любви и молитве». Затем

ей выдавалось установленное на звание сестер милосердия свидетельство, за подписью местного Преосвященного и начальницы общины.

Форма для одежды испытываемых и сестер милосердия Псковской Иоанно-Ильинской общины, согласно десятому параграфу «Устава», была следующей: испытываемая должна была носить «холстинковое гладкое, серого цвета, платье, с таковой же кофтой, белым воротничком и черным передником», сестра же милосердия этой общины должна была носить «коричневое шерстяное платье, с такой же кофтой, воротником и передником, как и испытываемая». Голова сестры милосердия должна была быть покрыта «белым шейным платком»⁴⁵.

Старшая сестра, удостоившаяся быть допущенной к присяге, должна была носить «темно-коричневый капот с полуширокими рукавами», а «на голове, вместо платочка, белый коленкоровый или шерстяной апостольник». Причем в «Уставе» было оговорено, что «сестры должны носить белье и установленную форму постоянно, даже и во время отсутствия их из заведения» (восемнадцатый параграф), что свидетельствовало о том, что они постоянно следуют желанию с пользой служить Отечеству. В параграфе одиннадцатом четко было сказано, что «любовь к Богу и ближнему, милосердие, терпение и безусловное повиновение начальству и всем постановлениям Общины суть главные качества, которыми должны отличаться сестры милосердия; они обязаны помогать друг другу в успешном исполнении возложенных на них обязанностей»⁴⁶.

В параграфе двенадцатом были выделены главные из этих обязанностей: 1) бескорыстное, неутомимое и усердное хождение за больным; 2) особое попечение о раненых воинах; 3) приготовление умирающих к смерти; 4) утешение скорбящих, за помощью и советами к ним прибегающих; 5) воспитание бедных и бесприютных детей, призываемых в Общину; 6) добросовестное исполнение всех обязанностей, входящих в состав служения общины; 7) «Сестры, бывши сострадательны к больным, исцеляя телесные их страдания, должны, вместе с тем, исцелять и скорби их душевные, утешать их, сколько возможно, сносить их слабости и научать

⁴² Устав Псковской Иоанно-Ильинской общины сестер милосердия (утвержден Св. Синодом 21 января 1870 г) // Уставы и правила общин сестер милосердия. СПб., 1879. С. 31.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 32.

⁴⁵ Там же. § 10.

⁴⁶ Там же. § 11.

их употреблять в пользу души страдания телесные, приготовляя себя к смерти»⁴⁷.

Обратим внимание на одну из важнейших обязанностей сестер милосердия «утешение скорбящих» — ценная сторона русского медицинского ухода за больными, свидетельствующая о том, что сестрами милосердия была оказываемая не только медицинская помощь болящему, но и вспоможение душе страждущего.

В параграфе тринадцатом устава вполне определенно звучит указание о строгой подчиненности сестер начальнице, ее помощнице и врачам: «Сестры и испытуемые дежурят по установленной очереди, в больнице и в прочих отделениях больницы, где должны в точности исполнять все приказания начальницы, ее помощницы и врачей»⁴⁸.

В параграфе четырнадцатом оговаривалось употребление в мирное время профессионально подготовленных общинных сестер в самых различных лечебных заведениях г. Пскова: «Сестры, совершенно благонадежные, вполне испытанные, не моложе 35 лет, по предварительному соглашению с Военным и гражданским начальством, назначались начальницею общины в мирное время на дежурство в Военном госпитале, тюремной и градской больницах губернии, а при господстве эпидемий — во временные лазареты».

В параграфе пятнадцатом говорилось о том, каким образом в военное время сестры милосердия должны осуществлять свое служение раненым и больным воинам: «В военное время, когда сестры милосердия будут назначаться в госпитали и на перевязочные пункты, они во время там их пребывания, согласно Выс. Утв. Уставу “Общества попечения о раненых и больных воинах”, вполне подчиняются уполномоченным при главнокомандующем, или при начальнике отряда, и в порядке оказания пособия раненым и больным руководствуются инструкцией операторов и врачей».

Далее в «Уставе» было зафиксировано, что даже вне дежурства сестры милосердия должны быть заняты требуемой от них рукодельной работой: в §17 отмечено, что «сестры и испытуемые

в свободное от дежурства время должны заниматься рукоделием в пользу общины...»⁴⁹.

Согласно параграфу девятнадцатому «сестры, будучи снабжены всем от Общины, не могли употреблять ни собственную одежду, ни мебели, ни иметь никаких хозяйственных предметов и припасов. Они служат общине безвозмездно, и деньги им выдаются только на разъезды по потребностям Общины и на исполнение делаемых им поручений»⁵⁰.

Определено было в § 26 и положение заслуженной сестры милосердия, прошедшей весь многотрудный путь служения больному человеку: «Сестра, увольняемая от должности после многолетнего и усердного служения, согласно ее желанию, оставляется на жительстве в общине и обеспечивается оною в содержании, а также сохраняет навсегда крест и выданное ей на звание сестры свидетельство. Увольняемая же вольно из Общины обязывается сложить с себя звание сестры милосердия, с возвращением выданного ей на то свидетельства и креста, не требуя от Общины никакого вознаграждения за ее прежние труды»⁵¹.

Больница общины была устроена на 20 кроватей, из которых 5 назначались для взрослых, 10 для детей, живущих в общине, и 5 — в особое помещение для детей, одержимых прилипчивыми болезнями⁵².

В больнице получали необходимую медицинскую помощь от доктора Общины «дети и все лица без изъятия, в общине живущие». Причем, и это подчеркивалось, «фельдшерские обязанности исполнялись сестрами милосердия» (выделено нами. — Н. Б.).

В деятельность Псковской общины сестер милосердия входило: 1) практическое обучение испытуемых при кроватях больных и приготовлении их к принятию звания сестер милосердия; 2) воспитание сирот — девочек, преимущественно духовного звания; 3) рукоделие и другие труды по общинному хозяйству — по аптеке, приемному покою, амбулатории и больнице; 4) церковное пение и чтение, которые сестры милосердия с воспитанницами отправляли в местной церкви.

⁴⁷ Устав Псковской Иоанно-Ильинской общины сестер милосердия (утвержден Св. Синодом 21 января 1870 г.) // Уставы и правила общин сестер милосердия. СПб., 1879. § 12.

⁴⁸ Там же. § 13.

⁴⁹ Там же. § 26.

⁵⁰ Там же. Раздел IX. С. 48.

⁵¹ Там же. § 79. С. 48.

⁵² Там же. С. 48.

Сестры милосердия по приглашениям дежурили в земской больнице, в военном госпитале, в кадетском корпусе и духовной семинарии, а также и в частных домах. Из аптеки бедным жителям Пскова отпускались бесплатные лекарства, хотя в меньшем, сравнительно с прежними годами, размере. В приемном покое общины давались советы и выдавались рецепты для получения лекарств. В больнице имелись специально выделенные 7 кроватей для приходящих больных женского пола, принимаемых бесплатно на все содержание.

В 1886 г. в общине «из аптеки в течение года отпущено медикаментов по 1000 рецептов, врачей состояло пять. Денежные средства общины простирались до 18 300 рублей, в том числе остаточных от 1885 года было 10 300 рублей, и вновь поступивших 8000 рублей; израсходовано 6830 рублей; к 1887 году осталось около 11 550 рублей»⁵³.

Согласно постановлению членов общего собрания местное управление Красного Креста выработало «проект договора» с Иоанно-Ильинскою общиною сестер милосердия на *подготовление помощниц фельдшерниц* (выделено нами. — Н. Б.). То, что решено было готовить «помощниц фельдшерниц», но не «фельдшерниц», это явилось отступлением от ранее зафиксированных «Положений» (в 1879 г.) в Общинном «Уставе», свидетельствующих о том, что епархиальная община должна готовить фельдшерниц. Но, к сожалению, проект этот был одобрен епархиальным начальством, подписан обеими сторонами и введен в действие.

Главные условия договора заключались в следующем: 1) Местное управление РОКК должно было уплачивать Общине ежегодно 150 рублей, составляющие проценты специально на этот предмет выделенного капитала в 3000 рублей — материальное пособие на поддержание средств общины по устройству в ней классных занятий фельдшерниц; 2) Иоанно-Ильинская община, устроившая классы для *правильной подготовки помощниц фельдшерниц*, обязывалась продолжить занятия и иметь всегда налицо несколько подготовленных помощниц фельдшерниц, число которых не

определялось; 3) в случае войны, появления эпидемических болезней и т. п. народных бедствий, община, по требованию местного управления, обязывалась командировать в его распоряжение всех имеющихся в ней налицо приготовленных помощниц фельдшерниц на все время, пока в них будет надобность, с выдачею от местного управления за время службы определенного жалования и содержания⁵⁴.

К сожалению, и это ясно видно на указанном примере, снижение ранее поставленной высокой планки фельдшерской профессионально-медицинской подготовки в Псковской епархиальной Общине явно было отступлением от ранее заявленных и уже оправдавших себя намерений имп. Марии Александровны как покровительницы этой Общины. Но 1880 год стал годом смерти императрицы. И этим не замедлили воспользоваться те, кто сознательно шел против того, чтобы подготовленные в рамках деятельности Псковской епархиальной общины сестры милосердия — фельдшерницы — могли с пользой

Игуменья Митрофания

⁵³ Всеподданейший Отчет обер прокурора Св.Синода К. Победоносцева в ведомстве православного исповедания за 1886 год. СПб., 1888. С. 18.

⁵⁴ Псковское местное управление // Отчет Главного Управления Красного Креста за 1880. СПб., 1883. С. 183.

служить своему Отечеству. Ниже мы остановимся на этом подробнее.

До этого созидательная работа шла активно, что видно и по наградам, полученным руководительницей: 29 января 1868 г. императрицу Марией Александровной были возложены на игуменью необходимые распоряжения по устройству *в городе Пскове первой губернской общины сестер милосердия, долженствующей служить образцом для тех общин, которые впоследствии учредятся в России* (выделено нами. — Н. Б.), а в мае того же 1868 г. игуменья объявлена благодарностью государыни императрицы за распоряжения ее «по устройству Псковской общины сестер милосердия». 30 ноября 1868 г. ей была объявлена «Высочайшая Ея Величества признательность» за устройство в городе Пскове первой в России образцовой епархиальной общины сестер милосердия».

Вестник «Общества попечения о раненых и больных воинах» в это время свидетельствовал: «Минувший год принес Духовному Ведомству еще новое учреждение в духе христианского человеколюбия, обращающее на себя внимание по важности цели, с которою оно открыто. Учреждение это — образцовая Община сестер милосердия в Пскове, открытая в конце минувшего года, с соизволения государыни императрицы, трудами настоятельницы Серпуховского Владычного монастыря иг. Митрофании. Община эта имеет целью служить страждущим и бедствующим, посылая своих сестер в мирное время для ухода за больными в градских и тюремных больницах, а в военное — для ухода за ранеными, принимая бесприютных грудных детей для вскармливания, а прочих разного возраста для воспитания и обучения, и доставляя неимущим даровую врачебную помощь. Сестры не дают иноческих обетов, не употребляют одежд иноческих, *но дают торжественную присягу на верность служению своему и*

носят им одним усвоенное платье» (выделено нами. — Н. Б.). По внешнему виду учреждение это есть нечто среднее между иночеством и мирянами, но по внутренним устройствам своим оно должно деятельно проводить в народную жизнь то, что вырабатывается в тиши уединенной жизни самым возвышенным иночеством»⁵⁵.

Призванная созидать, игуменья Митрофания, ничем не стесненная, продолжала действовать вполне уверенно. Люди, ее окружавшие и понимавшие, какое нужное дело она делает, становились ее единомышленниками. Ей добровольно жертвовали значительные денежные средства, и игуменья Митрофания вкладывала их в строительство образцовых епархиальных общин сестер милосердия. Так, с 1856 по 1872 год игуменья Митрофания смогла осуществить необходимые благотворительные постройки почти на два миллиона рублей.

Из архивного дела об устройстве Владычно-Покровской общины сестер милосердия в Москве видно, что оно начато 16 июня 1869 года «с изъяснениями мнения ея Величества видеть в нашем Отечестве развитие и утверждение духа христианского милосердия на тех основаниях, которые так успешно применены к общественным нуждам в С.-Петербургской Покровской и

Путевой дворец Императрицы Елизаветы Петровны

⁵⁵ Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах» за 1870 г. № 2. С. 6–7.

открытой Псковской общине сестер милосердия». «В виду несомненной пользы, приносимой подобными учреждениями и распространению благотворного влияния на окрестное население, открытие общины сестер милосердия в первопрестольной столице было бы Ея Величеству отрадно. Для устройства этой общины под распоряжения игуменьи Митрофании и отдан бывший дворец (состоящий в Москве в Лефортовской части) с принадлежащей к нему церковью или Собором во имя Покрова Пресвятой Богородицы».

И действительно, двухсотпятидесятилетний собор во имя Покрова Пресвятой Богородицы этого села вместе с «так называемым дворцом и местностью», ранее принадлежавшими Военному ведомству, были отданы, по Высочайшей Воле, в ведение Серпуховского Владычного монастыря. Во «исполнение предначертаний» государыни императрицы Марии Александровны, игуменья Митрофания в конце 1869 г., с разрешения и благословения митрополита Московского Иннокентия (Вениаминова), приступила к устройству общины сестер милосердия в Москве, в здании бывшего Покровского дворца.

Средствами к осуществлению этого важного начинания послужили щедрые пожертвования жителей первопрестольной столицы (до 90 000 руб.), всегда готовых к приношениям на дела богоугодные и благотворительные. Из этого числа десять тысяч внесены мануфактур-советником М. Солодовниковым, предназначавшим свое пожертвование собственно для устройства при Общине больницы для инокинь московских девичьих монастырей. Шесть тысяч в пользу Покровской общины пожертвовал московской 1-й гильдии купец Я. Сангурский, строитель железной дороги от Серпуховского Владычного монастыря до станции Московско-Курской железной дороги⁵⁶.

При этом продвижение дела созидания в Москве общинного епархиального сестринского дела почему-то замедлялось. 21 апреля 1870 г. имп. Мария Александровна дала разрешение на учреждение означенной общины на одинаковых с Псковской общиной основаниях, с наименованием Московской общины Владычне-Покровскую и с дарованием ей права состоять под Всемилостивейшим покровительством государыни императрицы.

Св. Синоду предоставлялось право утвердить устав новоустроиваемой в Москве общины, при-

менительно к уставу Псковской общины. Но устав Московской Владычне-Покровской общины сестер милосердия Святейшим Синодом был утвержден только 22 декабря 1871 г., т. е. практически больше, чем через полтора года после Высочайшего Повеления.

Наконец, 7 июня 1872 г. игуменья сообщила, что работы по постройке Московской епархиальной Владычне-Покровской общины сестер милосердия близки к окончанию, и община сестер милосердия практически всем необходимым уже снабжена. Главный трехэтажный корпус выделялся из целого комплекса зданий (среди которых самым крупным был бывший дворец, «выстроенный на протяжении 76 сажен»). Во втором этаже главного корпуса был устроен храм в честь Воскресения Христова, снабженный всеми нужными предметами и приготовленный к освящению. В дальнейшем, в структуру епархиальной общины входила: 1) больница на 20 кроватей для монашествующих женского пола монастырей Московской епархии; 2) аптека с лабораториею; 3) приемный покой для приходящих больных; 4) детская больница; 5) водолечебница; 6) училище; 7) рукодельная; 8) отдел шелководства; 9) общая трапезная палата; 10) палаты для помещения начальницы общины, ее помощниц и сестер милосердия.

Детей, которых призревали в общине, должно было быть — 80. С хозяйственной целью для общины были выстроены: 1) деревянный флигель для помещения сестер; 2) каменный погреб; 3) особый павильон для вскармливания шелковичных червей. Вокруг собора был разбит сад и выстроены три постоянных лазаретных барака, «устроенные на гигиенических началах, выработанных практикой последнего времени». Один из них назначался для хирургических больных на 20 кроватей; второй — для больных, проживающих и призреваемых в общине, зараженных «эпидемическими болезнями», также на 20 кроватей; третий назначался для грудных младенцев, призреваемых в общине, которым предназначалось вскармливание по уставу общины. Вся эта местность с общинными постройками была обнесена каменной оградой. За общинным садом были расположены конный и скотный дворы, бани и прачечная с сушильной.

Весь личный состав общины состоял: из 2 священников, 2 диаконисс, одного причетника, 12 докторов, аптекаря, архитектора, секретаря,

⁵⁶ Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах за 1870 г. № 2. С. 7.

25 сестер милосердия, 15 испытуемых, 30 воспитанниц, 50 малолетних детей. Итого 140 человек.

И, наконец, 25 июня 1872 г. церковь Владычно-Покровской общины сестер милосердия была освящена высокопреосвященным Иннокентием, при многолюдном собрании народа и в присутствии почетных гостей, и община сестер милосердия была открыта. День открытия ее был «горячо приветствован телеграммами со всех сторон Церкви, клира и мира»⁵⁷. Стоимость одних материальных построек составляла 500 000 руб. серебром.

В № 27 газеты «Московские Епархиальные ведомости» от 2 июля 1872 года мы находим сведения об открытии Московской Владычно-Покровской общины сестер милосердия. Священник В. И. Скороходов в своей речи при открытии Московской Владычно-Покровской общины сестер милосердия, кратко упомянув о важнейших событиях того времени, смог сказать о том, чем же было вызвано объединение Русской Православной Церкви и «Общества попечения о раненых и больных воинах», что наглядно проявилось в Покровской общине сестер милосердия: «Как известно, учреждение образцовых епархиальных общин принадлежит мысли и предначертаниям нашей истинно матерински попечительной Государыни императрицы, и побуждения к их учреждению вытекли из забот Ея Величества о благе своих верноподданных. Под высоким покровительством сим, еще в 1860-х годах учреждена в с. Буричах Порховского у. Псковской губ., община сельских сестер милосердия государыня императрица оставалась недовольною состоянием сей Общины, и, движимая искренним желанием видеть в Отечестве нашем утверждение и развитие духа христианского милосердия, *Ея Величество убедилась в необходимости внесения в Общину монашеского духа с теми элементами порядка, труда, самопожертвования и нравственности, которые только и могут служить твердым ручательством существования этих учреждений и дальнейшего их развития*» (выделено нами. — Н. Б.)⁵⁸.

«На основании Высочайшей воли образцовой епархиальной Владычно-Покровской

общине придавалось устройство по образцу монастырскому. Она навсегда приписывалась к Серпуховскому Владычно-Покровскому общежительному монастырю, с непосредственным подчинением во внутреннем своем управлении настоятельнице сего монастыря (§ 2 и § 3) Общине будет сообщаться дух сколько можно близкий духу первобытных христиан». Поэтому в общине трудились и «будущие сестры испытуемые (вроде монастырских послушниц) и сестры милосердия, крестовицы (вроде монахинь)». Как те, так и другие не давали иноческих обетов, но последние дают торжественную присягу на верность служению своему и носят одним им усвоенное платье и «присвоенный на фиолетовой ленте бронзовый крест»⁵⁹.

Священник В. И. Скороходов в своей речи нашел очень точные слова, отражающие действительную суть дела ухода за больными в стенах образцовой епархиальной общины сестер милосердия: *«Этот подвиг их жизни даже труднее и сложнее обета монашества; монашество после этого является как бы наградой и успокоением после многотрудной жизни»* (выделено нами. — Н. Б.).

И далее им было сказано следующее: «Уповаю на помощь свыше и полагаясь на испытанные христианские чувства, на опытность и всегдашнюю готовность уважаемой матери игумении Митрофании «жертвовать собою для доброго и богоугодного дела» — Государыня Императрица в начале 1868 года «соизволила поручить ей устройство первой губернской Общины Сестер Милосердия в Пскове, долженствовавшей служить образцовой для тех Общин, которые с Божью помощью учреждались бы впоследствии»⁶⁰.

Все, кто имел то или иное отношение к Общине, верили в ее успешное будущее, что и выразил священник В. И. Скороходов в своей речи: «Ручательством за несомненный успех Общины может служить и то, что она, как и другие подобные ей, вызывается к деятельности необходимою нуждою, неотлагательною и насущною потребностью жизни. В отношении к высшей и просвещенной общественной среде общины Сестер Милосердия и доселе всегда пользовались

⁵⁷ Идея учреждения епархиальной общины сестер милосердия при девичьих монастырях и прошедшее игуменьи Митрофании в 4-х письмах. Киев, 1874 г. С. 15; Московские епархиальные ведомости 1872. № 27. С. 189–193.

⁵⁸ Московские Епархиальные ведомости от 2 июля 1872 года. № 27. С. 191.

⁵⁹ Московские Епархиальные ведомости от 2 июля 1872 года. № 27. С. 192.

⁶⁰ Извлечено из отношений секретаря Ея Величества и игуменьи Митрофании от 29 января 1868 г. № 200 // Московские Епархиальные ведомости от 2 июля 1872 года № 27. С. 192.

особенным сочувствием со стороны сей последней и верно достигали цели своего предназначения; в наше же материальное и эгоистическое время не найдет ли большего и ширьшаго себе применения такая, кроме того, редкая и в высшей степени человеколюбия ея цель?» И далее он сказал: «Сестра Милосердия и сестра серьезная, верная своему званию и проникнутая чувством честности и правды, явится у постели» больного «как нельзя более на месте».

Священник В. И. Скороходов в своей речи подчеркнул, что хотя покровительницей образцовых епархиальных общин сестер милосердия являлась императрица Мария Александровна, которой были дарованы «особенные права и преимущества», но, во многом благополучие общины зависит от их учредительницы — попечительницы матери игуменнии Митрофании». «Я должен сказать, — сказал в заключение своей речи священник В. И. Скороходов, — что за успех и будущее процветание пока еще только двух епархиальных общин на днях удостоившихся и Высочайше дарованных им и членам оных особенных прав и преимуществ, можно с уверенностью поручиться, пока в главе их будут находиться люди дела, именно такие энергетические и деятельные личности, какова учредительница и попечительница их мать игуменья Митрофания»⁶¹.

В знаменательный день открытия Московской Владычно-Покровской общины Митрополит Иннокентий возложил на монахиню Зинаиду Высочайше утвержденный для сестер милосердия Московской Владычно-Покровской общины бронзовый крест с изображением с одной стороны распятого Христа, а с другой — древнего изречения «Иго мое благо и бремя мое легко есть»⁶².

Открытие Московской Владычно-Покровской общины явилось результатом деятельности не только игуменьи Митрофании, но и игуменьи Страстного монастыря Валерии, и Александры Николаевны Стрекаловой, за что императрица Мария Александровна была им признательна.

21 апреля 1870 г. императрица Мария Александровна дала разрешение на учреждение означенной общины на одинаковых с *«Псковской*

общиною» основаниях, с наименованием *«Московской общины Владычне-Покровскою»* и с дарованием ей права состоять под «покровительством государыни императрицы», снова представив Св. Синоду право «утвердить устав новоустроваемой в Москве общины, применительно к уставу Псковской общины»⁶³.

С самого начала работы общины ее задачами стали призрение бедных девиц, вдов без состояния, попечение о бедных больных, утешение скорбящих, окормление и воспитание детей бедных священно- и церковнослужителей, бесприютных младенцев.

Положения «Устава Московской Владычне-Покровской общины сестер милосердия» (1872) очень четко рассматривали профессиональную пригодность подготовленных в рамках епархиальной Московской Владычно-Покровской общины сестер милосердия в мирное время для гражданских и военных лечебных заведений (повторяя при этом формулировки устава Псковской общины): «Сестры, совершенно благонадежные и вполне испытанные, не моложе 35 лет, по предварительном соглашении с военным и гражданским начальством, назначаются Начальницею общины в мирное время на дежурство в военные госпитали, тюремные и гражданские больницы губернии, а при господстве эпидемий и во временные лазареты»⁶⁴. Во время военных действий заведомо было определено место деятельности сестер милосердия: «В военное время, когда сестры милосердия будут назначаться в госпитали и на перевязочные пункты, они во время их там пребывания, согласно Высочайше утвержденному Уставу «Общества попечения о раненых и больных воинах» (§ 78) вполне подчиняются уполномоченным от Общества лицам, состоящим при Главнокомандующем или при начальнике отдельного отряда и в порядке оказания пособия раненым и больным руководствуются инструкцией операторов — врачей»⁶⁵.

Неповторимую духовно-нравственную атмосферу Общины определяли: священник — духовник общины, начальница общины и врачи общины. В «Уставе», в разделе «О духовнике» подробно были прописаны многочисленные обязанности

⁶¹ Московские Епархиальные ведомости» от 2 июля 1872 года. № 27. С. 193.

⁶² Барсуков И. П. Иннокентий митрополит Московский и Коломенский. М., 1883. С.730–731.

⁶³ Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода гр Д. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1870 г. СПб., 1871. С. 137.

⁶⁴ Устав Московской Владычно-Покровской общины сестер милосердия. М., 1872. § 14. С.6.

⁶⁵ Устав Московской Владычно-Покровской общины сестер милосердия. М., 1872. § 15. С.6.

последнего по отношению ко всем, кто трудился, воспитывался и получал исцеление. В обязанности духовника, «сверх внушения сестрам истинного, на христианском самоотвержении основанного милосердия», являлись: утешение больных, особенно умирающих, внимательную исповедью и своевременным приобщением Св. Христовых Таин; попечение нравственно-религиозное о детях, в общине воспитывающихся, внушение им любви к Богу и ближнему, кротости и всех христианских добродетелей. Он должен был быть духовником помощницы начальницы и всех сестер общины; к нему должны были обращаться сестры во всех случаях, как к наставнику и отцу. Ему отдавались на суд нравственные поступки сестер, и он вместе с начальницей, как свидетельствовал «Устав», «назидает их и внушает им слово Божие». Все сестры имели право относиться к нему «в случае душевной скорби наедине в стенах Общины». Устав свидетельствовал: «Он избирается по усмотрению Начальницы и утверждается в должности Преосвященным».

От Начальницы Общины, согласно Уставу, зависели многие направления работы в Общине: подготовка будущих сестер милосердия, лечебная деятельность приемного покоя и больницы, хозяйственные работы, воспитательная деятельность по отношению к воспитанникам Общины. В «Уставе» нашлись замечательные слова, раскрывающее положение о том, что «служение больным» сестрами милосердия должно восприниматься ими как счастье: «Начальница внушает сестрам, насколько они должны считать себя счастливыми служить страждущему человечеству и поощрять в них всякое чувство к добру и самоотвержению»⁶⁷ (выделено нами. — Н. Б.).

Что же касалось врачей, то в «Уставе» указывалось, что «при операционном отделении и приемном покое общины имеются особые врачи. Они обращают особенное внимание на приспособление сестер и испытуемых к хождению за больными и преподают им во время дежурства в больнице *предметы и обязанности фельдшерские*» (выделено нами. — Н. Б.)⁶⁸. В «Уставе» регламен-

тировано было положение врачей: «Врачи определяются по избранию начальницы, с разрешения Епархиального начальства. Они служат Общине безвозмездно. Каждый из них берет на себя обязанность практическим образом научать сестер и испытуемых и сообщать им сведения, нужные для их занятий»⁶⁹.

В 1870-х годах наблюдалось уже стремительное развитие такого направления, как клиническая хирургия, и операционные сестры становились незаменимыми помощницами хирургов-операторов: «В операционном отделении дежурят по очереди сестры и испытуемые, где они и имеют неослабное наблюдение за точным исполнением всех предписаний операторов и врачей Общины»⁷⁰. Вот почему именно в эти годы приобретает актуальное значение подготовка сестер милосердия к профессиональной работе в операционной, как непосредственных и незаменимых помощниц врачей при хирургических вмешательствах: «При важных операциях, по указанию оператора, сестры готовят все необходимое для совершения операций и присутствуют при оных безотлучно, до самого их окончания»⁷¹.

Для сохранения в епархиальной общине высокой духовно-нравственной атмосферы существовал такой уникальный документ, как «Нравственная отчетность», присущий только Московской Владычне-Покровской общине сестер милосердия.

В конце каждого года помощница Начальницы подает ей «Нравственную отчетность» — подробную ведомость о нравственных качествах каждой находящейся в общине сестры и испытуемой. Эта ведомость, после просмотра начальницей, за ее подписью, представляется архиерею с указанием их звания, имени и фамилии, времени поступления в Общину, занятий и труда, а также и степени успеха их в оных. В этой ведомости отмечаются малоспособные или совсем неблагонадежные к продолжению служения в Общине, каковые отметки Начальница Общины обязана делать с полной искренностью, во избежание ошибочного выбора при избрании сестер на высшие должности⁷².

⁶⁶ Там же. § 129. С. 37–38.

⁶⁷ Там же. § 113.

⁶⁸ Там же. § 138. С. 40.

⁶⁹ Там же. § 139. С. 40.

⁷⁰ Там же. § 106. С. 31.

⁷¹ Там же. § 106. С. 31.

⁷² Устав Московской Владычне-Покровской общины сестер милосердия. М., 1872. § 150. С. 430.

В Уставе, в разделе «О духовнике» подробно были прописаны многочисленные обязанности священника-духовника по отношению ко всем, кто так или иначе имел отношение к Московской Владычне-Покровской общине сестер милосердия: кто трудился, воспитывался и получал исцеление. Обязанности духовника, сверх внушения сестрам истинного, на христианском самоотвержении основанного, милосердия, суть: утешение больных, особенно умирающих, внимательною исповедью и своевременным приобщением Св. Христовых Таин; попечение нравственно-религиозное о детях, в общине воспитывающихся, внушение им любви к Богу и ближнему, кротости и всех христианских добродетелей. Он должен быть духовником помощницы начальницы и всех сестер общины; к нему обращаются сестры во всех случаях, как к наставнику и отцу. Ему отдаются на суд нравственные поступки сестер, и он вместе с начальницей назидает их и внушает им слово Божие. Все сестры имеют право относиться к нему в случае душевной скорби наедине в стенах Общины. Он избирается по усмотрению Начальницы и утверждается в должности Преосвященным»⁷³.

При аптеке общины работал «приемный покой для приходящих бедных больных» здесь ежедневно дежурил в назначенные часы один из врачей общины и подавал бедным приходящим больным безотлагательную, безвозмездную помощь, с отпуском им из аптеки общины на дом всех врачебных пособий, могущих быть назначенными для их выздоровления»⁷⁴.

Причем, в «Уставе» возможные ситуации приема больных были детализированы: «чередная» сестра при приемном покое принимает лиц, пришедших за врачебными пособиями и имеющих удостоверения об их бедности, допускает ко входу в приемный больничный покой, а не имеющим таковых отказывает, кроме крайних случаев, о которых немедленно заявляет дежурному врачу»⁷⁵.

Для обеспечения существования Общины ей предоставляется право владения недвижимыми имуществами, приобретая оныя даром,

покупкою или иным законным способом; с этою же целью ей могут быть отведены в надел и назначенные участки земли, по усмотрению Министерства государственных имуществ»⁷⁶.

Со времени опубликования «Устава Московской Владычне-Покровской общины сестер милосердия» сестринская образцовая епархиальная община сестер милосердия начинала полноценную жизнь.

В это время в жизни игуменьи Митрофании происходят важные события: 7 марта 1871 г. она была избрана и учреждена председательницею Московского дамского комитета «Общества попечения о раненых и больных воинах»⁷⁷.

Труды игуменьи Митрофании получили высшую оценку со стороны императрицы Марии Александровны. 10 августа 1871 г. императрицей Марией Александровной была объявлена игуменье Митрофании Всемилолюбивейшая Ея Величества признательность за примерную заботливость и ревностные труды по устройству Московской епархиальной общины сестер милосердия, а 29 июня 1872 года было объявлено повторно игуменье Митрофании изъявление искренней Ея Величества признательности за неутомимые и ревностные труды ея по содержанию и устройству Московской Покровской общины сестер милосердия.

И в эти годы труженической нескончаемой деятельности единомышленниц по созиданию образцовых епархиальных общин сестер милосердия, когда, казалось бы, тщательно продуманный Высочайшей покровительницей «Общества попечения о раненых и больных воинах» императрицей Марией Александровной развернутый план дальнейших действий должен был уже приобрести желаемую широкую дорогу, неожиданно это созидательное дело встретило противостояние.

В журнале «Русская старина» практически через 20 лет после произошедших событий была опубликована статья, где было, в частности, сказано: «В 1869 году известная в то время игуменья Митрофания составила удостоившийся некоторого внимания проект устава Псковской епархиальной общины сестер

⁷³ Там же. § 129. С. 37–38.

⁷⁴ Там же. § 96. С. 28–29.

⁷⁵ Там же. § 98.

⁷⁶ Там же. § 153.

⁷⁷ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 762. Д. 313. Л. 214.об., 215.

милосердия и других имеющихся открыться в нашем государстве; проект этот едва не получил утверждение, но, по рассмотрении назначенною для сего правительственною комиссиею, был отвергнут. Воспоследовало это на основании записки, составленной и представленной одним из членов помянутой комиссии, отцом архимандритом Сергиевой пустыни, что близ Петербурга, Игнатием (Мальшевым)⁷⁸.

Небольшое число отдельных экземпляров этой записки, по просьбе архимандрита Игнатия, было отпечатано в 1887 году под названием «Слово о монашеском делании». Архимандрит Игнатий писал в своем отзыве 10 июля 1869 г., опубликованном 20 лет спустя: «Проект игумении Митрофании не применим к монастырям и к монашествующим лицам: это вполне светское учреждение, а монастыри и монашество — вполне духовные учреждения. Справедливость требует всякому предоставить идти своим путем; желающая быть сестрой милосердия не пойдет в монахини, а призванная в монашество не пойдет в сестры милосердия. Насилие же ни в коем случае не должно быть допущено: крепостное право уже не существует. И потому, чтобы уяснить задачу и положить грань между светскими и духовными учреждениями, мы намерены, по возможности, сказать: что есть монах, или каков должен быть монах по обету, данному им пред Богом, и насколько будет способствовать его духовному восхождению или нисхождению такового рода занятия, какие предназначаются проектом устава об обращении монахинь в сестер милосердия.

Жаль, что составительница проекта не пожелала обратить внимание ни на Священное Писание, ни на канонические правила, ни на учение и уставы святых отцов Православной Церкви; собранные ею правила заимствованы из разных светских учреждений и к монашескому быту не применимы.

Мы уверены, что если бы составительница проекта устава воспользовалась уставом для монашествующих святого угодника Божия Нила Сорского, то не помыслила бы касаться монастырей, да и самой бы ей

было бы трудно удалиться из своего монастыря.

Живо бы, живо стучали у нее на сердце слова Спасителя последовавшему за Ним: "Остави мертвых погребсти своя мертвецы" (Мф. 8.22; Лк. 9.60). А чтобы монах погреб своя мертвецы, должно иметь особенное внимание в жизни, умереть для мира, а жить для Бога. "Мне мир распяся и аз мировии" (Гал. 6.14), — говорит святой Апостол Павел⁷⁹.

Далее о. Игнатий вновь и вновь возвращается к тому, что монашествующие, ушедшие от мира за монастырские стены, стремятся умалить страсти и сохранить себя от лукавого: «Если хотим иметь истинное прилежание к Божью делу, то прежде всего удалимся как можно более от суеты мира и постараемся умалить страсти, сохраняя сердца от лукавых помыслов, — продолжал архимандрит Игнатий. — В сердце исполняя Божии заповеди, при хранении сердца, будем непрестанно иметь молитву... Небезопасно колебать глубоко духовные иноческие учреждения, засвидетельствованные Духом Святым, освященные веками и усвоенные всею Православной Церковью.

Пресловутая по учреждениям Англия с завистью смотрит на наши обители, усиливается учредить у себя подобные, но одни человеческие средства недостаточны без благодати Божией. Не имея Антониев, Пахомиев, Пименов, Сисоев, Макариев, Феодосиев, — не в состоянии насадить подобный чин и благочестие. К несчастью, многие из нас порицают без разбора все свое, громко возглашая против святых обителей... Неужели нынешние праведники наложат руки на святые обители, и в подражание инославным променяют чистое золото на медную монету, и истинное делание — на призрачное. Если попущением Божиим совершится что не в пользу обителей, тогда монашествующие должны будут петь вместе с израильянами: "На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом..." (Пс. 136. 1). Как древний Израиль, после многих пленений, был отведен в плен вавилонский, так и новый Израиль — Христианин,

⁷⁸ К новейшей истории монастырей в России. Записка архимандрита Игнатия. 1869 г. // Русская Старина. 1889. Т. 62. Июнь. С.683–695.

⁷⁹ Там же.

после многой борьбы против плоти и духа, изшедший из мира и плена страстей, опять привлекается в мир, опять в Вавилон. Мир со своей суетой именуется Вавилоном; деяния его протекают как река: и сидит Израиль при реках вавилонских, вспоминая об утрате Сиона. Сидит и инок при реках деяний, как зритель времен, не без страха взирая на мирные обители, виновные многих духовных дарований, чтоб на месте созерцательной духовной жизни не водворилась бы суета, молва и мятеж, которые изгоняют из обителей собранные плоды благодати и не допустят заниматься деянием духовным.

Тогда подвижники благочестия опять отведутся в плен мысленных браней и рабства страстей. Как древний Израиль в плену вавилонском обесил органы хваления Богу, так и новый Израиль, возрожденный Богом, отложит мысли святые, дерзновение к Богу и деяния благие... Новое предположение проекта не есть ли посягательство на отнятие умного делания и созерцательной жизни, убажгаемой Самим Господом. "Марфо, Марфо, — сказал Господь, — печешися и молвиши о мнозем, едино же есть на потребу. Мария же благую часть избра, яже не отимется от нея" [Лк. 10.41, 42]. Не следует тревожить Марию, — Марфы найдутся. Мы указали, по возможности, с духовной точки зрения, на невозможность соединить светские учреждения с духовными».

В конце записки было приведено примечание, где редактор журнала выразил собственное видение проблемы: «Напечатанная здесь записка отца архимандрита Игнатия по поводу проекта бывшей игуменнии Митрофании (в мире баронессы Розен) об обращении женских монастырей в епархиальные общины сестер милосердия, каковая записка отца Игнатия была повергнута на Высочайшее воззрение блаженной памяти Государыни Императрицы Марии Александровны и имела последствием то, что проект игуменнии Митрофании был отвергнут». Далее редакция «Русской старины» свидетельствовала, что напечатанный на страницах этого издания приведенный документ имел, как было указано, «ныне интерес исторический». В заключение сказано: «В 1888 году "Записка" эта была издана нами, по просьбе почтенного отца архимандрита Игнатия в небольшом числе отдельных оттисков (15 мая 1889 г.)». По нашему мнению, «Записка» представляла несомненный интерес. Но интерес к этому документу был не только «исторический», как считали в редакции

журнала, а скорее политический. Редакция, ничего не объяснив читателям журнала, вполне сознательно и неверно истолковала события сравнительно недавнего прошлого. В «Проекте» игуменнии Митрофании не было даже упомянуто «об обращении женских монастырей в епархиальные общины сестер милосердия». И государыня императрица Мария Александровна не могла отвергнуть этот проект, так как сама курировала его и фактически была соруководительницей этого проекта. Всевозможные препоны существовали и ранее. Напомним, что Проект «Устава Московской Владычно-Покровской епархиальной общины сестер милосердия» был утвержден Св. Синодом, только через полтора года (22 декабря 1871 г.) после того, как Устав был подписан императрицей Марией Александровной (21 апреля 1870 г.). Подобная трактовка говорила о том, что кто-то был заинтересован в распространении домыслов.

По нашему мнению, неправильное понимание архиепископом Игнатием (Малышевым) сути вопроса заставляет думать, что последнего ввели в заблуждение, предварительно не объяснив, что же в действительности послужило причиной создания в Российской империи образцовых епархиальных общин сестер милосердия.

Тем не менее на указанные выше безосновательные заявления опирались труды последующих исследователей русской истории. И как это часто бывает, позднее, уже иные авторы, писавшие на ту же тему, использовали в своих трудах ранее опубликованные материалы. Мы не знаем имени автора «Жизнеописания архимандрита Игнатия (Малышева)». Но буквально через два года после кончины отца Игнатия автор повторил, уже на страницах своей книги, высказанную редактором «Русской Старины» в свое время версию происходящих событий относительно проекта игуменнии Митрофании: «О. архимандрит... один, вопреки общему мнению, нашел этот проект не только не полезным, но разрушительным для монастырей и составил записку, которая была повергнута на Высочайшее рассмотрение Императрицы Марии Александровны. Многие находили это слишком смелым со стороны о. архимандрита, но он, как ревностный защитник монашества, не боялся ничего, хотя и знал, что Ее Величество уважала игуменнию Митрофанию и одобряла ее проект. Несмотря на это, с помощью Божию, эта записка имела последствием то, что проект был отвергнут, и Государыня Императрица,

убедившись впоследствии в истине слов о архимандрита, еще более расположилась к нему».⁸⁰

Как мы теперь знаем, проект не был отвергнут. Что же касается благорасположения императрицы Марии Александровны к архимандриту Игнатию (Малышеву), то это было вполне естественно с ее стороны: она всегда была расположена к тем, кто ревностно защищал основы русского православия. Тем более что он действительно не знал всей подоплеки этого дела.

Игуменяже Митрофания стоически выдерживала нападки против совершаемых ею дел и со стороны церковных иерархов, и со стороны Синодальной комиссии, специально сформированной для рассмотрения «Устава» первой епархиальной общины сестер милосердия. Нападкам благоприятствовала неверная трактовка деятельности игуменьи Митрофании в журналистских кругах. Именно средства печати, по нашему мнению, были виноваты том, что были введены в заблуждение церковные иерархи.

К 1870 г. была закончена разработка государственной «Программы мирного и военного времени», во многом определившая единую направленность долговременной совместной деятельности «Общества попечения о раненых и больных воинах» и Русской Православной Церкви.

«Программа мирного и военного времени» была создана под покровительством императрицы Марии Александровны для реализации принципов «Общества попечения о раненых и больных воинах» и была направлена на то, чтобы реально повысить доступность медицинской помощи для широких слоев населения, причем с усердно трудящимися сестрами милосердия, долженствующими стать образцами в деле ухода за больными.

Обращение государства к Русской Православной Церкви было вызвано необходимостью в короткие сроки создать по всей России сеть сестринских епархиальных общин, способных обеспечить подготовку сестер милосердия, органично воспринявших православные духовно-нравственные ценности. Лечебные же учреждения создаваемых образцовых епархиальных общин сестер милосердия должны были оказывать бесплатную медицинскую помощь широким слоям

Архиепископ Игнатий (Малышев)

населения. Объем медицинских знаний при подготовке «женского медицинского ухаживающего за ранеными и больными персонала» должен был быть, по замыслу руководителей «Общества попечения о раненых и больных воинах» и, прежде всего, его попечительницы императрицы Марии Александровны и ее единомышленниц, в объеме учебного курса для фельдшерниц.

«Программа мирного и военного времени» явилась перспективной концепцией российской государственно-церковной политики в рамках действовавшего «Общества попечения о раненых и больных воинах». Устремленная в будущее, эта «Программа» вполне соответствовала суровым реалиям того времени.

Размышления создателей «Программы», приведенные на ее страницах, говорят о предусмотрительности государственного видения возникшей проблемы. В предисловии к программе раскрыты причины составления такого важного государственного документа: «При громадном протяжении наших границ Россия принуждена

⁸⁰ Жизнеописание архимандрита Игнатия (Малышева), бывшего настоятеля Троице-Сергиевой пустыни. СПб., 1899. С. 45–46.

была довести свою армию до такой численности, чтобы всегда быть в состоянии защитить интересы государства и поддержать свое достоинство». Так, нам, сегодняшним читателям, раскрыто реальное положение в российском военном деле того времени. Непростая внешняя политическая обстановка в мире заставляла многое менять в привычном российском военном деле. Но и помимо этих соображений, как сказано в «Программе», наша армия не могла не быть значительно усилена, так как к этому побуждало общее движение западно-европейских государств к увеличению вооруженных сил, — движение, особенно заметно проявившееся после победы под Садовой и объединения северной Германии: «Вот почему от 31 дивизии пехоты мы перешли к 49 дивизиям, с новою, с более рациональною организациею резервов, и этими преобразованиями довели численность нашей армии в военное время до 1 200 000 человек⁸¹. Одновременно с общим преобразованием армии со стороны Военного министерства были сделаны значительные усилия к улучшению и развитию госпитальной части и военно-врачебных средств; со времени Крымской кампании число мест в наших военно-временных и подвижных госпиталях почти что утроилось, а именно — с 30 000 оно доведено ныне до 84 000. Но цифра эта, весьма значительная сама по себе, по приведении армии на военное положение может оказаться далеко недостаточною, при увеличении

числа раненых, — чего, со введением в войсках усовершенствованного огнестрельного оружия, без сомнения, следует ожидать, — а также и в случае развития эпидемических болезней, которые, к несчастью, довольно часто поражают армии, вырывая из рядов их такие огромные массы жертв, в сравнении с которыми потери в боях могут считаться почти ничтожными»⁸².

После приведенных впечатляющих цифр в предисловии к «Программе» свидетельствовалось: «Благородная деятельность личностей, которые, как и в прошлую кампанию, — готовы будут с полным самоотвержением посвящать себя святому делу попечения о больных и раненых, — не пройдет бесследно и будет иметь результатом спасение жизнью многих тысяч наших солдат»⁸³.

Вот почему появление в свет «Программы мирного и военного времени» (1870 г.), созданной в рамках деятельности «Общества попечения о раненых и больных воинах» было своевременным. Именно в этом контексте и следует рассматривать деятельность в это время и императрицы Марии Александровны как покровительницы «Общества попечения о раненых и больных воинах», а также и деятельность ее единомышленниц и помощниц.

Внешнеполитическая обстановка в то время была чрезвычайно напряженной, возникла реальная опасность военного конфликта⁸⁴.

⁸¹ Согласно обсуждаемому в то время (20 декабря 1870 г.) новому «законодательству о воинской повинности», где было указано, что «защита Отечества составляет священную обязанность каждого русского подданного», ежегодному набору подлежали все молодые люди, достигшие 21-летнего возраста. Временное освобождение или отсрочка от призыва разрешалась лишь в самых ограничительных размерах, замещения же или откуп от военной службы вовсе не допускались. Срок службы в армии и во флоте полагался семилетний; окончившие семилетний срок действительной службы находились в запасе в течение восьмилетнего срока; молодые люди, удовлетворяющие известным требованиям общего, специального или технического образования, допускались на службу вольноопределяющимися на сокращенные сроки. Призывники, не поступившие на действительную службу в армию или во флот и способные к несению оружия, могли быть в случае войны призваны в состав государственного ополчения. «Устав о военной повинности» был Высочайше утвержден 1 января 1871 г.

⁸² «Программа мирного и военного времени» «Общества попечения о раненых и больных воинах, состоящего под покровительством Ея Императорского Величества государыни императрицы». М., 1870. С. IV–V.

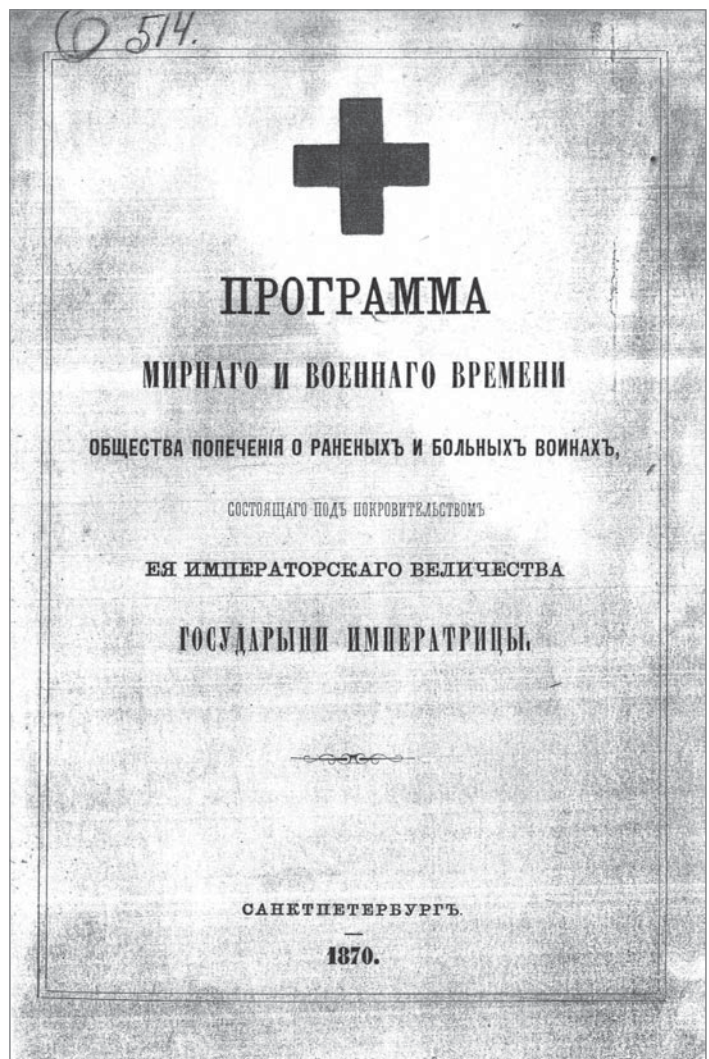
⁸³ Там же. С. VI.

⁸⁴ 1870 год был богат военно-политическими событиями. В разразившейся в это время франко-прусской войне Пруссия оказалась победительницей. Эту ситуацию использовали русские дипломаты, во главе с кн. А. М. Горчаковым, которые решили отменить кабальный и позорный для России Парижский мирный договор 1856 года. Император Александр 11–15 октября на заседании Совета министров предложил отменить этот договор, но не весь, а те положения, которые ограничивали права России иметь военный флот в Черном море. 19 октября А. М. Горчаков направил свой известный циркуляр о том, что Россия освобождает себя от обязанностей, наложенных на нее парижским мирным договором, согласно которому России запрещалось иметь в Черном море свой военный флот, тем более что этот договор был многократно нарушен другими участниками этого договора. На этом основании Его Имп. Величество «не может далее считать себя связанным обязательствами Трактата 18-го (30-го) марта 1856 г., поскольку они ограничивают его верховные права на Черном море; что его Императорское Величество считает своим правом и своею обязанностью заявить его Величеству султану о прекращении силы отдельной и дополнительной к упомянутому трактату Конвенции, определяющей количество и размеры судов, которые обе прибрежные державы предоставили себе содержать в Черном море; что государь император прямодушно уведомляет в том державы, подписавшие и гарантировавшие общий трактат, существенную часть которого составляет эта отдельная конвенция; что его Имп. Величество возвращает в этом отношении Величеству султану права его во всей полноте, точно так же, как восстанавливает свои собственные». В Западной Европе циркуляр произвел сильнейший эффект. Используя заинтересованность Пруссии,

Выход в свет в знаменательном 1870 г. такого основополагающего документа, как «Программа мирного и военного времени», имел исключительно важное значение для понимания не только становления, формирования и развития образцовых епархиальных общин сестер милосердия в рамках Русской Православной Церкви, но и то, ради чего этот Институт формировался — спасения жизней лучших сынов России, не щадивших себя в военных конфликтах.

Страницы «Программы» пронизывала уверенность в том, что в случае возникшей войны русский человек внесет свою лепту в дело оказания помощи больным и раненым воинам: «Итак, не может быть никакого сомнения, что в случае войны, в особенности такой войны, которая, затрагивая интересы России, пробудила бы в народе национальное чувство, пожертвования для облегчения участи больных и раненых воинов польются щедрою рукою»⁸⁵.

И действительно, вся будущая деятельность «Общества попечения о раненых и больных воинах» будет непременно поддержана со стороны представителей самых различных русских сословий: «Обществу попечения больных и раненых», поддерживаемому горячим сочувствием всего русского народа, при заготовлении своих запасов и при сформировании личного состава предстоит обширное поприще деятельности»⁸⁶. Важно, что в этом документе наглядно присутствовал перечень всех необходимых для деятельности вновь организованного Общества и лиц, и предметов: «Но для того, чтобы «Общество попечения о больных и раненых» могло оказать существенную пользу, на перевязочных пунктах и при переноске раненых с поля сражения на

эти пункты, ему необходимо иметь в своем распоряжении потребное количество перевязочных предметов: носилок, повозок, различных и освежительных и подкрепляющих средств, а также значительное число медиков, сестер милосердия, духовных пастырей, фельдшеров, носильщиков и подводчиков»⁸⁷. На страницах «Программы» вполне ясно просчитано то, что предстояло

в поддержке ее со стороны России во время войны с Францией, российский министр иностранных дел во многом инициировал идею Бисмарка провести международную конференцию в Лондоне. Конференция уполномоченных держав — участников Парижского договора 1856 года открыла свои заседания в Лондоне 5 января 1871 г., а 20 февраля, после острой дискуссии, ими была подписана Конвенция, вносившая в Парижский трактат существенные изменения, несмотря на явно негативную реакцию западных государств. Россия реализовала свою давнишнюю мечту об отмене унижительного трактата и продолжала решать свои внутренние и внешнеполитические проблемы в духе принципов своих национальных интересов.

⁸⁵ Программа мирного и военного времени» «Общества попечения о раненых и больных воинах состоящего под покровительством Ея Императорского Величества государыни императрицы». СПб., 1870. С. VII.

⁸⁶ Там же. С. IX.

⁸⁷ Там же. С. XI.

делать. Это был довольно впечатляющий план действий: «Обществу необходимо иметь в своем распоряжении значительное количество материальных средств и госпитальных вещей, как то: корпии, бинтов, освежающей провизии, белья и проч. Для доставления же заботливого ухода за ранеными и больными общество должно будет иметь в готовности для назначения в военные госпитали своих сестер милосердия, самоотвержение которых в деле ухода за больными и умение обращаться с ними — могут спасти не одну тысячу больных и раненых; наконец, — всем известно, в какой степени душевное настроение больного может иметь влияние на общее состояние его здоровья»⁸⁸.

Сестрам милосердия предстояло в рамках «Общества» повседневно работать на благо больных и раненых, об этом свидетельствовала «Программа»: «Поэтому Общество принимает на себя содействовать, через своих сестер милосердия, сношениям больных и раненых с их родными и близким, и извещая их о положении больного, и передавая сему последнему известия, получаемая от его родных и знакомых, затем, доставляя больным и раненым книги для чтения и утешая их в минуту отчаяния, Общество полностью сократит их тяжелые страдания»⁸⁹.

Считалось, что при возможном начале военных действий финансовых средств Военного Ведомства может не хватить, «Общество» предусмотрительно, создав необходимый резерв финансовых средств, сможет встать рядом с военными в деле оказания помощи страждущим: «Затем, в случае, — если бы с развитием в войсках болезненности и с увеличением числа раненых, заготовленные Военным Министерством санитарные средства оказались недостаточными, Общество устраивает свои собственные госпитали, снабжая их на свои средства всем необходимым и командировав в них личный состав врачей, фельдшеров, сестер милосердия, духовных пастырей, лазаретной прислуги и проч.»⁹⁰. Несомненно, руководители «Общества» отдавали себе отчет, «как велика его роль» и «с какими трудностями сопряжено выполнение им добровольно принятой на

себя высокой обязанности сохранить Отечеству тысячи жизней его защитников»⁹¹.

И далее: «Принимая во внимание высокие обязанности созданного Общества, а также принимая в соображение те громадные средства, денежные и материальные, которые необходимо приобрести обществу для успешной его деятельности, крайне необходимо ныне же, — указывала «Программа», — в мирное время, когда всякое дело может быть хладнокровно и всесторонне обсуждено, подробно обдумать и сообразить предстоящую задачу и средства к ее выполнению». Деятельность «Общества попечения о больных и раненых воинах» в мирное время была подразделена на: 1) «составление фонда», 2) «подготовку материальных средств», 3) «подготовку личного состава»⁹².

Очень конкретно рассматривался вопрос о личном составе: «Заблаговременное подготовление личного состава признается делом в высшей степени важным, так как при приведении армии на военное положение будет уже поздно, да и невозможно сформировать весь необходимый личный состав. Искусного хирурга, хорошего фельдшера и опытную сестру милосердия нельзя купить ни за какие деньги, посылка же в дело лиц, не подготовленных практически к этому роду деятельности, не принесет почти никакой пользы»⁹³. Вот почему один из основных тезисов «Программы» декларировал следующее: «Подготовление сестер милосердия должно быть предметом особенной заботливости общества» (выделено нами. — Н. Б.). И давая рекомендации возникавшим в это время в каждом губернском городе местным управлениям Общества, императрица Мария Александровна представляла им как образец созданные игуменья Митрофанией, под ее, императрицы, руководством, и уже ставшие реальностью епархиальные общины сестер милосердия. В связи с этим становится понятным следующий текст: «...местные управления, и преимущественно дамские комитеты, могут оказать большую пользу своим содействием тому движению, которое в последнее время проявилось в наших женских монастырях, при которых — как например, Псковском и Серпуховском —

⁸⁸ Программа мирного и военного времени» «Общества попечения о раненых и больных воинах состоящего под покровительством Ея Императорского Величества государыни императрицы». СПб., 1870. С. XII.

⁸⁹ Там же. С. XII.

⁹⁰ Там же. С. XII.

⁹¹ Там же. С. XV.

⁹² Там же. С. XVI.

⁹³ Там же. С. XVII.

организовались общины сестер милосердия с амбулаторными при них клиниками, для безвозмездного лечения приходящих больных»⁹⁴.

В «Программе мирного и военного времени», созданной под непосредственным руководством императрицы Марии Александровны, вполне обоснованно был приведен простой расчет: «если бы во всех наших губернских городах, в которых почти в каждом существуют женские монастыри, образовывались общины сестер милосердия, хотя бы по пятьдесят сестер в каждой, то мы имели бы до 2500 опытных сестер милосердия, которые в случае войны могли бы в свою очередь подготовить к этому делу значительное число русских женщин, пожелавших посвятить себя христианскому делу по уходу за больными и ранеными»⁹⁵.

Созидатели «Программы» зримо видели уже целую сеть российских епархиальных общин по всей Российской империи, могущих принести значимую пользу не только в военное, но и в мирное время: *«Не говоря уже о той громадной помощи, какую могли бы оказать обществу в случае открытия военных действий организованные при женских монастырях и вообще в губернских городах общины сестер милосердия, устройство таких общин с амбулаториями при них и клиниками представляет еще ту весьма важную сторону, что в мирное время в клиниках этих могут получать помощь тысячи нашего рабочего люда...»* (выделено нами. — Н. Б.)⁹⁶.

«Программа» обещала быть своего рода указанием, или скорее указующими «Правилами», для тех, кто работал в управлениях «Общества» на местах (опять же ссылаясь на уже созданные к тому времени епархиальные общины сестер милосердия): «Имея в виду ту несомненную, опытом дознанную, благодетельную помощь, которую сестры милосердия могут оказывать раненым, а также значительность числа их, потребного в военное время, полагая даже только по одной на 50 раненых, местные управления и дамские комитеты должны обратить особое внимание еще в мирное время на изыскание средств к тому, чтобы по наступлении военного времени не было недостатка в этих существенно полезных и необ-

ходимых лицах. Из существующих в России разных общин сестер милосердия, некоторые выразили уже готовность помогать раненым и больным в военное время, и вновь учрежденные в недавнее время при женских монастырях общины: *Иоанно-Ильинская в Пскове и Покровская в Москве* (выделено нами. — Н. Б.), по уставам своим, поставляют в обязанность своим членам приготовить себя к уходу за ранеными в военное время»⁹⁷.

Провинциальные местные управления и дамские комитеты должны были выбрать при подготовке сестер милосердия, согласно сделанным рекомендациям, в качестве опоры, в обязательном порядке, прежде всего *женские православные монастыри*. В «Программе» говорилось и о том, как на местах должны работать, привлекая к своему делу добровольных жертвователей: «Распространение подобных общин при женских монастырях, помимо непосредственной пользы их в мирное время, было бы весьма полезно и для нашего общества, обеспечив ему необходимый на военное время комплект надежных и преданных делу сестер милосердия» (выделено нами. — Н. Б.). А потому местные управления и дамские комитеты должны всемерно способствовать учреждению и поддержанию *при женских монастырях подобных общин* (выделено нами. — Н. Б.), с устройством при них амбулаторий или лечебниц для приходящих, всячески стараясь о привлечении к этому делу благодетелей и жертвователей; равным образом, они должны входить в ближайшее сношение и с существующими уже общинами и соглашать их к посвящению своей деятельности в военное время служению под знаменем: «Общества попечения о раненых и больных воинах»⁹⁸.

При этом «местные управления» и «дамские комитеты», располагая особыми специальными суммами, жертвуемыми собственно на образование сестер милосердия, могли оказывать пособие общинам из этих сумм или содержать в них (за счет этих сумм) особо избираемых ими самими сестер милосердия. Но в тех же местностях, где не было условий для учреждения общин, опорой в подготовке сестер милосердия явились

⁹⁴ Программа мирного и военного времени» «Общества попечения о раненых и больных воинах состоящего под покровительством Ея Императорского Величества государыни императрицы». СПб., 1870. С. XVII.

⁹⁵ Там же. С. XVIII.

⁹⁶ Там же. С. XVIII.

⁹⁷ Там же. § 23. С. 31–32.

⁹⁸ Программа мирного и военного времени» «Общества попечения о раненых и больных воинах, состоящего под покровительством Ея Императорского Величества государыни императрицы». СПб., 1870. С.32.

госпитали. «Там, где не будет представляться возможности к учреждению общин при женских монастырях, местные управления и дамские комитеты, для приготовления и содержания сестер милосердия, могут воспользоваться тем способом, какой указан в Высочайше утвержденном 15 июля 1869 г. «Положении о военных госпиталях», т. е. помещать в эти госпитали и избранных ими в сестры милосердия женщин по одной на 100 больных, с отпуском для них от госпиталей помещения с отоплением и освещением и офицерского пищевого довольствия (выделено нами. — Н. Б.), и отнесением прочих издержек также на счет сумм, жертвуемых на образование сестер милосердия, а равно входить в соглашение с подлежащими властями о помещении этих женщин, на таких же основаниях, в больницы и госпитали гражданского ведомства (выделено нами. — Н. Б.). При этом, быть может, в некоторых местностях окажется возможным — подготовляемым таким образом к надлежащему уходу за больными женщинами, не оставляя их при госпиталях, предоставить жить в своих домах и посвящать себя уходу за больными в частных домах, где помощь их так часто бывает нужна и полезна (выделено нами. — Н. Б.), и получать в таких случаях вознаграждение за свой труд не из сумм общества, а от лиц нуждающихся в их помощи и услугах»⁹⁸.

Императрица Мария Александровна стремилась, чтобы в рамках «Общества» готовился образцовый медицинский персонал для ухода за больными с высокими теоретическими и практическими навыками — равными в то время объему медицинских знаний, который был у фельдшерниц. В связи с этим хотелось бы остановиться на важном положении из § 24, а именно «посвящать себя уходу за больными в частных домах, где помощь их так часто бывает нужна и полезна».

Медицинская целесообразность введения сестринского ухода, как свидетельствует «Программа», «в частных домах» никогда не вызывала сомнений. Внедрение по всей Российской империи подобной организационной формы оказания медицинской помощи и полноценного лечения с качественным профессиональным сестринским

уходом на дому могло гарантировать необходимый объем лечебной помощи, соответствующий тому времени и востребованный обществом. Такая форма оказания медицинской помощи позволяла выполнить для конкретного больного на дому профессионально подготовленными сестрами милосердия требуемые врачом лечебные назначения не только с максимальной эффективностью, но и с минимальными экономическими затратами.

И действительно, «медицинская помощь в частных домах» или «медицинская помощь на дому» — вот что становилось важным с точки зрения государственных деятелей, ведь тем самым реально увеличивался охват населения оказанием действенной медицинской помощи. Направление, связанное с «уходом в частных домах», оказалось действительно перспективным, вплоть до сегодняшнего дня. При этом решалась важная задача — не только организация микростационара на дому, но и осуществление в частном доме полноценного лечения, назначенного врачом, вместе с тщательным уходом за больными профессионально образованными сестрами милосердия. Подобное положение, при широком введении в жизнь, по всей Российской империи позволяло реально разгрузить гражданские лечебные заведения. В частности, в больницах уменьшалось число больных с нетяжелыми заболеваниями, так как они проводили свое лечение на дому.

В разделе «Об обязанностях сестер милосердия» впервые регламентированы обязанности относительно сестер милосердия: «Сестры милосердия назначаются, по распоряжению Главноуполномоченного, в военно-временные госпитали, и госпитали и общества, если будут таковые учреждены, полагая по одной на 50 кроватей; и на перевязочные пункты, если они сами того пожелают, для оказания помощи при перевязках раненых и вообще для ухода за ранеными и больными. В каждом госпитале одна сестра должна быть старшею, которой подчиняются все прочие сестры того же госпиталя»¹⁰⁰. В «Программе» была явлена ясная стратегическая направленность необходимых обязанностей всех, кто так или иначе входил в «Общество попечения о раненых и больных воинах». Особенно четко это проявилось не только относительно

⁹⁸ Программа мирного и военного времени» «Общества попечения о раненых и больных воинах, состоящего под покровительством Ея Императорского Величества государыни императрицы». СПб., 1870. С.32.

⁹⁹ Там же. § 24. С. 32–33.

¹⁰⁰ Там же. § 59. С. 57–58.

перечисления этих обязанностей, но и четко очерченной вертикали служебной подчиненности рядовых сестер милосердия не только старшей сестры милосердия, но и главному врачу и ординаторам лечебного учреждения, где они работали: «Сестры милосердия во всех своих действиях, касающихся ухода за больными и ранеными, раздачи им пищи, лекарств, водки, вина и чаю, содержания чистоты и опрятности около больных и в палатах вполне подчиняются главному врачу и ординаторам госпиталя».

Главным в работе сестер милосердия оставалось точное исполнение назначений врача: «Принимая от них непосредственно приказания и присутствуя при отдаче ими приказаний фельдшерам, во время визитации сестры милосердия наблюдают за точным исполнением предписанного, а в случае отступления от отданных приказаний, доводят до сведения дежурного ординатора»¹⁰¹.

§ 61 «Программы» говорит о том, что «сестры милосердия заботливый уход посвящают труднобольным (выделено нами. — Н.Б.) и всем тем, на которых ординаторы обратят их внимание». В этом положении мы видим зарождение входящих в жизнь «индивидуальных постов» для тяжелых больных, принятых в дальнейшем в клинических лечебных заведениях. Забота о тяжело больных должна была, как мы уже отмечали выше, являться для сестер милосердия делом, в которое они вкладывали всю душу. Поэтому в «Программе» (§ 62) сказано, что: «Ревностно выполняя свои обязанности по уходу за больными «с разрешения ординатора», «сестры милосердия» могли *приготавливать для труднобольных кушанья* (выделено нами. — Н. Б.), «не назначенное госпитальным положением на счет Общества».

Сестры милосердия, согласно «Программе», кроме того, должны были заботиться об облегчении нравственных страданий, какие испытывали больные и умирающие, в помышлениях об участии детей, жен, отцов и матерей, и должны были записывать все то, что раненые и умирающие завещали близким их сердцу в последние минуты жизни и о воле их передают уполномоченному для приведения в исполнение.

В «Программе» (§ 64) четко было указано, что содержание сестер милосердия полностью ложилось на госпитали: «Помещение и пищевое

довольствие производится сестрам милосердия от госпиталей на основании тех же правил, какие Высочайше утверждены для сестер, помещаемых в военные госпитали в мирное время, не ограничиваясь штатным числом их по мирному времени».

Казалось бы, образцовые епархиальные общины сестер милосердия должны были развиваться целенаправленно и планомерно. Если в самом начале своего пути организуемые общины сестер милосердия не располагали принадлежащими им лечебными заведениями, то в это же самое время уже в некоторых российских губерниях сестринские общины нашли опору в военных госпиталях, где происходила профессиональная медицинская подготовка, которую получали послушницы православных монастырей.

Так, в «Отчете главного управления "Общества попечения о раненых и больных воинов", состоящего под Высочайшим покровительством государыни императрицы за 1871 год» сообщалось, что «...в Казани местное управление "Общества попечения о раненых и больных воинах" при содействии епархиального и военно-окружного начальства открыло в 1871 г. при Казанском военном госпитале отделение сестер милосердия, которое должно было постоянно пополняться из послушниц Богородичного монастыря и предоставлять Обществу ежегодно по 10 обученных сестер, при незначительных с его стороны расходах»¹⁰². При этом Кавказское окружное управление выработало «Правила о подготовке сестер милосердия в военных госпиталях, расположенных в Кавказском наместничестве и предоставило эти правила на рассмотрение Главного управления «Общества попечения о раненых и больных воинах».

В городах и поселениях, там, где не было военных госпиталей, местные управления и дамские комитеты входили в соглашение с земскими учреждениями относительно подготовки лиц женского пола на возможно облегчительных условиях, при земских больницах. Таким образом, при содействии земских управ и епархиальных начальств Владимирской, Тверской и Смоленской губерний, инокини-послушницы нескольких монастырей изучали дело ухода за больными в городских больницах, с целью поступить в военное время на службу «Общества попе-

¹⁰¹ Программа мирного и военного времени» «Общества попечения о раненых и больных воинах, состоящего под покровительством Ея Императорского Величества государыни императрицы». СПб., 1870. § 60. С. 58.

¹⁰² Отчет Главного Управления Общества попечения о раненых и больных воинах. Сост. под Высочайшим покровительством государыни императрицы за 1871. СПб., 1872. С. 13.

чения о раненых и больных воинах». В Владимире, Суздале и Александрове (Владимирская губ.) посещали в 1871 г. местные больницы 7 монастырских послушниц, а в Осташкове (Тверской губ.) 2 инокини Осташковского монастыря.

Интересно, но в это время параллельно получает распространение иной процесс — имевший непосредственное отношение к подготовке сестер милосердия, когда будущие сестры милосердия для своего обучения были ориентированы на светские общины сестер милосердия. И действительно, сформированная и открытая в 1870 году при «Обществе попечения о раненых и больных воинах» в С.-Петербурге «Община сестер милосердия Св. Георгия» становится образцом для подражания в деле создания светских общин сестер милосердия в российской провинции.

Вышедшая в это время в свет работа «О потребностях в сестрах милосердия» еще раз подчеркнула очевидность того, что «Общество попечения о раненых и больных» не может ограничиваться своей деятельностью только во время войн. Оно должно постоянно к ней готовиться, постоянно вырабатывать свои средства. Но главной его задачей, зафиксированной в его уставе и программах, явилось образование «санитарного персонала: фельдшеров, сестер милосердия, госпитальной прислуги»¹⁰³. «Порядочный санитарный персонал, очевидно, весьма нужен; в его руках вся участь больных в госпиталях. Врачи посещают палаты в определенные часы, пред-

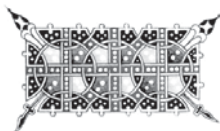
писывают лечение, но исполнение предписанию, наблюдение за состоянием больных поручается служителям и служительницам. От их точности или внимания зависит часто жизнь страдальцев, их скорое или медленное облегчение, их удобство и спокойствие».

В указанной работе «О потребностях в сестрах милосердия» свидетельствовалось, что «во всей Европе женскому уходу за больными дано решительное предпочтение пред мужским». «Природная мягкость и сосредоточенность», «прирожденная хозяйственность и порядочность», «ловкие руки», «привычная терпеливость» — вот качества, присущие большинству женщин и требующие только развития и целесообразного воспитания».

Составители работы «О потребностях в сестрах милосердия» констатировали, что «неподготовленность» лиц, приставленных к уходу за больными, в то время была «поразительна» и, «что всего хуже, негде приискать, не из кого выбирать нужных людей». «В грубой, невежественной обстановке женщины, конечно, часто теряют эти качества, и простые сиделки, служащие из куска хлеба, недовольные, ленивые, отсутствующие душою у постели больного, немного принесут ему пользы»¹⁰⁴. Образовать женщин, призванных к уходу за больным, «способных понимать страждущего, относиться к нему тепло», должно было стать целью всех стараний и забот, многочисленных отделов «Общества попечения о раненых».

¹⁰³ О потребностях в сестрах милосердия. СПб., 1872. С. 6.

¹⁰⁴ О потребностях в сестрах милосердия. СПб., 1872. С. 7.

П. И. Новосельский

Судьба сельского священника

Николая Владимировича Новосельского (1892 – 1938 гг.)

в канве повседневной жизни духовного сословия Владимирской земли

*Доктор (ученый из Германии, паломник),
обращаясь к русскому отшельнику на Афоне:
«За что же Бог сильнее покарал ее [Россию], чем другие страны?»
Отшельник (мягко и взволнованно): «Потому что возлюбил больше.
И больше послал несчастий. Что бы дать нам скорее опомниться, и покаяться.
Кого возлюблю, с того и взыщу, и тому особый дам путь,
ни на чей не похожий <...>»*

Борис Зайцев. «Афон»

I. Введение

Земля русская подобна священному антиминсу, развернутому на престоле Божиим — планете Земля. В ее недрах лежат останки сотен тысяч священноцерковнослужителей, монашествующих и православных мирян, исповедовавших своей жизнью до самой смерти свою веру и преданность Христу и своей родине.

С 1917 года, после февральского предательства и октябрьского переворота, началось в России разрушительное наступление по всем направлениям на ее прошлое, настоящее и будущее, сопровождавшееся страшными насилиями над верующими, убийствами, осквернением, ложью. Планмерно уничтожались лучшие люди народа, а на их место ставились надежные для власти «советские кадры». Раскрылись настоящие бездны ада, люди заглянули туда и ужаснулись, а многие и побывали там — в страшных тюрьмах и лагерях — о чем свидетельствуют нам история, воспоминания очевидцев, архивы ФСБ и партийных органов, свидетельствует и сама земля русская — ее изуродованные храмы, кладбища,

города и села, существующие или уже стертые с лица земли.

Смертоносный смерч пронесся и по старорусской Владимирской земле. Приводимые здесь материалы жизнеописания простого сельского священника о. Николая Новосельского — одна из бесчисленных владимирских историй, но она симптоматична. В архиве ФСБ сохранилось дело священника Новосельского и тех, кто пострадал вместе с ним. На папке надпись:

«Н.К.В.Д.

Управление по Ивановской области.

Дело № 2653.

По обвинению

Новосельского Николая Владимировича,

Куртыгина Ивана Степановича,

Власовой Евдокии Павловны,

Каляманова Василия Алексеевича

по статье 58 п. 11 УК РСФСР.

Том № первый.

Окончено: 29 октября 1937 г.

Начато: 26 октября 1937 г.

Количество томов: один»¹.

¹ Гос. архив УФСБ России по Владимирской области (дело №2653 от 26.10.1937 г. Управления НКВД по Ивановской области).

Из дела выясняется, что 26 октября 1937 года были арестованы Новосельский, Куртыгин и Власова, а Каляманов — 29 октября. Содержались они в Меленковской тюрьме, где и вел следствие начальник Меленковского РО УНКВД, сержант Государственной безопасности Климов (в документах дела — без инициалов).

Арестованные были — села Бутылиц, Меленковского района, Ивановской области² Новосельский Н. В. — священник, Куртыгин И. С. — дьякон, Власова Е. П. — староста, Коляманов В. А. — член церковно-приходского совета, все — служители местной церкви святителя Николая Чудотворца.

Так началось восхождение на свою Голгофу православного священника Владимирской епархии Николая Владимировича Новосельского, одного из многочисленных убиенных мучеников Владимирской епархии. Без средств существования и без жилья осталась «на свободе» его семья, семья «врага народа», состоящая из матушки Александры Евгеньевны и шестерых детей, младшей дочке Кате было всего 2 года...

II. Предки (род и фамилия)

Род родителей отца Николая был древний, священнический. По архивным документам, впервые фамилия «Новосельский» была записана за его прадедом священником Дмитрием Андреевым (1802–1850), когда тот поступил в Суздальское Духовное уездное училище, где был записан как «Юрьевской округи села Новоселки Воскресенской церкви пономаря Андрея Стефанова сын»³.

В 1826 г. Дмитрий Новосельский закончил Владимирскую Духовную семинарию по I-му разряду⁴, женился на Александре Павловой, дочери священ-

ника Воскресенской церкви большого села Осановец Юрьевского уезда Павла Петрова, который, уйдя за штат, освободил свое место зятю⁵. Древнее село Осановец было именем графов Толстых. У священника Дмитрия родились два сына, тоже будущие священники — Иван (1833–1891) и Павел (1839–1887, священник села Григорово Юрьевского уезда) — дед отца Николая⁶.

Дедом по матери был Иван Степанович Лебедев, священник в селах Дубровка и Жаворонково — также в имении графов Толстых, женатый на Марии Васильевне Поспеховой, тоже из священнического рода⁷.

Духовное сословие в России XVIII и XIX веков было довольно замкнутое, детей обычно было много, при женитьбе и замужестве многие фамилии и родственные связи причудливо переплетались. В роду отца Николая было много протоиереев, священников, дьяконов и причетников. Были и известные в свое время лица. Например, Федор Осипович Нечаев (1800–1876) — протоиерей старинного (XII в.) Георгиевского собора г. Юрьев-Польского, после окончания в 1824 году Владимирской Духовной семинарии 52 года прослуживший священником в этом соборе⁸. Он был братом прадедушки, отца Николая, пономаря Степана Осиповича Лебедева, сына пономаря села Малых Всегодич Ковровского уезда Осипа Тимофеева⁹. Иван Алексеевич Субботин (1790–1860), протоиерей Старого Покровского собора г. Шуи, двоюродный брат Осипа Тимофеева (1780 — после 1824), прапрадедушки отца Николая¹⁰; напечатал «Сборник поучений», вышедший в 1851, и перизданный в 1855 и 1857 годах. Николай Иванович Субботин (1827–1905), богослов, духовный писатель, окончивший академию в 1852 г. третьим по разрядному списку, заслуженный

² Владимирской области тогда не существовало, с 1929 года была образована Ивановская промышленная область, куда входила территория почти всей бывшей Владимирской губернии. В 1944 году, после очередной реорганизации, появится Владимирская область в настоящих границах.

³ Гос. архив Владимирской области (ГАВО). Фонд 485. Оп. 1. Д. 42 Л. 258. Суздальское духовное училище. Ведомость Суздальского духовного уездного училища об учениках нижшего отделения. 1815 г.; Ф. 454. Оп. 1. Д. 434. Л. 234 об. (ВДС). 1821 г. Владимирская духовная семинария. Списки учеников Владимирской духовной семинарии.

⁴ Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии (1750—1900) / сост. Н. Малицкий. М., 1902. С. 180.

⁵ ГАВО. Ф. 556. Оп. 106. Д. 495 Л. 585; Д. 520. Л. 787. Владимирская духовная консистория. Метрические книги села Осановца одноприходной Воскресенской церкви за 1827 и 1828 гг.

⁶ Там же. Д. 898. Л. 390 об. «Ревизская сказка 1850 года села Осановца одноприходной Воскресенской церкви».

⁷ Там же. Л. 201 об., 202. «Ревизская сказка 1850... года села Жаворонкова, Архангельской церкви».

⁸ Там же. Оп. 109. Д. 41. Л. 5 об. — 7. Клировые ведомости о Георгиевском соборе г. Юрьев-Польского за 1860 г.; Юбилей пятидесятилетнего служения в пресвитерском сане Протоиерея Юрьевского Георгиевского собора, Федора Иосифовича Нечаева // Владимирские епархиальные ведомости (ВЕВ) 1874. № 23.

⁹ ГАВО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 550. Л. 44 об. Владимирская казенная палата. Ревизские сказки 1834 года... г. Шуи одноприходной церкви — Старого Покровского собора.

¹⁰ Там же. Л. 42 об.; ВЕВ. 1894. № 7, 9.

профессор Московской Духовной академии, тайный советник, сын Ивана Алексеевича¹¹; Дмитрий Васильевич Поспехов (1821–1899), богослов, после окончания в 1845 г. Киевской Духовной академии вторым по разрядному списку был оставлен Киевским митрополитом Филаретом (Амфитеатовым) преподавателем в академии, где он более 50 лет занимал кафедру философии, заслуженный профессор Киевской Духовной академии, статский советник, брат бабушки отца Николая, и многие другие служители и деятели Русской Православной Церкви, внесшие свою лепту в сокровищницу духовного окормления русского народа¹² (см. генеалогическую схему).

Предки отца Николая служили в XVII и XVIII веках в селе Антилохово Ковровского уезда, где родился в священнической семье святитель Митрофан Воронежский. А брат деда священник Иван Дмитриевич Новосельский женился на Александре Павловне Флоринской, получив от тестя, священника Павла Алексеевича Флоринского (1798–1877), приход в с. Скомоорохово, Александровского у., откуда была родом мать графа Михаила Михайловича Сперанского (1772–1839), дочь местного дьякона Федора Никитина¹³.

В описании своей жизни архиепископ Тверской и Кашинский Савва (Тихомиров, 1819–1894) несколько страниц посвящает воспоминаниям о своих двоюродных сестре и брате, через венчание связавших свою судьбу с богатым приходским храмом в с. Хотимле Ковровского у., где уже более 200 лет были священноцерковнослужителями предки отца Николая Новосельского по бабушкиной линии. Архиепископ Савва часто там бывал с юных лет в гостях у своих родных и близких и тепло вспоминал об этих посещениях с. Хотимля¹⁴.

Среди священнических фамилий близких и дальних родственников отца Николая были: Новосельские, Лебедевы, Поспеховы, Нечаевы, Беляевы, Гиляревские, Покровские, Воскресенские, Арбузовы, Благонадеждины,

Соколовы, Субботины, Близнецовы, Альбицкие, Левитовы, Флоринские, Руфицкие и многие другие, а в глубинах XVIII и далее в XVII веков — бесфамильные, просто священники, пономари и дьячки — Павел Петров, Петр Иванов, Осип Тимофеев, Тимофей Александров, Александр Иванов, Василий Иванов, Иван Иванов, Иван Васильев, Василий Матфеев, Николай Михайлов, Михаил Ильин и т. д. Владимирские и Ивановские государственные архивы сохранили их имена. Такое было время, семьи создавались среди своего сословия. Этим охранялся (и совершенствовался) русский генофонд. Здесь империя черпала свои силы. Кроме основной деятельности — духовного окормления России, начиная с Петра I по царским указам и распоряжениям правительства, лучших учеников духовных учебных заведений, семинарий, направляли в столицы и крупные города для обучения в высших учебных заведениях, университетах и институтах медицины, педагогике и другим всевозможным наукам.

III. Семья родителей

Родился будущий мученик за веру о. Николай Новосельский в субботу 18 апреля 1892 г. в с. Дубровка, Юрьевского у. Владимирской губ. в семье настоятеля Дубровско-Жавороновского прихода священника Владимира Новосельского¹⁵. Крестили его в Никольской церкви на следующий день, в воскресенье, в день святых жен-мироносиц: Марии Магдалины, Марии Клеоповой, Марфы и Марии и иных, а также — праведных Иосифа Аримафейского и Никодима (переходящие празднования в третью неделю по Пасхе). Мать его звали Мария, Мария Ивановна, она была дочь священника Иоанна Лебедева, тестя отца Владимира, который до него служил на этом приходе, и, уходя за штат, передал свой приход зятю. Приход состоял из двух сел: Дубровки и Жаворонкова, расположенных в расстоянии одной версты друг от друга по берегам речки Воймиги, в 29 верстах от уездного города Юрьев-Польского.

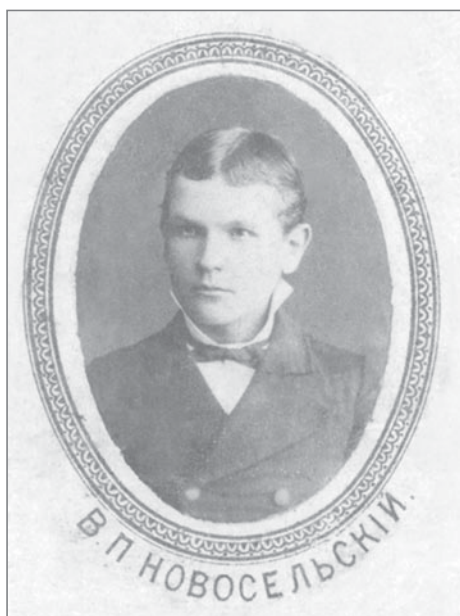
¹¹ Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 229. Оп. 4. Л. 5228. Субботин Николай Иванович. Московская духовная академия. Формулярные списки преподавателя академии.

¹² Труды Киевской Духовной академии. 1895 год Т. III. Пятидесятилетний юбилей заслуженного ординарного профессора Д. В. Поспехова. С. 473–531.

¹³ ГАВО. Ф. 556. Оп. 111. Д. 712. Л. 12 об. — 15. Клировые ведомости о церкви святителя и чудотворца Николая. Александровского уезда, села Скомоорохово за 1858 год.

¹⁴ Хроники моей жизни. Автобиографические записки Высокопреосвященного Саввы, Архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев Посад, 1898. Т. 1. С. 49, 58–60, 80, 144.

¹⁵ Архив Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Д. 789. Оп. 1. Л. 101–102; Ф. 799. Оп. 1. Л. 86–87; Ф. 824. Оп. 1. Л. 85–86. Клировые ведомости о Лазаревской церкви г. Суздаля.

Владимир Павлович Новосельский,
выпускник-студент Владимирской Духовной семинарии,
1883 год

До отмены крепостного права эти села принадлежали фамилии графов Толстых. *«В селе Дубровка было две церкви — одна ветхая деревянная, построенная еще в конце XVIII в., теплая с одним престолом — во имя Святителя и Чудотворца Николая и двухэтажная каменная, холодная, построенная в 1809 году иждивением графа Петра Борисовича Толстого и до 1883 года она была домовою графскою церковью. В 1869 году имение графа Николая Петровича (сына строителя церкви) наследовала его дочь, княгиня Екатерина Николаевна Абамелек; видя ветхость и неудобства деревянной приходской церкви, княгиня в 1883 году пожертвовала крестьянам свою домовую каменную церковь; в том же году церковь указом Консистории была утверждена приходскою церковью. Церковь эта двухэтажная с двумя престолами: в нижнем этаже — в честь Успения Божией Матери и в верхнем этаже — в честь Преображения Господня. Церковь по главному престолу именуется Успенскою <...>*

В селе Жаворонковееще в 1792 г. усердием графа Ивана Петровича Толстого построена церковь каменная двухэтажная, с каменною колокольнею. Престолов в церкви было два: в холодном нижнем этаже — в честь Архистратига Божия Михаила, в верхнем теплом — в честь Казанской иконы Божией Матери»¹⁶.

Дед Николая по матери священник Иван Степанович Лебедев получит этот приход в 1849 г., женившись после окончания Владимирской Духовной семинарии на дочери священника села Шекшова Суздальского уезда, Василия Ивановича Поспехова — Марье Васильевне. Судя по метрическим приходским книгам отношения с владельцами вотчин графами Толстыми были самые дружественные — патриархальные. Графы и графини часто были восприемниками при крещении многочисленных детей Лебедевых, а священник крестил графских детей, а иногда приглашался так же и в восприемники.

У отца Иоанна Лебедева было 11 детей, из них 6 родились до отмены крепостного права, и вот из этих шестерых детей Толстые были восприемниками у четверых: у Михаила (род. 10 октября 1851 г.) — восприемники «Суздальской округи села Шекшева священник Василий Поспехов и села Жаворонкова девица графиня Агрофена Иванова Толстая»¹⁷; у Елизаветы (род. 21 октября 1853 г.) — восприемники «Шуйской округи села Кочнева священник Панфил Введенский и села Жаворонкова графиня девица Наталья Иванова Толстая»¹⁸; у Александры (род. 17 марта 1858 г.) — восприемники «Ученик Владимирской Духовной семинарии Среднего отделения Александр Поспехов и села Жаворонкова помещица поручица Анна Сергеева Авдулина» (дочь отставного гвардии полковника графа Сергея Дмитриевича Толстого)¹⁹; у Александра (род. 1 июля 1860 г.) «восприемники того ж села [Жаворонкова] помещик граф Андрей Иванов Толстой и помещица поручица Анна Сергеева Авдулина»²⁰.

После венчания в 1884 году в селе Жаворонкова, расположенном, как и Дубровка, на берегах речки Воймиги, в семье священника Владимира Новосельского через каждые 2 года по весне

¹⁶ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии / Сост. В. Добронравов. Вып. 3. Владимир, 1896. С. 435–438.

¹⁷ ГАВО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 7. Л. 451 об. Юрьев-Польское духовное правление. Метрическая книга церкви Архистратига Михаила села Жаворонкова Юрьевского уезда.

¹⁸ Там же. Ф. 556. Оп. 106. Д. 947. Л. 365 об. Метрическая книга села Жаворонкова...

¹⁹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 1163. Д. 19, Л. 16. об. Метрическая книга села Жаворонкова...

²⁰ Там же. Л. 47 об.

рождались дети: Лидия — 12 марта 1886 года, Ольга — 18 февраля 1888 года, Александра — 8 марта 1892 года, Николай — 18 мая 1892 года, Иван — 8 марта 1894 г. Будут и еще дети, но позже, в других местах его служения.

В августе 1894 г., согласно прошению, священник Владимир был перемещен в село Числовские Городищи того же уезда, где и проходила его дальнейшая служба до 1906 г., когда он был переведен в город Суздаль к Лазаревской церкви.

Село Числовские Городищи — древнее поселение, бывший город Мстиславль, основанный, как считают, князем Владимиром Всеволодовичем Мономахом еще в 1076 г., когда у него родился сын первенец, нареченный славянским именем Мстислав. До настоящего времени там сохранились древние земляные валы и заполненный проточной водой ров, где плавают местные гуси и ловят удочкой рыбу. В 1238 г. город был разгромлен вместе с Суздалем и Владимиром войсками татаро-мангольского хана Батыея. Последнее упоминание о нем, как городе, есть в «списке градов русских, дальних и ближних». После возрождения он превратился в село Числовские Городищи (в настоящее время — это село Городищи, Юрьев-Польского района), «до 70-х годов XVII столетия село было государевым дворцовым имением; а в 1671 г. оно было отказано в вотчину стольнику Сергею Абрамовичу Лопухину. Церковь в селе существовала уже в начале XVII столетия, как видно из окладных книг патриаршего казенного приказа <...> В 1804 г. прихожане, вместо существующей деревянной церкви, построили каменную с такой же колокольней и оградой. В церкви было 3 престола — в честь Воскресения Христова, Святителя и Чудотворца Николая и во имя Казанской иконы Божией Матери»²¹. «Городищи Числовские — село помещичье. Расстояние от губернского города — 70 верст, от уездного — 10, число дворов — 203. Население — 672 человек мужского полу и 688 женского. Церковь каменная во имя Воскресения Христова с двумя приделами<...>, ветряных мельниц — 3, кузниц — 2; курганы на Юрьевой горе; в самом селе городок окру-

женный высоким земляным валом (осыпью) <...> Господствующие виды производительной деятельности: кроме земледелия, занимаются тканьем миткаля»²².

IV. Детство. Суздальское Духовное училище

Ко времени перевода священника Владимира Новосельского приход Числовских Городищ состоял из одного села, в котором числилось «160 дворов, душ мужского пола 695, а женского пола 750 душ»²³. К нему не было приписано деревень. Это редчайший случай среди сельских приходов, когда священнику не нужно было в течение всего года, в любое время, в дождливую, сыкотною погоду или в морозные и метельные дни выезжать на лошади на разные расстояния для посещения своих прихожан и совершения там различных треб и таинств. (А было большинство приходов в епархии с приписанными деревнями, иногда более десятка, разбросанными до десяти и даже более верст вокруг села.)

В селе имелось земское народное училище, которое было на попечении и финансировании земства, а не церковно-приходская школа, как в с. Дубровка, за которую полностью отвечал настоятель сельской церкви. Приход по доходу был не богатый, средний, но условия служения в нем облегчали жизнь священника, высвобождая у него дополнительное время, которое он мог уделять непосредственно своим богослужебным и священническим обязанностям, домашнему хозяйству и воспитанию своих детей. Хотя, как благочинному (в его благочиние входило 22 села, а это очень большое благочиние), ему приходилось уделять достаточно много времени для надзора, разбора различных дел, сбора сведений и составления ежегодных отчетов по благочинию для Владимирской консистории.

Еще в селе Дубровка, когда матушке Марье Ивановне пришло время рожать четвертого ребенка — Николая, для облегчения ее забот по хозяйству, уходу и воспитанию детей была взята в дом из крестьянской семьи девочка 14-ти лет, Ксения Афанасьевна Чекалина, которая стала нянькой и воспитательницей Николая и всех последующих детей Новосельских, а также и внуков²⁴, посвятив этому всю свою жизнь.

²¹ Историко-статистическое описание... Вып. 3. С. 452–454.

²² Статистический список населенных местностей Владимирской губернии / Сост. К. Тихонравов. Владимир, 1857. С. 418.

²³ Историко-статистическое описание... Вып. 3. С. 455.

²⁴ Записано со слов Надежды Вячеславовны Федоровой, 1937 г. р., внучки священника Владимира Новосельского. Москва. 2010 г. Архив автора.

Село Городище, начало 60-х годов, третья слева Доколина Г. А.

Колокольня церкви села Городище, 2010 г.

К лету 1894 г. новому настоятелю прихода Числовских Городищ отцу Владимиру было 42 года, матушке Марии — 38, детям: Лидии — 8, Ольге — 6, Александре — 4, Николаю — 2, Ивану — 3 месяца. Осенью 1896 года родится еще один сын — Павел, но умрет младенцем. Здесь же в селе рождаются еще две дочери, в 1899 — Мария, а в 1905 — Вера.

Самые светлые годы будущего священника Николая, прожитые в дружной священнической семье — это сельское детство в Числовских Городищах, где протекает чистая речка Халис с раками и рыбой, впадающая в Кухотку, вокруг черноземные

поля Юрьевского Ополя, в версте к югу тянутся непроходимые болота с многочисленной дичью и клюквой. Тянутся они до самого Юрьев-Польского, верст на 10–12, а к северу, в 3–4-х верстах — густые леса. Село красивое, дома и до настоящего времени многие в нарядных разукрашенных резных наличниках. Россия — на подъеме, но уже доносятся раскаты грядущего урагана, который разорит и выжжет прежнюю Россию.

В настоящее время в Городищах от церкви — когда-то главного украшения села, осталась одна обезображенная колокольня, и в нижнем пролете ее — оскверненные, осыпавшиеся фрески, самая читаемая из которых — «Вход Господень в Иерусалим».

Эта фреска первой встречала прихожан и богомольцев, т. к. вход в храм находился в нижнем ярусе колокольни. Церковь была обрушена в 1967 г. группой из четырех «шабашников», приехавших на заработки с Кавказа, которыми руководил сам председатель колхоза «Красный Октябрь» Ерусланов Иван Михайлович (1916 г. р.). Был он из числа «тридцатитысячников — партийцев», направленных при Н. С. Хрущеве с заводов в колхозы «для укрепления сельского хозяйства». Ерусланов являлся посланцем Ковровского экскаваторного завода. Могли ли отстоять святыню местные жители? Вопрос сложный. Вот другой пример, когда хотели уничтожить Троицкую церковь в древнем с. Подолец, расположенном в 10 км от Городищ, но там местные жители

Фреска колокольни: «Вход Господень в Иерусалим».
2010 г.

ее отстояли. Она действует до сих пор, двухэтажная с четырьмя престолами, радуя красотой всю округу²⁵.

Село Подолец в старину принадлежало фамилии князей Милославских, многие из которых были погребены в этой церкви еще в конце XVI и начале XVII в.

Троицкая церковь,
с. Подолец, Юрьев-Польского р-на, 2010 г.

В 1897 г. отец Владимир был определен архиепископом Владимирским и Суздальским Феогностом в благочинные 4-го благочиннического округа Юрьевского у., должность которого он и исполнял в течение почти 10 лет, до перевода в г. Суздаль. В Юрьевском уезде было семь благочиний, в 4-й округ входило 22 прихода, в каждом из которых была одна, а иногда и две церкви, почти все каменные (две деревянные), с каменными колокольнями. В августе 1902 года Николай поступает в 1-й класс Суздальского Духовного училища. Летом этого же

года Лидия оканчивает 6-летний курс учебы во Владимирском епархиальном женском училище, Ольга и Александра отучились в этом училище, соответственно, 4 и 2 года.

Суздаль — древний русский город с замечательной историей, монастырями и храмами, несколько провинциальный и сказочный, стоящий в стороне от железных дорог, обтекаемый живописной речкой Каменкой. В Суздале Николай провел 4 года, живя своекоштно в общежитии, которое находилось в здании училища на территории Кремля. Об этом времени существуют воспоминания В. М. Снегирева (1888–1977), учившегося в эти годы в Суздальском училище, в котором преподавал его отец, протоиерей Снегирев М. С., бывший также священником училищной церкви святых Кирилла и Мефодия. Сегодня в этом здании музей, а о церкви напоминает лишь небольшая главка с крестом, возвышающаяся над крышей здания.

²⁵ Обо всем этом мне рассказывала (во время объезда мной сел Владимирской области, где служил отец Николай и его предки) осенью 2009 года, Галина Александровна Доколина, живущая в селе Городищи, работавшая в те времена главным бухгалтером этого колхоза (родом из с. Подолец, Юрьев-Польского р-на).

Суздаль, 2011 г.,
здание бывшего Суздальского Духовного училища

Русский и церковнославянский языки в старших классах Духовного училища с 1883 г. преподавал 50-летний статский советник Владимир Алексеевич Товаров, кандидат московской Духовной академии 1881 г., сын священника. В 1 классе с 1895 г. эти же языки преподавал священник Суздальского Покровского женского монастыря Александр Иванович Троицкий, так же сын священника. Греческий язык с 1901 г. преподавал коллежский советник Михаил Иванович Благосклонов, сын священника, кандидат Казанской Духовной академии 1898 г. С 1906 г. он также преподавал и отечественную историю, состоял членом-делопроизводителем общества вспомоществования нуждающимся ученикам училища. Латинский язык с 1869 г. преподавал протоиерей Михаил Степанович Снегирев, председатель Суздальского отделения Епархиального училищного совета. Преподавателем арифметики, географии и природоведения с 1898 года был надворный советник Евгений Павлович Воскресенский, кандидат Московской Духовной академии с 1897 года. Учителем чистописания с 1898 г. был Николай Алексеевич Дроздов, священник Входеоерусалимской церкви г. Суздаля. Учителем церковного пения с 1885 года был Илья Семенович Любимов, окончивший в 1879 году Владимирскую учительскую семинарию. А с 1905 года учите-

лем пения, а также чистописания и черчения стал Иван Васильевич Кусков, окончивший в 1902 г. курс Московского Синодального училища с званием регента и учителя пения. Смотрителем училища с 1880 г. был статский советник Михаил Георгиевич Стаховский, кандидат Киевской Духовной академии 1877 г.²⁶

Владимир Михайлович Снегирев вспоминает: «К концу XIX века порядки в Духовном училище изменились неузнаваемо. О телесных наказаниях не было и речи, самым строгим наказанием учеников было сидение в карцере и оставление без обеда и, конечно же, сниже-

ние балла по поведению. Большинство учителей было уже с высшим академическим образованием. Администрация училища состояла из смотрителя, его помощника и двух надзирателей. Все они жили в здании училища. Хозяйством заведовал эконо́м, в подчинении которого было 10 человек служителей и кастелянша. Члены Правления училища выбирались из духовенства. <...>

Училищная жизнь начиналась в 7 часов 30 минут с ежедневной утренней молитвы в училищной церкви в присутствии священника. Затем был чай, и в 9 часов начинались уроки, продолжительностью по часу с переменной по 15 минут. В 2 часа «корпусники» обедали, а «квартирники» шли домой, если не были за какие-нибудь провинности оставлены без обеда²⁷. Обед состоял обыкновенно из 3-х блюд: мясное или, в пост, рыбное горячее, на второе каша гречневая (пшенная) или котлеты картофельные (рисовые), на третье кисель или сладкий суп. В воскресные и праздничные дни на второе давали мясное или рыбное жаркое, черного хлеба свойского печения давали неограниченное количество.

Сироты учились и жили на полном казенном содержании, включая обувь, одежду и белье, своекоштные ученики платили по 40–50 рублей в год, иносословные, преимущественно дети крестьян, по 60 рублей в год. При общежитии была

²⁶ Владимирские епархиальные ведомости. 1904. Прилож. к № 25. С. 10–12.

²⁷ «Корпусники» и «квартирники» — учащиеся, жившие в корпусах общежития или в городе на квартирах.

организована для всех учеников больница с полным оборудованием и аптекой при постоянно живущем фельдшере и приходящем докторе.

У учеников духовного училища была своя форменная одежда. Казеннокоштным ученикам шили рабочую куртку и брюки из черной рубчатой материи, очень прочной и носившей поэтому прозвание «чертова кожа». Были также праздничная пара из серого сукна, ватное суконное пальто с бархатным воротником, фуражка со значком «СДУ», ремень с пряжкой и с теми же буквами, смазные сапоги с калошами. В случае износа одежда починялась, к сапогам приделывали новые головки. Всем этим заведовали эконом и кастелянша. Учителя училища имели также форменную одежду — тужурку и сюртук вместо прежнего фрака. Эти вещи и фуражка с бархатным околышем и кокардой обшивались малиновым кантом. <...>

Отличительной чертой обучения в училище был частый опрос учеников. Учителя всех предметов опрашивали каждого ученика в месяц по 5–6 раз и поэтому хорошо знали способности и прилежание каждого. В конце месяца выводилась общая отметка по каждому предмету, которую затем и выставляли в балловую ведомостичку (в билет), выдаваемую ученику при отпуске на каникулы.

Отпуск на каникулы, особенно на Рождественские, ожидался с нетерпением. Ездить домой в другие дни ни в коем случае не разрешалось, чтобы не нарушать рабочего настроения. Поэтому, просидев в стенах училища безвыходно 4 месяца, ученики готовились к отпуску, как к великому дню. С начала мая не раз устраивались рекреационно-прогулки со всеми учениками и учителями, большей частью в Красносельский бор. Сюда привозили посуду и легкий завтрак. Ученики, и часто с ними учителя, играли в лапту, купались в теплое время в Нерли, пели песни. С 15 мая начинались в училище экзамены — страдная пора. Экзамены были во всех классах и по всем без исключения предметам. Они длились до 15 июня, на подготовку каждого предмета отводилось по 4–5 дней. Ученики, получившие «двойки» по трем и более предметам, оставались на повторительный курс, равно как и не выдержавшие переэкзаменовку. Нормальное число второгодников считалось 6–8 учеников на класс в 25–30 человек. Среди учеников-товарищей второгодники пользовались авторитетом, и учителя не роняли его»²⁸.

На зимние и летние каникулы ученики разъезжались по своим селам к своим родителям, о чем им выдавался четырехстраничный отпускной билет. Летом 1903 г., после успешной сдачи экзаменов, Николаю был выдан билет следующего содержания:

1-я страница.

Билет

Предъявитель сего, ученик 2 класса Суздальского Духовного училища, Николай Новосельский, уволен в дом отца, священника Юрьевского уезда села Числовских Городищ Владимира Новосельского, на летние каникулы сроком от нижеписанного числа впредь по 1-е число месяца сентября 1903 года. В удостоверение сего, ему, Новосельскому, выдан сей билет за надлежащим подписом с положением печати Правления.

Месяца июня 12-го числа 1903 года.

*Смотритель училища
М. Г. Стаховский*

На 2-й странице была отпечатана (для сведения родителям) «Таблица баллов по поведению и успехам означенного ученика» за весь год по всем предметам, а также следующая информация:

Означенный ученик состоит должным:

В ссудную кассу:	Руб.	Коп.
За письменные принадлежности		
За пользование книгами		
За содержание в общежитии		
За пользование чаем и сахаром		
Итого:		

На 3-й и 4-й страницах были размещены «Правила, обязательные для ученика Училища в дни отпусков в дом родителей или его опекунов:

²⁸ Память прошлого. Очерки В. М. Снегирева по истории Суздаля. М., 2008. С. 440–445.

1. Плата за содержание в общежитии вносится в 3 срока: <...>

2. Каждый ученик, желающий пользоваться учебниками, ежегодно вносит <...>

3. Ученик, получивший отпускной билет, должен предъявить его своим родителям или опекунам, и, по приезде из отпуска, возвратить его училищному Начальству с отметкою родителей, как о том, что они видели таблицу по поведению и успехам ученика, так и о том, когда ученик прибыл в отпуск и отбыл из одного.

4. Ученик должен явиться из отпуска своевременно под опасением взысканий с него и донесения Епархиальному Преосвященному для распоряжения о побуждении родителей его к исполнению училищных требований (опред. Св. Синода 20 янв./17 фев. и 23 апр./7 мая 1871).

5. В случае неявки ученика в срок по болезни, или другим уважительным причинам, родители его обязаны представить свидетельство от Благочинного или местного притча о причине неявки. Не явившийся в училище более недели после срока и не представивший свидетельство о законной причине просрочки считается выбывшим из Училища, и от усмотрения Правления Училища будет зависеть вновь принять его в Училище или отказать в приеме (Указ Св. Синода 16–26 ноября 1877 года).

6. Во время отпуска ученик должен неопустительно посещать храм Божий в дни Воскресные и Праздничные и принимать участие в церковном пении и чтении, и во время отпуска в дни первой и страстной седмиц Великого Поста должен исполнять долг исповеди и Св. Тайн Причастия и о том представить от духовенства свидетельство (96 пункт устава Духовного училища).

г. Суздаль, начало XX в.
Церкви Святых Антипия и Лазаря

7. Ученику строжайше воспрещается держать у себя огнестрельное оружие, под опасением взыскания и даже удаления из Училища (Указ Св. Синода от 15 декабря 1886 г. № 22).

8. Ученик должен представить удостоверение в том, что он в течение трех последних недель не был болен заразною болезнью и не находился в общении с таковыми больными; если же он был одержим какою-либо заразною болезнью или приходил в соприкосновение с страдающими таковою, то какие меры были приняты для очищения

г. Суздаль, 2010 г.
Церкви Святых Антипия и Лазаря

Владимирское епархиальное женское училище, 1902 г.
Любительская фотография из семейного архива Блинецовых, ранее не публиковалась

как его самого, так и бывших в его употреблении вещей (Пр. Медиц. Сов. п.2)²⁹.

В 1906 году Николай благополучно закончил четырехгодичную учебу в Суздальском училище десятым по разрядному списку с предоставлени-

ем права поступления в 1-й класс Владимирской Духовной семинарии. Отец его к этому времени уже был перемещен в г. Суздаль, став в 1905 году настоятелем Лазаревской церкви и приписанной к ней зимней церкви св. Антипия, рядом стоящей. Старшая сестра Лидия вышла замуж за Ивана Александровича Арбузова (в будущем — священника, расстрелянного в декабре 1937 г. в г. Архангельске), окончившего Владимирскую Духовную семинарию и работающего вместе с женой учителями народной школы. Ольга, закончив в 1904 году Владимирское епархиальное женское училище, была учительницей земской школы в Суздальском уезде. Александра, также окончив Владимирское епархиальное женское училище, стала учительницей

г. Суздаль, 2010 г.
Бывший дом купца Зыкова

²⁹ ГАВО. Ф. 485. Оп.1. Д. 410. Л. 33, 33 об. Суздальское духовное училище. Именные ведомости об учениках за 1902–1908 гг.

Ризположенской церковно-приходской школы в г. Суздале. Иван перевелся, после окончания подготовительного класса во Владимирском Духовном училище, в 1-й класс Суздальского училища, поближе к родительскому дому. Маша пошла учиться в церковно-приходскую школу при Ризположенском женском монастыре, где уже преподавала ее старшая сестра Александра, а самой младшей сестре «Ве-рочке» (так ласково ее звали на протяжении всей жизни родные и близкие) был всего один годик³⁰.

Суздаль стал тем местом, куда в дальнейшем на протяжении почти 20 лет съезжались по разным случаям дети и родственники отца Владимира. В начале 1920-х годов жил он в доме купца Зыкова, стоявшем бок о бок с Антипиевской церковью на центральной улице города. Сейчас это дом № 73 по улице Ленина, о котором В. М. Снегирев, описывая Суздаль, пишет: «Дом № 73. Дом каменный двухэтажный, принадлежал Суздальскому купцу Ивану Степановичу Зыкову. В верхнем этаже он жил сам, а в нижнем находилась бараночная. Иван Степанович Зыков был усердным церковным старостой Суздальской Тихвинской церкви, а дочка его, Мария Ивановна, между прочим, была известной самой первой революционеркой в Суздале. Она похоронена на Знаменском кладбище и всеми забыта»³¹.

В сентябре 1920 года Губернским революционным трибуналом было возбуждено дело «О пропже из храмов Суздаля богослужебного имущества». В протоколе допроса священника Лазаревской г. Суздаля церкви Владимира Павловича Новосельского от 7 июня 1921 года в графах:

Семья священника Владимира Новосельского,
г. Суздаль, 1907–08 гг.

«место прописки» и «место постоянного жительства» записано: «город Суздаль, район Карла Либкнехта, дом Зыковой»³². Сам Иван Степанович в первые годы «свободы» умер.

V. Владимирская Духовная семинария

Летом 1906 года Николай был принят во Владимирскую Духовную семинарию, которая не так давно, в январе 1900 года, праздновала столетие своего существования, своей воспитательской и просветительской

³⁰ Информация о семье и роде Новосельских собрана из гос. архивов, рассказов родственников и др. источников. Архив автора.

³¹ Память прошлого. Очерки В. М. Снегирева <...>

³² ГАВО. Ф. Р-314. Оп.1. Д. 86. Л. 60. Владимирский губернский революционный трибунал. Дело о пропже из храмов г. Суздаля богослужебного имущества. 1920–1922 гг.

Владимирская Духовная семинария.
Начало XX века

деятельности. Тысячи детей и юношей, в основном дети церковнослужителей, прошли через ее классы и бурсу, претерпевая в различные времена года голод и холод, всевозможные испытания, радости и горе. В первые десятилетия существования семинарии для многих это было очень тяжелое испытание, не все и выдерживали его. Большинство учеников было из беднейших семей сельских священников и причетников, часть была из сиротских семей служителей церкви. Большинство, пройдя все семинарские науки, становились приходскими священниками, менее способные или ленивые, не закончив учебы, возвращались «в первобытное состояние», т. е. возвращались в свои села, становясь бедными причетниками или даже сторожами сельских церквей. К началу XX века семинария превратилась в отличное учебное заведение с оборудованными классами, больницей, трехэтажным кирпичным общежительным корпусом, красивой семинарской Богородицкой церковью.

Преподаватели семинарии — все окончившие Духовные академии со званием кандидата, или даже магистра, как, например, преподаватель библейской и церковной истории Неофит Владимирович Малицкий, профессорский стипендиат при Санкт-Петербургской Духовной академии. Он же редактор «Владимирских епархиальных ведомостей», только что опубликовавший трехтомный труд: «История Владимирской Духовной семинарии» и «Историю Суздальской Духовной семинарии (1723–1788)». Священное Писание с 1875 года преподавал кандидат Мос-

ковской Духовной академии статский советник Павел Петрович Борисовский, в будущем — ректор семинарии, в 1915 году он был пострижен в монашество и хиротонисан во епископа. Литургику и гомилетику преподавал кандидат и профессорский стипендиат Казанской Духовной академии Михаил Алексеевич Лебедев. Логику, психологию, философию и дидактику — коллежский советник Дмитрий Михайлович Судницын, кандидат Московской Духовной академии 1896 г. Физику и математику — кандидат математических наук Санкт-Петербургского университета 1882 г., статский

советник Иван Петрович Крылов. Русскую словесность и историю русской литературы преподавал статский советник Василий Маркович Березин, кандидат Киевской Духовной академии 1882 года, составивший вместе с преподавателем Добронравовым Василием Гавриловичем, магистром Санкт-Петербургской Духовной академии, «Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии» в 5-ти выпусках. Гражданскую всеобщую и русскую историю преподавали статский советник Федор Козьмич Сахаров, кандидат Казанской Духовной академии 1879 года, и статский советник Сергей Козьмич Молчанов, кандидат Московской Духовной академии 1888 года. Греческий язык преподавал коллежский советник Александр Иванович Канарский, кандидат Санкт-Петербургской Духовной академии 1891 года, и надворный советник Андрей Никитич Победоносцев, кандидат Казанской Духовной академии 1897 г. Латинский язык — статские советники и кандидаты Московской Духовной академии Николай Алексеевич Комаров и Иван Григорьевич Левкоев. Церковное пение вел учитель Николай Матвеевич Соловьев. Немецкий язык преподавали Н. В. Малицкий, Н. А. Комаров, В. М. Березин. Французский — С. К. Молчанов. Еврейский — П. П. Борисовский. Ректором семинарии с 18 ноября 1906 года был определен протоиерей Иоанн Васильевич Соболев, кандидат Санкт-Петербургской Духовной академии, бывший с 1877 года преподавателем, а с 1900 года инспектором семинарии. Инспектором семина-

рии стал статский советник Алексей Федорович Скворцов, кандидат Московской Духовной академии 1884 года.³³

По уровню подготовки учеников Владимирская Духовная семинария была одной из лучших в России. 29–31 января 1900 г. во время празднования 150-летия Владимирской Духовной семинарии многие ее питомцы принимали участие в этих торжествах, присылали поздравления, в выступлениях вспоминали ее славное прошлое и наиболее талантливых ее воспитанников, в первую очередь, «красу и гордость» Владимирского края графа М. М. Сперанского, сына и внука простых сельских священников, ставшего ближайшим помощником, незаменимым советником и реформатором при государях Александре II и Николае I. О нем в поздравительной телеграмме ординарный профессор Императорского Варшавского университета доктор русской истории Дмитрий Владимирович Цветаев³⁴ написал: «Из прежних питомцев неволью, как живая, восстает теперь в моем сознании могучая личность, ценимая всей образованной Россией. Если Царскосельский лицей, возбуждавший воображение и чувства, по справедливости восхваляется своим бывшим воспитанником, Пушкиным, то наша Владимирская Духовная семинария, дисциплинирующая и укрепляющая ум и волю, с бесспорным правом должна гордиться Сперанским»³⁵. Но помнят ли сегодня во Владимире или области о великом деятеле России? Каких только улиц мы не встретим во Владимире, здесь сохранилась память о Марксе, Ленине, 16 и 40 юбилейных годах «великого» Октября, Сакко и Ванцетти, Павлике Морозове, есть рабоче-крестьянские — Моторная, Совхозная, Тракторная, но улицы имени М. М. Сперанского — красы и гордости Владимирского края — вы не найдете.

Начиная с Петровских времен, весь имперский период, существовала государственная установка — направлять лучших учеников семинарии на учебу в светские высшие учебные школы, это

был источник для создания настоящей государственной элиты во всех областях науки и знаний. Служение церкви, кроме своего прямого духовного назначения, было в то же время служением общегосударственным.

Преподаватель семинарии В. Г. Добронравов³⁶ на юбилее говорил: «Мы позволим себе привести несколько фактов, которые наглядно подтверждают это положение. В 1726 году в Петербурге открыта академия наук и при ней университет с гимназией. Вызваны были из-за границы ученые профессора, но не было студентов. На первый раз и студентов выписали из-за границы, но впоследствии нашли более удобным вызывать сюда воспитанников духовных школ, и такая мера практиковалась почти все время существования академического университета.

В 1755 году открывается Московский университет, и первые курсы его студентов составляют почти исключительно питомцы Духовных семинарий. В 1775 году появляются учреждения для управления губерниями, и новые канцелярии наполняются главным образом семинаристами, т. к. в провинции не было других кандидатов на эти должности. В 1782 году при Московском университете создается семинария для подготовки учителей и в состав 35 человек первого курса входит 21 воспитанник Духовных семинарий. В то же время по инициативе императрицы Екатерины Великой реализуется широкий план распространения низшего и среднего образования в России и Духовные школы привлекают к самому деятельному участию в осуществлении этого плана. Учительская семинария при главном народном училище в Петербурге за все время своего существования (до 1803 г.) наполнялась почти исключительно питомцами Духовных семинарий, малые народные училища в провинциальных городах, по большей части получали учителей оттуда же.

Медицинские школы, подготавливавшие врачей, в течение всего XVIII в. наполнялись главным образом питомцами Духовных школ»³⁷.

³³ Информация о личном составе служащих в учебных заведениях Владимирской епархии регулярно публиковалась во Владимирских епархиальных ведомостях: 1907. № 36 С. 565–569, 1908, № 39. С. 686–690 и др.

³⁴ Д. В. Цветаев — родной брат профессора Ивана Владимировича Цветаева, создателя Музея изящных искусств им. императора Александра III в г. Москве (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина).

³⁵ Стопятидесятилетний юбилей Владимирской духовной семинарии (1750—1900) // ВЕВ. 1900. № 4. С. 202–203.

³⁶ Добронравов Василий Гаврилович (1861–1919), сын священника, окончил Переславское Духовное училище, Владимирскую семинарию, Магистр Петербургской духовной академии, преподавал философию во Владимирской семинарии, с 1900 года редактировал Владимирские епархиальные ведомости. — Малицкий Н. История Владимирской духовной семинарии. Вып. 2. 1902. С. 391–393. Опубликовал огромное количество литературно-научных трудов, в том числе 5 выпусков — «Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии» — незаменимого путеводителя всех историков и краеведов Владимирской земли.

³⁷ Стопятидесятилетний юбилей Владимирской духовной семинарии... С. 163–164.

Богородицкая семинарская церковь,
начало XX века

Все это проводилось по правительственным распоряжениям и вызовам.

О жизни и учебе во Владимирской семинарии в начале XX в. подробно писал в своих воспоминаниях дальний родственник отца Николая Новосельского протоиерей Владимир Евгеньевич Елховский (1896–1977), учившийся во Владимирской семинарии с 1910 по 1916 годы. Воспользуемся этим материалом: «Первого сентября в семинарии был назначен с утра молебен перед началом ученья. Сотни семинаристов и сотни родителей, все в рясах, заполняли шумом семинарские коридоры. Наша семинария по количеству учащихся занимала чуть ли не второе место в России. К концу моего пребывания в ней число воспитанников перевалило за восьмью сотню. 1 и 2 классы имели по четыре отделения, 3 и 4 — по три, 5 и 6 — по два, а всего было 18 классов, количество учеников по классам определялось цифрой в 45–50 человек. Педагогического персонала вместе с помощниками инспектора и надзирателями было что-то человек 60. Семинария занимала три основных корпуса, все в 2 и 3 этажа. Отдельно стоял четырехэтажный, он же епархиальный корпус. В нем находилось общежитие, спальни, комнаты для занятий, квартиры надзирателей и эконома. Во дворе находилась старинная Богородицкая

семинарская церковь. После молебна, происходившего в Богородицкой церкви, всем учащимся быстро были розданы учебники, один комплект на двух человек <...>. Со второго сентября начались нормальные классные занятия <...>.

Ректором семинарии был протоиерей Иоанн Васильевич Соболев, а после его смерти был назначен в 1911 году протоиерей Павел Петрович Борисовский (будущий епископ-священномученик).

В Духовной семинарии обучались 6 лет, всего учащихся было около 800 человек. 400 человек семинаристов проживало на квартирах, 200 в «белом», или казенном, корпусе и столько же в «красном», епархиальном. В казенный корпус принимались дети сироты, полусироты и, частично, не имеющие средств к существованию. Содержались они там за казенный счет и полуказенный, в зависимости

от успехов и материального положения семьи, и по окончании семинарии обязаны были за это прослужить в церковных школах духовного ведомства, помнится, два или три года. В епархиальный корпус зачислялись дети многосемейных родителей, или у кого в семье было более двух человек учащихся, и поэтому родителям содержать их было трудно. За содержание в этом корпусе взималось с каждого воспитанника в течении учебного года в несколько сроков 60 рублей и 2 рубля за койку и все постельные принадлежности»³⁸.

Николай был помещен на жительство в епархиальный корпус. О трудной жизни его отца в это время рассказывает сохранившееся во Владимирском архиве его «Прошение» к Архиепископу Николаю от 1910 года³⁹.

*Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему Николаю,
Архиепископу Владимирскому и Суздальскому
От Священника
Лазаревской города Суздаля
Церкви Владимира Новосельского
Покорнейшее прошение
Имея скудный приход по средствам
к содержанию, я нахожусь в самых трудных
и бедственных положениях относительно
средств, для содержания моего многочислен-*

³⁸ Страница истории России в летописи одного рода (автобиографические записки четырех поколений русских священников), 1814–1937. Сост. Соколова-Ковальчук А.П. (монахиня Павла). М., 2006. С. 432–433, 441–443.

³⁹ ГАВО. Ф.556. Оп.1. Д. 4792. Л. 7 — 7 об. Прощения и переписка Владимирской духовной консистории.

ного семейства. Казенной квартиры при Лазаревской церкви не имеется, всех доходов на мою долю получается не более 600 рублей, из которых приходится 160 рублей в год отдавать на наем квартиры, а из оставшихся 440 рублей приходится расходовать 200 рублей на содержание детей, обучающихся в учебных заведениях, так что на последние 240 рублей никак невозможно содержаться в течение года мне самому десятому при настоящей дороговизне всех жизненных продуктов, и вследствие такой скудости средств приходится еще иметь неоплаченный долг около 260 рублей в каждый год.

А потому всепокорнейшее прошу Вас, Ваше Высокопреосвященство, Милостивейший Архипастырь, не благоволено ли будет Вам переместить меня по причине моей крайней бедности и многосемейности на праздное место в город Переславль к Вознесенской церкви, и этим самым облегчить мое весьма трудное и даже печальное положение относительно средств к жизни, и посему на моем прошении наложить милостивейшую Архипастырскую резолюцию.

Сентября 4 дня 1910 года.

К сему прошению священник Лазаревской города Суздаля церкви Владимир Новосельский подпись [приложил.]

«Порядок дня в семинарии был приурочен к учебным занятиям и мало чем отличался от училищного. В 7 часов утра звонок поднимал всех нас с коек, полчаса давалось на туалет, в 7 ч. 30 минут — утренняя молитва и чай, и в 8 ч. 30 минут шли в классы, уроки продолжались с 9 часов утра до 2 часов дня. В 2 часа дня — обед. После обеда и до 6 часов учащиеся были свободны и могли уходить по своим делам в город или просто на прогулку. В 6 часов вечера ворота запирались, дежурный надзиратель проходил по комнатам и производил поверку по списку, и семинаристы приступали к подготовке уроков на следующий день. В 9 часов вечера ужин и вечерние молитвы.

Николай, Архиепископ Владимирский и Суздальский, 1913 г.

После ужина можно было или идти спать, или заниматься уроками, кто их не успел приготовить. В 11 часов общий отход ко сну <...>⁴⁰.

Рождественские каникулы (Рождество, Новый год и Крещение) Николай проводил в Суздале с родителями, сестрами и младшим братом Иваном, который учился в Суздальском Духовном училище. Отпускали домой также на Масленицу и 1-ю неделю Великого поста, во время которой ходили к великопостным службам, исповедовались у духовника городского духовенства, а в воскресенье снова возвращались в семинарию. На Пасхальные каникулы также выдавали отпускные билеты, и все разъезжались по своим селеньям. После Пасхи возвращались

⁴⁰ Страницы истории России... С. 441.

во Владимир, и вскоре наступали весенние экзамены, после которых на все лето отправлялись домой. После экзаменов во «Владимирских епархиальных ведомостях» печатались разрядные списки обо всех учениках семинарии и Духовных училищ для всеобщего обозрения. Это тоже подталкивало к более старательной учебе. В семинарии ежегодно осенью при обучении в выпускном 6-м классе, учеников, готовя их к будущей пастырской деятельности, посвящали в стихарь. В начале ноября ректор семинарии направлял Архиепископу Владимирскому представление со списком воспитанников для посвящения их в стихарь.

10 ноября 1912 года такое представление было направлено Владыке. В списке из 52 человек (а выпускалось 83 человека) был и воспитанник 6 класса 2-го отделения Новосельский Николай. 11 ноября владыка наложил на представлении свою резолюцию: «Предлагаю, — по исповеди и приведению к присяге, представить к посвящению в стихарь по 4 воспитанника на каждое архиерейское священнослужение.

Архиепископ Николай»⁴¹

При посвящении в стихарь (или псаломщика) принималась присяга. И вот, ровно через месяц, 11 декабря, очередные 4 воспитанника 6 класса приняли присягу. Во Владимирском архиве сохранился текст ее (на двух страницах):

*Присяга
перед посвящением в стихарь
/псаломщика/*

Аз, нижеименованный, обещаю и клянусь Всемогущим Богом перед святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилощивейшему Великому Государю, Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского престола наследнику, верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, <...>

В заключение сего клятвенного обещания моего целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь.

В конце стояли подписи:

Присягу приняли:

Выпускники Владимирской духовной семинарии 1913 г.,
в первом ряду третий слева Николай Новосельский

⁴¹ ГАВО.Ф. 454. Оп.1. Д. 269. Владимирская духовная семинария. Дела по педагогической части Правления Владимирской духовной семинарии за 1912/13 гг.

Воспитанник VI класса 1 отд.
Николай Цветков,
 Воспитанник VI класса 1 отд.
Николай Якиманский,
 Воспитанник VI класса 2 отд.
Николай Сперанский,
 Воспитанник VI класса 2 отд.
Николай Новосельский.

К присяге приводил духовник Семинарии священник Владимир Беляевский⁴².

Николай окончил учебу в семинарии в 1913 году, при отличном поведении со сплошными оценками «хорошо» по всем предметам, за исключением «истории и обличения старообрядчества» и «церковного пения», где стояли оценки «очень хорошо»⁴³. В архиве Владимирской Духовной семинарии в разделе: «Характеристики на воспитанников, окончивших семинарию в 1913 году» сохранилась краткая характеристика, напечатанная на машинке: «Новосельский Николай — веселый, живой человек; несколько легкомыслен; ленив, успехи в общем удовлетворительны; в поведении более или менее исправен; вообще же безвредная личность и вполне мирного характера. В 6 классе был уставщиком в семинарской церкви и регентовал левым клиросом»⁴⁴.

Осенью, в ноябре 1912 г. во Владимирской семинарии произошли волнения, активно распространялась и читалась нелегальная литература, дисциплина расшатывалась. Волнения продолжались до 20 ноября. В дальнейшем по этому поводу было отчислено из семинарии 150 человек. На собрании семинаристами было принято решение, чтобы выпускники (6 классы) не принимали участия в «забастовке», что позволило им благополучно закончить учебу в следующем году.

В семинарии Николай «регентовал левым клиросом». Вообще Владимирские семинаристы любили пение. Вот как об этом вспоминает дальний родственник отца Николая, священномученик Евгений Елховский (1869–1937), окончивший Владимирскую семинарию еще в 1891 году: «...Послушали бы как семинаристы поют! <...> Удивительно, как сказывается в семинарии родовое направление лиц духовной семьи! Кто не духовного звания, в том как-то мало замечается

Николай Новосельский, выпускник семинарии, 1913 г.

пристрастия и любви к пению; наоборот — кровный кутейник⁴⁵ больше всего выдает себя именно этим настроением: все бы ему петь дело и не дело, а если не петь, то про себя воспроизводить знакомый мотив одним звуком; если он иным делом не занят, идет ли, спит ли, то всегда что-нибудь мурлычет! Вот, бывало, и соберемся мы, все любители, в свою занятую комнату (разумеется, в свободные от занятий часы) и начнем распевать свой любимый репертуар песен. У большинства голоса такие залихватские, сильные и вместе с тем задушевные, — любо-дорого в самом деле и послушать со стороны <...> Любили мы глотку подрать!»⁴⁶.

Потом в тюрьме № 1 г. Иваново отцу Николаю тоже поставят в вину: нарушение режима — церковное пение в день Богоявления. Кстати, и

⁴² ГАВО.Ф. 454. Оп.1. Д. 269. Владимирская духовная семинария. Дела по педагогической части Правления Владимирской духовной семинарии за 1912/13 гг. Л. 543.

⁴³ Там же Л. 543.

⁴⁴ Там же. Оп.3. Д. 55.

⁴⁵ Кутейник — шуточное прозвище церковников, причетников. См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1998. С. 584.

⁴⁶ Страницы истории... Л. 206–207.

сексот, который в тюрьме давал показания на о. Николая, имел кличку «Хорист», — так в обвинительном заключении: «Виновным себя признал частично. Уличается показаниями свидетелей Рябикова, Юрова, Святухина и аг. материалами с/с Хорист».)⁴⁷

29 мая 1913 года ректором семинарии было подписано Свидетельство об окончании Николаем Владимирской Духовной семинарии, а уже в июньском номере (№ 23) Владимирских епархиальных ведомостей, в разделе «Епархиальные известия», появилось извещение: «Окончивший курс семинарии Николай Новосельский 1 июня определен и.д. псаломщика к Переславскому собору», а в октябре в 44-м номере — «Псаломщик Преображенского города Переславля Собора Николай Новосельский 19 октября перемещен на псаломническую вакансию к Петропавловской г. Суздаля церкви». Жил он в это время в семье отца, священника Лазаревской церкви г. Суздаля.

VI. Женильба, семья жены, село Гришино

В 1914 г. Николаю была подыскана и богатая (по священническим меркам) невеста, дочь

Александра Воскресенская,
учительница школы села Гришино, 1909 г.

настоятеля двухприходской Покровской церкви большого села Гришино Гороховецкого уезда, протоиерея Евгения Ивановича Воскресенского (1844–1924). Дочь протоиерея Евгения Александра получила образование во Владимирской женской гимназии, жила в доме отца и работала учительницей в Гришинской сельской школе.

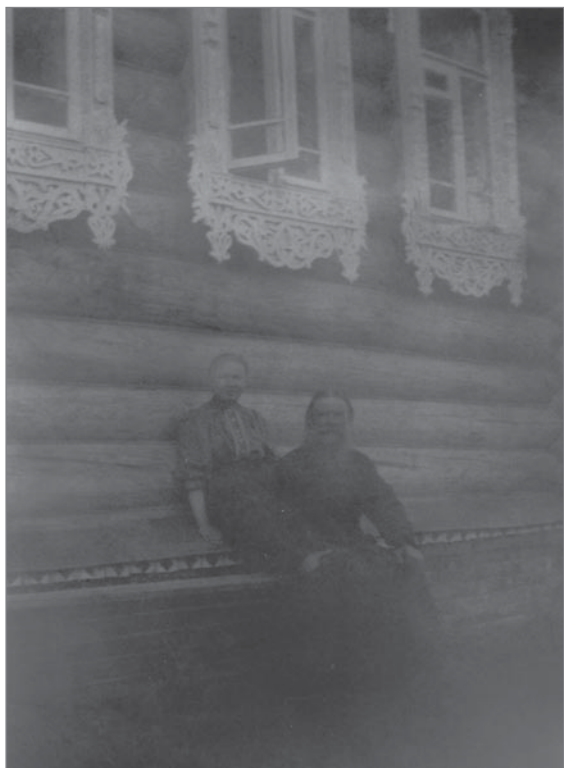
В начале сентября они обвенчались, 18 сентября Николай был определен во второго священника села Гришино, а протоиерей Евгений уходит за штат. «Село Гришино близ реки Суворши находится в 150 верстах от губернского города и в 35 от уездного. Гришино прежде значилось в Замотринском стане Муромского уезда и Рязанской епархии. По писцовым книгам 1628–1630 гг. жеребей⁴⁸ с. Гришино значится в поместье за Львом Андреевичем Микулиным и Федором Плещеевым, а остальная часть в вотчине за Богданом Бельским и Микулиным <...> В селе была церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы с приделом во имя Льва епископа — «древяна клецки» <...> Деревянная церковь в Гришине существовала до 1847 года <...>. В 1830 году начат был постройкою каменный храм, постройка была окончена и храм освящен в 1847 г. Престолов в этом храме в настоящее время три: главный — во имя Покрова Пресвятой Богородицы, в трапезе теплой — во имя Муромских чудотворцев князя Петра и Февронии и Св. Николая Чудотворца. Притча при церкви по штату положено два священника, диакон и два псаломщика. Приход состоит из села Гришина и деревень: Федоркова (1 верста от церкви), Мясникова (3 версты), Рожкова (1,5 версты), Зыкова (5 верст), Просьи (6 верст), Заозерья (3 версты) и Тронина (2 версты), в коих по клировым ведомостям за 1897 год числится 1774 души мужского пола и 2043 души женского <...>. В Гришине с 1861 года существует народная школа, содержится она в настоящее время на средства земства; учащих в 1897–1898 гг. было 50»⁴⁹.

Тесть Николая, протоиерей Евгений Воскресенский, был почетный и заслуженный священнослужитель церкви, в 1858 году закончил Шуйское Духовное училище, в 1864 — Владимирскую Духовную семинарию, с 1866 года (женившись

⁴⁷ Гос. архив УФСБ России по Владимирской области (архивно-следственное Д. № 2591 от 31.01.1938 г. Управления НКВД по Ивановской области). Л 103.

⁴⁸ Жеребей — участок земли, полученный при жеребьевке во время ее раздела в XVII в.

⁴⁹ Историко-статистическое описание церквей... Вып. 5. С. 452–454.

Протоиерей Евгений Воскресенский
с дочерью Александрой около своего дома
в с. Гришино, 1911 г.

жем в г. Одессе за священником Константином Васильевичем Демидовым. Она и взяла свою новорожденную сестру к себе на воспитание. Александра, подрастая, так и называла ее — «мама». Росла и воспитывалась она в Одессе, а позднее вернулась к отцу и была определена во Владимирскую женскую гимназию, которую успешно закончила и жила с отцом, помогая ему в хозяйстве и обучая детей в сельской школе с. Гришино⁵².

Приход в с. Гришино был богатый, дома у духовенства были собственные, стоящие на церковной земле. Сохранилась любительская фотография (примерно 1910 года), где протоиерей Евгений сидит с дочерью перед окнами своего дома. Дом высокий, пятистенный с красивыми резными наличниками. Впрочем, и в самом селе, в его окрестностях и по всей Владимирской губ. до настоящего времени множество домов украшены всевозможными красивыми расписными наличниками, любовь и традиции к этому ремеслу во Владимирском крае не перевелись, и, едучи по Владимирским селениям, не перестаешь любоваться этой русской красотой, как приветом и благословением из прошлого. В 1924 г. после смерти отца Евгения дом будет конфискован, а позднее сгорит.

на дочери настоятеля церкви с. Гришино Даниила Благоднадеждина) — священник в с. Гришино, награжденный последовательно всеми церковными наградами, а также орденами Св. Анны III и II степени⁵⁰. Выдав вторую, младшую дочь Александру замуж и передав зятю место своего служения, ушел в 70 лет за штат, отслужив 48 лет священником на одном и том же приходе. Его дочь Александра родилась 16 марта 1889 г., а ее мать Екатерина Даниловна на второй день после ее рождения «умерла от родов»⁵¹. Старшая дочь Анна уже была заму-

Церковь в с. Гришино, 2010 г.

⁵⁰ ВЕВ. 1909. № 19. С. 136.

⁵¹ ГАВО. Ф. 590. Оп. 3. Д. 70 Л. 465 об., 466, 502 об. Церкви Владимирской губернии (1765–1939). Метрическая книга церкви Покрова Божией Матери села Гришино Гороховецкого уезда.

⁵² Из воспоминаний дочери священника Николая, Веры в 2008—2010 гг., станция Чепигинская, Брюховецкого р-на, Краснодарского края (архив автора).

Вторым священником при храме был Алексей Петрович Ильин (1876–1937), в 1937 году он так же, как и священник Николай, будет расстрелян. В семье отца Николая в селе Гришине в 1915 году родилась дочь Мария, а в 1916 — сын Вениамин.

ВII. Революция и мытарства

После трагических событий 1917 года все в стране изменилось, наступило безбожное время, подступал голод, приход оскудел, служба в храме уже не могла прокормить все семейства притча. Начались трения с первым священником храма Алексеем Ильиным, отец Николай вынужден был уйти за штат.

Владимирские епархиальные ведомости еще по инерции продолжали выходить, но уже скудные, на плохой бумаге, в основном со скорбными сообщениями⁵³. После 6-го номера издание епархиальных ведомостей было прекращено.

В голодном 1920 году в семье о. Николая родились два мальчика — близнецы, которые через 11 дней умерли, но их успели окрестить и назвали Евгением и Павлом. Матушка Александра болела.

В документах архива Владимиро-Суздальского музея-заповедника сохранились годовые отчеты священника Лазаревской церкви г. Суздаля Владимира Новосельского с 1906 по 1922 годы (в январе 1922 года отец Владимир был переведен настоятелем Смоленской г. Суздаля церкви), где в его послужном списке в графе о детях записано: за 1921 г.: «Николай, родившийся 18 апреля 1892 года, 29 лет, состоит школьным работником в Советской трудовой школе I ступени в селе Гришине Гороховецкого уезда, состоя в сане священника». За 1922 г.: «Николай, родившийся 18 апреля 1892 года, состоя заштатным священником, проживает в селе Гришино Гороховецкого уезда и занимается сельским хозяйством»⁵⁴.

В 1923 году о. Николай с семьей по приглашению Демидовых выезжает в Одессу и устраивается священником в селе Армашевка под Одессой. В феврале 1924 г. у него родился еще один сын, Николай, и вскоре супруги получают известие о смерти 80-летнего протоиерея Евгения. В селе Гришино остался большой благоустроенный дом с хозяйством и садом, и они решили возвратиться в родное село. Через несколько месяцев семья возвращается в Гришино, но в это время, пока пустовал дом, местные власти его конфисковали под больничную амбулаторию, во 2-й половине дома стал жить фельдшер Ландехов с семьей. Тогда отец Николай, получив благословение владыки, устраивается служить священником в церковь Святого Николая села Круглово Суздальского уезда (позже Камешковского района)⁵⁵.

«Село Круглово от Владимира 30 верст, а от Суздаля 17 верст, при пруде. Происхождение Круглова относится ко времени Суздальского княжества, т. е. по крайней мере к XIV столетию. <...> Круглово было слободкой и принадлежало Спасо-Евфимиеву монастырю». Вследствие опустошительных татарских набегов слободка “запустела”, обратилась в пустошь и выросла “лесом великим”, но позднее была заселена и образовала деревню Круглово. В 1869 году крестьяне деревень Круглово и соседней Дмитриково, после постигших их несчастий — падеж лошадей в Круглове, продолжавшийся в течение двух месяцев, и пожар, истребивший все дома в Дмитрикове, видя в том наказание Божие за грехи, обратились с усердною молитвою к Богу о помиловании и дали обет построить в деревне Круглове храм Божий. В 1872 году церковь была построена и освящена во имя Святителя и Чудотворца Николая, и при ней открыт приход. Церковь зданием каменная, теплая. В 1880 году усердием

⁵³ Например: «31 января скончался делопроизводитель Владимирского епархиального совета И.В. Чистяков. Смерть последовала на почве недоедания и истощения организма. На службе в духовной консистории Иван Васильевич состоял с 1890 года» // ВЕВ. 1919. № 1. С. 7; другой пример: «13 апреля сего 1919 года в б. Шуйской земской больнице, после тяжелой в течение месяца болезни, осложненной общим истощением организма, скончался на 61 году жизни старший преподаватель бывшего Шуйского Духовного училища Иван Михайлович Миловский. Покойный 35 лет служил с добрым усердием делу просвещения юношества в родной школе, пользовался искренним уважением своих сослуживцев и бывших своих многочисленных учеников, которые, можно думать, помянут в своих молитвах своего соратника и доброго наставника» // ВЕВ. 1919. № 4. С. 28. И. М. Миловский был сыном Анастасии Ивановны (в дев. Субботиной), родной сестры заслуженного профессора Московской Духовной академии Николая Ивановича Субботина, все — родственники о. Николая Новосельского.

⁵⁴ Архив Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Оп 1. Д. 858. Л. 17–20. Клировая ведомость Смоленской церкви г. Суздаля за 1922 год.

⁵⁵ Из воспоминаний дочери Веры... (архив автора).

прихожан построена церковь холодная, каменная же, с престолом в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Одновременно с нею построена каменная колокольня»⁵⁶.

Здесь Новосельские несколько обжились, построив с помощью прихожан собственный дом. 8 июля 1925 года, в день Муромских Святых Благоверного князя Петра и Февронии, в семье родился сын, которого окрестили с именем Петр. В августе этого же года отец Николай, как священник, был Исполкомом Владимирского уездного и городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (письмо со списком от 31. VIII. 1925 г. № 18917) включен в список «граждан, лишенных избирательных прав» под № 1067. В списках 1926–1928 гг. Александра Евгеньевна стояла вслед за ним, лишенная прав, «как жена священника»⁵⁷. 2 февраля 1928 года в семье родилась дочь Вера, названная в честь самой младшей и любимой дочери в семье священника Владимира Новосельского — Веры Владимировны, сестры отца Николая. В апреле 1932 года церковь в селе Круглово закрывают, и отец Николай некоторое время служит в Казанской церкви села Заполицы Суздальского р-на.

«Село Заполицы от Владимира 23 версты, а от Суздаля 10 1/2 верст, при реке Нерли. Заполицы весьма древнего происхождения. В первой половине XV столетия село было вотчиной Спасо-Евфимиева монастыря, а архимандрит Фома, с разрешения епископа Аврамия, променял Заполицы Суздальскому князю Андрею Андреевичу на его село Коровники. Меновая грамота значится в Спасо-Евфимиевском монастыре от 1660 года. Церковь в Заполицах деревянная с одним престолом в честь святого великомученика Феодора Тирона; построена в 1770 году усердием прихожан. В 1845 году церковь покрыта железом, в 1852 году стены внутри церкви были оштукатурены и возобновлен иконостас»⁵⁸.

Село Заполицы расположено в 6 километрах от села Круглово. Жила семья в своем доме в Круглово, а на службу в Заполицы о. Николаю приходилось ходить, в основном, пешком. Но в августе 1933 г. отца Николая арестовывают и осуждают на 6 месяцев исправительно-трудовых лагерей. Информация об этом из анкеты о. Николая, арестованного НКВД в 1937 г. в графе: «Каким репрессиям подвергался при Советской Власти»: «В 1933 году судим Суздальским нар. судом за вымогательство. Приговорен к 6 мес. ИТР Наказание отбыл»⁵⁹. После ареста отца Николая церковь в с. Заполицы в августе 1933 года была закрыта.

О. Николай Новосельский с детьми
Марусей и Вениамином,
Суздаль, 1929 г.

⁵⁶ Историко-статистическое описание церквей... Вып.3. С. 112–114.

⁵⁷ ГАВО.Ф. Р 307. Оп.4. Д. 36. Л.1219.об.; Д. .59. Л. 245. «Списки лиц, лишенных избирательных прав по уездам Владимирской губернии (1925–1926)».

⁵⁸ Историко-статистическое описание церквей... Вып.3. С. 106–107.

⁵⁹ Постановлением ВЦИК от 29 ноября 1926 года был введен в действие с 1.01.1927 г. Уголовный кодекс РСФСР, где в главе 4-й «Нарушение правил об отделении церкви от государства», статьей 124 предусмотрено: «Принудительное взимание сборов в пользу церковных и религиозных групп – исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев или штраф до 300 рублей». Учитывая, что семьи священноцерковнослужителей практически жили в советское время за счет подаяний прихожан, то это создавало возможность сделать ложный донос на священника или провокацию прецедента «по вымоганию», чтобы посадить его в ИТЛ, что часто и использовалось властями. Отец Николай был осужден по этой статье. К сожалению, материалов об этих судилищах в архивах г. Владимира и г. Суздаля не сохранилось.

После освобождения в 1934 году отец Николай получает место священника в селе Погост-Быково, Суздальского района, в Знаменской церкви, в 7 км. от г. Суздаля, где в 1935 году 6 ноября, в день Иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», родилась последняя его дочь, Катя.

«Погост Быково находится в 40 верстах от Владимира, а от Суздаля в восьми верстах, при пруде. <...> Приход образовался или в XVII столетии, или в начале XVIII столетия <...>. Существующая церковь построена усердием прихожан в 1777 году, зданием каменная с такою же колокольнею <...>. Дома притчи имеет собственные, на церковной земле. Приход составляют: погост (63 двора) и деревни: Пестиха, Алфериха, Сизино, Борцаговка и Самойлово: расстоянием от церкви деревни не далее 2-х верст, препятствий к сообщению с ними не имеется. Всех дворов в приходе 161 душ мужского пола, а женского пола 175 душ. В погосте существует народная школа с 1875 года и помещается в особо построенном деревянном здании»⁶⁰.

В эти годы в Суздале жила сестра о. Николая Александра⁶¹, учительница, будучи вторым браком за Петром Павловичем Баранниковым⁶². С ними в доме жила и мать о. Николая и Александры, Мария Ивановна Новосельская, муж которой, священник Лазаревской, а потом Смоленской суздальских церквей, умер в 1924 году и похоронен на Троицком (Златоустовском) кладбище г. Суздаля.

В школе-семилетке в Суздале учились и дети отца Николая — Мария и Вениамин. Навещать их из Погост-Быково ходили пешком, всего 7 км. Сохранилась последняя семейная фотография, сделанная в Суздале в 1936 году (за год до ареста), где годовалая Катя сидит на коленях о. Николая. Отцу Николаю 44 года, а выглядит он на много-

Семья Новосельских, г. Суздаль, 1936 г.
О. Николай, Вениамин, Николай, Петр, Вера, Катя

много лет старше. Кстати, во всех документах уголовных дел, со дня ареста до реабилитации, год рождения о. Николая обозначен — 1882, т. е. на 10 лет старше. Не легка была советская жизнь для священнослужителей. Возможно, что и читать-то не всегда могли подследственные протоколы своих допросов. О стилистике, грамматике и пунктуации мы просто не говорим, думаем, что любая учительница русского языка поставила бы всем следователям «неуд.».

⁶⁰ Историко-статистическое описание церквей... Вып.3. С. 228–229.

⁶¹ Новосельская Александра Владимировна (1890–1948), окончила Владимирское женское епархиальное училище в 1906г., была воспитательницей этого училища, а в 1914 году поступила на Московские высшие женские курсы (на физико-математическое отделение), после окончания которых работала преподавателем в школах Гаврилова Посада и Суздаля. (Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 363. Оп. 4. Д. 18158. Московские высшие женские курсы. Новосельская Александра Владимировна, (19.07.1914 — 05.06. 1936).

⁶² Баранников Петр Павлович (1888–1981), из старинного купеческого рода, жил в г. Суздале в собственном (конца XVII века) двухэтажном доме с садом, купленным его отцом в год его рождения. Этот дом Петр Павлович продал в 1978 году Владимиро-Суздальскому музею. Сейчас там гостиница музея под названием: «Дом купца Лихонина», первого хозяина этого дома. — Архив Суздальского музея. Оп. 2 Д. 135. Документы о разделе имущества семьи Баранниковых, 1829 года. Договор о купле-продаже жилого дома, трех бревенчатых сараев и бани «по Слободской ул., 34» от 10.11.1978 г. Из рассказов Снегиревой Ольги Владимировны, 1928 г.р., геолог, живет в г. Суздале в собственном доме, построенном в 1843 г. и купленном дедом — протоиереем Михаилом Степановичем Снегиревым в начале XX века. Архив автора.

VIII. Село Бутылицы

Весной 1937 г. церковь в селе Погост-Быково также закрывают, и отец Николай начал служить в храме Святителя Николая в селе Бутылицы Меленковского р-на. Первые недели, без семьи, живет в доме старосты церкви Евдокии Павловны Власовой, «активной церковницы», жительницы с. Бутылицы.

Дом в селе Быково продается под ясли, и к сентябрю 1937 года семья переезжает в Бутылицы, к месту нового и последнего служения отца Николая, где 26 октября в храме, после службы, его арестуют вместе с дьяконом Куртыгиным Иваном Степановичем⁶³ и старостой храма Власовой Евдокией Павловной⁶⁴.

«Село Бутылицы, при реке Унже, находится в 22-х верстах от уездного города и в 100 верстах от губернского. До 1764 года при Бутылицкой церкви существовал монастырь, известный под названием "Николо-Бутылицкой пустыни" и село Бутылицы образовалось из-под монастырской слободки. Основан был монастырь в XVI веке при церкви Николая Чудотворца; в старинных актах упоминается в первый раз в 1574 году <...>. В 1764 году с упразднением монастыря церкви монастыря обращены в приходские. Эти деревянные церкви существовали до 1835 года, когда вместо них был устроен каменный храм и с такою же колокольнею. Престолов в этом храме устроено было три: главный во имя Свт. Николая Чудотворца, в трапезе во имя Св. порока Илии и Свв. мучеников Флора и Лавра <...>. Из святых икон особенно чтима прихожанами древняя икона Святителя Николая Чудотворца <...>»⁶⁵. До 1917 года это был большой и богатый приход. «Причта по штату положено: 2 священника, диакон и два псаломщика. Дома у членов причта собственные на церковной земле <...>. Приход состоит из села

Церковь в с. Бутылицы,
2009 г.

Бутылиц, сельца Кузьмина (1 1/2 версты от церкви), и деревень: Вичкина (4 версты), Ново-Николаевской (7 верст), Максимова (6 верст), Дубровки (1 верста), Добрятина (4 версты) и Кошкина (2 версты), в коих по клировым ведомостям числится 2512 душ муж. пола и 2595 женского».

⁶³ Куртыгин И. С., 1874 г. р., уроженец с. Бутылицы Меленковского р-на, И.О. [Ивановская обл.] происходит из крестьян, русский, беспартийный, образование низшее, судим в 1931 г. по ст.58 п.10 УК РСФСР, лишился избирательных прав, до ареста служитель религиозного культа (дьякон). — Гос. Архив УФСБ. Л.81.

⁶⁴ Власова Е.П., 1877 г.р., родилась с. Бутылицы, Меленковского р-на, И.О., русская, происходит из крестьян, беспартийная, образование — низшее, судима, до ареста служитель религиозного культа (церковная староста, председатель церковного совета). — Там же. Л. 81.

⁶⁵ Историко-статистическое описание церквей... Вып.4. С. 85–91.

И все эти «души» часто посещали свой храм в Бутылицах, крестили детей, венчались, отпевали умерших, участвовали в церковных богослужениях, молебнах и панихидах. В селе и уезде после революции народ в основном еще долго держался старых обычаев, был верующим и даже дерзновенным. Об этом говорят и сохранившиеся архивы ГАВО, ГАИО и Управления ФСБ по Владимирской области. Дела архивов пестрят делами по обвинению граждан «в неповиновении советской власти», «в белогвардейских восстаниях», «контрреволюционных восстаниях» и забастовках на фабриках, в агитации против Советской власти. Есть дела и о «Бутылицком восстании» в 1918 году, о восстании в г. Муроме и других местах⁶⁶.

Церкви по области повсеместно закрывались, и к началу войны все были закрыты, а многие разрушены. В Бутылицах церковь была закрыта после ареста ее служителей в 1937 году, в советское время сильно пострадала, но сейчас потихоньку восстанавливается, принимая свой первоначальный облик. Село большое, и церковь там нужна.

IX. Арест и допросы

В 1937 году, к началу школьного учебного года, отец Николай перевез свою семью в село Бутылицы.

Но во исполнение приказа НКВД № 00447 уже быстро раскручивался маховик репрессий. В Мелениковском р-не следствием по церковникам занимался сам Начальник Мелениковского РО УНКВД М. Климов. Намечались жертвы, свидетели, состав «преступлений» и сроки следствий. Надо было спешить. В большинстве случаев в этот период время от ареста до обвинительного заключения следователя определялось тремя днями, и дело уходило на решение «тройки». Результат: расстрел или 10 лет лагерей. Если давали 10 лет, то на священников вскоре, уже в тюрьме, заводили второе дело, по которому выносилась высшая мера наказания — расстрел. Все протоколы допросов в деле № 2653 написаны рукой начальника РО НКВД сержанта Климова по форме, удобной для следствия.

Перечислим их по порядку: 6 сентября сержант Климов проводит допрос первого «свидетеля» Сидорина М. Д., директора совхоза села Бутылиц, члена ВКП(б). Допрос короткий, деловой, на двух с половиной страницах: 3 вопроса и 3 ответа. **Вопрос:** «Расскажите, что вам известно о наличии кулацкой антисоветской группировки в селе Бутылицы, и назовите лиц, входящих в нее».

Ответ: Мне известно, что в селе Бутылицах действует «группа антисоветских лиц — бывших кулаков-церковников», которые «всеми способами ведут разлагательную антисоветскую работу, направленную на развал колхоза <...>»⁶⁷. Эти лица: Куртыгин, Власова, Лукшин, Каляманов и Шибаев.

7 сентября допрошен второй лжесвидетель Евтеев А. Г., председатель сельсовета, член ВКП (б) с 1928 г. Протокол на 3 страницах: 4 таких же вопроса, как и Сидорину, и 4 ответа, в которых перечислены следующие «враги советской власти»: Каляманов, Паршин, Колюшкин, Куртыгин, Лукшин, Власова, Шибаев, Лукшина⁶⁸. Священника Новосельского в перечне обоих свидетелей нет, т. к. он еще только переезжал в село Бутылицы и никому не был известен. Но трое «церковников» в списках уже есть, это Власова, Куртыгин и Каляманов. 26 октября в церкви во время службы арестовываются священник Новосельский, диакон Куртыгин и староста Власова. Каляманова арестовывают только 29-го, видимо, в селе его в это время не было. Но это ничуть не замедлило ход следствия по всем четырем обвиняемым, и 29 октября следствие было закончено. Следователем было составлено и отпечатано на машинке Обвинительное заключение.

Из церкви отца Николая привели домой, где при обыске было изъято:

1. Паспорт — 1
2. Свидетельства разных учреждений — 11 шт.
3. Разная переписка — 10 листов.
4. Литература церковная — 6 книг⁶⁹.

27 октября снова допросили свидетеля Евтеева, задав ему два прежних вопроса: «Расскажите, что вам известно о контрреволюционной деятельности церковников по селу Бутылицы?» и

⁶⁶ ГАВО.Ф. Р-314. Оп. 1. Дд. 87, 90, 126, 35, 149, 165, 213, 240, 268, 350, 608. Владимирский губернский революционный трибунал.

⁶⁷ Гос. Архив УФСБ по Владимирской области (дело № 2653 от 26.10.1937г. Управления НКВД по Ивановской области). Лл. 52–53.

⁶⁸ Там же. Лл. 57–58.

⁶⁹ Там же. Л. 6.

«Вы можете рассказать о конкретных фактах их контрреволюционной деятельности?» Он ответил: «Мне лично известно, что за последнее время в селе Бутылицах активизировались церковники. Это поп Бутылицкой церкви Новосельский, дьякон Куртыгин и церковница Власова, все они систематически собираются нелегально в доме Власовой, где так же часто группируются и другие церковники, среди которых Новосельский, Куртыгин и Власова проводят контрреволюционную работу. Они среди колхозников открыто распространяют контрреволюционную клевету, что Советская власть притесняет религию, закрывает церкви, насильно загоняет крестьян в колхозы <...>. Дьякон Куртыгин собирает около своего дома женщин <...>, вел антисоветскую агитацию, говоря, что скоро будет война и советской власти будет крах, а с коммунистами придется расправиться крепче, чем в 1918 году, когда было Бутылицкое восстание. Коляманов, кулак-церковник, вел около магазина антиколхозные разговоры, говоря, что вас в колхозе замучили и вы будете там ходить голые и раздетые <...>»⁷⁰.

29 октября были допрошены сразу 3 свидетеля: Сидорин М. Д., Рожков А. Н. (председатель сельпо, член ВКП(б) с 1928 года) и Голованов В. Н. (директор сельской школы, член ВКП(б) с 1929 года).

На те же самые вопросы последовали ответы: Сидорин: «Мне лично известно следующее, что поп Новосельский, дьякон Куртыгин систематически устраивают нелегальные сборища церковников в келье активной церковницы — старосты Власовой». «Также мне известно, что церковники во главе попа Новосельского, дьякона Куртыгина и старосты церковного Власовой умышленно, как только в селе собирается или проходит какое совещание с/с колхозников, то они организывают колокольный звон и в результате срывают совещание»⁷¹. Рожков: «Мне лично известно следующее, что за последнее время в селе Бутылицы особенно активно агитировали церковники. Это поп Бутылицкой церкви Новосельский, дьякон Куртыгин и цер-

ковница Власова». «Поп Новосельский ходит по домам церковников, собирает собрания среди них и проводит агитацию против Советской власти. Он говорил матерям, чтобы они не пускали своих детей в клуб, лучше шли бы в церковь»⁷². Голованов: «Мне лично известно следующее, что церковники при селе Бутылицы, в лице попа Новосельского, дьякона Куртыгина и церковницы Власовой за последнее время значительно активизировались и среди населения ведут систематическую антисоветскую агитацию <...>. Так я лично неоднократно наблюдал: на квартире Власовой, где проживал долгое время поп Новосельский, устраивались сборища церковников <...>. Власову часто посещают женщины, какие-то проходимцы, юродивые и святоши <...>, квартиру свою Власова именует кельей <...>. Влияние этой группы церковников сильно отразилось и на деятельности колхоза <...>. В праздничные церковные дни организовывали службы и умышленно затягивали службы до 2-х, до 3-х часов дня, в результате систематически срывали выход женщин, работниц в колхозе на работы <...>»⁷³.

В деле 3 протокола допросов о. Николая: 26, 27 и 29 октября. На последнем допросе отца Николая от 29 октября ему было предъявлено обвинение: «Вы обвиняетесь в том, что, будучи враждебны к Советской власти, среди колхозников вели антисоветскую агитацию. Следствием также установлено, что вы в антисоветских целях группировали вокруг себя антисоветский элемент и принимали участие в нелегальных сборищах церковников. Признаете ли себя виновным в этом?» Ответ: «Нет, я себя виновным в этом не признаю, никакой антисоветской агитации я не вел»⁷⁴.

Заметим, что все 4 свидетеля — члены ВКП(б). Их не так уж и много было на селе, но с ними было легче договориться. Никого из простых сельчан, видимо, невозможно было призвать в свидетели обвинения. Сельчане, в основном, были честные, совестные, верующие в Бога и еще до конца не сломленные новой властью. Заметим, что в показаниях на Власову лжесвидетели говорили, что у нее на стене все время висит портрет царя Николая II. А когда ей сказали, что

⁷⁰ Гос. Архив УФСБ по Владимирской области (дело № 2653 от 26.10.1937г. Управления НКВД по Ивановской области). Лл. 60–61 об.

⁷¹ Там же. Лл. 55–55 об.

⁷² Там же. Лл. 64–64 об.

⁷³ Там же. Лл. 68–68 об.

⁷⁴ Там же. Лл. 14–14 об.

портрет надо убрать, то она открыто на улице говорила («кричала»): «Я за царя и церковь готова на костер пойти»⁷⁵.

По результатам следствия было напечатано на машинке:

Обвинительное заключение

Я, начальник Меленковского РО НКВД сержант Государственной безопасности Климов, рассмотрел 29.X.1937 г. следственное дело по обвинению группы церковников Новосельского Николая Владимировича, Куртыгина Ивана Степановича, Власовой Евдокии Павловны, Каляманова Василия Алексеевича установил следующее: Указанные лица являясь участниками контрреволюционной церковной группы в к/р. целях группировали вокруг себя антисоветский церковный элемент, с которым устраивали нелегальные сборища и вели антисоветскую агитацию. Среди колхозников распространяли контрреволюционные — провокационные слухи и делали клеветнические выпады к Советской власти.

Постановил:

Следственное дело по обвинению Новосельского, Куртыгина, Власовой, Каляманова направить на рассмотрение Тройки УНКВД по Ивановской области.

Начальник Меленковского РО НКВД
Сержант Гос. Безопасности:
/Климов/ (подпись)

Справка: Арестованные Новосельский, Куртыгин и Власова содержатся под стражей с 26.10.1937 г. и Каляманов с 29.10.1937 г. в Меленковской тюрьме<...>»

Начальник Меленковского РО НКВД
Сержант Гос. Безопасности:
/Климов/ (подпись)⁷⁶

Тройка постановила «заключить всех на 10 лет в ИТЛ».

Вот решение об отце Николае:

Выписка из протокола № 74

Судебного заседания тройки Упр. НКВД Ивановской обл. от 15 ноября 1937 г.

Слушали	Постановили
Дело №2653 — Меленковского РО УНКВД	
<p><u>Новосельского Николая Владимировича</u>, 1882 г. р., ур. с. Городищи, Юрьев-Польского района, Ивановской области, служителя религиозного культа. Арестовывался в 1933 г. за вымогательство.</p> <p>ОБВИНЯЕТСЯ в организации к.р. нелегальных сборищ, в проведении антисоветской деятельности, обрабатывал молодежь в к.р. духе и группировании вокруг себя антисоветски настроенных элементов церковников.</p>	<p><u>Новосельского Николая Владимировича</u> заключить в исправтруд лагерь на десять лет, считая срок с 26 октября 1937 года.</p>

Секретарь тройки:
*(Горностаев)*⁷⁷

Х. Ивановская тюрьма № 1

Из Меленковской тюрьмы отец Николай был переведен в Ивановскую тюрьму № 1, где в январе 1938 года было заведено другое дело на трех арестованных священников: Новосельского Николая Владимировича, Кустова Артемия Тимофеевича и Беневольского Геннадия Евлампиевича. В протоколах допроса в Меленках в графе «род занятий» было записано: «Служитель религиозного культа», здесь уже прямо — «священник». 30 и 31 января были допрошены свидетели Рябиков Феодосий Филиппович («из крестьян, колхозник»), Юров Иван Николаевич («из крестьян, служащий») и Святухин Алексей Михайлович («из семьи служителя культа — служащий»). В графе «место жительства» у всех стояло: «Ивановская тюрьма»⁷⁸.

⁷⁵ По архивной справке, присланной мне из УФСБ по Владимирской области от 10.XI.2010 г. № 86/10/7173 Власова Евдокия Павловна «Умерла в тюремной больнице г. Кинешмы Ивановской области 15.08.1938 г.».

⁷⁶ Там же. Л. 69.

⁷⁷ Там же Л. 73.

⁷⁸ Гос. архив УФСБ по Владимирской области (дело № 2591 от 30.01.1938 г. Управления НКВД по Ивановской области). Материалы шиты вместе с материалами дела № 2653 от 26.10.1937 г.

Приведем выдержки из протокола допроса свидетелей: «Вопрос: Расскажите, что вам известно об антисоветской деятельности среди з/к проводимой з/к попами Новосельским Николаем Владимировичем, Кустовым Артемием Тимофеевичем и Беневольским Геннадием Евлампиевичем? Ответ свидетеля Рябикова: За время моего пребывания вместе с указанными з/к поп Новосельский неоднократно распевал священные псалмы, кроме того будучи настроены антисоветски вся эта группа попов Новосельский, Кустов и Беневольский, проводили среди з/к контрреволюционные высказывания по отношению проводимой борьбы партии и правительства с врагами народа, указывая на это как на гонение невинных людей, без всякой причины заключаемых в тюрьму. Священник Кустов доказывал, что в связи с создавшимся положением в СССР — гонением на христианство, за границей количество церкви возрастает и христианство возрастает за счет бежавших из СССР от большевизма людей»⁷⁹. Ответ свидетеля Юрова: Мне известно что указанная группа попов будучи объединена одними антисоветскими взглядами проводили среди з/к всевозможные контрреволюционные высказывания, в которых надеялись на восстановление в СССР церкви и христианства, порицая действия партии и правительства по борьбе с врагами народа. Так поп Новосельский 1/1 с/г, обсуждая политику партии и правительства на данном этапе, доказывал, что все это происходит как описано в книге Сионских Мудрецов, изданной в 1886 г. под редакцией Нилуса. 16/1 Новосельский, Кустов и Беневольский высказывали недовольство в закрытии церковью, во время чего поп Кустов сделал резкий к/революционный выпад в следующей фразе, пусть большевики затопчут религию и церковь, но придет время, и все это вновь вырастет в более цветущем виде. Поп Новосельский в развитие к/революционных высказываний сказал, что не смотря на политику партии и правительства в отношении религии, последняя возрастает за границей, чему привел примером Японию и Китай где в настоящее время вместо 4 православных церковей стало 10. Поп Кустов в одной из антисоветских бесед в своем выступлении высказался, что страна Советов представляет из себя сплошную тюрьму,

из которой не выбраться никогда т.к. при каждом политическом событии же попы будут вновь в тюрьмах ввиду того, что Советская власть одела на них ярлык. Поп Новосельский неоднократно распевал священные песнопения, что им было проделано в камере в религиозный праздник «Крещение»⁸⁰. На вопрос следователя к свидетелю Святухину: «Скажите при каких обстоятельствах поп Новосельский в день религиозного праздника “Крещение” распевал церковные песнопения и провел лекцию на тему упомянутого праздника?», — он ответил так: «Лекции на религиозные темы Новосельский никогда не проводил, а как то раз в январе месяце с/г по моей просьбе воспроизвел полусшепотом вне слышимости других з/к несколько мотивов церковного песнопения. Вопрос: Какая цель преследовалась вами при этом? Ответ: Ни какой определенной цели у меня при этом не было, а причина являлась, заполнение камерного времени моего лично и музыкальность мотивов. При чем Новосельский выполняя это, заведомо знал что я являюсь безбожником»⁸¹.

Допрос о Николая Новосельского 31 января был очень кратким. Вопрос: Расскажите о своей к/р агитации в тюрьме». Ответ: Контрреволюционной агитацией в тюрьме я не занимался. Вопрос: «Следствием установлено, что вы, находясь в тюрьме, доказывали заключенным о том, что все сейчас делается, как описано в протоколах сионских мудрецов, что за счет упадка религии она растет и ширится за границей, пели церковные песни и др.» Ответ: Это я отрицаю, т.к. этого не было»⁸².

3 февраля по делу было подготовлено

Обвинительное заключение

Я, Уполномоченный 3-го отделения ОМЗ УНКВД ИО Баринев рассмотрев следственное дело по обвинению заключенного Ивановской тюрьмы №1 Новосельского Николая Владимировича, 1882 г. р., ур. с. Городище, Юрьев-Польского района ИО. Священника. В 1933 г. арестовывался за вымогательство. Осужденного Тр. УНКВД на 10 лет за активную контрреволюционную деятельность.

нашел:

Обвиняемый Новосельский Н. В., находясь под стражей в Ивановской тюрьме №1 г. Иваново,

⁷⁹ Гос. архив УФСБ по Владимирской области (дело № 2591 от 30.01.1938 г. Управления НКВД по Ивановской области). Материалы сшиты вместе с материалами дела № 2653 от 26.10.1937 г. Лл.94–95.

⁸⁰ Там же. Лл. 96–98.

⁸¹ Там же. Лл. 99–100 об.

⁸² Там же. Л. 102.

систематически проводил к.-р. террористическую агитацию среди заключенных. Подвергал к.-р. критике политику партии и Советской власти. Одновременно высказывал недовольство существующим строем. Восхвалял фашистский режим в Германии и производил гнусные к.-р. измышления о существующем строе в СССР. Стараясь обрабатывать заключенных в контрреволюционном духе, Новосельский рассказывал заключенным выдержки из прочитанной им книги «Сионские мудрецы». Виновным себя признал частично. Уличается показаниями свидетелей Рябикова, Юрова, Святухина и аг. материалами с/с «Хорист».

На основании изложенного

ПОЛАГАЛ-БЫ:

Следственное дело по обвинению Новосельского направить на рассмотрение тройки УНКВД по ИО.

*Уполномоченный 3 отд. ОМЗ УНКВД
(подпись)⁸³*

В архивном деле не было выписки из Протокола судебного заседания тройки о Новосельском Н. В. Но в заключении Прокуратуры Владимирской области в отношении Новосельского Н. В. по материалам уголовного дела арх. № 01408 от 30.08.1994 г., присланного его дочери в 1994 году, записано:

«Постановлением тройки УНКВД Ивановской области от 03.02.1938 года приговорен по ст. 58 п. 10 к расстрелу. Расстрелян 05.02.1938 года»⁸⁴.

XI. Судьба семьи⁸⁵

Жена и дети о дальнейшей судьбе отца Николая после его ареста уже ничего не знали до 1994 года. И осталась Александра Евгеньевна с детьми без дома, работы и вообще без средств существования.

В это время в селе Гришино жили в небольшом домике старшие братья матушки Александры, Анатолий и Александр. В начале 1938 года Александр умирает, и Анатолий приглашает сестру с семьей (5 человек) жить в свой домик, было у него небольшое хозяйство, огород и козы. «Он помог нам выжить, — вспоминает дочь отца Николая Вера, — жили очень бедно, нищенствовали».

Новосельский Вениамин,
1944 г.

Старший сын Вениамин, 1916 г. р., до войны был учителем, потом работал на Ибердском спиртовом заводе заведующим лабораторией. В 1941 году был призван в армию и, как сын «врага народа», попадает в 1942 году в штрафной батальон. После очередного боя и поражения тяжело раненый Вениамин попадает в госпиталь в город Горький, документы отсутствовали. В анкете Вениамин показал себя Валентином, 1917 года рождения, не указав, что он сын священника. После выздоровления он был направлен на учебу в танковое училище, после окончания которого всю войну воевал командиром танка. Был еще несколько раз ранен, выбирался из подбитого танка через нижний люк под обстрелом во время боя. Офицерский аттестат высылал матери и сестрам, чем практически спас их от голода. После демобилизации в 1946 году стал искать тихое место для себя, матери и сестер, где бы не знали об их прошлом (семья священника — «врага народа»). Остановил

⁸³ Гос. архив УФСБ по Владимирской области (дело № 2591 от 30.01.1938 г. Управления НКВД по Ивановской области). Материалы шиты вместе с материалами дела № 2653 от 26.10.1937 г. Л. 103.

⁸⁴ Там же. Л. 117.

⁸⁵ Материалы о судьбе семьи о. Николая получены мною из бесед с его дочерью Верой (1928 г.р.) и сыном Петром (1925 г.р.), проживающих в станице Чепигинской, Брюховецкого р-на, Краснодарского края, во время посещения станицы в 2008, 2009 и 2010 годах.

свой выбор на Кубани. Устроился преподавателем в школу станицы Чепигинской и перевез туда маму и младшую сестренку Катю, которая уже училась в 5 классе. Кубань стала их второй родиной. Прошлое несколько отступило. Потом он жил и работал в станице Динской, где умер и похоронен в 1996 году.

Дочь Маруся (1915 г.р.), сменив фамилию и имя⁸⁶, поступила учиться в Московский торфяной техникум, но вскоре, после ареста отца, скоротечно умерла от психического расстройства. Вера (1928 г. р.) окончила в Гришино 4 и 5 классы школы, а в 1940 году переехала к брату Вениамину в село Кипчаково Рязанской области, где он преподавал в школе, там она окончила 6-й класс в 1941 году. Во время войны Вера училась в г. Вязниках Владимирской области⁸⁷, в педучилище, которое окончила в 1946 году и получила направление учителем начальных классов на Кубань в станицу, где уже устроился работать в школе ее брат Вениамин. Через 6 лет она окончила Краснодарский пединститут и стала преподавать русский язык и литературу в старших классах школы. Сейчас она на пенсии, живет в станице Чепигинской, где почти все старшее поколение станицы когда-то обучалось в ее классах русскому языку и литературе. Сын Петр (1925 г. р.) живет на Кубани, в одной станице с сестрой Верой. Из его рассказов: «До войны учился в ремесленном училище на токаря в Подольске. После начала войны с Германией в 1942 году поступил в Винницкое военное училище⁸⁸, где особым отделом выявилось, что он сын репрессированного священника. Из училища он был исключен и направлен в штрафной батальон. Воевать начал с Курской дуги минометчиком, где в боях участвовал и его старший брат, командир танка, младший лейтенант Вениамин (Валентин) Новосельский. Победу в войне встретил в Берлине. Демобилизовался в 1949 году, в Воронеже учился в медицинском училище, работал лаборантом и помощником санитарного врача. Потом работал в г. Балашове Саратовской области, на нефтебазе, ушел на пенсию, а в 1997 году купил домик в станице Чепигинской и живет на одной улице с сестрой Верой, тоже пенсионеркой.

Петр и Вера Новосельские,
станция Чепигинская,
2009 г.

Сын Николай (1924 г. р.), воевал, был тяжело ранен, после войны жил и умер в доме инвалидов во Владимирской области.

Самая младшая дочь Катя (1935 г.р.), окончила в г. Славянске с/х техникум, работала не по специальности в разных организациях и на заводе. Умерла и похоронена в станице Чепигинской в 2003 году.

Сегодня по всей Кубани живут многочисленные внуки и правнуки священника Владимирской епархии Николая Владимировича Новосельского.

⁸⁶ Детей «лишенцев» не принимали учиться в средние и высшие учебные заведения.

⁸⁷ 14 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была вновь образована Владимирская область, урезанная часть бывшей Владимирской губернии.

⁸⁸ «В декабре 1941 года курсанты и преподаватели эвакуированного Винницкого военно-пехотного училища были размещены в зданиях Суздальского музея (бывший архиерейский дом конца XVII века), бывшей семилетней школы и в торговых рядах». — Белов Ю. Долгое эхо мировой войны. // Суздальская газета «Вечерний звон». 2010. № 1 (95). С. 2.

XI. Послесловие

Как уже говорилось, после 1937 года жена и дети о дальнейшей судьбе отца Николая уже ничего не знали. Пропал и сгинул в адовых безднах, «без права переписки», и лишь по документам было выяснено, что 5 февраля 1938 года он был расстрелян в Ивановской тюрьме № 1.

Жена о. Николая Александра Евгеньевна умерла и похоронена в 1976 году в станице Чепигинской на Кубани. Справка о реабилитации «служителя религиозного культа» была его детьми получена только в августе 1994 года.

Также было получено из Меленковского районного отделения ЗАГСа Владимирской области Свидетельство о смерти.

Свидетельство

В письме из Управления ФСК по Владимирской области в 1994 году также сообщалось:

«Жертвы политических репрессий, расстрелянных в г. Иваново, похоронены на городском кладбище “Балино”, где в настоящее время установлено памятное надгробие»⁸⁹.

В 2009 году я посетил это кладбище в г. Иваново. Оно красивое, ухоженное, зеленое. Сотрудники не могли показать мне того места, где «похоронены жертвы политических репрессий». В центре на перекрестке кладбищенских дорожек установлена небольшая, около метра высотой, плита со звездой, без креста, т. е. совсем не «надгробие» и не тем жертвам, о которых сообщило УФСК.

Перед кладбищенскими воротами в 2000 году построен небольшой очень красивый храм с памятной доской при входе: «Сей храм в честь святых апостолов Петра и Павла заложен 20.04.1999 г. и освящен 12.07.2000 г. Архиепископом Иваново-Вознесенским и Кинешемским Амвросием при настоятеле игумене Никандре тищанием благочестивой

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ка) *Новосельский*
Николай Владимирович
Ф.И.О. ЗАКАЗАТЕЛЯ

умер(ла) *05.02.38* число, месяц, год *Пятый февраль тысяча девятисот тридцать восьмого года*
число, месяц, год (прописью)

в возрасте *56* лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
 19 *89* года *сентября* месяца *22* числа

произведена запись за № *41-В*

Причина смерти: *Расстрелян*

Место смерти: город, селение *г. Иваново*
 район.....

область, край *Ивановская*
 республика.....

Место регистрации *Меленковский р/о ЗАГС*
Владимирской области
и местонахождение органа ЗАГС

выдана в *18 августа* 19 *94* г.

Муниципальный отдел (Бюро) Гражданского состояния

1-НА № 260382

МТГ. 1993.

Свидетельство о смерти о. Николая, выданное в 1994 г.

семьи р.б. Павла и Галины Павлюченко со чадами Романом, Антонием, Ксенией, Христиной и Николаем в вечное поминовение усопших родителей Николая, Константина.

Свои труды приложили р. б. Александр Маврычев, Евгений Иванов, Николай Коротков и другие жители города.

Вот и вся память о тысячах расстрелянных, которые, возможно, похоронены на кладбище «Балино», в частности священноцерковнослужителей и православных христиан, жертв политических репрессий.

⁸⁹ Гос. Архив УФСБ... Л. 107.

Место, где было село Жаворонково.
Лето 2011 года

Село Дубровка, место где стояла церковь.
Лето 2011 года

В настоящее время (2011 год, май) на месте села Жаворонкова и его церкви — распаханное поле. Село Жаворонково 15 ноября 1976 года исключено из списка населенных мест. В селе Дубровке — на месте двух каменных церк-

вей с колокольнями — бугры и унылый бурьян, рядом — загон для коров.

Это там, где родился мученик за православную веру отец Николай. Начало и конец жизни стерты с лица земли.

В. В. Каширина

Кельи святителя Феофана, затворника Вышенского, по воспоминаниям современников¹

Феофан (Говоров) пробыл в полном затворе более двадцати лет. Это время явилось самым плодотворным этапом его деятельности как духовного писателя и богослова. О ценности этих трудов свидетельствует степень доктора богословия, которую ему, уже 18 лет находящемуся в затворе, присвоила Санкт-Петербургская Духовная академия. Кроме научных занятий, святитель в затворе вел обширную переписку. Ежедневно ему приходило от двадцати до сорока писем, на которые он сам писал подробные ответы.

Затвор — это форма особого подвижничества, один из видов отшельничества, о внутрен-

нем делании подвижника во время затвора свидетельствует преподобный Григорий Синаит в «Добротолюбии»: «Сидя в келье своей, терпеливо пребывай в молитве во исполнение заповеди апостола Павла (Рим. 12: 12; Кол. 4: 2). Собери ум свой в сердце и оттуда мысленным воплем призывай на помощь Господа Иисуса, говоря: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Не поддавайся малодушию и разлениению, но пободи сердцем и потруди себя телом, ища Господа в сердце!»². Период затвора — это время сокровенных подвигов святителя, известных одному Богу, время сокровенной жизни, практически не известной окружающему миру. Свой подвиг

В музее святителя Феофана Затворника Вышенского

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 11-04-00190а.

² Цит. по: Степанов Лука, игумен. Затвор как форма общественного служения святителя Феофана Затворника // Феофановские чтения. Вып. IV. Рязань, 2011. С. 150–156.

В музее святителя Феофана Затворника Вышенского

святитель совершал в кельях, которые специально для него были устроены в Вышенской пустыни. Об уходе в затвор, а также об образе жизни затворника и обстановке его келий и будет рассказано в этой статье, составленной преимущественно на основе редких материалов дореволюционной периодики.

Сейчас в кельях святителя в Свято-Успенском Вышенском монастыре работает музей святителя Феофана, открытый не так давно — в июне 2010 г. За первый год работы музей посетило более 4000 человек, паломники из разных уголков России, а также из-за рубежа. В монастыре были восстановлены кельи святителя, в которых он подвизался в затворе долгие годы, предпринята попытка воссоздать то убранство, которое было при жизни святителя. В первом зале представлены экспонаты, связанные с историей Вышенской пустыни, здесь же находятся портреты настоятелей обители, а также собраны прижизненные издания святителя Феофана и книги, которые входили в круг чтения святителя.

Второй и третий залы — келья и кабинет святителя с его рабочими инструментами. В четвертой зале представлены экспонаты, связанные

с современной историей обители. Восстановлена и «церквица» святителя, в которой проходят богослужения.

По словам хранителя музея, монахини Иулиании (Муравьевой), «сам музей и экскурсия по нему как урок, как живая проповедь о том, как должен жить человек, чем заниматься, как распределять свои занятия, к чему устремлять свои силы и способности, как относиться к людям. Это образец жизни для верующего человека, который только и занят мыслью — как спастись. Понятное дело, мы не можем уйти в затвор, как это сделал святитель Феофан, мы не можем писать таких творений и писем, но мы можем найти пищу к размышлению. Музей будит сердца. Да, все знают о духовном подвиге святителя Феофана, а повторить его никто не смог. Музей помогает современному человеку хотя бы отчасти пронаблюдать этот подвиг, потому что многое из затворнической жизни великого подвижника остается под некоей сокровенной сенью. Для того, чтобы что-либо приоткрылось, требуется тщательнейшим, наивнимательнейшим образом изучить немалому числу людей, и только тогда, может быть, эта сень приоткроется пошире»³.

³ *Муравьева Иулиания*, монахиня. Музей Феофана Затворника как непрекращающаяся проповедь святителя и живая связь его с современностью. Доклад на XIX Международных Рождественских чтениях // Сайт Свято-Успенского Вышенского монастыря. www.svtheofan.ru.

В музее святителя Феофана Затворника Вышенского

Известно, что решение об увольнении вынашивалось долго. Как отмечал сам святитель: «Имею в мысли служить Церкви Божией, только иным образом служить». 12 марта 1886 г., в день своих именин, на память преподобного Феофана Сигрианского, после сугубых молитв на божественной литургии он подал прошение в Святейший Синод об увольнении его на покой с правом пребывания в Вышенской пустыни. 17 июля 1866 года был освобожден от управления Владимирской епархией с назначением настоятелем Вышенской пустыни. Как в самом Владимире, так и в столицах многие неоднозначно восприняли это решение святителя. Прощальные его слова к владимирской пастве, а также ответные речи священнослужителей — это стремление объяснить и сформулировать сущность этого шага, это первые попытки к пониманию этого непростого, но твердого решения.

Священник Николай Флоринский на последней службе святителя во Владимирском Успенском соборе сравнил уход Феофана Затворника со святительской кафедры с духовным подвигом преподобного Исаака Сирина,

христианского писателя-аскета VII века, а также с поступком святителя Тихона Задонского, который почти за 100 лет до святителя Феофана покинул Воронежскую кафедру ради безмолвной жизни.

В словах владимирского духовенства звучала надежда на то, что владыка Феофан, как и его великие предшественники, покинув многозаботливую святительскую кафедру, послужит Церкви своими писаниями и духовными трудами: «... как в древности св. Исаак Сирианин, а в недав-

Экспозиция музея святителя Феофана Затворника Вышенского

Преосвященный Феофан Епископ Владимирский
(из периода его святительского служения во Владимире, с портрета,
переданного редакции княгиней Н.И. Кугушевой)

Из журнала «Душеполезное чтение». 1899. Ч. 1.

нее время св. Тихон Задонский, — оба, пребывая в безмолвии после трудов святительских, услаждали Церковь Христову драгоценными для нее навеки писаниями и сими трудами своими обессмертили в христианстве свою святую память, которую прославил Сам дивный во святых Своих Бог, — так да процветет в летописях

дней Св. Церкви и возлюбленное имя отшельника — иерарха нашего дондеже облечется вечным бессмертием небесным от Отца Светов. Да сотворит Господь и да исполнит по сим желаниям нашим искренним, молитвами прославившихся zde угодников Своих, к которым благоговейно и всегда притекал с усердными мольбами о заступлении преосвященный Феофан»⁴.

Очень скоро святитель был освобожден от должности настоятеля. По свидетельству одного из авторов воспоминаний, опубликованных в «Тамбовских епархиальных ведомостях», «для него настала жизнь без хлопот, жизнь для ученых трудов и молитвы. В первое же время пребывания своего в Пустыни преосвященный Феофан говорил игумену Аркадию: “Я намерен испытать себя в подвигах иночества; буду ежедневно ходить в церковь ко всем братским службам, а потом скажу, что со мной”. Пять месяцев продолжалось это испытание: Преосвященный Епископ, наряду с братией, ежедневно ходил к вечерне, утрени и ранней обедне. Являлся он к богослужению всегда в сопровождении своего келейника и непременно к началу службы. Становился он в холодном храме в главном алтаре; в теплом — в алтаре придела в честь преп. Сергия». Один из очевидцев (Игумен Тихон) так изображает молитвенное стояние владыки Феофана. «Придет он, бывало, в церковь, сотворит уставные поклоны, станет в алтаре на определенном месте в струнку “не распуская членов”, и начинает молиться. Он творит то редкие поясные поклоны, то совсем прекратит и те и другие».

«Все это он совершал благоговейно, сосредоточенно и большею частью с закрытыми глазами, что, по его собственным словам, “способствовало собранности всех чувств, внутрь пребыванию; стоянию умом и сердцем пред Господом”. В таком состоянии молитвенного безмолвия Владыка

⁴ *Флоринский Николай*, священник. Прощание с паствою и отъезд преосвященного Феофана из Владимира // Владимирские епархиальные ведомости. 1866, 1 августа. № 15. Неоф. ч. С. 848–849.

оставался иногда подолгу, и только непрерывное перебирание четок свидетельствовало, что он умно не переставал произносить слова молитвы Иисусовой и в это время»⁵.

Первоначально святитель Феофан поселился в настоятельских кельях, однако помещение это оказалось очень тесным из-за обширной библиотеки святителя. Тогда настоятель Вышенской пустыни и одновременно ученик святителя о. Аркадий (Честонов) решил построить для него отдельные кельи. Зимой 1866 года он начал заготавливать лес и зимой же приступил к постройке над каменной просфорней второго деревянного этажа. Помещение для владыки Феофана вышло просторное и вполне удобное.

Через пять месяцев после переселения в обитель стало очевидно, что для святителя, занятого интенсивными научными трудами, требуется особый распорядок жизни, отличный от общемонастырского. Тогда епископ Феофан сказал игумену, что «продолжать хождение ко всем службам церковным он не может»⁶ и стал мало-помалу сокращать свои выходы в церковь к вечерни и утрени, а потом стал выходить только к ранней литургии.

«Так продолжалось до 19 февраля 1873 года, понедельника первой недели Великого поста. В этот день преосвященный епископ Феофан, после утрени, сказал настоятелю: “Хочу сделать над собою еще испытание — хочу отделиться от живого общения с людьми”. Отделение это продолжалось весь Великий пост. В Великую субботу он объявил, что первый день св. Пасхи он будет служить вместе с братиею, а потом уединится опять и уже на целый год. По прошествии года, т.е. в 1874 г., преосвященный Феофан нашел для себя возможным совершенно порвать непосредственные сношения с миром и уединиться в тиши своей кельи навсегда. В совершенном удалении от мира, в тиши затвора, ему казалось легче и удобнее стремиться к идеалу

Преосвященный Феофан Епископ Владимирский
(с портрета из приходской библиотеки-читальни
имени Луки и Матвея Васильевичей Лосевых,
при церкви Св. Николая в Толмачах)

Из журнала «Душеполезное чтение». 1899. Ч. 1.

иночества, существо которого, по его словам, заключалось в том, чтобы, “устремившись умом и сердцем горе быть там единому с Единым Богом не минуту, не час, не день, а непременно”. К этому непрерывному пребыванию вместе с Богом в совершенном уединении побуждало Епископа Феофана, по его словам, еще желание “пересмотреть и пообчистить многое готовое для печати, но не пересмотренное и не очищенное; исправить его и отпечатать, чтобы могли читать любящие почитать”⁷.

⁵ Воспоминания о в Бозе почившем преосвященнейшем епископе Феофане // Тамбовские епархиальные ведомости. 1895, 30 сентября. № 39. Неоф. ч. С. 996–997.

⁶ Там же. С. 998–999.

⁷ Там же.

Святитель Феофан перестал с 1874 г. выходить даже в церковь, молясь келейно. В 1878 г. он испросил разрешение у епархиального начальства устроить у себя в покоях домашнюю церковь, которая, после получения антимиаса, была освящена самим святителем во имя Богоявления Господня. В этой церковке преосвященный Феофан совершенно один, без всякой посторонней помощи, совершал богослужения, сначала только по воскресным и праздничным дням, а в последние десять лет — ежедневно⁸.

В первое время затвора редко, в хорошую погоду весной и летом, святитель Феофан выходил погулять в лес. Такие прогулки чередовались с еще более редким катанием на лошади в легком экипаже в сопровождении келейника. Зимой и летом святитель ежедневно гулял по балкону, пристроенному к покоям с северной стороны. Этот балкон тянулся во всю длину здания и от посторонних глаз был защищен резной решеткой со щитом, выпиленным самим затворником.

Сначала святитель изредка принимал желающих встретиться с ним, однако с течением времени эти приемы заметно сократились. В последние годы святитель принимал у себя только архимандрита Аркадия, выходы делал только для прогулки по балкону и в баню, которую очень любил. В бане он оставался подолгу и держал столь высокую температуру, что он мог находиться там только один. Однажды настоятель пустыни спросил преосвященного Феофана, не вредна ли для его здоровья такая высокая температура. На что святитель ответил: «Меня беспокоят ноги и наводят смертельную тоску; когда я их нажарю в бане, они немеют, и я успокаиваюсь на время».

В кельях святителя был всегда чистый воздух, одевался он чисто и тепло, стол имел простой, но не скудный. Занятия умственные и работы физические совершались в определенное время. Этот порядок, заведенный самим святителем, способствовал его плодотворной работе.

Описание кельи святителя приведено в статье неизвестного автора «В келье затворника», опубликованной в апреле 1894 г. в журнале «Душеполезные чтения»⁹. Уникальность этих воспоминаний в том, что они написаны сразу

после кончины святителя, когда в его покоях проводился разбор вещей. Вся обстановка в келье в то время была полностью сохранена.

Вслед за автором читатели впервые смогли познакомиться с внутренним устройством кельи, которая была расположена на втором этаже монастырской просфорни. «Стены деревянные, без обоев, несколько потемневшие от времени. Мебель и вся обстановка до последней крайности простые и ветхие. Шкаф с угольником из простого дерева, оцененный в один рубль... Комод — в два рубля... Простой стол, ветхий... Складной аналой, ветхий... Железная кровать, складная, ценою в один рубль... Диваны березового дерева, с жестяными сидениями — все ценою в три рубля сер... Все остальное в таком же роде...»¹⁰.

В келье было много вещей, которые свидетельствовали о разносторонних знаниях святителя: два ящика с инструментами — токарными, столярными, переплетными, палитра для красок и кисти. Фотографический аппарат, станок для выпиливания из дерева, верстак, токарные станки. Телескоп. Два микроскопа, анатомический атлас, шесть атласов географии общей, церковной и библейской.

Автор был поражен огромной библиотекой, которая располагалась в отдельной комнате: «А какое громадное собрание книг! Всюду книги, книги, целые груды книг... Вот история России Соловьева, всемирная история Шлоссера, сочинения Гегеля, Фихте, Якоби... Но подавляющее большинство книг духовного содержания: почти все духовные журналы, творения великих отцов и учителей Церкви: св. Григория Богослова, св. Василия Великого, св. Иоанна Златоуста, Исаака Сирианина, св. Нила Сорского, св. Тихона Задонского, св. Димитрия Ростовского и многих, многих других великих наставников и подвижников... Четьи-Минеи и прологи на греческом языке, Четьи-Минеи св. Димитрия Ростовского... Много книг богословского и церковно-исторического содержания на французском, немецком и английском языках, например, Богословская энциклопедия на французском языке в 150 томах»¹¹.

Также подробно описывались произведения иконописи, принадлежащие кисти святителя Феофана Затворника: «Святитель любил

⁸ Воспоминания о в Бозе почившем преосвященнейшем епископе Феофане // Тамбовские епархиальные ведомости. 1895, 30 сентября. № 39. Неоф. ч. С. 1000–1001.

⁹ В келье затворника // Душеполезное чтение. М., 1894. Апрель. Ч. I. С. 687–702.

¹⁰ Там же. С. 687.

¹¹ Там же. С. 699.

священное искусство иконописания и сам был хороший художник. Нося в душе образы иного, высшаго небесного мира, он, видимо, желал окружить себя и на земле их светлыми отражениями. Какое изобилие икон и картин священного содержания! Большинство, если не все из них, вероятно, писаны его святительской рукой. “Распятие”, “Воскресение Христово”, “Снятие со Креста”, “Спаситель в терновом венце” — на полотне образ Спасителя во весь рост, Божией Матери — во весь рост на досках, “Богоявление” — на полотне, образ святителя Тихона во весь рост — неоконченный немного, иконы св. Митрофания Воронежского, св. Антония и Феодосия, св. Александра Невского... и много других картин и икон на полотне и досках. Есть и портреты, например, Серафима Саровского... К двум предметам особенно часто возвращалось художественное творчество почившего: к изображению св. Тихона Задонского и Богоявления»¹².

Отдельно автор описывает «церквицу» святителя, отмечая важную деталь: «...особенно трогательно — это то, что в алтаре близ жертвенника, на стене можно видеть висящий мешочек, весь наполненный записочками к преосвященному с просьбами помянуть в своих молитвах престола Божия...»¹³.

Сохранилось и подробное описание остальных комнат святителя, в которых размещалась приемная, библиотека и спальня. Автор воспоминаний, опубликованных в «Тамбовских епархиальных ведомостях», отмечал, что помещение «разделено на четыре большие комнаты, величиною равных друг другу. Комнаты обставлены чрезмерно просто. Первая, по входе, при жизни святителя Феофана была у него приемною. Все ее убранство составляли: несколько самых простых икон, на одной из стен большое полотно с изображением, кажется, св. Тихона, на другой стене пять рам с грамотами на звание члена четырех Духовных академий и с дипломом на степень доктора богословия, — мягкий кожаный диван, несколько таких же кресел два простых стола и немного простых стульев... Эта комната, как и остальные, с неоштукатуренными стенами, с окрашенными полами...

Во второй комнате, первой из трех комнат, которые были недоступны даже для немногих редких посетителей епископа Феофана, при жизни его находилась часть его громадной библиотеки,

стол и пюпитр, около которого он, временами, стоя, занимался. В этой же комнате, с западной стороны, находилась домовая церковка, о которой сказано выше.

Третья комната — собственно библиотека. Все четыре стены этой комнаты горизонтально, сверху донизу, разделены полками, которые сплошь заставлены книгами на разных языках (еврейском, древне- и новогреческом, латинском, французском, немецком, английском, славянском, русском). Большая часть книг по истории гражданской, по философии, словесности, математике, архитектуре, живописи, медицине; есть географические карты, исторические атласы на разных языках, альбомы картин различных художников; масса духовных журналов; есть и светские иллюстрированные. Здесь же целые груды собственных сочинений преосвященного Феофана и масса его рукописей — более пяти стоп исписанной бумаги. В этой же комнате стоит шкаф с письменными принадлежностями. Здесь же находится заваленный горами бумаг рабочий стол епископа Феофана, но уже не на том месте, где он был при жизни работавшего на нем; лестница для доставания с верхних полок нужных книг. На нескольких полках стены с западной стороны наставлено множество пузырьков, баночек, коробочек с лекарственными травами разного рода, которыми Владыка лечился сам и иногда лечил других. В этой же комнате оказалась фотографическая камер-обскура, телескоп, микроскоп, мольберт, несколько палитр, масляные краски, кисти и пр.

Наконец, последняя комната служила спальней для преосвященного Феофана. Направо от входной двери, в углу — божница, в которой иконы, в большинстве, как говорят, письма владыки Феофана. Далее, по той же стороне стоят — токарный станок, слесарный, переплетный. На каждом из них лежат соответствующие инструменты. В углу по правой же стороне сделаны полки, на которых расположены окаменелые деревья, кости и другие археологические предметы. Налево от входной двери стоит гардероб с платьем, далее — письменный стол. Далее по стене развешены (все недооконченные): Распятие, Богоявление Господне, иконы Божией Матери. Кроме указанных произведений преосвященного Феофана, его кисти принадлежат три иконы в алтаре холодного храма, где он теперь погребен. Иконы написаны в 1875 году масляными красками на больших досках (изображения в них в рост человека). Первая икона

¹² В келье затворника // Душеполезное чтение. М., 1894. Апрель. Ч. I. С. 687–702.

¹³ Там же. С. 700.

висит у жертвенника, с левой стороны алтаря. Она изображает “Положение Господа во гроб”. На второй иконе, которая висит против престола, написано “Воскресение Христово”. На третьей изображено “Распятие Господне”. Эта икона недалеко от второй по той же стене. Все иконы по замыслу просты, по выполнению его — изящны и выразительны... В покоях настоятеля пустыни находятся писанные епископом Феофаном же портреты — монахини Миропии, первоначальной обладательницы иконы Казанской Божией Матери (Вышенской), жены патриарха Филарета (Никитича) и портрет Сергея Кирилловича Нарышкина, пожертвовавшего ризу на икону Казанской Божией Матери. Кроме этого, в покоях Преосвященного Феофана, в его церковке и в храмах пустыни много ли икон, писанных святителем, определить их невозможно.

Далее, у стены этажерка с книгами разного содержания, маленький складной столик и кровать, над которой устроена палатка из белой, тонкой материи. За кроватью, у стены комод с бельем. Тут же самый простой жестяной умывальник¹⁴.

В путевых очерках А. Кондратова «По святым обителям и богоспасаемым градам»¹⁵ келья и «церквица» описаны уже после проведенного ремонта, когда там значительно изменился облик, все комнаты были отремонтированы и предназначены для приема епархиального преосвященного. В статье содержится подробный перечень икон с размерами, что особенно важно для воссоздания внутреннего интерьера кельи святителя в открывшемся в Вышенском монастыре музее.

«В комнате, в коей церквица, иконы: 1) Страждущий Спаситель, 14×11 в(ерш.). 2) Владимирская икона Богоматери, украшенная филиграновою ризою с камнями (риза, вероятно, работа Дивеевских инокинь). 3) Воскресение Христово, 13×10. 4). Спаситель-Отрок, с хартией в правой руке. 5). Господь Вседержитель. 6) Святитель Тихон Задонский — большая икона 2 ½ × 1 ¾ арш.

В библиотеке (смежной комнате): 1) Икона Умиления Божией Матери 12×10 в. 2) Богоматерь с Богомладенцем на руках, у Него в правой руке крест 6×5 в. 3) Икона Спасителя: очи и правая

рука воздвигнуты к небу 14×11 в. Внизу эта икона недокончена. 4) Спасителя, преподобных Симеона Нового Богослова и Феофана Сигрианского — на одной доске 6×5 в. 5) Икона Богоматери Ахтырская. 6) Распятие неоконченное 16×10 в. 7) Пещера Гроба Господня 14×10 в(ерш.).

В спальне: 1) Икона Казанская Богоматери, на картоне. 2) Крещение Господне — неоконченное: 1 аршин 10 вершков × 2 ½ арш. 3) Жена (вероятно, лик святой мученицы, какой — неизвестно) шерстью вышитая: ¾×¾ арш. 4) Св. благоверного в. князя Александра Невского вышивная: 8×6 в. Обе эти вышивные иконы недокончены¹⁶.

По замечанию А. Кондратова, «были и еще, говорят, иконы святительской кисти, но поступили по кончине владыки к его наследникам и почитателям. Также и большая часть вещей взяты наследниками. <...> Почтенный настоятель обители предполагает со временем снять фотографический снимок с внутреннего вида св. церквицы в кельях затворника»¹⁷.

Духовным центром келий затворника являлась «церковка» святителя, в которой он совершал ежедневное богослужение. Чтобы восстановить келью святителя, потребовалось обращение к различным источникам. Сохранилось одно редкое воспоминание, в котором подробно описывается интерьер церкви в покоях владыки.

В этой церковке преосвященный Феофан совершенно один, без всякой посторонней помощи, совершал все службы Божии, положенные уставом церковным. Только однажды за последний десятилетний период, когда службы им совершались ежедневно, владыка служил не у себя, а вместе с братией. «Это было в 1885 г. 26 апреля, когда преосвященный пустынный, с разрешения Тамбовского епископа Палладия II, рукоположил из братии пустыни иеродиакон Павла в иеромонаха и монаха Серапиона в иеродиакон»¹⁸.

Описание кельи святителя содержится и в других статьях «Душеполезного чтения»: в небольшой статье племянника святителя А. Г. Говорова «С Выши»¹⁹, написанной к полугодовой памяти свт. Феофана Затворника, когда в кельях шел ремонт и вся обстановка была временно

¹⁴ Воспоминания о в Бозе почившем... С. 1001–1003.

¹⁵ Кондратов А. По святым обителям и богоспасаемым градам // Душеспасительное чтение. М., 1895. Ч. I–II.

¹⁶ Кондратов А. По святым обителям и богоспасаемым градам // Душеполезное чтение. М., 1896. Март – апрель. Ч. I. С. 695.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Воспоминания о в Бозе почившем преосвященнейшем епископе Феофане // Тамбовские епархиальные ведомости. 1895. 30 сентября. № 39. Неоф. ч. С. 1000–1001.

¹⁹ Говоров А. Г. С Выши // Душеполезное чтение. М., 1894. Ч. II.

Автопортрет святителя Феофана Затворника Вышенского

вынесена; в статье «Нравственный облик преосвященного Феофана Затворника, его келлия, кончина и “последнее завещание”»²⁰; Н. А. Колосова «Библиотека преосвященного Феофана Затворника»²¹ и др. В «Тамбовских епархиальных ведомостях» в 1895 г. были опубликованы «Воспоминания о в Бозе почившем преосвященнейшем епископе Феофане» неизвестного автора²².

В путевых очерках А. Кондратова «По святым обителям и богоспасаемым градам» было приведено уникальное подробное описание «церквицы» святителя²³, составленное по просьбе автора

одним из иноков обители, который мог посещать эти кельи. Автором этого описания, по нашему предположению, мог быть игумен Тихон (Ципляковский).

**Описание св. церквицы
во имя Богоявления Господня,
в кельях Вышенского
безмолвника,
святителя Феофана**

Церквица в кельях святителя Феофана занимает угол комнаты северо-западный. Значит, алтарь ее не на восток, по обычаю, а на север. Престол посвящен Богоявлению Господню (Феофан — Богоявлен). Занимает она пространство — 4 арш. шириною и 8 ½ арш. длиною, отделенное досчатою (так в источнике. — Ред.) перегородкою, не доходящей до потолка. В этой перегородке находится ведущая в церковку дверь, скрытая под большою и плотною занавесью. В длину церквица также не доходящую до потолка занавескою разделена на две неравные части. Маленькая часть, в которую ведет дверь, представляет из себя трапезу. Здесь у стены — помещение для риз и другой церковной утвари. В другой, большей части, посредине находится престол, длиною и шириною в 1 аршин и высотой в 1 ¼ арш. Слева, в углу — небольшой жертвенник. На нем: потир, дискос, лжица и проч. Все это миниатюрно, рассчитано на весьма

ограниченное число причастников, каковых всегда было только один совершитель таинства — почивший святитель Феофан. На особом столике, недалеко от престола, лежали панагия и четки (теперь уже хранящиеся в шкафе за стеклом в библиотечной комнате); из панагий чаще других употреблялась панагия, вырезанная из кипариса самим святителем, с изображением нерукотворного Лица Спасителя... Облачения и церковная утварь прекрасны и многочисленны. Все это дар благочестивых почитателей молитвенника Божия, святителя Феофана.

²⁰ Нравственный облик преосвященного Феофана Затворника, его келлия, кончина и «последнее завещание» // Душеполезное чтение. М., 1895. Ч. I. С. 546–565.

²¹ Колосов Н. А. Библиотека преосвященного Феофана // Душеполезное чтение. М., 1895. № 36. Ч. I. С. 553–560.

²² Воспоминания о в Бозе почившем преосвященнейшем епископе Феофане // Тамбовские епархиальные ведомости. 1895, 30 сентября. № 39. Неф. ч. С. 996–1007. Переизд.: Каширина В. В., подг. к публ. Воспоминания современника: «Церковка» и келья святителя Феофана Затворника // Православное книжное обозрение. 2011, март. Спецвыпуск. С. 110–123.

²³ Кондратов А. По святым обителям и богоспасаемым градам // Душеполезное чтение. М., 1896. Март — апрель. Ч. II. С. 170–175.

Теперь перечислю иконы: 1) На Горнем месте: Распятие Господа нашего Бога и Спаса Иисуса Христа, без предстоящих, в высоту и ширину окна, которое заграждено святым изображением. Икона кисти самого святителя Феофана, на полотне, в простой деревянной рамке, мерою $2 \frac{1}{4}$ арш. высоты и $1 \frac{1}{4}$ арш. ширины. 2) По правую сторону: местная икона Спасителя, обыкновенного изображения, каким вообще живописуются Лики Господа — Пастыря, Небесного Преосвященника. На дске, по золоченому фону, кисти хорошей, $1 \frac{1}{2}$ ар. длины, $\frac{3}{4}$ ар. ширины. Вероятно, и эта св. икона кисти самого богомольца святителя Феофана. 3) По левую сторону: икона местная Богоматери, и мерою, и тоном живописи по всему подобная Спасительной иконе, на дске. Богоматерь держит на пречистых дланях обеих Богомладенца Господа Иисуса Христа. Икона тоже живописана самим святителем. Примечание: Так как в церкви малой особого иконостаса, отделяющего алтарь от трапезы, нет, то местные иконы и помещены по сторонам Горнего места и стоящего на нем изображения Распятия. 4) Выше горнего места, над окном, помещены четыре в ряд свв. иконы евангелистов: Матфея, Луки, Марка и Иоанна, с обычными при них изображениями — человека-ангела, тельца, льва и орла. Все иконы одинаковой меры — $2 \frac{1}{2}$ четв. вышины и 2 четв. ширины, писаны на полотне, в деревянных рамках. Кисти самого художника-святителя Феофана. 5) Над жертвенником: икона Воскресения Христова, с двенадцатью праздниками вокруг нее. Кисти хорошей, византийского иконного стиля, $2 \frac{1}{2}$ четв. вышины и 2 четв. ширины на дске (так в источнике. — *Ред.*). 6) Над этой иконой: малая икона Спаса Нерукотворенного, $1 \frac{1}{2}$ четв. вышины и 1 четв. ширины, на полотне, кисти святителя Феофана. По правую сторону от нее, в 1 четв. с верхком, икона свв. мучениц Софии, Веры, Надежды и Любви, метахроматическая, на дске. По левую — такого же размера живописная икона ап. Петра и Павла, кисти епископа Феофана. Неподалеку от этой иконы — литографическое изображение св. апостола евангелиста Иоанна Богослова, копия с древней чудотворной иконы, в Рязанском Богословском монастыре находящейся. 7) На западной стороне окно заставлено иконою Богоявления, написанную масляными красками на полотне, мерою $2 \frac{1}{2}$ арш. вышины и $1 \frac{1}{4}$ арш. ширины. Это храмовая икона писана самим святителем-безмолвником, и по всему стилю живописи подобна нагорному Распятию. За нею на стене три иконы, 3 четв. вышины и 2 четв. ширины, свв.

апостолов, по два лика на каждой иконе: Петра и Павла, Симона Зилота и Варфоломея, Иакова Алфеева и Андрея Первозванного. Живописаны рукою самого святителя-богомольца. 8) Ниже апостольских икон, на сей же стороне, икона на дске свв. преподобных Варсонофия Великого и спостника его Иоанна Пророка, в монашеских схимах и мантиях; в руках у обоих угодников Божиих большие, в рост их, кресты как символ их крестноносной иноческой, подвижнической жизни. Икона живописана самим святителем Феофаном, искренним, особенным читателем сих святых преподобных отец. Мера иконы — 1 четв. с верх. Высоты и 1 четв. ширины. Рядом с нею — икона живописная свв. великомуч. Георгия Победоносца и царицы муч. Александры, той же меры, как и икона преподобных; писана на дске. 9) На восточной стороне св. алтаря, от местной иконы Спасителя, идут свв. иконы: св. муч. и целителя Пантелеимона, живописная на дске, $1 \frac{1}{2}$ четв. высоты и 1 четв. ширины, а за нею — живописная, в простой деревянной раме, на полотне, икона св. Архангела Салафиила, с кадилом и свечью в руках, в положении молитвенном; сверху над ликом в полуциркуле, по ширине иконы, написано: «Св. Архангел Салафиил, моляй Бога о человеках, и человеки к молитве возбуждай». Икона прекрасная, живописи самого святителя-богомольца Феофана, возбуждающего всю жизнь ближних к неустанной молитве, подобно ангелу-салафиилу. Рядом с нею: икона св. муч. архидиакона Лаврентия, живописная, прекрасной художественной кисти, икона на полотне св. Тихона Задонского чудотворца. Святитель в архиерейской мантии клобуке, и с посохом архиерейским в руках. Икона в золоченной рамке; высота $1 \frac{1}{4}$ арш. и 1 арш. ширины. Рядом с этою иконою, идут в ряд: икона св. великомученицы Варвары и архангела Михаила, в виде воина с мечем (два лика на одной иконе), икона св. Тихона Задонского, на золоченном фоне, чеканном, на дске, и икона св. Митрофания Воронежского чудотворца, на дске и простом живописном фоне. Все три иконы одной меры — $1 \frac{1}{2}$ ч. Высоты и 1 ч. ширины. Последняя икона святителя Митрофана, как говорил почивший святитель Феофан, дороживший ею, написана воронежским благочестивым живописцем, тем самым, который по сновидению, испрошенному молитвою к Воронежскому чудотворцу, написал лик угодника, до того времени неизвестный. Икона — копия с подлинной сновиденной. Проф. Корсунский в книге своей «Преосвященный епископ, бывший Владимирский и Суздальский» упоминает о небольшой иконе св. Митрофана, кисти преосвященного

Феофана, — иконе, которую Вышинский уединенник прислал Тамбовскому епископу Виталию, в 1888 г. Икона эта, по смерти преосвященного Виталия, передана в церковь Московской Духовной Академии. Интересно знать, эта св. икона не представляет ли из себя копию с св. изображения, находящуюся в церкви святого Феофана? Известно, что и у в Бозе почившего незабвенного владыки Леонтия, митрополита Московского, была также икона святого Митрофана, — работы преосвященного Феофана. Если не ошибаемся, то эта последняя икона схожа с той, которая имеется в Богоявленском храме Вышинского затворника. Копия с св. иконы, имевшейся у высокопреосвященного Леонтия, помещена в «Холмском народном календаре за 1892 год». А где подлинник? Многим почитателям памяти обоих приснопамятных архипастырей, думаем, весьма желательно бы это знать. А. К. 10) В трапезе на западной стене: икона живописная на дске трех святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, вышиною в 1 ½ четв., шириною 1 четв. Живописи хорошей. 11) На южной стене в трапезе изображение живописное преподобного старца Серафима, подвижника Саровского, хорошей художественной кисти, вероятно, самого святого Феофана, особенно благоговевшего к батюшке, «ангелу земному», молитвеннику Серафиму. Изображение — на полотне, в черной простой раме. О. Серафим живописан в мантии и епитрахили, в молитвенном положении.

Вот все описание церкви святого-богомольца Феофана, слишком двадцать лет проливавшего в ней ко Господу свои смиренные молитвы.

Отдельно стоит упомянуть о библиотеке святого, о которой неизменно говорят все авторы воспоминаний. Состав и история библиотеки святого описана в ряде статей, опубликованных в «Душеполезных чтениях». Это прежде всего — статья библиотекаря Московской духовной семинарии Николая Александровича Колосова «Библиотека преосвященного Феофана Затворника»²⁴, в которой дается подробное описание библиотеки. Общее количество книг до 1400 названий в 3400 томах, не считая журналов и мелких брошюр. По мнению автора, отличительной особенностью библиотеки служат ее энциклопедичность, как в плане разносторонности

в подборе сочинений по всем отраслям знаний, так и в плане значительного присутствия в ней изданий общего характера: самих энциклопедий, совокупных комментариев на Священное Писание и проч. Если первое обстоятельство можно объяснить складом натуры преосвященного Феофана, то последнее объясняется характером современной ему научной литературы в связи с его родом занятий. «Дело в том, что в настоящее время не только каждая наука, но и отдельные части науки и даже отдельные вопросы имеют обширную литературу, которая вдобавок растет, можно сказать, с каждым днем. Поэтому для ученого, работающего не в одной только какой-либо части науки, а в области целой науки, да еще и не одной, как преосвященный Феофан, представляется не только наиболее удобным, но даже, пожалуй, и единственно возможным собрание в пособие при ученых занятиях изданий именно энциклопедического, общего характера, да и то требует немалых средств. В частности, при толковании Священного Писания, чем в особенности занимался преосвященный Феофан, для него всего удобнее были общие, совокупные комментарии, заключающие в себе в свод различных толкований». Помимо энциклопедических изданий, в библиотеке были и отдельные сочинения по различным научным вопросам²⁵.

После кончины святого его библиотека была куплена у наследников Александром, Михаилом, Сергеем и Константином Лосевыми и пожертвована библиотеке-читальне при храме Николая Чудотворца в Толмачах, где, кстати, находилась редакция «Душеполезного чтения».

Первоначально церковное попечительство с ходатайством об открытии библиотеки-читальни обратилось к митрополиту Московскому и Коломенскому Сергию (Ляпидевскому). Уже в конце 1897 г. состоялось собрание церковного попечительства при храме Николая в Толмачах, где был зачитан «Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода, Синодальному члену, преосвященному Сергию», в котором, в частности, говорилось: «По указу Его Императорского Величества, Святейший правительствующий Синод слушали: представление Вашего Преосвященства от 9 июля сего года № 377, об открытии при Николо-Толмачевском церковно-приходском попечительстве

²⁴ Колосов Н. А. Библиотека преосвященного Феофана // Душеполезное чтение. 1895. № 36. Ч. I. С. 553–560.

²⁵ Там же.

в Москве библиотеки-читальни из книг покойного преосвященного Феофана, бывшего епископа Тамбовского, пожертвованных потомственными почетными гражданами Лосевыми, с присвоением оной имени жертвователей Луки и Матфея Васильевичей Лосевых. Приказали: согласно представлению Вашего Преосвященства, Святейший Синод определяет:

1) разрешить Московскому епархиальному началству при Николо-Толмачевском церковно-приходском попечительстве в Москве открыть библиотеку-читальню из книг покойного преосвященного Феофана, бывшего епископа Тамбовского, пожертвованных потомственными почетными гражданами Лосевыми, и

2) присвоить сей библиотеке-читальне наименование "Приходская библиотека имени Луки и Матфея Васильевичей Лосевых" с тем, чтобы в случае закрытия ее при Николо-Толмачевском попечительстве, библиотека эта с присвоенным ей наименованием была передана в Московскую епархиальную библиотеку. О чем и уведомить Ваше Преосвященство указом. Сентября 6 дня 1897 года. № 4868»²⁶.

Обязанности библиотекарей были возложены на членов церковного попечительства П. А. и М. А. Булочкиных.

Через несколько лет для церковно-приходской школы и библиотеки святителя Феофана было построено специальное двухэтажное здание. 26 января 1903 г. состоялось его торжественное освящение, которое совершил епископ Дмитровский, vicарий Московской епархии Трифон (Туркестанов), ректор Московской духовной

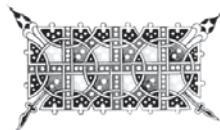
семинарии архимандрит Анастасий (Грибановский) в сослужении столичного епархиального наблюдателя за церковно-приходскими школами архимандрита Серафима, протоиерея К. И. Богоявленского, благочинного протоиерея Н. А. Копьева и настоятеля храма Николая в Толмачах о. Михаила Фивейского. Библиотека располагалась на первом этаже здания, вместимостью на 500 человек.

История библиотеки святителя еще нуждается в подробном изучении. В этой связи представляется интересным тот факт, что в РГБ имеются издания со штампом «Приходская библиотека имени Луки и Матфея Васильевичей Лосевых».

Описание келий святителя лишь отчасти позволяет говорить о внутренних подвигах святителя, которые он совершал в совершенном безмолвии пред очами Господа. Лишь отчасти внутреннее делание святителя приоткрывается в его творениях и письмах, особенно когда он говорит о молитве: «Что значит непрестанно молиться? — Быть непрестанно в молитвенном настроении. Молитвенное настроение есть мысль о Боге и чувство к Богу совместно. Мысль о Боге — мысль о Его вездесущи, что Он везде есть, все видит и все содержит. Чувство к Богу — страх Божий, любовь к Богу, ревностное желание всем угождать Ему Одному с таким же желанием избегать всего Ему неугодного и, главное, предание себя в Его святую волю беспрекословно и принятие всего случающегося как от руки Его непосредственно. Чувство к Богу может иметь место при всех наших делах, занятиях и обстоятельствах, если оно не ищется только, но уже водружено в сердце»²⁷.

²⁶ Душеполезное чтение. М., 1898. Ч. I. С. 358.

²⁷ Цит по: Симфония по творениям святителя Феофана, Затворника Вышенского. М., 2008. С. 328.

Б. М. Винников

Церковь Спаса Преображения в селе Остров – храм-памятник избавления Москвы от нашествия Мухаммед-Гирея в 1521 году

Храм Спаса Преображения в селе Остров, как и собор Василия Блаженного, и храм Вознесения Господня в Коломенском, входит в число наших величайших национальных исторических шедевров. Построенный из белого камня, он украшен не только традиционными кокошниками, но и деталями, нигде более не встречающимися в русском зодчестве. Этому храму посвящены работы историков архитектуры, краеведов и искусствоведов. Однако целый ряд вопросов, с ним связанный, до сих пор так и не нашел четкого и ясного ответа. Привлечение обширного круга письменных источников и архивных материалов позволило прояснить многие обстоятельства появления этого шедевра древнерусского зодчества. Определим сначала хронологические рамки исследования.

Храм Спаса Преображения в подмосковном селе Остров Н. Д. Иванчин-Писарев приписывал руке Алевиза Нового и, таким образом, относил его сооружение к первой трети

Храм Спаса Преображения в Острове. Вид с юго-востока

XVI века¹. Этим же периодом атрибутирует его И. Э. Грабарь в «Истории русского искусства», изданной в 1910 г.: «Мы знаем с точностью только время постройки Коломенской

¹ Иванчин-Писарев Н. И. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843. С. 9, 61.

Храм Спаса Преображения в Остров. Карниз четверика

и приблизительно к тому же времени имеем основание приурочивать закладку Островской². Тогда же он обратил внимание на сходство романского карниза четверика храма Спаса Преображения в Острове с карнизами двух восточных приделов храма Троицы и Покрова на Рву: «Весь сложенный из белого камня Островский храм <...> принадлежит XVI веку; <...> фряжские элементы в расположении и расчленении карнизов и высоких

Храм Покрова на Рву.
Карниз юго-восточного придела — под кровлей галереи

цоколей, а также и в приеме “машикули” в карнизе шатра и в особенности в обработке двух круглых окон приделов, своеобразно, с добавкой элементов деревянной «рези», повторяющих мотив закомарных раковин Московского Архангельского собора и подкарнизных арочных закруглений типичного средневекового оттенка; <...> Близкий мотив обработки стен арочными впадинами применен к обработке стен угловых четвериков храма Василия Блаженного»³.

Мотив этот, безусловно, имеет романское происхождение, что явилось основанием для предположений некоторых исследователей о совместной работе двух мастеров — русского и иностранца. Это весьма маловероятно. Большинство европейских аналогов подобных

деталей относятся к XI–XII вв. В это же и в более позднее время, довольно точно «проецированные» романские арочки встречаются в русских храмах Киева, Чернигова, Смоленска, Переславля-Залесского. С XII в. пояс романских арочек появляется на карнизах глав всех псковских и новгородских храмов. В древнейших соборах, таких как Спасо-Преображенский Мирожского монастыря в Пскове и Софийский собор в Новгороде Великом, масштаб арок достаточно крупный; в XV–XVI вв. он уменьшается до тех размеров, которые мы видим на главах приделов Преображенского храма в Острове. Огромный вынос карниза четверика Преображенского храма в Острове вызван необходимостью конструктивно создать площадку для размещения 12-ти апостольских главок. Детальная прорисовка профилей карниза и укрупненных «романских» арок-машикулей здесь совершенно индивидуальна и прямых аналогов не имеет.

Вернемся к датировке храма. К началу XVI в. относил храм один из самых значительных в Европе историков искусства — Николай Львович Окунев, в статье, написанной в Праге в 1933 г.⁴ Наиболее ранним из сохранившихся шатровых храмов считает храм в селе Остров

² Православная Москва. Январь. С. 171.

³ Грабарь И. Э. История русского искусства. Том 01. Архитектура. Допетровская эпоха. М., 1910. С. 14.

⁴ Окунев Н. Л. Храм Спаса Преображения в с. Остров под Москвой. Цит. по: Храм-памятник в Брюсселе, М., 2005. С. 102.

Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря в Пскове

Ю. П. Спегальский, также относя его к началу XVI в. и считая его «псковским предшественником» храма Вознесения в Коломенском⁵. Архитектор-реставратор М. М. Ермолаев пишет, что «шатровая церковь Преображения на самой высокой точке Островского холма была построена не позже первой трети XVI в.»⁶

Здесь не представляется возможным рассмотреть всю историю исследования храма, тем

более что это достаточно подробно сделано в недавней публикации А. Л. Баталова⁷. Однако, стилистические особенности архитектуры храма, как обоснование его датировки — это лишь одна грань изучения проблемы. Гораздо важнее понять причину, по которой он был построен, найти событие, в память которого был возведен этот мемориальный храм. В упомянутой работе А. Л. Баталова приведены чрезвычайно важные данные археологии. Раскопки, предпринятые М. Х. Алешковским в 1967 г., привели к выводу, что «стена “первоначальной” апсиды, выступающей на восток от существующей примерно на 75 см, <...> не была возведена, и должна считаться свидетельством незавершенного архитектурного замысла, измененного на этапе закладки церкви»⁸.

Или, иначе говоря, произошло нечто, заставившее на какое-то время прервать работы по строительству дворцового великокняжеского храма. А когда работы были возобновлены, произошедшие события привели к изменению самого замысла храма. Визуальный осмотр говорит о том, что главную ось храма после перерыва немного повернули по часовой стрелке, в результате чего юго-восточный угол южного придела стал нависать над заложенным ранее фундаментом, а северо-восточный угол северного придела, наоборот, отступил от края

Храм Спаса Преображения в Острове. Юго-восточный угол

Храм Спаса Преображения в Острове. Северо-восточный угол

⁵ Спегальский Ю. П. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. Псков, 2009. С. 123.

⁶ Ермолаев М. М. Неизвестный Остров. Архив наследия — 1999. Сб. статей. М., 2000. С. 126–157.

⁷ Баталов А. Л. Церковь Преображения Господня в селе Остров: вопросы датировки и происхождения мастеров // ДРИ: Художественная жизнь Пскова и искусство Поздневизантийской эпохи. К 600-летию со дня основания города. М., 2009. С. 353–359.

⁸ Там же. С. 356.

фундамента к центру. Поворот азимута главной оси может свидетельствовать об изменении посвящения престола и о повторном освящении основания. Ось построенного храма оказалась точно сориентирована на стоящий на противоположном берегу Москва-реки Никольский храм в селе Петровском и совпадает с азимутом восхода солнца в праздник Преображения Господня.

Здесь уместно отметить, что некоторое «несовпадение плана фундамента и вымостки с планом стен здания» — явление не редкое. К примеру, П. А. Раппопорт, исследуя ряд смоленских памятников, пришел к выводу, что «строители XII—XIII вв. полагали нужным, чтобы фундамент, покрытый кирпичной вымосткой, простоял зиму и хорошо осел, прежде чем на нем начнут возводить кирпичные стены»⁹. Однако в таких случаях не наблюдалось столь серьезных расхождений плана основания и плана возведенного на нем храма, как это произошло в храме в Острове. Перерыв в строительстве великокняжеского храма явно был не на одну зиму, и мог быть вызван только какими-то внешними, экстремальными обстоятельствами.

Летописи сохранили записи только об одном подобном событии: о нашествии в июле 1521 г. крымского хана Махмет-Гирея, при этом упоминается, что сын хана Салтан был с войском в подмосковном княжеском селе Остров¹⁰.

Первое упоминание Угрешского монастыря и тесно связанного с ним великокняжеского села Остров в основном тексте «Истории государства Российского» относится к событиям 1521 г., когда к Москве подошли войска крымского царевича Махмет-Гирея и его родного брата, хана

Саип-Гирея. В VII томе Н. М. Карамзин пишет: «Сии два царя соединились под Коломною, опустошая все места, убивая, пленяя людей тысячами, оскверняя святыни храмов, злодействуя, как бывало в старину при Батые и Тохтамыше. Татары сожгли монастырь св. Николая на Угреше и любимое село Василиево, Остров, а в Воробьево пили мед из великокняжеских погребов, смотря на Москву». В примечании к этому месту дается выписка из Синодальной летописи о нашествии татарских ханов: «... и Коломенские места и Коширские и Боровские и Володимирские воеваша, и монастырь Николы на Угреше и Великого Князя любимое село Остров пожгоша...» Нападение закончилось мирными переговорами: с одной стороны, ханы убоались неприступных московских укреплений и русского войска, которое собирал Василий III под Волоколамском; с другой стороны, великий князь московский также не хотел кровопролития¹¹.

Сообщает об этих событиях и Софийская Вторая летопись¹².

Как ни странно, но большинство летописей также крайне скудно, без каких-либо подробностей освещают причину ухода татарских войск. И только Никоновская летопись сообщает о намерении татар «скороспешно со всяким безрассудством достигнуть богохранимого града Москвы, и посады тшахуся огнем запалити, но возбрани им божественная сила, не дала приблизиться им, и татары возвратишся, далеко до города не дойдя»¹³.

Как пишет д. и. н. С. В. Перевезенцев, «к сожалению, в тот раз все оказалось намного

⁹ Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси (X—XIII вв.). СПб., 1994. С. 114.

¹⁰ «Того же лета (7029, т.е. в 1521 г.) июля 28 день безбожный гордый крымский царь Магмед-Кирей забыл своея клятвы и правду, на ны воинствует, ни з дружбы с первыя, ни з даров безчисленных, ни клятв своих воспомянул, собрася своею братьею и своими детьми, и со всеми своими со многими крымскими людьми, и Большая Орды Заволжская, и с нагаи, и вскоре безвестно прииде на великого князя вотчину. И при березе Оки реки с воинством пришед. И ту убьени быша воеводы великого князя Иван Шереметев да князь Володимер Курбской Карамышов, да Яков да Юрьи Замятнины. И, преиде реку Оку, коломенския места повоевал и плен немал собрал, и на святыя церкви скверне поругался. <...> А сам царь стоял на Коломне на Северке две недели. А сын его Салтан богатырь с татары был под Москвою в великого князя селе в Острове. И на Угреше монастырь ожгли и много сел и деревень пожгли, и коширской посад пожгли». Постниковский летописец, ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 34. С. 14.

¹¹ Цит. по: Егорова Е. Угреша в «Истории государства Российского» Карамзина // Официальный городской сайт муниципальной администрации «Городской округ Дзержинский» <http://www.ugresh.ru/argiv/uv/2002/17/p38-1.htm>

¹² «Того же лета (7029) июля в 28, безбожный Крымский хан Махмет-Гирей <...> безвестно прииде на Северке великого князя отчину. <...> Начал царь разорять Коломенские места, и разорил их, и многих взял в плен... А сам стоял на Северке (правый приток Москвы-реки) две недели, а войско свое распустил; и иные из них пришли изгоном к Острову, селу великого князя под Москвою, и на Угреше монастырь сожгли. А москвичи и пришедшие в Москву из уездов сидели в ту пору в городе, в осаде. Великий же князь ушел из Москвы на Волок и начал с воеводами и с людьми своими собирать войско. И узнал о том окаянный царь Махмет-Гирей, и вскоре ушел восвою, не дожидаясь, пока великий князь соберет силы... Софийская Вторая летопись. ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 263. Пер. на рус. яз. А. Ю. Карпова.

¹³ Никоновская летопись. ПСРЛ, Т.13. Спб, 1904. С. 38.

страшнее, нежели кратко описал летописец. По другим свидетельствам мы знаем, что и окрестности Москвы были сильно разорены, а крымчаки увели с собой огромный полон. Но стольный город Махмет-Гирей взять так и не смог. И православный народ знал почему — Сама Божия Матерь явила Москве свое заступничество от Владимирской иконы Божией Матери. Недаром, несколько позднее, в память о чудесном спасении столицы от крымского нашествия был установлен еще один праздник в честь этой главной русской святыни — 21 мая (3 июня)¹⁴.

Об этих событиях подробно пишет Л. А. Щенникова в книге «Святая Покровительница государства Российского»¹⁵.

Праздник 21 мая первоначально был связан с памятью поновления Владимирской иконы в 1514 г.¹⁶ Позднее его соотнесли с памятью

Владимирская икона. Прпп. Сергий Радонежский и Варлаам Хутынский и собор святителей

¹⁴ *Перевезенцев С. В.* Свято-Никольский Угрешский ставропигиальный мужской монастырь. М., 2004.

¹⁵ «В царствование Иоанна Грозного (1530–1584) по инициативе митрополита Макария (1543–1563) и, видимо, при его личном участии кремлевские летописцы и книжники составили несколько повестей, в которых знаменательные события недавнего прошлого были связаны с заступничеством Божией Матери через Ее чудотворную Владимирскую икону.

В первой повести духовно осмыслено и связано с заступничеством Пресвятой Богородицы через Ее чудотворную Владимирскую икону закончившееся поражением наступление крымского хана Махмет-Гирея, подошедшего в 1521 г. к Москве с крымскими, ногайскими и казанскими татарами, но, не дожидаясь встречи с войсками великого Московского князя Василия III, неожиданно ушедшего в степи (*Соф. II лет., 1853, с. 263; Воскр. лет., 1859, с. 269*). В повести, озаглавленной “Знамение ужасно и преславно и како спасен бысть град Москва от нашествия безбожных тотар иже к Богу молитвами Пречистия Богородицы и великих чудотворцев русских...”, избавление “града Москвы” трактуется как “новейшая чудеса Богородицы и еже во дни наша содеяшася”, о которых сообщается “повелением господина нашего преосвященнаго Макария, митрополита всея Русии”.

В повести рассказывается, что во время “варварского нахождения” на Православие весь русский народ встал на молитву. Тогда же “дивный нагоходец праведный Василей” (Блаженный), проводивший ночи в усердных тайных молитвах, в одну из ночей пришел к соборной церкви, “идеже стояше самый чудотворный образ Богородицы, еже есть икона Володимирская, идеже чудотворныя мощи почиваху святых великих русских святителей Петра и Ионы и прочих”. Он встал у закрытых северных дверей, и, “восхитися умом”, удостоился необычайного видения — “не яко во сне... но наяве истинно...”. Он увидел открывшиеся церковные врата и “чудотворный образ Пречистая икона Владимирская, на своем месте стоя”. От иконы слышался глас: “Тако людие прогневаша безлюбиваго Бога, яко Аз повелением Сына Своего с рускими чудотворцы хожем изыти из града сего”, и тотчас внутри церкви послышался великий шум.

Блаженный Василей и те праведники, которым Бог открыл духовные очи, созерцали страшное видение. Чудотворная икона Богородицы сошла со своего места; вся церковь наполнилась огнем, пламя выходило в двери и окна; потом огонь исчез.

За этим видением последовали и другие. Некая слепая инокия из Вознесенского монастыря, много лет проведшая в добродетельной жизни и достигшая глубокой старости, усердно молилась об избавлении от беды. Она сподобилась слышать и видеть “преславное чудо”: внезапно услышала великий шум, “яко вихорь страшен”, и звон великий, как от многих кремлевских колоколов. Она была “восхищена неким Божественным мановением” посреди монастыря и увидела открывшимися “мысленными” и одновременно “чувственными” очами, и “не яко во сне, но наяве”, как во Флоровские (Спасские) ворота Кремля идет “световидный собор достолепных муж во освященных одежах: многие митрополиты и с ними ины святителей и прочий священный собор и причет, — и с ними же зрится, якоже несом ими и самый чудотворный образ Богородицы, и честныя кресты, и прочия святыя иконы...”, как будто действо на литии. Святители уходили с образом Богородицы из города во Фроловские ворота. Среди них инокия узнала святителей Петра, Алексея, Иону, Леонтия Ростовского и с ними многих других святителей и чудотворцев — “якоже на иконах пишутся величьи русии собори”.

В то же время одна отроковица увидела, как два “святолепных” мужа в монашеских одеждах — это были преподобные Сергий Радонежский и Варлаам Хутынский — быстро шли навстречу “собору” святых мужей. Они пали к ногам уходящих святителей и упросили их не покидать Москву, но еще усерднее молить Бога и Богородицу о помиловании согрешивших людей. Все вместе — святители и преподобные — со слезами молились перед чудотворным образом и, сотворив литию и молебные каноны, возвратились с Владимирской иконой в Кремль. В тот же день татары были изгнаны “предстательством Пречистия Богородицы и молитвами всех святых”. *Щенникова Л. А.* Святая Покровительница государства Российского. М., 1990. Интернет-издание «Татьянин день». <http://www.taday.ru/text/28384.html>.

¹⁶ Софийский временник. Ч. 2. С. 294–295; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 254.

о чудесном избавлении от нашествия Махмет-Гирея в 1521 г. Б. М. Клосс полагает, что осмысление события 1521 г. как «новейшего чуда Богоматери» относится ко 2-й пол. XVI в., когда и был установлен праздник 21 мая¹⁷.

В «Степенной книге» описано чудесное видение татарами многочисленного русского воинства, приведшее их в ужас и обратившее в бегство¹⁸.

Именно эта защита свыше и отражена в образе Преображенского храма в Острове: четверик храма трактован как неприступный город-крепость, охраняемый небесным воинством. Тем самым Сонмом Сил Небесных, которое явилось татарам в виде Русского войска и которое традиционно символически изображается в русских храмах пирамидой кокошников. Но только такое количество — в Преображенском храме их более двухсот — явление редчайшее для русской архитектуры, что как раз и соответствует «неисчетному множеству» Сил Небесных.

Попробуем уточнить дату бегства татарского войска. В разных источниках указываются разные сроки пребывания татар под Москвой — и «две недели», и «десять дней». Владимирский летописец рассказывает об этом наиболее подробно. Согласно его свидетельству татары пришли 27 июля, а отошли 10 августа¹⁹. По другим летописям, царь Крымский «Оку перелез» 28 июля, а Разрядная книга называет другое число ухода — «Лета 7029-го <...> августа в 12 день, как царь пошел из земли назад...»²⁰

Если от этой даты, от 12 августа отсчитать назад 7 дней, то получим 5 августа, когда он «перешол Оку назад». Получается, что где-то между 3-м и 5-м августа и увидели татары «полны поля безчисленного множества Рускаго воинства...».

Но ведь 6 (19 по н.ст.) августа — это праздник Преображения Господня. И именно поэтому и новое освящение основания храма в Острове и, соответственно, разбивка его главной оси были сделаны в связи с новым посвящением храма Преображению Господня. А в церковном календаре осталась дата 21 мая (3 июня), связанная первоначально с поновлением (реставрацией) Владимирской иконы в 1514 г.

Таким образом, нашлась причина перерыва в строительстве храма, а новым посвящением храма объясняется его неповторимый образ. «Лета 7027 (в 1519 году) <...> Тое же весны жил князь велики в селе в своем в Острове от месяца майя до заговенья до Петрова»²¹. Наиболее вероятно, что пока Василий III жил рядом во дворце, стройка не начиналась. Основание храма было заложено, видимо, уже в следующий строительный сезон, летом 1520 г. А затем строительство было прервано в конце июля — начале августа 1521 г. набегом Магмет-Гирея. Немного выше летопись сообщает, что «тое же весны (1514 г.) князь велики Василей повеле заложити и зделати церкви каменеы и кирпичные на Москве на Большом посаде <...> за Неглинною Леонтей, чюд[о]творець ростовский, да Петр, чюдотворець московский и всеа Русии, <...> да на Устретенской улице Введенъе

¹⁷ Клосс Б. М. Избр. труды. М., 2001. Т. 2. С. 125–126.

¹⁸ «Внегда безбожний Царь Маагмед Гирей <...> хотяху нападнути ко граду Москвъ, предиже себе посла, повеле посады пожещи у града Москвы, и тогда возбрани им Божий промысл сице: еще бо далече града придоша безбожнии посланницы, и видеша полны поля безчисленного множества Рускаго воинства, Татары же видешей, и велій страх нападе на них, возвратишася, и трепетни прибегша к Царю своему, сказаша ему многое Руское воинство. Царь же удивися, и не верно вменяя, и на своих гневашеся, и яряся, и страшливы нарицаше их, и вскоре иных посылает. И шии шедше, и видеша того сугубейше воинство Руское, и паче первых ужасошася, и многою боязнию одержими прибегоша к Царю, и виденная воинства оба полы (т.е. поджигатели) посадов сказаша ему — Царь же недоумеяшеся, ведяше бо известно от сущих у него Руских пленников, яко не возможно тако скоро снитися вкупе таковому мноному воинству, и третие посла некоего от ближних своих уведатя истинну. И тому шедшу, и узре неисчетное множество Московскаго воинства, и вельмя ужасеся, и трепеща скоро прибежа, и вопия: „о Царю! что коснеши? побегнем быстрейше, не вемы аще возможем убежати. Сверхпоустремительно бо грядут на нас безмерное множество войска от Москвы“. И тако страх велій нападе на Царя и на всех Татар, и побегоша невозвратно...» ПСРЛ, том XXI. Изд. 1-е. Половина 2-ая. Книга Степенная царского родословия (11–17 степени грани). СПб., 1913. С. 602–603.

¹⁹ «Царь крымской Ахмут Кырий ... пришел месяца июля 27 день в субботу, а в неделю и Оку перевезлися и заставу побил и воеводу князя Феодора поймал, а в понедельник на Москве в осаду в город люди бежали. А князь великий Василей того же дни выступил с Москвы на Волок Ламский, а царь ходил, повоевал до Угреши монастыря святого Николы, монастырь жжог, у церкви у каменной верх завалился, и мало города Москвы не доходили, и много монастырев пожог и сел и много посече и поплени по Рязанской земли и по Коломенской земли и сюды к Москве, и много зла учинил, а в полон поймал бояр и боярынь и княгинь и детей боярских и крестьян велми много поймал, а по всем городом Московским осада была. А царь стоял на Сиверки 6 дней, а князя великого сила стояла от Литовскаго, и князь великий послал по силу. Царь же слышав то в 7 день в неделю перешол Оку назад, и за Окою стоял неделю». Из «Владимирского летописца» // Исторические записки. 1945. Т. 15. Л. 240.

²⁰ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 51.

²¹ Постниковский летописец. ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 34. С. 1–13.

Пречистые. <...> А всем тем церквам мастер был Алевиз Фрязин»²². Владимирский летописец сообщает другую важную подробность: «Того же лета (7027 или в 1519 г.) месяца ноября 21 день священа бысть церковь Введение святыа Богородица на Устретенской улицы Варламом митрополитом при великом князи Васильи Ивановиче, а ставили Псковичи переведенные»²³.

Слово «ставили» можно понимать двояко — ставили, в смысле строили своими руками и своими средствами, или же просто являлись заказчиками строительства.

«Псковичи переведенные» были теми представителями псковской знати, которые были взяты под стражу ночью, 24 января 1510 г. и той же ночью вместе с семьями отправлены в Москву²⁴.

Через 45 лет практика переселения псковичей повторилась, правда, в совсем другом масштабе: В 1555 г. «десять семей пскович, подпавших гневу Государеву, свезены в Казань»²⁵, которая, как известно, именно в этот момент нуждалась в квалифицированных строительных кадрах. Потому, есть основание предполагать, что и отец Иоанна Грозного, Василий III при переселении псковской знати в Москву в 1510 г. не упустил возможности приблизить к себе лучших в России строителей. Свидетельством этому является не дошедшая до наших дней, но хорошо известная по фотографиям, церковь Николая Чудотворца на Мясницкой, в которой органично сочетались московские, итальянские и псково-новгородские черты. Подобный облик, видимо, имела и Введенская церковь на Лубянке. Судя по изображениям на планах Москвы, она также имела одну главу и восьмискатную кровлю. Поэтому, мы имеем основание предполагать, что среди псковской общины были церковные мастера — строители, которые и возвели Введенский храм в центре своей слободы на Лубянке под руководством итальянского зодчего Алевиза Нового. Эти факты объясняют и в дальнейшем великолепное

знание «псковичей переведенных» европейской, в частности итальянской архитектуры.

Нет необходимости доказывать, что строительство благодарственных храмов сразу же после каждого значительного события в истории является неотъемлемой частью жизни православной России. Примеров этому множество²⁶.

Поэтому считать, что храм построен в более позднее, «Грозненское» время, как об этом говорит устное предание, не представляется возможным — Василий III не мог надолго откладывать строительство благодарственного храма, не мог оставить разоренным свое «любимое село».

25 Декабря 1522 г. перемирием на пять лет завершилась русско-литовская война 1513–1522 гг. А войско, вернувшееся из Литвы и собранное для отражения нового нападения Мухаммед-Гирея весной 1524 г. отправляется в Казанский поход, который закончился бегством Саиб-Гирея, и возведением на царство в Казань царевича Сафа-Гирея. В августе 1524 г. пришло известие о том, что Мухаммед-Гирея на Дону убили.

Начиная с 1525 г. заново отстраивается Коломна, разоренная тем же татарским набегом, а в память о заступничестве Божией Матери в походе на Смоленск, который сто десять лет находился под властью Литвы, завершившийся возвращением города, в Москве весной 1525 г. основывается Новодевичий монастырь. Потому и строительство Преображенского храма в Острове на ранее возведенном основании могло возобновиться, скорее всего, только в 1525 г.

В 1547 г. Иоанн IV принимал в Острове псковичей, следовательно, дворец и храм, без которого царская резиденция была бы немислима, уже были выстроены. Видимо, из таких предпосылок 1520–1547 гг. датировала строительство храма директор музея-заповедника Коломенское Анна Никифоровна Маракушина (в 1940-е гг. храм

²² Постниковский летописец. ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 34. С. 1–13.

²³ Из "Владимирского летописца" // Исторические записки. Т. 15. 1945. Л. 237 об.

²⁴ «Всего из Пскова было выслано триста семей, и такое же количество московских семей прибыло им на замену. Однако это было только началом переселения. После изгнания группы верхов псковского общества семьи представителей среднего класса были выселены из своих домов в центральной части города, которые затем заняли москвиты. Таким образом, у псковичей среднего класса было отнято 6500 усадеб. Неясно, все ли из них были отправлены в Московию или кому-то разрешили строить новые дома за пределами города». *Вернадский Г. В.* Россия в Средние века. Гл. V. Ч. 2. Присоединение Пскова. М., 2000 // Электронная библиотека. <http://gumilevica.kulichki.net/VGV/vgv451.htm#vgv451para02>.

²⁵ *Болховитинов Е. А.* Сокращенная Псковская летопись // Интернет-сайт «Манархия» <http://www.manarchija.org/pskou>

²⁶ «Того же лета (7022 / 1514) месяца июля ходил князь великий Василей Иванович в третьи под Смоленск и стоял под ним два месяца и взял град Смоленск месяца августа 1 день на Спасов день, Происхождение честнаго креста господня, и во граде Москве князь великий церковь постави святаго Спаса, происхождение честнаго креста господня и святых мученик Маковей по плоти и учителя их Елеозара и матери их Соломони, от реки поставлена на рве». Из "Владимирского летописца" // Исторические записки, Том 15. 1945. Л. 232 об.

Преображения в Острове был филиалом ГМЗ Коломенское)²⁷.

Более точные данные опубликовал архитектор-реставратор С. А. Гаврилов. Он пишет, что «упомянутая под 1525 г. в литературе дата закладки церкви Спаса Преображения Господня в государственном селе Остров, вероятно, относилась к деревянной церкви. Хотя такой знаток древнерусской архитектуры, как Н. Н. Свешников считал, что именно так должна датироваться существующая каменная церковь»²⁸. Не вызывает сомнения также гипотеза С. А. Гаврилова о начале строительства церкви Вознесения в Коломенском летом 1528 г. и о продолжительности ее строительства в течение пяти строительных сезонов²⁹.

Путем сопоставления строительных объемов во многом очень похожих храмов, Преображения в Острове и Вознесения в Коломенском, можно предположить, что возведение Преображенского храма в Острове было завершено не позднее 1527 года. Что совпадает с началом строитель-

ства другой церкви Преображения Господа нашего Иисуса Христа с приделами — собора Спаса на Бору в Московском Кремле.

Вернемся снова к деталям. В круглых окнах приделов храма И. Э. Грабарь видит «мотив закомарных раковин Московского Архангельского собора». Отметим также, что сама форма изгиба удивительно красивой формы наличников этих окон поддержана и формой всех трех порталов Преображенского храма. Именно здесь их профили прорисованы одной рукой. Этот «S-образный откос», как его называет А. Л. Баталов, столь гармонично сочетающийся с формой наличников круглых окон приделов Островского храма, повторенный примерно через четверть века в северном и южном порталах Успенского собора Троице-Сергиевой лавры, оказывается там несколько инородным. Появление в них этого профиля может быть обусловлено заказчиком Успенского собора — Иоанном Грозным, указавшим на порталы храма в Острове, как на образец. Возвращаясь

Храм Спаса Преображения в Острове.
Окно

Храм Спаса Преображения в Острове.
Портал

²⁷ Маракушина А. Н. История с. Остров. Архив ГМЗ Коломенское. Дело № 395. С. 4.

²⁸ Гаврилов С. А. Иконописные аллегории. Примечание 30. 2008 // http://forum.vgd.ru/post/88/16224/p268571.htm?IB2XPnewforum_=nr4nvaduj3qlkl8qslvq02pr4#pp268571

²⁹ Гаврилов С. А. О начале строительства церкви Вознесения в Коломенском. Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры «РусАрх». Материалы предоставлены автором, 2009. http://www.rusarch.ru/gavrilov_s2.htm

к теме «романских» арок, упоминаемых в начале статьи, и других романо-готических деталей храма, стоит вспомнить, что самый западный, пограничный город Псков имел и самую тесную связь с Европой. Но не только псковские мастера, которые «от немец пришли навывки тамо тому делу каменосечной хитрости», могли привнести эти элементы в «псково-московскую» архитектуру храма в Острове. Они могли появиться и в контексте внешнеполитических симпатий Василия III и его окружения.

Н. М. Карамзин очень подробно пишет о том, что в войне с Литвой 1513–1522 гг. «Вторым союзником нашим был Великий Магистр Немецкого Ордена Албрехт Бранденбургский.<...> Крестовые Витязи Иерусалимские дружественно простерли руку к Великому Князю. Албрехт прислал в Москву Орденского чиновника, Дидриха Шонберга, принятого со всеми знаками уважения. В такое время, когда двор говел и обыкновенно не занимался делами, на первой неделе Великого Поста, Шонберг имел переговоры с Боярами, в Субботу обедал у Государя, в Воскресенье вместе с ним слушал Литургию в храме Успения. Заключили наступательный союз против Короля (Сигизмунда) <...> Условились хранить договор в тайне»³⁰.

После брака Василия III с Еленой Глинской в 1526 г. «дядя новой великой княгини Елены — князь Михаил Львович Глинский <...> стал важной фигурой при великокняжеском дворе. В думе Глинский занимал третье место после князя Бельского и князя Шуйского». «Елена провела юность в Литве и впитала многие понятия и обычаи западной цивилизации и западного образа жизни». «Михаил Глинский получил блестящее образование и в молодости провел двенадцать лет за границей, в Германии, Италии (где он был обращен в католицизм) и Испании. В течение некоторого времени он служил в армии герцога Альбрехта Саксонского». «Любимым врачом Василия был немец из Любека, Николай Булев»³¹.

Как мы видим, поводов для симпатии к немецкой культуре и для включения в архитектуру храма романо-готических деталей именно

в эпоху Василия III было предостаточно, да и для псковских мастеров они не были чужими.

Тема «романских» арок-машикулей под карнизом четверика храма в Острове могла быть навеяна также и подобными деталями в колокольне Ивана Великого. Построенная Бон Фрязиным в 1505–1508 гг., она послужила образцом для многих творческих разработок русских мастеров в первой трети XVI-го века — в Пскове (Вознесенская церковь-колокольня Снетогорского монастыря 1526–1527 гг.), в Новгороде (церковь-колокольня Григория Армянского в Варлаамово-Хутынском монастыре 1535–1536 гг.), в подмосковном Николо-Пешношском монастыре (Богоявленская церковь под колоколы, датированная

Богоявленская церковь-колокольня
Николо-Пешношского монастыря,
датированная А. В. Ягановым первой третью XVI-го века

А. В. Ягановым первой четвертью XVI в.), в которой мы видим другой вариант темы «романских арок», но уже килевидной формы.

Об архитектуре приделов Спасо-Преображенского храма в Острове следует сказать особо, поскольку они чрезвычайно архаичны и прототипами имеют ряд построек последней четверти XV в.

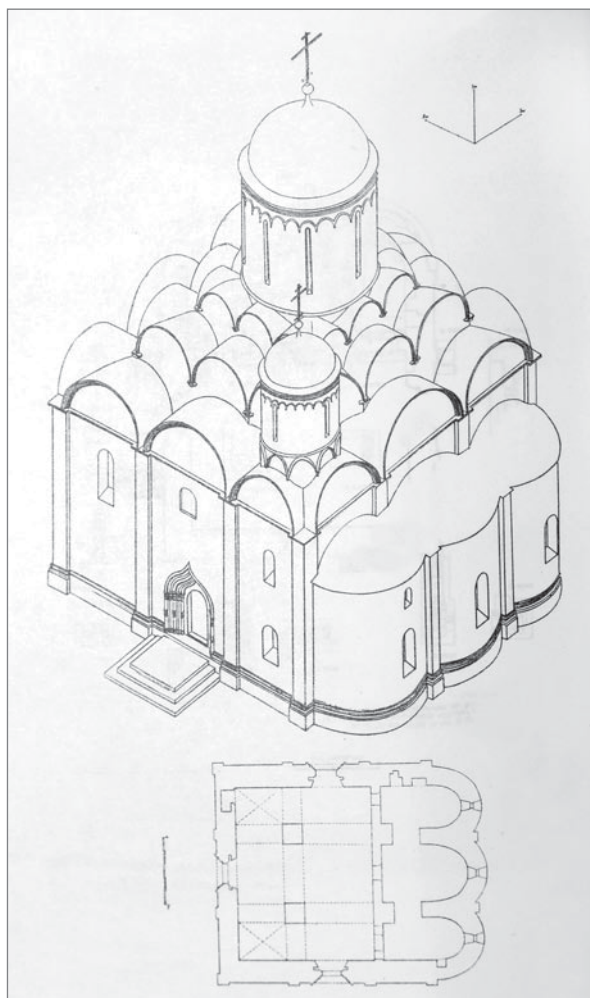
³⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 7. Гл. 2. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Karamz/60.php

³¹ Вернадский Г. В. Россия в Средние века. М., 2000. Гл. V. Ч. 1–4 // Электронная библиотека. <http://gumilevica.kulichki.net/VGV/vgv451.htm#vgv451para02>

Это прежде всего Спасо-Преображенский собор Спас-Каменного монастыря 1478–1481 гг. и особенно Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря, возведенный в 1481–1483 гг.

мов — небольшие различия есть только в наборе профилей, и очень узкие лопатки.

«Столь узкие лопатки мы находим в раннемосковском зодчестве — в соборе Троице-Сергиевой

Никольский собор Антониева
Краснохолмского монастыря.
Реконструкция А.М. Салимова

Никольский собор Антониева
Краснохолмского монастыря
(а) и придел Феодосия Великого
храма Спаса Преображения в Острове
(б) Сравнение ширины лопаток и профилей карнизов

Со вторым, Никольским собором, придельные храмы Иоанна Богослова и Феодосия Великого у Преображенского храма в Острове сближает не только общая композиция верха — три ряда полукруглых кокошников, по три в каждом ряду, но и еще ряд деталей: профиль дуг архивольтов закомар-кокошников, очень простой карниз, состоящий в обоих случаях из четырех обло-

лавры. <...> Из современников собора узкие лопатки имеют два северных монастырских собора — Ферапонтов и Кирилло-Белозерский, относящиеся также к последней трети XV в. Особенно показателен последний памятник, также отличавшийся большими размерами, массивностью и грузностью форм, отчего его лопатки казались особенно хрупкими»³².

³² Выголов В. П. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверть XV в.) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1991. С. 12–13.

Малый Сион Успенского собора Московского Кремля.
1486 г.

Из четырех перечисленных соборов последней четверти XV в. лишь один — в Краснохолмском монастыре — имеет полукруглые закомары, появившиеся в нем, по-видимому, под впечатлением от только что построенного Кремлевского Успенского собора А. Фиораванти. И вот что особенно важно.

Владимирская икона Божией Матери окончательно была перенесена в Москву в 1480 г. в Успенский собор Московского Кремля сразу же после окончания его строительства, где она

и была установлена на постоянное место, на «десной» стороне иконостаса. С этим событием связывают спасение Москвы от нашествия хана Ахмата. Не является ли это причиной обращения к архитектуре Успенского собора как к образцу собора, в котором находится великая святыня, самый почитаемый образ Матери Божией, обращение к Которой вновь спасло столицу в 1521 г.? А дарохранительница, Малый Сион Успенского собора 1486 г., не явилась ли той моделью, к которому восходит композиция и приделных храмов Острова? Если это предположение верно, то мы получаем более убедительное обоснование и некоторой эклектичности, и разномасштабности деталей основного объема Преображенского храма и его приделов, которые исследователи пытались объяснить то разновременностью их строительства, то одновременным участием в строительстве разных зодчих.

С Никольским собором Краснохолмского монастыря храм Спаса Преображения в Острове связывает еще одна уникальная деталь: карниз главы его шатра имеет рисунок, не встречающийся больше ни в одном шатровом храме, но при этом некоторое подобие можно увидеть на капителях порталов собора Краснохолмского монастыря.

Все перечисленные особенности архитектуры только подтверждают точку зрения Ю. П. Спегальского, относившего Преображенский храм в самом начале XVI в.: «Многие особенности храма в с. Острове дают основания считать его наиболее старым из всех дошедших до нас шатровых храмов по следующим причинам: план, очень близкий к планам предшествовавших церквей с крестообразной основой, слабое развитие восьмерика и шатра, излишне большая величина главки, сохраняющей характер главы обычного, не шатрового храма, и сложность обработки переходов от стен храма к восьмерику и от восьмерика к шатру. От церквей в московском Ивановском монастыре, с. Ильинском и Благовещенском погосте храм в с. Острове отличала (в его предполагаемом первоначальном виде) лишь компо-

новка верха, т. е. введение восьмерика, шатра и сводов, перекрывающих углы»³³.

К этому можно добавить, что с перечисленными церквями Ивановского монастыря, села Ильинского и на Благовещенском погосте храм в с. Острове сближает еще и простой лаконичный карниз его приделов. Подобные формы карни-

Капитель портала Никольского собора (а)
и карниз главы Преображенского храма (б)

зов примерно с 1530-х гг. постепенно вытесняются классическим трехчастным карнизом (храмы Кирилло-Белозерского монастыря — Иоанна Предтечи и Архангела Гавриила, 1531–1534 гг.) Близкий к ним по архитектуре Никольский собор Угрешского монастыря, выстроенный заново на старом основании после упоминаемого разорения 1521 г., по стилистическим особенностям может быть отнесен уже к более позднему, по отношению к приделам храма в Острове, времени. Вл. В. Седов датирует Никольский собор 1520–1530-ми гг., и с этим нельзя не согласиться.

Таким образом, стилистический анализ дает нам границы датировки от 1508 г. — окончания строительства Кремлевской колокольни Иван Великого до 1531 г., времени распространения карнизов Алевизовского типа. Особенности архитектуры храма — поворот основного объема по отношению к основанию, вызванный новым посвящением храма и повторной разбивкой оси, и данные археологии, связывают его строительство с событиями 1521 года. Анализ исторических событий по письменным источникам также подтверждает дату начала строительства — 1525 г., упоминаемую Н. Н. Свешниковым, как наиболее реальную. Все это позволяет сделать следующие выводы:

1. Дворцовая церковь великокняжеского села Остров построена в 1525–1527 гг. на основании храма, заложенного в 1520 г.
2. Она является храмом-памятником избавления Москвы от набега Мухаммед-Гирея «предстательством Пречистой Богородицы и молитвами всех святых» в канун праздника Преображения Господня 6 (19) августа 1521 г.
3. Строили храм не приглашенные из Пскова мастера, а «псковичи, переведенные» в Москву в 1510 г., которые к своему псковскому строительному искусству и каменосечной хитрости «от немец» прибавили еще и опыт работы с гениальным Алевизом Фрязином.

Единственным исследователем древнерусской архитектуры, связавшим строительство храма в Острове с событиями 1521 г., был М. П. Кудрявцев. Так, он писал: «В селе Остров на юге от Москвы, при великокняжеском загородном дворце, была отстроена белокаменная церковь Преображения Господня в ознаменование отхода войск хана Мухамед-Гирея»³⁴.

³³ Спегальский Ю. П. Там же.

³⁴ Кудрявцева Т. Н. Памятники Воинской славы в Москве. Текст составлен по материалам картотеки архитектора М. П. Кудрявцева и его книг // Сайт ПОБЕДА.RU. <http://www.pobeda.ru/content/view/977/>

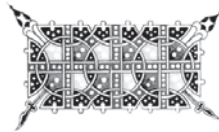
И еще один интересный факт совпадения имен. Известно, что в 1555 г. царский указ повелевал «городовому мастеру Постнику Яковлеву, да каменщикам Псковским Ивашку Ширия с товарищи <...> новый город Казань камен делати...» Одно из этих имен — Ивана Ширяева — упоминается в летописях в связи с другим храмом, построенном в центре Москвы тем же, уже упомянутым здесь, зодчим Алевизом — храмом Введения Пресвятой Богородицы за Торгом, в Китай-городе: «Тое же зимы [7027–7028], месяца февраля 12, <...> молитвами Пречистыя Девы Богородица Мария, в новосозданнемъ храме честнаго еа Введения, <...> за Торгом, Богъ помиловалъ на молебне своеа пречистыа Матери, исцели Иванову жену Ширяева именем Олену: руку имеа скорчену и ногою не владела, и абие бысть здрава...»³⁵

Нельзя, конечно, исключать, что речь здесь идет о полном тезке Ивашки Ширия царского указа 1555 г., но уместно будет заметить, что чудо исцеления жены Ивана Ширяева произошло через три месяца после освящения Введенской церкви на Лубянке, которую строили псковичи,

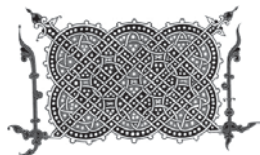
а «мастер был Алевиз Фрязин». Такие совпадения имен встречаются крайне редко. Если предположить, что Постник Яковлев и Иван Ширяев родились примерно на рубеже XV–XVI вв., то на строительстве московских Алевизовских храмов они могли бы быть четырнадцати-двадцатилетними подмастерьями, познающими тонкости псковского и «фряжского» строительного искусства, а ко времени Казанского похода быть уже опытными и признанными мастерами, которым немного за пятьдесят. Только таким и можно было поручить выполнение важнейшей государственной задачи — строительство новой крепости в Казани. А неоднократно проводимые параллели в построении архитектурных форм храма Спаса Преображения в Острове и храмов Троицы и Покрова на Рву позволяют предполагать, что храм в Острове и есть одна из наиболее ранних построек Постника Яковлева.

И эта гипотеза разрешает многие сложные и спорные вопросы истории русской архитектуры первой половины — середины XVI в. Но об этом — в следующих публикациях.

³⁵ Львовская летопись. ПСРЛ. Т. 4 Рязань, 1999. С. 515.

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

П. И. Новосельский

Письма в с. Скоморохово Александровского у. Владимирской губ.

*Предисловие к публикации и публикация
подготовлены П. И. Новосельским.
Фотографии предоставлены Н. В. Лисицыным*

Предисловие к публикации

В Москве, в домашнем архиве братьев Андрея Владимировича (1928–1997) и Николая Владимировича (1929 г.р.) Лисицыных, ученых, потомков многочисленного рода священнослужителей из Владимирской губернии, история которых уходит в глубины XVII и XVIII столетий, удивительным образом сохранилось около 200 писем периода с 1824 по 1891 годы. Это письма, присылаемые родственниками священ-

ников с. Скоморохово Александровского у. Владимирской губ., служивших здесь в храме во имя святителя Николая Чудотворца. Корреспонденция была переплетена в конце XIX в. в две папки (книги) с золотым тиснением на обложках, на которых были сделаны надписи «Былое», том 1 и том 2.

В письмах отразились многие фамилии духовенства Владимирской губернии — Флоринские, Спасокукотские, Новосельские, Казанские,

П.И. Новосельский и Н. В. Лисицын.
2011 г.

Вид на село Скоморохово со стороны Савёлова

Покровские, Соколовы, Ключаревы, Троицкие, Добротворские, Дунаевы, Побединские и многие другие — с их жизненными судьбами: от учебы в духовных училищах городов Суздаля, Шуи, Переславля-Залесского, Мурома до священнического служения на святой Владимирской земле. Послания в с. Скоморохово шли из самых разных мест России: из Владимира, Киева, Александрова, Санкт-Петербурга, Царского Села, Мурома, Пинского монастыря (Минской епархии), многих сел Владимирской губ.: Абакумова, Ирошникова, Овчухов, Зименок, Панфилова, Ворши, Ваганова, Орехова, Жаворонкова, Осановца и др.

Мы публикуем несколько писем из этого богатого собрания, чтобы дать представление о повседневной жизни сельского приходского духовенства, об этикете внутрисословного взаимоотношения, о культуре речи этих наследников апостольской традиции, об особенностях их быта.

Адресатами скомороховской корреспонденции были три приходских священника Николаевской церкви: Алексей Иванович Флоринский (1757–1842), сын его Павел Алексеевич Флоринский (1798–1879), зять Павла Алексеевича — Иван Дмитриевич Новосельский (1832–1891), прослужившие в совокупности здесь более 100 лет.

Историческая справка о селе Скоморохово

В соответствии со сведениями на 1894 г. «Село Скоморохово находится в 100 верстах от губернского города и в 20-ти от уездного. Село Скоморохово, Никольское тож, принадлежало в древности Нагим, которые завещали его затем в Троице-Сергиев монастырь¹. Во владении монастыря село и оставалось до упразднения монастырских вотчин в 1764 году. Сведений о первоначальном устройстве церкви в Скоморохово не сохранилось; известно только, что вместо обветшавшей деревянной церкви в 1776 году построена прихожанами новая, освященная затем во имя св. Николая Чудотворца <...>. Из этого факта можно заключить, что церковь здесь существует, несомненно, с начала XVIII в.

В 1830 г. вместо деревянной церкви здесь был построен каменный храм; в 1863 г. этот храм расширен и с того времени существует в неизменном виде <...>. Престолов в настоящее время в церкви три: в холодной в честь св. Николая Чудотворца, в приделах теплых в честь Казанской иконы Божией Матери и св. Пророка Ильи.

Как следует из описи «Утварью, ризницей, св. иконами и богослужебными книгами церковь снабжена достаточно. Из св. икон особенно чтима

¹ Нагие — русский дворянский род, породнившийся в лице Марии Федоровны Нагой с царской фамилией. Род Нагих угас в конце XVII в.

в приходе Смоленская Икона Божией Матери — древнего письма. Причта по штату положено: священник, диакон и псаломщик. На содержание его получается: а) от служб и требоисправлений до 650 р.; от хлебного сбора до 50 р.; в) от земли пахотной и сенокосной до 100 р.; г) процентов с причтового капитала (300 р.) — 12 руб., а всего до 812 руб. в год. Дома у причта собственные на церковной земле.

Земли при церкви 1½ дес., плана на нее не имеется; пахотной 39 дес. 2399 саж., сенокосной 1 дес. 2109 саж.; план на эту землю имеется. Приход состоит из с. Скоморохова и деревень Покровского уезда²: Савельева (2 вер.), Афанасова (3 вер.) и Пеньков (2 вер.), в коих по клировым ведомостям числится 709 душ муж. пола и 813 женского. В селе Скоморохове имеется церковно-приходская школа: учащихся в 1892–1893 учебном году было 31. В деревне Афанасове — земская народная школа; учащихся в 1892–93 учебном году — 50³. «В селе Скоморохове: число дворов — 46, число душ: м. п. — 132, ж.п. — 160»⁴.

О священноцерковнослужителях села Скоморохова

В XVII — начале XVIII века служил в с. Скоморохово священник о. Никита, а затем в церкви села служили его сыновья священник о. Антоний Никитин (1698 — после 1758) и дьякон Федор Никитин (1707 — после 1780). Дочь дьякона о. Федора Прасковья Федорова (1741–1824), выйдя замуж за дьякона (а потом священника) села Черкутино о. Михаила Васильева, стала матерью великого человека России графа Михаила Михайловича Сперанского.

У священника о. Антония Никитина был сын Иван Антонов (р. 1728 г.), также служивший в церкви с. Скоморохово. Его дочь Настасья Иванова (1762 — после 1828 г.) вышла замуж за Алексея Иванова Флоринского (1757–1842) из села Флорищ, Юрьевского (позднее Покровского) уезда, который

стал дьяконом, а потом священником Никольской церкви с. Скоморохова. С 1817 года священником с. Скоморохова был его сын Павел Алексеевич Флоринский (1798–1879), а с 1857 года — зять Павла Флоринского Иван Дмитриевич Новосельский (1832–1891), женившийся на его дочери Александре (1832–1880).

В 1891 году священником с. Скоморохово был определен Иван Михайлович Соколов (1869 — после 1938), окончивший в 1890 г. Владимирскую Духовную семинарию и женившийся в 1891 году на дочери Ивана Дмитриевича Новосельского Марье Ивановне (1864–1946). Иван Михайлович после гонений в Советское время скончался в ссылке в Казахстане.

Жизнь и быт

сельских священников и их семейств

Владимирской епархии в XIX в.

Чтобы яснее представить себе повседневную пастырскую жизнь владимирского сельского приходского духовенства, приведем отрывок из воспоминаний Григория Афанасьевича Полисадова⁵, инспектора Нижегородской семинарии, который в 1892 г. опубликовал очерк о жизни и быте сельских священников и их семей до отмены крепостного права в Нижегородской и Владимирской епархиях на основании «устных рассказов

Церковь с. Скоморохово и церковно-приходской дом.
Фото 1960 г.

² Ранее Александровского уезда.

³ «Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии». Вып. 2. Владимир, 1894. С. 357–359.

⁴ «Статистический список населенных мест Владимирской губернии». Владимир, 1857 / Сост. К. Тихонравов. С. 24.

⁵ Г. А. Полисадов окончил в 1857 г. Владимирскую Духовную семинарию, а в 1861 г. — С.-Петербургскую Духовную академию. Его отец Афанасий Федорович более 50 лет служил священником на сельских приходах Владимирской епархии.

о своем житье-бытье некоторых известных мне старцев — сельских священников, а также рассказов бывших воспитанников семинарии о быте и жизни их отцов и дедов, <...> из рукописных летописей церквей и приходов»⁶. Не лишним эпиграфом к этому тексту будут слова двух русских царей — Алексея Михайловича, сказавшего: «Худо без пастыря детям жить», и Николая I, подчеркнувшего: «В моем государстве должны быть вечно на часах: священник, доктор и я»⁷.

«В настоящее время сельские священники стали ближе к идеалу истинных духовных пастырей и руководителей народа. Теперь священники — люди более или менее образованные, ясно понимающие свои высокие пастырские обязанности и стремящиеся, по возможности, осуществить их в своей деятельности. Они теперь не только совершители церковных служб, обрядов и приходских треб, но в точном смысле — учителя народные, проходящие обязанности законоучителей в земских школах, заведуют обучением и воспитанием детей в церковно-приходских школах и школах грамоты. <...> В последнем виде труда (учительском), в большинстве случаев, помогают им их супруги или дочери, обучавшиеся в Епархиальном женском училище.

В прежние времена супруги и дочери сельских священников никакого школьного образования не имели, т. к. в то время никаких духовных женских школ не было. <...> В то время сельские священники, в большинстве своем, сами занимались земледелием, сами сеяли хлеб, пахали, боронили, косили, молотили, вообще — сами справляли все работы по уборке хлеба. <...> Тяжел был труд священника-земледельца, особенно в весеннее и летнее время, когда одна сельская работа следует за другой непрерывно <...> Труд жатвы главным образом везде падает на женщин, поэтому и в быту священнослужительском жатву исполняли только женщины. Для этого «матушка-попадья» со своими дочерьми и другими родственницами, живущими в доме, отправлялась самым ранним утром на свою ниву, и здесь за трудной работой, под солнечным припеком и зноем, в полном смысле «не разгибая спины» труженицы-женщины жали и связывали снопы. Трудная эта работа прерывалась только

на несколько минут для обеда и полдника <...> Еще не окончилась жатва, а уже подоспело время бороньбы и запашки под посев озимого <...> В последней работе помогали своим родителям приезжавшие из семинарии на вакацию сыновья. <...> После летних работ начинались работы осенние и зимние: из последних тяжелейшей считалась молотьба ржи. <...>

Домашнего скота у сельских священников, в прежнее время, был полон двор; кроме лошади было по крайней мере две-три коровы, несколько телят, поросят и овец разного возраста и сорта и, кроме того, много кур. За скотиной требовался большой уход <...>, все это хлопотливое дело, занимавшее время с утра до вечера, лежало на плечах матушки, ее дочерей и родственниц. <...> Вечерние будничные занятия, по зимам у сельских пастырей состояли в приготовлении и писании церковных и приходских документов и в обсуждении со своими семейными разных хозяйственных и домашних дел, кои предстояло исполнить в следующие дни.

Случалось также, что иные священники по зимним вечерам занимались тем, что плели корзины из ивовых прутьев, починяли конскую сбрую, свивали веревки для хлебов, вообще сами справляли некоторые немудреные плотницкие, столярные и другие хозяйственные работы. У женщин же, принадлежавших к семейству священника, обыкновенным занятием в зимние вечера была пряжа. При свете лучины, вставленной в светец, заменявший нынешние керосиновые лампы, матушка-попадья со своими дочками и родственницами рассаживались по лавкам, каждая со своим гребнем, веретенем и мочками льну, и пряли нитки, из которых потом сновались основы и ткался холст. Пряли иногда, хотя и реже, шерсть, из которой вязались варежки, перчатки, чулки и другие домашние вещи. Занимались также, садясь поближе к свету кройкой и шитьем одежды и белья. И так проходил вечер, оканчивавшийся пением трех петухов, что было, за неимением в доме часов, знаком, что вечерней работе пришел конец и пора, помолясь Богу, ложиться спать.

По хозяйственным трудам сельский пастырь и его семейство мало чем отличались от крестьянина и его семейства. <...> В своем

⁶ Полисадов Г. А. Очерк о жизни и быте сельских священников и их семейств в 40-х и 50-х годах нынешнего столетия // Нижегородские епархиальные ведомости. 1892. № 5. С. 176–194; № 6. С. 199–215; № 7. С. 245–252.

⁷ К юбилею Царствующего Дома Романовых. Мудрые изречения царей Дома Романовых // Владимирские епархиальные ведомости. 1913 г. № 9. С. 227.¹² Токмаков И. Ф. Краткий исторический очерк Московского Сретенского монастыря. М., 1885. С. 33.

трудолюбии и хозяйственности сельские священники находили лучшее — ближайшее средство своему относительному благосостоянию. Конечно, и у них были доходы от прихожан за исполнение разных треб, и были сборы с тех же прихожан разными жизненными продуктами, но все-таки не в этом был главный источник содержания, а состоял он преимущественно в доходах, получаемых от продажи лишнего хлеба в разных его видах, от продажи выращенного с этой целью скота и от разных молочных скопов и продуктов, а также — от огородных и садовых плодов.

Второю отличительною чертою жизни и быта священников и их семейств прежнего времени была патриархальная простота, отсутствие больших потребностей относительно удобств жизни и умение довольствоваться тем, что есть. Все это сказывалось: в простоте и незатейливости их жилищ и домашней обстановки, в отсутствии стремления к богатым нарядам, в привычке обходиться без посторонней прислуги и питаться самую простую и обыкновенную пищу.

Жилищем сельских священников были, по большей части, собственные дома, но самой простой постройки. Дома эти отличались от крестьянских только тем, что стояли несколько особняком и имели две половины, разделенные сенями. Одна половина дома (собственно изба) была теплая с русской печью, другая половина была холодная и называлась горницей <...> Важнейшей принадлежностью и лучшим украшением помещения была киота с иконами, где на нижней полочке помещались молитвенник, требник и несколько церковных свеч, а перед всей киотой на железной цепочке висела лампадка <...> Кроме избы у прежнего сельского священника был довольно обширный двор для помещения скотины; двор легкими перегородками делился на хлевы и имел один или два омшаника. Кроме этих построек, были еще: амбар для хранения муки и зерен хлеба, помещавшихся в сусеках, сенница — для хранения сена и погреб для хранения разных пищевых припасов <...>. Эта достаточность и домовитость, в связи с привычкою к месту и к людям, закрепляли священника на одном месте, так как в случае перехода его в другой приход, он должен был все эти постройки продать, без сомнения за гораздо меньшую сумму, чем все это стоило. Не желая терпеть убытка, а главное, сроднившись сердцем с тем, на что положено было немало трудов и с чем связаны были немалые радости, печали и опасения и надежды, прежние священники не любили переходить с одного прихода на другой и по нескольким десяткам лет жили в одном и том же приходе,

а при старости передавали свои места сыну или зятю, так что в течение больше чем столетия священниками в известном приходе были лица одного и того же рода и фамилии, или по крайней мере родственные между собой <...>.

Выдающеюся чертою быта и жизни сельских пастырей была еще семейственность, т. е. тесная сплоченность членов семейства и тесный союз между ними, обоснованные на взаимной родственной любви, причем со стороны младших членов семьи было безусловное послушание старшим, а со стороны старших — и попечительная и нежная забота о младших. <...> Члены семьи, пока не вышли из нея и не составили новых отдельных семей, были настолько привязаны к родному дому и родному кругу, что даже не чувствовали потребности искать где-либо развлечения, утешения и радостей вне этой родственной семьи. Впрочем, это было и естественно при условиях изолированного домашнего быта сельских священников. В прежнее время в иных селах жили помещики и их семейства, но они держали себя по отношению к семействам священников большею частью слишком высоко и недоступно, так что общаго тут ничего не было; с лицами крестьянского сословия священнические семейства тем более не могли вести знакомства в общепринятом смысле этого слова, вследствие различия у тех и у других понятий, правил и обычаев жизни. Иных лиц, сколько-нибудь подходящих по характеру и направлению к лицам духовного звания, какие ныне есть в селах, например, среди сельских учителей, в прежние времена не было. Оставалось сосредотачиваться и замыкаться в родной среде и в ней одной находить нравственное удовлетворение. Тогда дети считали счастьем находиться под крылом любящих родителей, чтобы чаще их видеть, чаще слышать и более говорить с ними. Правда сыновья священников, по достижении ими учебного возраста должны были уезжать в училища, но дочери, которым негде было учиться, как только дома, почти неотлучно находились при матери и отце <...>.

Сыновья-воспитанники, конечно, и по долгу благодарности к родителям, и по естественному чувству любви к ним, с нетерпением стремились видеть их, когда только было возможно. Понятно, с какой радостью они спешили под родительский кров во время отпусков на святки, на Пасху, на летние вакации (каникулы. — *Ред.*). Не страшны были им ни дальние дороги, ни распутица в дороге; когда не было возможности ехать, они охотно сотни верст проходили пешком. И какое счастье было в этом свидании для

детей и родителей! Монотонная жизнь села оживлялась, пополнялась притоком свежих вестей и городских новостей; родственная любовь отцов и детей, братьев и сестер приобретала новые поводы для своего проявления, — и вся эта совокупность впечатлений вносила в сердца старших и младших членов семьи то радостное и приятное настроение, о котором у тех и у других на всю жизнь оставались самые лучшие и дорогие воспоминания.

Отрадное чувство родственной любви и счастье, доставляемое семейным союзом, светлым лучом освещало жизнь сельских пастырей еще в так называемые «сельские и храмовые праздники», когда родственный семейный круг еще более расширялся. К празднованию этих праздников приезжали к родителям и те дети, которые уже жили отдельной семейной жизнью, т. е. сыновья со своими женами и дочери со своими мужьями, а также другие родственники. Гости старого времени собирались к своим родственникам не из одного приличия, а по влечению сердца и из желания — через участие в празднике увеличить радость онаго для себя и для других. Не быть на сельском празднике у родственника — значило сделать для себя существенное лишение, а для хозяина и хозяйки — огорчение. Поэтому, за исключением немногих случаев, все родственники, даже и отдаленные, приезжали на праздник и оставались гостить в течение недели и более. В небольшом доме священника делалось тесно, так что мужчины, например, должны были иногда уходить ночевать в дома причетников, а женщины располагались спать и на печке, и на полатах, и даже на полу на простых постелях из принесенной соломы; но на это неудобство никто не обращал внимания, довольствуясь родственным свиданием и радушным угощением хозяина и хозяйки, которые, в течение года старательно сберегая все, что было у них получше из яств и питий, теперь для дорогих гостей не жалели никакого добра. После хлеба-соли всегда бывает приятную беседа. В это время было о чем поговорить и чего послушать! Вот в одной группе собеседников слышались рассказы о домашних и хозяйственных занятиях, в другой шла беседа о богословских предметах, в третьей — сообщались сведения церковно-исторического характера. Здесь — решался вопрос о недоуменных случаях в пастырской практике, там — возникал спор о затруднительных случаях совершения богослужения при совпадении больших церковных праздников и проч. Гости, обладавшие голосами и охотники до пения, разнообразили праздничное время пением духовных стихов и

кантов. Лица более живого и веселого характера сверх сего затевали игры и забавы. Но главное, чем были полезны эти собрания родственников, состояло в том, что на этих празднествах происходили семейные советы по поводу каких-либо особых обстоятельств, встретившихся в той или другой родственной семье или у того или другого родственного лица. Кому нужно было сделать родственный выговор и предостережение — это и делалось сообща родственниками; кого постигла неожиданная нужда — тому сообща помогали; горе и скорбь родственника встречали здесь истинное участие и соболезнование, радость — сочувствие, доброе предприятие — поддержку и одобрение.

Родственное чувство у сельского духовенства прежнего времени всегда сопряжено было с примерами и опытами благотворительности и помощи. Сын охотно и с любовью брал на свое содержание вышедшего за штат или обедневшего отца и старуху мать, брат изъявлял готовность помогать брату и его детям; сестра наравне со своими детьми призревала осиротевших братьев и племянников; старцы — дедушка с бабушкой своею любовью, заботливостью и лаской старались заменить для своих внуков и внучек их покойных родителей. Оказать деятельную помощь бедным родственникам считалось святым долгом не только между близкими родственниками, но и отдаленными. <...>

Еще более высокою, важною и достойною подражания чертою была церковность, налагавшая отпечаток на весь склад их жизни и деятельности. <...> Научась из слова Божия непрестанному помятованию о Боге, о котором мы живем, движемся и существуем (Деян. 17, 28), и веря в премудрый промысел Его, управляющий судьбами людей, старинные священнослужители вместе с семействами своими искренне верили, что все случаемое в жизни их случается именно по воле Божией. Здоровье, довольство, прибыль в чем-либо принимались как даяние, благо и дар, нисходящий свыше; болезнь, непредвиденная беда, несчастье, убыток в хозяйстве и проч. — принимались как наказание за грехи. В подобных случаях не уста только, но и сердца говорили: «на то воля Божия; знать так Богу угодно; Бог дал, Бог и взял; Бог помиловал, Бог и наказал». <...>

В былое время часто совершались общественные молебствия и в храмах и особые молебствия на полях и нивах с крестными ходами <...>

Участвуя вместе с прихожанами в общих молитвах — в храмах и на полях, сельские пастыри и их семейные, следуя постановлениям

Церкви, неопустительно совершали свои частные, домашние молитвы. Так, вставая от сна, прежде всякого, молились; приступая к делу, осеняли себя крестным знаменем, выходя из дома и входя в дом, делали то же, искренне веря, что без Бога — ни до порога. Вечером, несмотря ни на какую усталость от трудов, все члены семьи совершали общую молитву, причем, иногда сам отец семейства, став перед иконами и затеплив лампадку, читал вечером молитвы, а накануне больших праздников был обычай присоединять к сему и чтение акафиста сладчайшему Иисусу или Божией Матери <...> Строго и неукоснительно исполняли и церковные постановления о посте. В этом случае нарушение малейшей подробности, указанной в церковном уставе, считалось важным грехом <...> особенно в дни Великого поста наблюдалось воздержание от пищи до последней возможности <...> С молитвою и постом у прежних священников и их семейных неразрывно соединялось дело милосердия и помощи неимущим. Ни один нищий, просящий милостыню во имя Христа, не выходил из священнического дома без подаяния.

А в воскресные дни и, особенно, в двенадцатые праздники некоторые нищие, известные своим добрым поведением, приглашались на дом к священнику к обеду. Тогда матушка-попадья накрывала для этих нищих особый стол в той же комнате и сама подавала своим убогим гостям те же самые кушанья, которые ставились на стол для домашних <...>.

Благочестивые и добрые обычаи, господствующие в домах сельских пастырей и доброе религиозно-нравственное настроение старших членов священнических семейств, без сомнения, имели самое благотворное влияние и на младших членов этих семейств — на детей <...>

Уча молиться дома, мать и старшие родственники брали детей, еще нося их на руках, к Божественным службам в церковь и, за Литургией, почасту приобщали их святых Тайн, чтобы сим укрепить их душу и тело. А когда дети подрастали и укреплялись в силах, тогда детей брали с собой даже к утрням, не жалея, из высших духовно-религиозных целей, прерывать в это время сладкий детский сон <...>.

В том же духе церковности, которым проникнуто было воспитание детей, велось и обучение их первоначальным наукам. Начиналось оно с обучения чтению по церковному букварю <...>.

По изучении букваря переходили к постепенному чтению Псалтири — книги весьма часто употребляемой при богослужении <...>. На чтении кафизм Псалтири останавливались довольно

долго, вместе со словами и речениями, стараясь, по возможности, понять их внутреннее значение.

От Псалтири переходили к Часослову с тем, чтобы по достижении детьми более беглого и отчетливого чтения приучить их читать часы за богослужениями в церкви <...>. Мальчиков, сверх сего, учили церковному пению и письму, по крайней мере — писанию самых простейших букв, оставляя дальнейшее обучение этому искусству на долю духовных училищ.

Девочек же старались обучать хозяйству и разным рукоделиям, необходимым в домашнем и семейном быту <...>. Если принять во внимание то доброе, истинно христианское и церковное воспитание, то понятно будет, почему в прежние времена из бедных и тесных жилищ и из скромных и бедных семейств — семейств, где нередко родители, особенно матери, были, судя по нынешнему времени, мало образованы, выходили прекрасные образцовые дети, — выходили впоследствии люди с такими твердыми и благородными характерами, какими они проявляли себя во многих видах деятельности и на многих поприщах жизни, — выходили, наконец, деятели, достигавшие высоких званий и значения в церковной иерархии и на государственной службе, содействуя каждый в своей сфере общему благу и общей пользе и служа украшением своего времени!...»

Закljučая очерк, Григорий Афанасьевич пишет, что он «не имел в виду касаться крайностей и брать во внимание единичные и отдельные примеры из жизни и быта лиц, которые могут быть названы исключением из общего правила».

«Мы имели в виду сделать лишь общую характеристику быта скромных служителей алтаря Господня и их столь же скромных спутниц в жизни и помощниц в трудах, но думаем, что указанные нами черты: трудолюбие, простота нравов, семейственность, церковность и народность суть типические черты, которые с достаточной верностью характеризуют деятельность и быт большинства этих тружеников на духовной ниве и тружениц в сфере домашней, семейной и общественной деятельности».

Добавим, со своей стороны, к этим бесценным сведениям некоторые характерные черты времени, имеющие прямое отношение к сельскому приходскому духовенству.

После отмены крепостного права при императоре Александре II Освободителе постепенно изменилась и жизнь сельских пастырей и их семейств. Во 2-й половине XIX века были упорядочены штаты на приходах, развернута широкая сеть церковно-приходских и земских школ, на приход поставлялись священники, только

что закончившие курс в Духовных семинариях. К концу XIX в. был введен порядок, согласно которому лица, окончившие семинарию, прежде чем начать пастырское служение, должны были 3 года проработать учителями сельской школы.

Владимирская духовная семинария выпускала достаточное число богословски обученных учеников⁸ для того, чтобы на каждом сельском приходе священник был с семинарским образованием. В 1865 году Преосвященным епископом Владимирским и Суздальским Феофаном⁹ было открыто училище для девиц духовного сословия¹⁰, куда многие дочери сельских священников могли поступить и учиться, возвращаясь в свои села учительницами сельских школ и будущими образованными матушками сельских пастырей, достойными помощницами им в жизни и служении. С этого же года стали выходить «Владимирские епархиальные ведомости», в которых освещалась и жизнь сельских приходов и их нужды. Деятельность сельских пастырей стала более разнообразной и активной, усилилась проповедническая деятельность, борьба с расколом и сектантством, педагогическая и воспитательная работа с детьми крестьян.

Но жизнь большинства сельского духовенства, в виду бедности приходов и многочисленности семейства, оставалась очень тяжелой. Вопрос об обеспечении сельского духовенства и их семей не сходил со страниц епархиальных ведомостей и духовных журналов до 1917 года.

Вкратце коснемся и порядка получения священниками свободных мест для служения. Постепенно складываясь с XVII века, к началу XIX века в центральных епархиях России прочно установился порядок наследственности церковных приходов. И владыки следовали ему, определяя на вакантные места священноцерковнослужителей с учетом родственных связей служащих на данном приходе. И это положение сохранилось практически до начала XX века, несмотря на закон 1867 г. об уничтожении этого порядка. Служение рода Флоринских — тому подтверждение. Кстати, и барон М. А. Корф в книге

«Жизнь графа Сперанского» (Спб., 1861 г., т. 1, стр. 1) о селе Черкутино Владимирской губернии, в котором в семье священника родился в 1772 году Михаил Михайлович Сперанский, пишет: «Есть предание, что при трех церквях этого села, давней вотчины рода Салтыковых, священствовал преемственно, около двухсот лет один и тот же род». Практически так можно сказать о большинстве священнических родов Владимирской епархии, сохранившиеся архивы подтверждают это.

В ниже публикуемых письмах отражена вся панорама жизни провинциального сельского духовенства. Эти письма о священнических трудах, учебе детей, о любви и заботе, о помощи ближним, о бедности, об устройстве на священнические места, о подыскании невест, рождении и воспитании детей, о вере в Промысел Божий и помощь Господа, о надежде и уповании на Него, покорности Его святой воле. Письма публикуются впервые, в старой орфографии.

Письма в с. Скоморохово Александровского у. Владимирской губ.

1. Письмо Василия Спасокукотского

Любезнейший дединька Алексей Иванович!

Печальное известие, которое я получил от известного вам вашего прихода и села крестьянина в ту самую минуту, в которую только что задали экзаменное предложение для упражнения- и которое должно решить нашу участь, столь поразило, что я будучи расстроен сим прискорбием душевным не мог даже до вечера приняться за дело.

Но как извещен я был по утру сего декабря 20-го дня, то главною и первою моею обязанностью было то, что неотлагая времени прибег возслать не достойные мои молитвы к Великому угоднику и заступнику всех христиан особенно же нашей сей страны.

Да он поможет и походатайствует у Всемогущего облегчения от болезни любезной моей тетиньке и Бог воздвигнет ее с одра смерти.

⁸ Выпускники семинарий, проходя шестилетний курс обучения, последние два года успешно изучали богословские науки, готовясь к священнической деятельности. До этого они 4 года обучались в Духовных училищах. К началу XX века правительством было разрешено ученикам семинарий, желающим себя посвятить светским наукам и хорошо себя зарекомендовавшим в учебе и поведении, после 4-го класса поступать в ряд высших учебных заведений России, что говорит о довольно серьезных знаниях, получаемых учениками в семинариях.

⁹ Свяtitель Феофан Говоров Затворник был епископом на Владимирской кафедре в 1863–1866 годах, после чего ушел в монастырь («в затвор»), умер в январе 1894 года, оставив после себя огромное богословское наследие и духовную переписку.

¹⁰ Душой и организатором создания Владимирского епархиального женского училища являлся Михаил Иванович Херасков (1836–1901), преподаватель и инспектор классов этого училища, «которое всецело обязано ему своим устройством», позже состоял ректором Владимирской духовной семинарии, протоиерей.

По молитве духовному врачу, вздумал было итти и к врачу телесному (ибо у нас казенный лекарь очень изряден и можно и даром нужная вещи вытребовать и послать к вам), но как не известна мне ни самая болезнь ни начало оной, то и не мог придумать и что сказать на вопрос лекаря, а по оному бесполезно что либо и ото-слать.

Любезный дединька! По истинне велико нещастие, но позвольте мне нечто вымолвить, хотя слабому умом и опытностью, но сильному чувством любви и почтения к вам.

Вы испытали уже тягостное бремя жизни сей. Вы уже перенесли довольно и прискорбий. Ваша отеческая грудь с тяжкими вздохами уже как бы знакома.

И потому вы по своей отеческой любви, прошу вас, поддержите в сей печали своими советами дядиньку для того, чтобы не убивал он себя и не мучил — его жизни, его здоровья, его нежности и попечения еще ожидают любезнейшие малютки — он все еще отец. Что ж делать? Мы все в деснице Вышняго. Он наказует того, кого хочет, но вместе Он (и им поставленные благодетели) облегчает бремя наше.

И так возложите печаль свою на Господа и он утешит. Желая и прошу я вас подкрепить себя

как для дядиньки, так и его утешить подкрепить в малодушии и унынии, как для любезных сестриц.

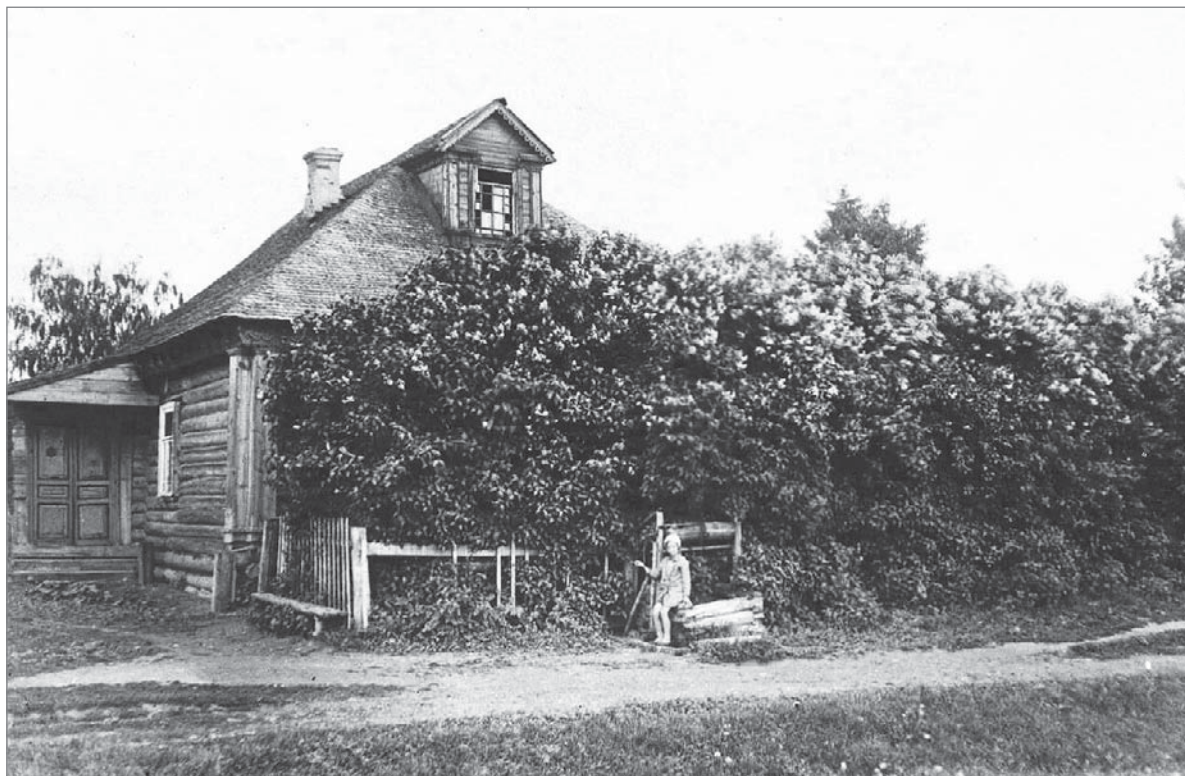
Но всего более желаю и прошу от Господа доброго здоровья тетиньке, как теперь виновнице нашего нещастия — а тогда бы веселия и удовольствия и благодарности к Богу.

Более ничего не могу писать и говорить, слезы мои пусть dokonчат неоконченное!.....прощайте!

Дядиньке П. А. засвидетельствуйте мое почтение и сестрицам, а тетиньке пожелайте выздоровления.

Я узнал еще, что по случаю сего нещастия вы изволили послать за маменькой во Владимир, то желал бы я быть по отпуске нашем в Скоморохове а оттуда вместе с нею отправиться и во Владимир. Мы уже было наняли две пары и обошлось с человека по 6 рублей, но я теперь от сих подвод отказался. Посему прошу прислать за мной лошадь, многова стоить кажется не будет, ибо когда с маменьки осенью взяли четыре рубли, то теперь можно и подешевле — ибо путь не та, чем мне тратиться особливо ехать, а притом что для меня весьма дорого и миновать вашего села, — на него ехать не соглашаются.

Нас отпустят в четверг повечеру и поутру в пятницу я готов буду в дорогу.

Дом священников с. Скоморохово, Флоринских, Новосельских, Соколовых
Фото 1936 г

Прошу еще прислать с извозчиком какуюнибудь шубу мне в дорогу, еще шапку — хоть ушанку и то будет очень хорошо — у меня картуз холодный, сапоги валенные у меня уже готовы. Да еще хоть копеек сорок для дороги и довольно, поелику у меня по присылки от маменьки немного оных осталось. Итак прошу не оставить в сем; и меня не сбейте с пути, ибо неполуча от вас и отпустивши тех, не остаться бы и здесь.

Остаюсь с почтением, любящий вас внук студент Московской Духовной Академии Василий Спасокукоцкий. Декабрь 20-го дня. Лавра.

[1832 г.]

Любезнейшие наши Павел Алексеевич и Анна Ивановна с благословенным вашим семейством будьте благополучны и счастливы!

Уведомляем Вас, что наше семейство живо, только Батюшка периодическую терпит боль в ноге, а Груша при чревоношении чувствует по временам ломоту в ногах; а я сам, благодарю Бога, доколе здоров.

Дела по экономии текут исправно и с успехом. 21-е числа предположили вывезти навоз; но опасаемся будет ли содействовать ведро нашему предприятию. Наступает время сенокоса, а трава на берегах Клязьмы от безгодного дождя под водой. Кажется и просим Господа Бога, но невидим исполнения прошений наших потому, **зале просим.**

В обществе нашем доколе мирно; известный возмутитель несколько поуспокоился; а что будет далее — известно одному Богу: с нашей стороны требуется — **быть ниже травы и тише воды.** Приезжайте в Ивановское к Тихвинской, так как и мы быть там намерены.

С искреннею к вам любовью пребудем на всегда Абакум[овский]: Священник Советов и Агрипина Ивановна.

От Владимира прибыли домой благополучно.

Батюшка свидетельствует Вам почтение и посылает благословение.

Vale te!

Июнь 20 д.
1846 года.

*Любезнейшие,
Братец Павел Алексеевич Священствуй
и сестрица Анна Ивановна
благоденствуй!*

*Благословенные ваши чада
да здравствуют!*

Ведано вам да будет, что я, попадья и Батюшка с Алешей живы и благопалучны, чего и вам от

сердца желаем. Ближайшие по местоположению и родству — Омофоровские, у коих я недавно был, и Андреевский, из которого приезжал к нам Иван Федорыч, также живы и благополучны. К празднику Покрова Присвятыя Богородицы никуда не ездили, даже и при браке в Оспушке не были, так как и о времени бракосочетания не извещены. Жених шурина нашего чей родом, чей сын? Не знаем. Имя его Василий Иванов Беседин — маленький, как говорят, да рябенький, а о характере и нравственности его ничего сказать не могу, потому что незнаю.

Скошенный хлеб обмолотили и эта работа вознаграждена, слава Богу! достаточным прибытком. Более достойного вашего внимания в нашем селе нет.

Прощайте.

С истинною любовью и почтением пребываем к вам села Абакум[ово] Священник Советов и попадья Агрипина; прочие свидетельствуют вам почтение. Не обленитесь как о себе, так и о детях, разделенных с вами довольным пространством, известить нас. В ожидании ответа с сим же письмомателем пребываю, покорный [Ваш слуга] Советов.

Ноябрь 3 д.
1847 года.

*Любезнейшие наши, Братец Павел Алексеевич священствуйя благоденствуй,
Сестрица Анна Ивановна!
долгоденствуй, и благословенное
ваше семейство — наши племянники —
будьте счастливы!*

У досуга вздумалось мне с вами письменно поговорить. Семейство наше, Слава Богу! благополучно; Батюшка впрочем и доселе чувствует периодическую болезнь в ноге. В нашем селе и для вас любопытного, нет. В Матренине, соседственном нам селе, на прошлой неделе оплакали отца Андрея, теперь у них жатвы много, но делатель остался один — отец Иоанн, а он слабый поздоровью — немощный. Не знаю будет ли благоволение нашего Архиерея к сиротам — вдовствующей попадье и оставшейся после покойного дщери; Не мешало бы и Вам попросить Преосвященнейшего, потому что много священников других сел уехали во Владимир для исходатайствования упомянутого места. Уверен, что вы сочтете это невозможным, но впрочем попытки — не убытки, спрос — не беда. Об этом будет<...>

Об чем еще писать? Не знаю. Семейные — Батюшка, попадья и Алексей свидетельствуют вам почтение и любовь.

Поклонитесь от меня сестре Устинье Андреевне и скажите, что ея сестра Марья уже третью неделю гостит у нас <...>

С любовью остаюсь Абакумовский Священник Сем. Советов.

[1848 г.]

Любезнейшие наши

Братец Павел Алексеевич

и сестрица Анна Ивановна

с семейством своим благоденствуйте!

Письмо ваше, печали и горести исполненное, получили и довольно оплакав преждевременную, раннюю смерть умной попадеюшки — Марьи Павловны, препроводили оное в Омофорово. После этаго случая печального моя Попадья сделалась ужасно больна и насилу — насилу под благодатным Покровом Всевышнего выздоровела — и то еще несовершенно. Теперь, Слава Богу, все мы живы и доколе здоровы. Эпидемическая болезнь — холера, довольно сразив жертв, слава Богу! уменьшилась так, что уже в моей части умирающих уже нет и болящих очень мало. Получили письмо из Судогды, в котором тоже пишут о распространении холеры и об опасности подвергнуться оной. Сила Алексеевич и Наталья Ивановна свидетельствуют вам почтение. Омофоровские доколе в здравии и благополучны. О Андреевских, как гордых и спесивых, ничего не слыхали.

Ради Бога просим Вас, и особенно Анну Ивановну, не убивать себя печалию. Вам известно, что пути Божии не исследимы. Конечно, не отвергаем, что надсадно родительскому сердцу перенести такое несчастье, но чтоже делать — надобно смириться под крепкую руку Божию. Вам известно, что ваша жизнь и здоровье дороги и весьма нужны другим чадам. Жалеем и о сиротах. Конечно Господь Бог сам возлелеять их хочет. Аще и забудет жена отроча: аз не забуду, глаголет Господь. Уповайте на Бога, молитесь Ему Милосердному, дабы скорбь ваша о потере любезной Вашей дщери облегчил. К празднику нашему для рассеяния печали и любезного собеседования непременно — без отговорок, приезжайте. Все домашние свидетельствуют вам почтение. Извините, весьма торопился.

С любовью к вам пребуду Абакумов[ский]. Иерей Семен. Советов.

Августа 2 дня.

[1848г.]

Незабвеннейший братец Павел Алексеевич, благоденствуя священствуйте!

Знаю, что и доселе ваше сердце сдавлено тоской; уверен, что печаль о лишении подруги, если не всегда, то весьма часто тяготит горестное ваше сердце: но да будет во всей нашей жизни Святейшая Воля Всеблагаго Бога! Мы ничего сделать сами по себе не можем; так отдадим же сами себя на произвол Божественному провидению, руководящему нас во всех путех нашей плачевной жизни. Весьма желательно видеть Вас у себя, но едва ли мое желание исполнится потому самому, что Вы не только сами посетить, но и письмами, как замечаю, дорожите. Поверь, друг! — если так смею Вас назвать — я все — таки одинаков, — с одними чувствованиями любви и сердечного к Вам расположения; почему усердно прошу при свободном времени и благоприятных обстоятельствах посетить меня. В прошедший месяц я непременно хотел посетить Вас; но непродолжительность времени, в которое я должен был венчать браки, удержала меня. Браков всех ровно было 20-ть. Посему никак не мог оторваться. А в настоящее время, как более для Вас свободное прошу к себе разделить время грусти и скуки. Ручаюсь, что Вы при личном с нами свидании, найдете во мне друга, готового доставить Вам всякое утешение. Любезнейшим племянускам — несчастливым сиротушкам — от души желаю всякого счастья и благополучия.

Семейство мое: Батюшка, попадья, Алексей свидетельствуют почтение и любовь. Новостей, стоящих вашего внимания, никаких нет. С истинным, нелицемерным к Вам расположением остаюсь Абакумовский священник Советов.

Март. 1 д.

1849 года.

Любезнейший Братец

Павел Алексеевич священствуйте!

Благословенным благочестиваго корене отраслям Агрипине, Параскеве и Александре Павловнам, кстати и малюткам Сиротам, свидетельствуем почтение, расположение и любовь.

Ужасно, милый друг! Сожалеем, что Вы о своем состоянии и о состоянии своего семейства, а равно и о ходе дел Ваших, не известили письмами. Разве опрощаете себя только незнанием открывшагося случая: а то мы, пожалуй, готовы и пенять. О себе сказываем Вам, доколе живы и благополучны. Работы луговая и полевая

¹¹ Допнать — доташиться, доволочься, с трудом дойти. См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 1167.

еще не кончены; впрочем рожь уже в прошедшее воскресенье свозили. Сенокос к концу. Слава и благодарение Господу Богу! Препятствий к уборке доколе еще не было. По милости Божией и последние работы будут исправлены. Просить следует только Бога о укреплении Здоровья.

А после всего-то, Л. [любезный] Бр.[атец]! как доживем, допнаем¹¹ до 14 сентября: прошу покорнейше делить время с нами. Для удаления скуки путевой, прошу с собою привезти и милых племянниц, пожалуй хоть всех, если хранение дома можно будет верить благонадежным.

А нельзя всех: то кого угодно. О прочих родственниках извещаю, что тоже как и мы, живы, и доколе благополучны. Иван Федорович и с подругой своей, на день тезоименитства Агрипины попадьи приезжали и вовремя разделили благополучно, не упоминая о прошедшем.

Господина Нашего Преосвященнейшего Иустина поджидаем, а потому и Церковные документы всегда в готовности и исправности. Причетников для соблюдения чистоты по церкви понуждаем настоятельно; впрочем нам, и Вам также, на всякий раз надобно быть аккуратным.

Домашние, Батюшка, Попадья и отлетный гость Алексей свидетельствуют всем Вам почтение. С искреннею к Вам любовью пребуду навсегда.

Абакум[овский]. Иерей Семен Советов.

*Июль, 28 д.
[1849 г.]*

Любезнейший Братец — Павел Алексеевич!

Безпощадная смерть, в нынешнем году и в нашем родственном кругу, сразившая наших родителей, внедрилась и в Омофорово.

Первою ее жертвою здесь июня 14-го был незабвенный свояк наш Алексей Иванович; 16-го числа тогоже месяца сражена и дочь его Ольга Алексеева и напоследок 21-го числа и Марья Ивановна. На всех их обнаружили и действовали холерические припадки. Нам о смерти Алексея Ивановича сообщили вскоре, а потому мы в тоже время и поспешили отдать ему последнее целование. На другой день по приезде я исповедовал отчаянно больную Ольгу и после того особоровал и Марью Ивановну; а по совершении погребения Алексея Ивановича обеим страждущим прочитал и отходную. Так-то, любезный Братец! Смерть поспешила в скором времени троих отправить на тот свет. Осталась теперь только одна Варвара Алексеевна. Но впрочем и она, по милости Божей, приобрела себе вечно-го друга — Михаила Васильевича Капацинского. Брак, к которому нас приглашали и на котором

по стечению домашних обстоятельств не был, был 17-го июля — в воскресенье. Что теперь там делается, еще не знаем. Извещая Вас о сих печальных происшествиях усердно прошу Вас о преставльшихся возносить пред престолом Господним молитвы.

Мы, слава Богу! доколе живы, только наш малютка — Миша, которого Вы кажется видели, очень не здоров.

Сенокос у нас к концу. Прочие дела также по милости Божий, текут благополучно. Не забудьте, Павел Алексеевич! Воздвижения Креста Господня. Я буду Вас непременно ожидать, и Вы, без отлагательства приезжайте хоть со всем семейством.

Любезнейшим племянницам — Агрипине и Александре Павловнам свидетельствуем усерднейше почтение.

Попадья — Груша всем вам низжайше кланяется. Доколе будет. Буду ожидать ответа от Вас.

Брат Ваш с. Абакумова Иерей. С. Советов.

Июль 19-го дня 1855 года.

3. Письма священников (отца и сына)

Иоанна и Николая Флоринских

Дражайший батюшка

Священноиерей Алексей Иванович!

И любезнейший братец Павел Алексеевич!

Чрезмерно горестная весть об отчаянной болезни родительницы весьма нас поразила, тем более, что и у меня в доме Елисавета Ивановна простудилась и захворала горлом, ровно и дети очень больны.

Хотел бы непременно вместе с сестрицами ехать к вам, но болезни домашних удерживают: ибо без меня должны умереть. Впрочем есть ли Бог не возвратит здоровье дражайшей моей родительницы и естли о, не дай Боже слышать, совершенно будет отчаянна в жизни, а буде и кончит оную, то ради Бога, прошу прислать нарочно — я оставляю все — и поеду. Но даруй Боже, чтоб возвратилось здоровье драгоценной матушки для утешения детей ее любящих. Испросите мне ее благословение и прощение о всех оскорблениях.

Ваш преданнейший сын и брат Иерей И. Флоринский.

1828г. ноября 10.

Владимир.

P.S. Дражайший Батюшка, Павел Алексеевич! Зделайте милость постарайтесь сестрице погасить из денежного долга рублей 300, или 200, или сколько можно. Она расскажет вам надобность и крайность свою.

Любезнейший братец, Павел Алексеевич!

Письмо и деньги 25 р. ассигнациями, посланные с Шимохининским Бурмистром Михайлом Алексеевым я получил, ворот переменен. Шубу шить отдали, немцу отдавать уже нельзя, да и не советуют: ибо нарядная шуба под дождем не бывает.

Остаток от денег будет отдан сестрице. Не знаю, что возьмут за работу, — обещали сшить через неделю. Гаврило Иванович с Елисаветой Алексеевной приехали, не знаю, не виделся с ними и с ее сестрицей. Впрочем ничего не слышно [не разборчиво].

Милостивейшему нашему Батюшке прошу засвидетельствовать мое сыновнее достопочитание и любезной Анне Ивановне объявите наше почтение, а детей поцелуйте.

С любовью моего семейства пребываю ваш усерднейший Брат Иерей И. Флоринский.

1832 г., Июнь 21.

Владимир.

Любезнейший Родитель!

Долгом моим поставляю поздравить Вас с минувшим Праздником Рождества Христова и с наступающим Новым Годом. Желаю паче всего Вам доброго здоровья для утешения детей Ваших.

Нечаянная весть о болезни Анны Ивановны васьма нас поразила. Слава Господу Богу, врачу душ и телес, что он даровал ей облегчение. Теперь потребна осторожность от простуды.

За гостинчик Вам приносим чувствительную благодарность; но извините, что теперь не могу за оную соответствовать.

Наше семейство, кроме одной маленькой Катеньки, за молитвами Вашими, здорово, а Катенька все что-то клохчет. Детское дело, но впрочем здоровье само по себе слабое.

Прося Вашего родительского благословения, с достодолжным почитанием имею сыновий долг быть преданнейший и всепокорнейший Иерей Н. Флоринский.

1832 г., декабрь 29.

Владимир.

P.S. Елисавета Ивановна с детьми свидетельствуют Вам свое почтение и просят Вашего благословения!

Любезнейший братец, Павел Алексеевич!

Жалею, очень жалею о приключившемся с Вами несчастии. Можем благодарить Господа Бога, что он наказуя, вскоре помиловал. Анне Ивановне надобно беречь свое здоровье, наипаче ходить тепло, не надеясь на свою молодость, и вы со своей стороны берегите и охраняйте ее.

Благодарим Вас за присылку и желаем, чтобы таковые вещи побольше у Вас водились.

Поздравляя Вас с прошедшим праздником Рождества Христова и наступающим Новым годом, желаю искренно, чтобы Господь Бог благословил вас и новым здоровьем и новою о весне радостью. А затем с почтением моим имею честь быть усерднейший Ваш брат Н. Флоринский.

P.S. Елисавета Ивановна свидетельствует вам и Анне Ивановне свое почтение и желает всем доброго здоровья, чего и от меня пожелайте, а детей Ваших поцелуйте.

И. [Иоанн Флоринский]

[1830-е гг.]

*Ваше Высокоблагословение**Дорогой Дяденька Павел Алексеевич!*

Искреннюю приношу благодарность от себя и от лица маменьки с сестрицами за Вашу к нам любовь. Да устроит Господь Вашу жизнь мирно, светло, счастливо! Приветствуя Вас с наступающими Великими днями, желаю и молю Благость Живодавца, да от Света Воскресния Своего славного прольет радость в души Вашу и сестриц, которых целую я, маменька и сестры. У Вас, добрый Дяденька, испрашиваем все благословения и Св. молитв о нас пред престолом Божиим. Студента, который бы пожелал в Москву на светскую службу, я посредственно и непосредственно отыскиваю. Но кажется надобно будет, чтоб невеста была во Владимире, по крайней мере мне высказывал это один из лиц, отыскивающих жениха. Написал бы более, да спешу в класс. Классов у меня теперь множество: в неделю занимаю двадцать часов, ходя за себя и за о. Дионисия, который ныне уезжает в Вологодскую семинарию Архимандритом и инспектором.

Простите Любезнейший Дяденька! Благодарю за спички (2 тысячи), благодарю за память Вашу о брате Михаиле. Он рад будет и гостинцу, а более письму от Вас: все мы Вас так Любим, как будто покойного незабвенного тятиньку и приснопамятного покойнаго Дедушку. Да даст им Господь Царство небесное! Да не лишит и нас сего Царствия! Приезжайте в Владимир наш после Пасхи, привозите и сестриц. Усерднейшее объявите от меня и домашних моих почтение и искреннюю любовь Любезнейшему Дедушке Василию Ивановичу. Простите, будьте здоровы и благополучны и с сестрицами! От души желаем Вам сего все: Маменька, Сестрицы Елизавета и Софья и преданный Вам племянник Ваш учитель Николай Флоринский.

1851 года
марта 13 дня, Вторник.

4. Письма священника о. Андрея Казанского

*Достопочтеннейший
дядишка
и любезнейшая тетенька!*

Чувствительно благодарю Вас за Ваше при-
ветствие и искренние благожелания Ваши,
равно и я поздравляю Вас, со вступлением
в новое лето и от души желаю Вам и Вашему
благословенному семейству новой благодати
от Милосердного Творца и Благопромыслителя
нашего. И мне чрезвычайно хочется повидать-
ся с Вами. Но известно ли Вам, что отлучки
для меня неудобны. А в святки-время очень
коротко; в вакацию занимают наши сенокосом,
взявши вместе с зятем одну из наших соборных
пожнень, а сверх того в вакацию у нас в Соборе
беспрестанно праздники. Нельзя ли Вам пожа-
ловать к нам. Вам поезд стоит только одного
четверика овса, а от нас на дорогу я дам четве-
ричек; а между тем съездим к Ивану Ларионову.
Зять мой поп знатный — молодец в своем роде.
Ныне он едет к помещице Чулковой, не их при-
хода, она дарит ему девку, да еще воз сена. Вы не
ошиблись, посылая им поклон с чады и другое
дитя их уже существует, хоть не в сем видимом
мире: Саша скоро должна разрешиться. Вася
и Федя меня пред Святками весьма утешили.
Первый по главному предмету записан третьим,
а по прочим предметам стоит вторым, а Федю
посадили четвертым — Благодарю Премило-
сердного Господа! А о девицах и у нас те же без-
престанные воздыхания и заботы, что и у Вас.
Эта ноша так тяжела, что притягивает и даже
крепко — бывает все существо к земле. Пытался
было я просить в Юрьев на место Гурьева с тем,
чтобы устроить на свое место Лизу, но опоздал,
как сказал Владыка. Сперва по смерти его не
просил, а просил тогда, когда услышал, что
Гурьев отказывался от невесты, назначавшейся
ему у Нечаева. Я послал просьбу к Васе, чтобы
он подал. Преосвященный написал на прошении
— дана резолюция — и сказал — поздно, надоб-
но бы пораньше. Ежели бы я подал просьбу тот
час по смерти, может быть и сделал бы меня, но
видно промыслу Божию не угодно, чтобы я там
был.

В прошлом ноябре в первых числах посетил
нас несчастье. Коровка, стоящая по крайней
мере ста рублей после отеления у нас пала.
Теперь осталась он нее телочка по другому году,
а в последний понедельник и со мной случилось
несчастье — третий день ездю на ж... Попал

было в преизподнюю, и половина тела была
там, а некоторые добринькие делишки другую
половину тела еще не пуцали из здешнего
света: — я упал в подполье и ушиб бок — Три
дня не выхожу из горницы нельзя было ни бз...
ни пер..., перевести духа.

С истинною любовью к Вам остаюсь навсег-
да покорный слуга иерей А. Казарнский.

[1849–50 гг.]

Достопочтенному отцу Иерею Павлу Алексеевичу Флоринскому в Скоморохово.

27 июля. 1871 года.

*Достопочтеннейший Иерей,
Павел Алексеевич!
Любезнейший и дражайший дядюшка!*

Как Вы ныне поживаете? Пламенным горим
желанием повидаться с Вами, но не знаем,
как исполнить это наше желание. Надобно бы
побывать у детей в Александрове и в Весках;
но неизвестно, когда соберемся. А давно там мы
не бывали. Думаем осенью прокатиться туда.
Оттоле разве не завернем ли и к Вам. Долго-то
нельзя путешествовать. Приход у нас огромный,
хоть и в одном месте. Да, Господь неожидан-
но явил мне — недостойному, свою великую
милость: место здесь превосходное. И мы здесь
живем в мире и спокойствии. Меня все здесь
душевно любят и очень мне рады. Только силы
стали слабеть. Хотелось бы Ваню устроить на
свое место — он ныне получил звание сту-
дента, но ныне не позволят. Надобно прослу-
жить три года учителем. Бог знает, удастся
ли мне попеньчать еще столько времени, хотя
ревность моя к службе Божией не ослабла и
доколе я во всем аккуратен. Ну да будет воля
Божья с нами! Нам только надобно благодарить
Господа и день и ночь за Его неизреченные к
нам милости. А стоим ли мы их? Какая бездна
милости у Господа Бога! Дом у нас Господский,
дрова готовые, доходы очень хорошие. Товарищ
у меня прекрасный. За дом в Судогде получаем
100 рублей, и во флигеле живет зять — без
платы. Здесь 800 рублей придет.

От души желаем Вам и милым детям Вашим
вождеденнейшего здравия и, целуя вас всех,
имеем честь быть навсегда вашими покорными
слугами. Гусевской хрустальной фабрики про-
тоиерей Андрей [Казанский].

P.S. Николай Иванович Флоринский полу-
чил орден 3 степени Св. Анны. За удовольствие
считаю известить Вас.

5. Письма Новосельских**В селе Скоморохове Его Благословиению
Честнейшему Иерею отцу Павлу
Флоринскому***г. Владимир.**Любезнейший тятинька
Павел Алексеевич!
Священствуйте!*

Уведомляю Вас, что я достиг Владимира благополучно, только жалко что не вовремя, теперь я должен жить целю неделю совершенно без толку, даже надеюсь быть посвященным во Дякона и к тому Воскресению, потому что трое ставленников приехало прежде меня, о чем я весьма жалею; потому что прожить неделю по пустому соединены с издержками лишними. Я еще не ходил к Александру Александрычу и не знаю был ли во Владимире Иван Еграфыч, — и по этому ничего не могу вам сказать об его положении¹².

Я посылаю вам полфунта чаю двух сортов — цветочного и простого, несмотря на то, — что денег едва ли станет и на необходимое. Если Саша вздумает ко мне быть к следующему воскресению, пришлите с ней денег пять целковых, как вы сами обещались, иначе я буду терпеть недостаток. Я предполагал, что расход по консистории будет простираться не выше 10 рублей серебром, но между прочим обманулся, дерут проклятые крючки на пропалую, — я спрашивал одного из ставленников и он сказал мне — непременно, если не к Воскресенью, то по крайней мере к Трехсвятителям, в этот день я думаю быть посвященным разве только в дякона. На квартире доколе остановился у Алеши, а другой еще никакой не нашел удобной к помещению с Сашей, от Александра Александрыча не имел еще честь узнать, рад ли будет он принять нас.

Об Алеше репорту еще не прислано, — дедушка его очень сетует на то, что вы у себя продержали его две недели.

Прощайте!

Засвидетельствуйте от меня глубочайшее почтение милой моей Александре Павловне и поцелуйте ее от меня и скажите, что я очень скупаю по ней. Так же сестрице Агрофене и Маше. Очень неприятно мне, что я должен жить очень

долго, а еще неприятнее то, что много должен истратить денег. Еще позабыл вам сказать, что крупа во Владимире по рублю серебром за меру, а пшено 4 рубля, если нужно купить, пришлите и на это хоть 2 целковых, я, приехавши, все вам заплачу:

Остаюсь, любящий вас, сын ваш студент И. Новосельский.

*[1857 г.]**Любезнейший братец
Отец Иоанн Дмитриевич!
Много лет священствуйте!*

Пожелав Вам доброго здравия и в делах Ваших доброго успеха, а также и Вашему дорогому семейству, я извещаю Вас, что сын мой Владимир Павлович получил резолюцию во священника в село Дубровку и билет жениться, по сему случаю предположена быть свадьба 22-го июля 1884-го года в селе Жаворонково Юрьевского уезда, так как сын мой Владимир помолвлен вступить в брак с дочерью заштатного священника села Жаворонкова Иоанна Лебедева девицею Мариєю. В виду этого я всепокорно прошу Вас прибыть к нам на день брака сына моего не позже 21-го числа июля хоть вечером, или уж рано утром 22-го июля. Я намерен Вас принять для сына моего Владимира в качестве посаженного крестного отца, так как настоящим крестным отцом был отец Иаков Петрович Семьинский. Так же мы желаем чтобы и бракосочетание — таинство было совершено Вами. На день брака желаем, чтобы вместе с вами прибыли и Ваши детки Александр Иоаннович, Анна Ивановна с своим супругом, а также и кого хотите взять из своих деток и прочих, потому что мы желаем, что бы как можно больше прибыло к нам с Вами Ваших деток, потому что мы давно с ними не видались и они почти век не бывали в моем доме, а к посещению меня с моим семейством Вам и Вашему семейству предстоит экстренный и важный случай. Но если же Вы по каким либо своим расчетам или непредвиденным для нас случаям отдумаете у нас быть на браке моего сына Владимира, то в скорейшем случае Вы известите нас, даже, если не пожелаете слишком платить за уведомление, то посредством телеграммы; так как; в случае не прибытия Вас, нам нужно будет приискать другого

¹² В 1857 г. после сговора студент Владимирской духовной семинарии И. Новосельский повенчался с дочерью священника скомороховского прихода о. Павла Флоринского Александрой и находился во Владимире для посвящения в приходские священники в с. Скоморохово на место своего тестя.

посаженного крестного, а так же и совершителя брака — таинства. Если же Вы и вознамеритесь непременно прибыть к нам на день брака сына моего, чего от души желаем, то также скорейше уведомите нас.

С искренним почтением и любовью пребываем к Вам и к Вашему семейству любящие Вас родные Ваши, **Иерей Павел Дмитриев Новосельский** и супруга его Евдокия Афонасьева с детьми.

Владимир Павлович Вам и Вашему семейству кланяется и от души желает чтобы Вы были на его свадьбе в качестве посаженного крестного и совершителя таинства бракосочетания.

[1884 г.]

*Ваше Высокоблагословение
Любезнейший милостивейший
и Достопочтейнейший наш дядинька
Здравствуйте!*

Уведомляем Вас, что все мы живы и здоровы, чего и Вам и всем Вашим семейным от души желаем. Извещаем Вас, что дело у нас устроилось. Жениха приискали; он из студентов Владимирской духовной семинарии Алексей Дмитриев Беляев, уроженец села Ярышева, Суздальского уезда, диаконский сын. Окончил курс в 1885 году — мой сокурсник с приготовительного класса училища. Резолюцию на вступление в наш приход получил, а так же и билет на вступление в брак. Процесс самого хода дела был весьма затруднителен и беспокоен в особенности от мамаша. Целую неделю проживались мы во Владимире. Хлопот было очень много. Владыка без аттестата не накладывает резолюцию. Этот документ находился в Губернском учительском совете, так как он состоял учителем народного училища. Обращались за аттестатом к инспектору училищ. Инспектор сказал, что его в дирекции нет, а переслан в Суздальский училищный совет. Послали заявление в Суздальский училищный совет с тем, что бы он выслал аттестат на имя Его Высокопреосвященства. На это заявление ответа никакого не было, так как в последствии оказалось, что документ можно выдать только в руки самой личности. Думаю, что нужно отправиться в Суздаль самим и лично потребовать документ. Отправляемся из Владимира в Суздаль. Что же! Пришлось опять и тут испытать сильную неудачу. В Суздальском училищном совете аттестата не оказалось. Ответ последовал такой, что он вероятно храниться в дирекции во Владимире. Опять нужно отправляться обратно во Владимир. Приехали во Владимир. Слава Богу! Дирекция аттестат выдала. Мамаша немного поуспокоилась. Это

уже произошло 23 марта, тогда как из дома прибыл во Владимир 18 марта. В этот же день являемся но к Владыке; опять и тут не задача. Владыки нет, уехал в семинарию. Пришлось ждать до вторника. Слава Богу! Вторником дело заканчивается. Резолюция на определение г. Беляева в Григорево — Туков приход и билет на вступление в брак получен. Теперь торопимся домой. Писал в торопях. Извините.

Затем прощайте. Свидетельствуйте глубочайшее от нас почтение всем домашним. Больше писать нечего. Остаемся любящие Вас Священническая **вдова Евдокия Афонасьева Новосельская и Михаил Новосельский**. Брак по всей видимости будет в Мироносицево Воскресение — 19 января. Впрочем еще хорошо не знаем. Об этом известят после, когда решат.

Приданное за Сашей следующее: Дом, за исключением отдельной кухни, дворовое строение, сарай, 500 рублей деньгами и приличное приданое. Рублей на 170 придется прикупить приданого. Жить мамаша, конечно, будет в одном доме.

Учитель, Студент Владимирской Духовной семинарии Михаил П. Новосельский.

[1887 г.]

*Любезнейший мой дядинька
Иоанн Дмитриевич,
здравствуйте!*

Уведомляю Вас, что крестный мой села Глумовской Новоселки о. Константин 21-го октября помер; 28 числа этого месяца я определен на его место. Теперь отыскиваю себе будущую спутницу жизни. Нет ли в ваших краях для меня невесты, но конечно такой, которая может быть обеспечена средствами. Без средств, сами знаете, что нашему брату обойтись трудно. Будьте так добры — не откажите мне в моей просьбе, если сами не имеете ввиду, то постарайтесь, как можно скорее расспросить других. Мне хочется, чтобы после Рождества Христова вскоре был брак.

Больше пока писать еще нечего. Прошу вас уведомить меня как можно скорее. Когда вы пришлете письмецо, то можем и к Вам приехать, если в ваших краях будет невеста.

Пишу в поспешности — прошу извинить.

Затем прощайте!

Остаюсь любящим Вас племянник **Михаил Павлович Новосельский**.

Все наши домашние родные Вам кланяются.

Свидетельствуйте от нас почтение всем вашим домашним.

Когда дело у меня устроится, то пришлю письмецо — другого содержания.

[1887 г. нояб.]

Декабрь 27 дня 1887 года.

*Любезнейший мой дядинька
будьте здоровы!*

В ноябре месяце я Вам писал письмо, которое вы должны получить. В нем я уведомлял Вас, что за смертью моего крестного отца Константина Красовского я определен на его место во священника, а 2 декабря я отыскал себе невесту и сделался уже совсем. Она дочь благочинного села Константиновского вашего уезда, Николая Александровича Беляева. Имя ей Ольга. Брак положили совершить 10 числа Генваря месяца 1888 года, 9-го числа будет благословение. Покорнейше прошу Вас приехать к этим числам; прошу Вас всепокорнейшее, не примите ли на себя труд совершить над мною брак, быть крестным отцом.

Относительно того, куда именно лучше Вам приехать, прямолив село Константиновское или в село Григореево, я предоставляю Вашему разсуждению. Желательно было бы, конечно, если бы Вы приехали в Григореево к 8 числу, а от Григореева уже поехали бы все вместе в Константиновское. Путь от Григореева к Константиновскому такой:

до Рязанцевской станции на лошадях. Затем до Сергиевского посада на машине, от Сергиева посада до Константиновского 20 верст — на лошадях. От Вас до Константиновского 60 верст, именно до Александра 20 верст, от Александра до Константиновского 40 верст. Относительно того, как вы будете держать путь до Константиновского через село ли Григореево или прямо от Скоморохова до Константиновского уже более нечего говорить.

Буду вполне надеяться на Вас, что Вы не откажете мне в этой необходимо важной просьбе.

Мы намерены быть в селе Константиновском 9 числа в 1 час по полудни. Из Григореева выедем 8 числа в 4 часа вечера.

Любезнейшие мои братцы Александр Иванович, Михаил Иванович и любезнейшие сестрицы Марья Ивановна, Екатерина Ивановна и Елизавета Ивановна, будьте здоровы!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, будьте так добры, потрудитесь прибыть ко мне на свадьбу. Не откажите, пожалуйста, в этой просьбе.

На могиле предков семья Соколовых (Никольских)

Затем прощайте. Брат Ваш Михаил Павлов Новосельский. Попросите, пожалуйста, дяденька моим именем Карабановских Ивана Сергеевича и Анну Ивановну, что бы и они постарались прибыть ко мне на брак. Желал бы сам им написать письмо из Константиновского числа 1 или 2-го Генваря, потому что я в это время намерен быть там. Село Титовское, я узнал, будто бы находится только в 12 верстах от Константиновского. Очень желательно, что бы и они присутствовали при моем браке. Наверное, село Константиновское служит станцией, откуда Титовские получают письма. Если поеду в 1-х числах Генваря в Константиновское, то в Александрове наверное должны увидеться с Александром Ивановичем, если он только служит на железной дороге.

Затем прощайте! Остаюсь глубоко уважающий Вас племянник **Михаил Павлов Новосельский**.

Любезнейший наш Дяденька!

Поздравляем Вас с прошедшим днем Вашего Ангела. Поздравляем Вас и Ваше семейство с Новым годом и желаем Вам с семейством провести этот год в добром здоровье.

На Ваше приглашение нас быть у вас на браке Александра Ивановича с Олимпиадой Ивановной приносим большую благодарность. Хотелось бы побывать нам в Ваших краях и повидаться с Вами и всеми родными и в особенности разделить с Вами день Вашей семейной радости по случаю вступления в законный брак Александра Ивановича с Олимпиадой Ивановной; но семейные обстоятельства не позволяют нам быть у Вас на этом радостном случае. Поэтой причине поздравьте, Дяденька, от имени нас Александра Ивановича и Олимпиаду Ивановну с законным браком и пожелайте им от нас доброго здоровья и счастья в их будущей жизни. Просим Вас, Дяденька, пожаловать к нам в наши края, вместе в домашними Вашими, если найдете свободное время побывайте в этом мясоде. Александра Ивановича с супругой его приглашаем к нам побывать, если они найдут свободное время к тому, вероятно можно будет взять Александрю Ивановичу отпуск для проезда в наши края. Вот все и соберитесь к нам пожаловать в Дубровку.

29 января 1890г.

Новостей особенных в наших краях никаких нет. С пожеланием Вам и Вашему семейству доброго здоровья и всякого благополучия, остаемся любящие Вас, племянник и племянница Ваши, Иерей Владимир и Мария Новосельские.

**Указатель адресатов
с примечаниями**

*Казанский Андрей Павлович
(1797–1883)*

Окончил в 1822 г. Владимирскую семинарию, с 1822 г. — священник Переславского Успенского собора, преподавал в Духовном училище г. Переславля-Залесского. С 1848 г. — протоиерей собора г. Судогды, а с 1870 г. — протоиерей Иоакимоской церкви при заводе г. Гусь-Хрустального. С 1875 г. — уходит за штат, оставив свое место сыну Ивану.

*Новосельский Иван Дмитриевич
(1832–1891)*

В 1854 г. окончил Владимирскую семинарию, служил дьячком в селе Стебачево Суздальского уезда, с 1857 г. — священник с. Скоморохово.

*Новосельский Павел Дмитриевич
(1839–1887)*

В 1860 г. окончил Духовную семинарию, с 1861 г. — священник с. Григорово, Юрьевского у.

*Новосельский Владимир Павлович
(1862–1925)*

В 1877 окончил Суздальское Духовное училище, в 1883 г. — Владимирскую Духовную семинарию, с 1884 г. — священник с. Жаворонково Юрьевского у. С 1894 г. служил в с. Числовское Городище, того же уезда. С 1906 г. — священник Суздальской церкви св. Лазаря, с 1924 г. — служил в Смоленской церкви г. Суздаля.

*Новосельский Михаил Павлович
(1864—после 1914)*

В 1879 г. окончил Суздальское духовное училище, 1885 г. — Духовную семинарию в г. Владимире. С 1888 г. — священник с. Глумовские Новоселки Юрьевского у., с 1896 г. служил в с. Константиновское Александровского у.

*Советов Семен Петрович
(1817–1856)*

В 1838 г. окончил Владимирскую семинарию. Фамилия отца — Дубровский. С 1839 г. — священник села Абакумова, Покровского у.

*Спасокукотский Василий Александрович
(1809—?)*

В 1830 г. окончил Владимирскую семинарию, в 1832 г. поступил в Московскую Духовную академию, но не окончил. С 1833 г. — священник в Костромской епархии.

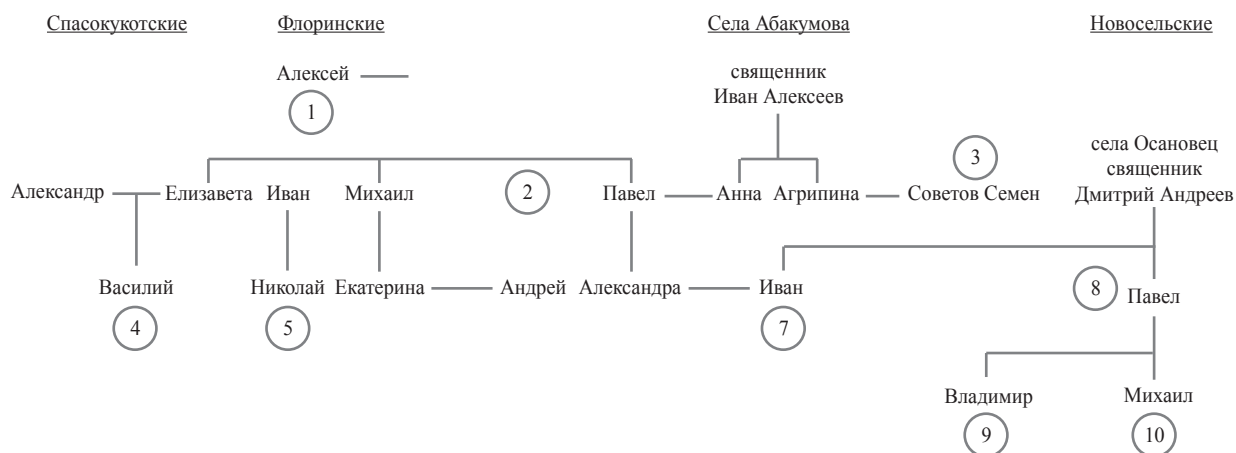

Схема родства адресатов писем в село Скоморохово

Флоринский Алексей Иванович
(1757—1842)

Дьякон, затем священник с. Скоморохово.

Флоринский Павел Алексеевич
(1798—1879)

Обучался во Владимирской Духовной семинарии. В 1817 г. посвящен в дьяконы при Богословской церкви г. Владимира. С 1818 г. — дьякон в с. Фетиново, с 1820 г. — священник с. Скоморохово. В 1857 г. уходит за штат, передав свое место зятю.

Флоринский Николай Иванович
(1826—1900)

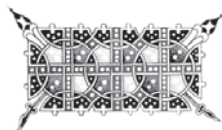
В 1845 г. окончил Владимирскую Духовную семинарию, в 1849 г. — Киевскую Духовную академию и получил степень магистра, далее определен помощником ректора в Вятскую семинарию, а 1851 г. перемещен на такую же должность во Владимирскую семинарию, преподавал богословие и др. предметы. В 1858 г. рукоположен во священника в Успенский женский монастырь г. Владимира с оставлением в профессорской должности. В связи с открытием епископом Владимирским Феофаном во Владимире училища для девиц духовного звания, получил должность законоучителя. В 1867 г. был перемещен

в Киевскую епархию и определен священником церкви 1-й Киевской гимназии, затем был назначен настоятелем Киевского Успенского собора. Затем через 2 года стал протоиереем Софийского кафедрального собора и прослужил здесь 10 лет. Затем 12 лет прослужил в Киевской Сретенской церкви.

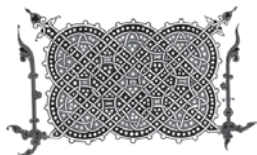
Духовный писатель и проповедник. Труды его «Согласно ли с Евангелием действовал и учил Лютер?» (четыре издания); «История богослужбных песнопений православной католической восточной церкви» (два издания); Преподобный Нестор Летописец и русские летописи»; три сборника поучений, ряд статей, помещенных в журналы «Душеполезное чтение», «Владимирские епархиальные ведомости», «Владимирские губернские ведомости» и др. издания. Долгие годы вел переписку со святителем Феофаном Затворником, Был женат на Екатерине Гавриловне, дочери Киевского протоиерея и племяннице Рязанского архиепископа Смарагда (Крыжановского).

Флоринский Иван Алексеевич
(1793—1833)

В 1813 г. окончил Владимирскую Духовную семинарию. Преподаватель в семинарии с 1818 г. Также и священник Богородицкой семинарской церкви.

РЕЦЕНЗИИ. АННОТАЦИИ. СООБЩЕНИЯ

О. В. Кириченко

Рецензия на книгу Н. К. Чернышевой «Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805 – 1919 гг.)». Новосибирск, 2009. – 536 с.

Монография Надежды Константиновны Чернышевой относится к заметному явлению современной гуманитарной мысли, исследующей вопросы русской православной агиографии. По сути, автор впервые предлагает взглянуть на проблему агиографии комплексно, показывая святость как энергию созидания на конкретном месте, начиная от истоков формирования «культурного гнезда» на месте подвигов святого Иннокентия Иркутского до обозначения макропределов этого явления, которые обозначаются понятием «Святая Русь». Н. К. Чернышева берет за основу исследования исторический процесс формирования агиологических текстов, посвященных жизнеописанию святителя Иннокентия Иркутского. Читатель вслед за автором попадает не совсем в обычную лабораторию агиографического творчества. Это лаборатория еще мало описана исследователями, хотя на этом поприще вышло уже немало интересных работ¹. К особенностям метода работы Н.К. Чернышевой следует отнести особое отношение к тексту, он не господствует над автором исследования, а скорее служит научной базой для оправданно смелых

выходов за текстовое пространство, в область этнографии, истории, литературы, культурологии, краеведения. Вот почему, при том что в книге проведена кропотливая текстологическая работа над редакциями житий, читатель видит рядом с текстами житий и их создателей, и историческую и бытовую обстановку, и может наблюдать логику созидания новых текстов житий.

В первой главе «Ранние жития свт. Иннокентия и формирование книжной и рукописной традиции почитания святого» автор сосредотачивает внимание на личном вкладе свт. Иннокентия в культурную жизнь города и региона. Речь идет о нескольких феноменах: проповеднической деятельности святителя, собирании им библиотеки и ее судьбе в последующий исторический период; учреждение школ для детей, круг архипастырской и миссионерской деятельности святителя. В данном случае исследователь, по сути, создает свой идеальный вариант жития святителя Иннокентия, где все учтено, обозначено и систематизировано. Ведь никто из тех, кто участвовал в создании новых житий, такую задачу перед собой не ставил. Теперь же многие оригинальные выводы

⁶⁵ Федотова М. А. Житие святого Димитрия Ростовского (к вопросу об истории создания текста) (тезисы доклада) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2007. № 3 (29). С. 114–115; Она же. Димитрий Саввич, святой // Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007. С. 8–17, 18–23; Она же. К вопросу о Житии Никиты Столпника Переяславского // ТОДРЛ. Т. 58. СПб., 2007. С. 366–383; Она же. Житие Саввы Вишерского, Иов Новгородский, Савва Вишерский // Великий Новгород: история и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 179, 225, 425–426. Она же. Житие, почитание и прижизненные чудеса святого Димитрия Ростовского // Святитель Димитрий, митрополит Ростовский. Исследования и материалы. Ростов Великий, 2008. С. 273–310; Она же. Житие святого Димитрия Ростовского (к вопросу об истории текста) // ТОДРЛ. Т. 60. СПб., 2009. С. 150–182. Клосс Б. М. Избранные труды. Житие Сергия Радонежского. Т. 1. Очерки по истории русской агиографии. Т. II. М., 1998. Громыко М. М. Старец Феодор Кузьмич Сибирский (Томский) — император Александр I Благословенный. М., 2009.

автора вполне могут быть использованы в самых разных целях: дальнейшей популяризации трудов свт. Иннокентия, научной, художественной и духовной деятельности нового поколения людей, интересующихся жизнью и творчеством великого деятеля Русской Православной Церкви.

Автор монографии отмечает, что собственно плодотворнейшая архипастырская деятельность свт. Иннокентия, в том числе его глубоко подвижническая личная жизнь, стали основой для дальнейшего весьма многогранного процесса созидания культурного гнезда в Иркутске. Поскольку данная глава самым непосредственным образом посвящена текстологическому анализу редакций, автор здесь подробно показывает лабораторию агиографического творчества. Мы наблюдаем вслед за автором, как и за счет чего шло постепенное расширение источниковой базы для новых вариантов жития. При этом первоначальный, исходный текст все время служил необходимой основой для создания последующих вариантов. Автор обращает внимание и на то, что со временем житийный текст становился основой для биографического, в пору создания биографических словарей и это также важный культурный момент, имеющий отношения к агиографии в целом. В. О. Ключеский сетовал на то, что жития в силу их стандартности, клишированности дают историку минимум «биографической информации». Н. К. Чернышева отмечает, что житие свт. Иннокентия, как и средневековые жития, имеет свой стандартный набор, характерный для древнерусских житий. Вместе с тем здесь много конкретной исторической информации, поскольку почитателей памяти святителя интересовали эти подробности. Например, сюжеты, связанные с отъездом святителя в Китай, и перипетии вокруг его вынужденной задержки.

Вторая глава «Почитание святого Иннокентия и формирование иркутского “культурного гнезда” и культурное пространство страны», посвящена озвученной в научной литературе идее культурного гнезда. Но при этом автор значительно расширяет и углубляет это понятие. До этого культурное гнездо рассматривалось несколько в другом ключе. Фигура святого никогда не была объектом культурологической и этнографической интерпретации, как творца культурного гнезда. Это новаторский прием, примененный автором и принесший немало интереснейших выводов. По сути, автор наталкивает читателя на мысль об иерархии культурных гнезд, об особом значении таковых, созданных вокруг фигуры святого или святых, подвижников, о важности для формирования полноценного культурного гнезда такой фундамен-

тальной основы, как святыня или же святой. Не случайно этот мотив вполне сознательно реализовывался при основании новых городов в Древней Руси. Это традиция существовала вплоть до Петра Великого, который при основании Санкт-Петербурга, заложил в яму ковчежец с мощами св. апостола Андрея Первозванного и сверху установил крест. В данном случае почитание свт. Иннокентия Иркутского в Сибири сделало город местом, куда устремлялись и мыслью и реальным поклонением людские потоки в течение нескольких веков. Это духовное движение, нашедшее яркое отражение в текстах, и стало основой для создания культурной инфраструктуры Иркутска.

Святой, как основатель культурного гнезда, делает это по-своему, не так это получается у известных деятелей художественной культуры. Именно «делает», потому что в этом главное и самое существенное отличие святого как творца культурного гнезда. Он «зовет» к себе почитателей, не только опосредованно, через тексты (его и о нем), через память о земной жизни, через славу великого художественного творца, но — непосредственно. Благодать святого, на месте его упокоения, на всем, связанном с его именем и памятью, и является той «зовущей» силой (и автор это прекрасно показывает), которая делает зов непосредственным и однозначно субъектным. Люди приходят к святому не как к «памяти», а как к живому, когда просят его молитв, помощи, участия. И в этом случае процесс агиографического творчества существенно отличается от литературоведения.

В агиографии существенное значение имеет аспект народного почитания святого. Для чего автор монографии обращается к различным формам этого почитания у народа. Первенствующее значение имеет в народной стихии почитания паломничество к свт. Иннокентию с различных мест Сибири. Другой формой почитания является создание текстов о святом Иннокентии. Этот процесс длился практически весь исторический период, через некоторое время после кончины святого, начиная с 1805 г. и кончая 1919 г. Далее автор монографии выделяет общероссийские центры почитания святителя и вслед за этим переходит к рассмотрению российско-украинских связей. Таким образом, выделяются несколько форм почитания свт. Иннокентия, способствовавших созидаанию «иркутского гнезда»: это 1) и чисто народная, условно говоря, молитвенная, богомольная, 2) текстовая и 3) территориальная (связь с родиной святителя). В этом и заключается специфика исторического формирования культурного гнезда вокруг памяти святого. При этом автор говорит, что импульс

к созиданию культурного гнезда задал уже сам святитель, при жизни, когда создавал первую в Сибири библиотеку, школу и ряд других культурных традиций. Таким образом, Н. К. Чернышевой в данной главе было наглядно продемонстрировано, что агиография во многом определила культурное лицо традиционного Иркутска.

В третьей главе «Жития святого Иннокентия как отражение эволюции жанра» автор обращает внимание на жанр агиографии как явление, способное изменяться, трансформироваться, подчиняться закону времени. Эта глава весьма ярко характеризует исследовательские приоритеты автора монографии, не только как историка и текстолога, но и как прекрасного знатока русской православной агиографической традиции. Глава получилась историографически насыщенной, затрагивающей многие вопросы, касающиеся агиографии, как научного направления, впервые. Автор впервые говорит о тесной связи агиографии XIX в. с научной мыслью. В научном ключе работали как светские агиографы, так и церковные богословы. Проблема трансформации житий в новое время, столь древнего и консервативного жанра, проходила достаточно корректно и осторожно. Н. К. Чернышева показывает, что менялись лишь незначительные части житийных текстов (заменялись ораторские предисловия на историографическую часть). В целом же научные методы не разрушали традицию, а скорее добавляли новое в старые формы. Новые авторы житий опирались на разные источники, широко пользовались историческими сочинениями, обращались к официальным церковным документам (например, «Духовному Регламенту»), богослужебной литературе (службе святому и написанным на ее основе акафистам). Научные методы помогали и разысканию новых фактов (их обработке, анализу), и возможности реконструировать биографию святителя Иннокентия, обращаясь к косвенным историческим источникам. Автор отмечает, что внимание агиографов все более сосредотачивалось на аскетической стороне жизни святителя и выяснении истоков его подвижничества. Расширение рамок новых житийных текстов шло главным образом за счет углубления исторического фона эпохи, в которую жил свт. Иннокентий.

В данной главе автор приходит к важному выводу общего характера, о связи возрождения агиографического жанра с процессом возрождения традиций духовной жизни в России XIX в. Общественный, всё возрастающий интерес к агиографии хотя и связан был с научными успехами, но зависел в первую очередь от перемен в церков-

ной жизни. Эти признаки активизации духовной жизни в Сибири были налицо. Совершенно справедливо акцент при этом делается на исихазме как главном признаке этих перемен. Наиболее крупные агиографы не могли не быть в числе тех, кто сам стоял у истоков этих процессов и способствовал своей деятельностью пробуждению интереса к аскетике и жизни святых. В заключительной части третьей главы Н. К. Чернышева приходит к фундаментальным итогам своей монографии: тот агиографический ренессанс, что был связан с именем свт. Иннокентия Иркутского, указывает на то, что агиография в России к середине XIX в. вышла на новый этап. В общероссийском масштабе это явление только начинает изучаться, и тем ценнее путь, пройденный новосибирским автором. Н. К. Чернышева отмечает, что агиография нового времени имела целенаправленный характер, несмотря на разнообразие круга авторов-агиографов и задач, которые они ставили перед собой. Все агиографы сходились в одной точке соприкосновения, в одном понятии — Святой Руси. Это была общая деятельность по актуализации понятия «Святая Русь!» Агиография была важнейшим вектором многосоставного процесса по возвращению в общественное сознание высоких духовных идеалов прошлого, достояния всего русского православия, как церковного и общенародного достояния.

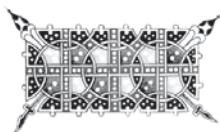
Четвертая глава «Деятельность Иркутского церковного братства во имя святителя Иннокентия по прославлению святого. Издания братства» носит уже более частный характер, чем предыдущая глава. Тем не менее в ней нашёл отражение еще один важный аспект, необходимый для понимания специфики функционирования агиографии в общественной среде. Ведь это научно-богословское направление не было узкокабинетной деятельностью, рассчитанной на ограниченный круг специалистов, оно скорее напоминало «агиографическое поле», на котором велась многообразная деятельность, неустанно трудились сотни людей, шла активная практическая работа. Рассматривая труды братства во имя свт. Иннокентия под углом зрения «сохранения памяти о святом», автор говорит о важности практической стороны, сопровождающей агиографию, что дополняет или расширяет наше понимание о градообразующей роли святого Иннокентия как творца «культурного гнезда» Иркутска. Руководители братства и братчики видели себя особо ответственными за духовное наследие свт. Иннокентия и тех традиций, которые он заложил. Революции 1905 и 1917 г. показали то, насколько важна и общественно полезна была деятельность братства.

Монографию Н. К. Чернышевой отличает живое изложение, искренняя и глубокая заинтересованность автора в неформальном раскрытии предмета исследования, желание донести до читателя (хотя и научным языком) свое удивление и восхищение чудом образа святого Иннокентия. Это же чувство, несомненно, двигало и теми агиографами, которые писали о жизни святого. Автор не со стороны, «объективно и беспристрастно», а изнутри представил читателю картину агиографического дискурса, связанного с именем свт. Иннокентия, что позволяет говорить о том, что агиографическая традиция продолжается и ныне, уже как плод достижений науки начала XXI в.

Книга сопровождается обширным приложением, небезынтересным читателю, поскольку многие представленные тексты сегодня малодоступны. Здесь же много ценных библиографических данных о конкретных людях, имевших отношение

к агиографии свт. Иннокентия. Оригинальным представляется и подготовленная автором схема взаимосвязи житийных текстов, где зримо прослеживается описанная в тексте агиографическая эстафета десятков светских и церковных имен, объединенных общим творчеством.

Монография Надежды Константиновны Чернышевой, безусловно, яркое и новое явление в научной агиографии, на которую будут ориентироваться многие последующие исследователи. Творческая лаборатория агиографов еще только приоткрывает свои завесы, и здесь ученых ждет множество открытий; перспективным становится рассмотрение значения подвижников и святых для цивилизационных процессов в России и влияния агиографии и агиологии на религиозное воспитание русского народа. Фундаментальный труд Н. К. Чернышевой дает возможность выйти на новый уровень понимания проблемы агиографии в России.

Н. В. Шляхтина

**Рецензия на монографию Т. А. Ворониной
«Русский православный пост:
от первых установлений к современной практике».
М.: Современные тетради, 2011. — 336 с.**

В печати впервые появился цельный, обобщающий научный труд по традиции русского православного поста — монография Татьяны Андреевны Ворониной «Русский православный пост: от первых установлений к современной практике» — явление важное во всех отношениях. Ученые и самый широкий круг читателей получили исследование о теории и практике православного поста в исторической перспективе, начиная с первых веков христианства и до наших дней. Автором проведена своего рода историческая реконструкция того, как в течение длительного времени, сложно и многопланово складывался этот церковно-общественный феномен. При этом, несмотря на столь внушительные исторические временные рамки, отделяющие современный русский православный пост от первоначальных норм раннехристианского поста, можно говорить, как замечает Т. А. Воронина, о непрерывности, общности традиции, укорененности современного поста в раннехристианских установлениях. Итак, речь идет о двухтысячелетней традиции, имеющей, однако, и свою динамику развития. Традиции и новациям, носящим этническую окраску, и посвящена данная монография.

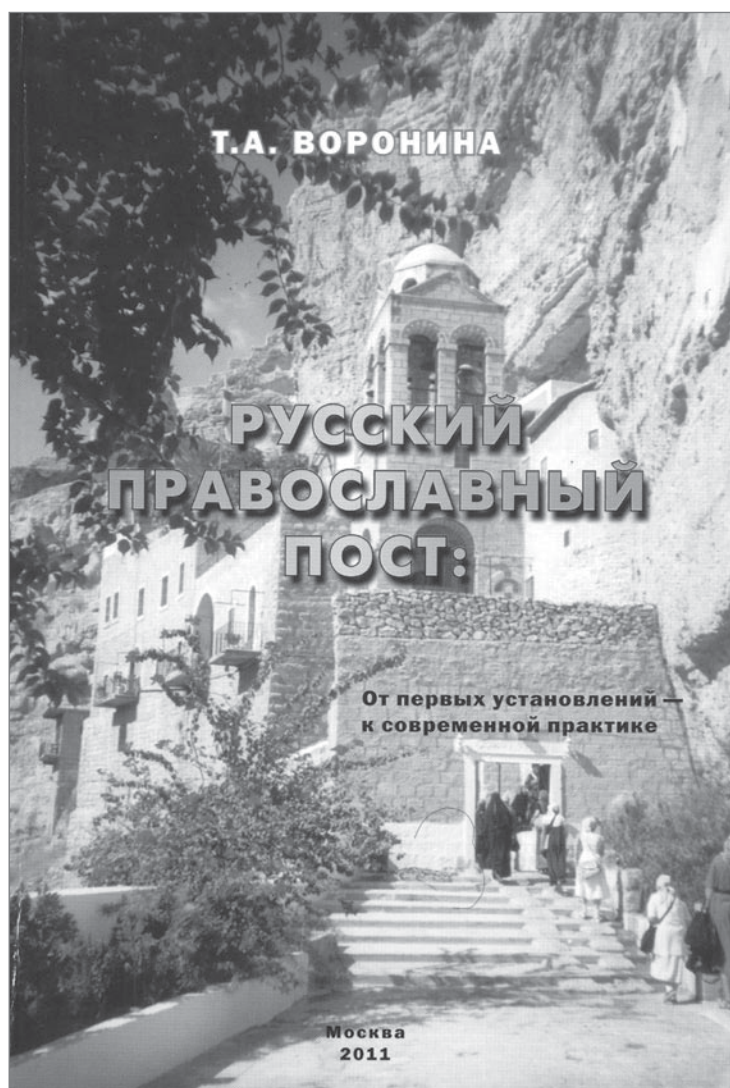
Чтобы выделить специфику рождения русского православного поста, автор исследует особенности социальных потребностей в посте в древнерусском обществе. Для этого важны свидетельства отношения к посту со стороны правящей элиты (власти), самого общества, подвижников благочестия, как важнейшей силы, организующей внимание общества и власти к значимости такого явления, как пост. Выявлены и документы, где фиксируются нормы древнерусского поста. Т. А. Воронина показывает, что хранителями культуры поста, древних установлений были не только документы, хранящиеся в монастырской

среде и княжеских книжных хранилищах, но и религиозная повседневная жизнь, главным образом насельников монастырей и, прежде всего, подвижников благочестия и вместе с ними всего монашеского сообщества и в целом, тех жителей Древней Руси, которые были ориентированы на высокие аскетические нормы религиозной жизни.

Массовый материал по посту могли дать только свидетельства последних двух веков, и поэтому автор строит практическую часть своего исследования, опираясь на документы XIX и XX столетий. В дореволюционный период важно было показать сословный аспект православного поста у русских и в большей степени, конечно, в крестьянской среде, наиболее массовой и традиционно консервативной. В силу того, что культура русского православного поста именно в дореволюционный период является своего рода классическим образцом, Т. А. Воронина совершенно справедливо выделяет несколько важнейших форм влияния поста на общественную и личную жизнь той эпохи. Пост также позволяет дать оценку глубины религиозной жизни. Автор показывает, что именно серьезное, духовное отношение к посту во многом порождает и такое мощное народное явление, как богомолье, являющееся своего рода формой постничества. Подвижническая жизнь продолжает и в новую эпоху, также как и в период Древней Руси, питать основы «постного мировоззрения», потому что народ в немалой степени оценивал труды подвижников именно мерой постовых воздержаний. А сюда входили и пища, и сугубая молитва, и уединение и претерпение лишений. Замечательны наблюдения автора в области влияния религиозных начал на нравственные. Пост оказывал серьезнейшее влияние на нравственные отношения в конкретной

социальной среде. Но особенно ясно это показано на примере крестьянского сословия. Именно пост, как сумма религиозно-мотивационных ограничений, которые русские крестьяне терпели ради Бога, породило, в конечном счете, те искомые этнические черты, которые выделяются как чисто русские черты. Пост, таким образом, был важнейшим модератором этнического процесса. Совершенно справедливо автор пишет и о демографических вопросах, обращаясь к материалам метрических книг, отмечая, что деторождение в народной среде также было привязано к череде непостовых дней, что влияло на физическую и духовную крепость русского этноса.

Часть IV монографии обращена к XX в., советскому периоду (1917–1991), времени испытания крепости русского православного поста, во многом объясняющему специфику современной эпохи. Пост для советской власти стал важнейшим объектом нападок, государственных запретительной и идеологической пропаганды. Пост не просто запрещали, как характерное проявление церковной жизни, о посте много писали «разоблачительных» статей идеологические работники, советские поэты и писатели. Репрессивные меры в отношении православной веры и Церкви влияли и на традицию поста. Вместе с репрессиями уходили нередко и активные носители аскетической традиции. Период Великой Отечественной войны отчасти ослабил давление на Церковь, и церковные традиции могли развиваться более открыто. Но последующие десятилетия новых гонений, опять поставили под удар и любые проявления церковного аскетизма. Пост опять попал под удары советских идеологов. Т. А. Воронина справедливо рассматривает пост в советское время, как общецерковное явление, и культура православного поста в этот период во многом зависела от степени гонений на Церковь и от экономических перипетий советской эпохи. Но и в эти сложные годы пост продолжал быть регулятором этнических процессов, показателем этнической культуры русских. Пост, в среде верующих, продолжали хранить в самые экономически неблаго-

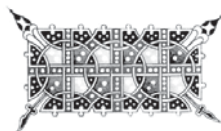
Обложка книги

приятные годы. Важнейший в первой главе (часть IV) параграф «Пищевой рацион» посвящен этому вопросу. В советский период, как и в предыдущие века, особое влияние на верующих, и на соблюдение постов оказывали подвижники благочестия. Во многом они выступали хранителями строгих норм и глубокого понимания поста (как ограничения в пище, как строгость и воздержание в социальной и нравственной жизни). Автор приходит к выводам, что и в советский период пост продолжал быть важнейшей частью религиозной жизни для русского человека, а культура поста, хотя и уничтоженная в массе раскрестьяненного населения, однако продолжала сохраняться в той части, которая была близка к подвижникам веры.

Выделим те основные моменты, которые отличают монографию Т. А. Ворониной. Автор книги впервые представляет историю и этнографию

русского православного поста как самобытного явления. Автор показала православный пост не только в его специфике русской церковной традиции и культуры, но и раскрыла этот феномен, как важнейший регулятивный механизм существования русского этноса, поскольку именно благодаря посту формировалась система нравственных норм, влияющих на формирование этноса в целом. Важным нам представляется то, что Т. А. Воронина сумела выделить в своей монографии некие особые константы, поддерживающие культуру русского православного поста на должном уровне. Во-первых, сюда она относит саму Церковь, как институт религиозной традиции, веры, церковных таинств; во-вторых, поддержкой постовой тра-

диции выступали во все века подвижники веры; в-третьих, в посте было заинтересовано само общество, сам этнос, в большей или меньшей степени, в разные эпохи. Пост ритмизировал народную хозяйственную жизнь (пост-мясоед) и в этом ритме был смысл гораздо больший, чем в перемене блюд с постных на скоромные, потому что за этим стоял народный календарь — фундаментальное установление народного бытия. Хотелось бы пожелать автору вместе с переизданием книги для современного читателя, чрезвычайно нуждающегося в подобной научной литературе, расширить теоретическую часть монографии, выделяя те положения, которые заслуживают большего внимания и обобщения.

Памятное слово архиепископа Истринского Арсения, сказанное им на отпевании чл.-корр. РАН Ярослава Николаевича Щапова

С большой печалью мы встретили известие о кончине Ярослава Николаевича. Но реальность есть реальность. Вспоминаются слова пророка Давида, которые он сказал обществу: «Лет жизни человека 70, от силы 80, остальное — труд и болезнь. По-видимому, это и выпало на долю Ярослава Николаевича в последние годы его жизни, когда ему пришлось переносить тяжелый недуг. Но он оставался верен своему призванию, своему энтузиазму по восстановлению родового имени и той науке, которой он посвятил свою жизнь. Я не был близким другом Ярослава Николаевича, но мне помнятся наши первые встречи на том еще не освобожденном от разрухи Валаамском подворье, когда мы в большой бытовой тесноте и скученности решали вопросы издания многотомной «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова).

У нас не было того, что имеет сегодня «Православная энциклопедия», такого обширного помещения, технически оснащенного, с отдельными кабинетами для сотрудников разных специализаций, но нас сближало сотрудничество, чувство локтя друг друга, понимание и ответственность перед обществом за то дело, которое мы начали. В Русской Православной Церкви, конечно, останется память о Ярославе Николаевиче как о родоначальнике этого доброго начинания, который позже, необыкновенно активно, с энтузиазмом, поддержал издание Православной энциклопедии, а также идею возрождения Фонда святителя Макария (Булгакова).

И вот сегодня, когда мы говорим об этом человеке, столь много сделавшем в научном мире, в области исследований, мы невольно сожалеем, что мало общались с ним, не очень, может быть, достаточно уделяли ему внимания. И вот, случилось непоправимое и пришло чувство скорби. Скорбь эта ощущается не только нами, она разделяется многими, и я хотел бы зачитать собо-

Ярослав Николаевич Щапов

лезнование Святейшего Патриарха Кирилла, выраженное им директору Института российской истории, научному сообществу, родным и близким Ярослава Николаевича Щапова.

«Уважаемый Николай Васильевич! Узнав о кончине члена-корреспондента Российской академии наук Ярослава Николаевича Щапова, выражаю Вам, друзьям и соротникам почившего, искреннее соболезнование. Ярослав Николаевич был выдающимся историком и снискал себе заслуженное уважение в мировом академическом сообществе. Его труды по истории нашего государства, Русской Православной Церкви, Византии, древнерусскому праву внесли весомый вклад в отечественную историческую науку. Почивший умел — даже в трудное время гонений на веру — говорить языком науки

об историческом наследии Православия. С благодарностью вспоминаю наши совместные труды в Императорском Православном Палестинском обществе. Милосердный Господь да подаст упокоение новопреставленному, а всем его близким поможет пережить боль утраты».

*Кирилл,
Патриарх Московский и всея Руси.*

К сказанному Святейшим Патриархом хочу добавить, что Ярослав Николаевич был не только созерцательным, но и деятельным, практиком, активным гражданином, который участвовал во всех тех церковных событиях, которые оставляют след в истории. Для членов редакционного совета «Православной энциклопедии» печально слышать о кончине Ярослава Николаевича, чело- века мысли и просветителя.

Ярослав Николаевич был потомственным дворянином и кавалером Ордена Святой Анны. Здесь присутствуют представители Московского Дворянского собрания, которые также пришли поклониться святой памяти Ярослава Николаевича. У вас может вызвать недоумение, что при отпевании будет произноситься не имя Ярослав, а Георгий. Имя Георгий покойный принял при крещении. Надеюсь, что после крещения и после изменения имени Ярослав Николаевич смог для себя открыть Горний Иерусалим, а мы ему говорим последнее: «Прости и прощай!». Мы возносим свою молитву, чтобы Господь упокоил его душу там, где нет печали и вздыхания, но жизнь вечная. К этой молитве за почившего мы призываем и всех вас, дорогие мои.

*3 сентября 2011 г.
Собор Богоявления в Елохово. Москва*

